

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА АРХЕОЛОГИИ, ЭТНОГРАФИИ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ЛАБОРАТОРИЯ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ ЮЖНОЙ СИБИРИ

АРИДНАЯ ЗОНА
ЮГА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
В ЭПОХУ БРОНЗЫ
(СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛТАЙСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Барнаул-2003

ББК

Ответственный редактор:

доктор исторических наук Ю.Ф. Кирюшин

Редакционная коллегия:

кандидат исторических наук С.П. Грушин

кандидат исторических наук А.Б. Шамшин

Д.В. Папин (ответственный за выпуск)

Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы: сборник научных трудов / Под ред. Ю.Ф. Кирюшина. — Барнаул: Изд-во Алт. гос.ун-та, 2003 — 200 с.

ISBN

В сборнике опубликованы научные статьи подготовленные по проблемам взаимодействия древнего населения Западной Сибири в эпоху бронзы. В научный оборот вводятся новые данные по погребальному обряду, материальной культуре и искусству, предлагаются различные подходы и оценки процессов культурогенеза проходивших на территории Западной Сибири и сопредельных территориях в эпоху поздней бронзы.

Сборник подготовлен и издан в рамках проекта Российского гуманитарного научного фонда (№ 03-01-00475а) «Аридная зона юга Западной Сибири в бронзовом веке: проблемы культурогенеза и исторических связей», а так же темы НИР кафедры археологии, этнографии и источниковедения «Формирование раннекочевнических обществ степной полосы Северной Азии в эпоху бронзы — раннем железном веке».

На обложке — антропоморфное изображение из погребения Кораблик I (статья С.П. Грушина, В.В. Кошенева в этом сборнике).

Содержание

<i>В.В. Бобров, Л.Н. Мельникова, В.П. Мельников</i> К вопросу об ирменской культуре Кузнецкой котловины	4
<i>С.П. Грушин, В.В. Кокшенев</i> Захоронение с антропоморфной скульптурой в Среднем Причумыше	35
<i>Г.Е. Иванов</i> Керамический комплекс поселения Солтово-1	49
<i>Ю.Ф. Кирюшин, С.П. Грушин, П.К. Дашковский</i> Бронзовые предметы со станции Развилка (Верхнее Приобье)	57
<i>Ю.Ф. Кирюшин, Д.В. Пагин, О.А. Позднякова, А.Б. Шамшин</i> Погребальный обряд древнего населения Кулундинской степи в эпоху бронзы	62
<i>А.Л. Кунгуров, Д.С. Раднер</i> Памятники бронзового и раннего железного веков в окрестностях с. Алтайское (Алтайский район)	86
<i>Д.В. Пагин, С.П. Грушин</i> Ирменский комплекс на памятнике Тегулский Вез-1	93
<i>Е.А. Сидоров, О.И. Новикова</i> Неопубликованные материалы поселения Митованово-3	104
<i>С.М. Ситников</i> Поселение Советский Путь-1 и некоторые вопросы происхождения и культурно-исторических контактов саргаринско-алексеевского населения	125
<i>Т.Н. Троицкая, Т.В. Мжельская</i> Керамический комплекс городища Завьялово-5	145
<i>А.Б. Шамшин</i> Поселение Фирсово XVII и проблемы формирования корчажкинской культуры на Верхнем Оби	155
<i>Ю.В. Ширин</i> Типы поселений эпохи поздней бронзы и «переходного периода» на юге Кузнецкой котловины	170
Литература	185

В.В. Бобров, Л.Н. Мельникова, В.П. Мельников

(Кемеровский государственный университет,

Институт археологии и этнографии СО РАН)

К вопросу об ирменской культуре Кузнецкой котловины

Ирменская культура — одна из самых изученных культур эпохи бронзы Западной Сибири. С момента ее выделения Н.Л. Членовой (1955) накоплен довольно большой корпус источников. Несмотря на то, что проблема ее происхождения неоднократно освещалась в научной литературе, единого мнения по этому вопросу не сложилось. Широкий ареал распространения культуры способствовал тому, что исследователи процесс ее формирования рассматривали в соответствии с материалами локального района. В настоящей статье нет необходимости давать историографию данной проблемы, она достаточно полно и неоднократно освещалась в специальной литературе. Не менее сложным является выделение локальных районов в ареале ирменской культуры, проблема которых была достаточно обоснованно поставлена Н.Л. Членовой (1973, с. 207–209). Выделенные В.В. Бобровым две территориальные группы памятников — восточная и западная — являются частичным решением данной проблемы на определенном таксономическом уровне (1991; 1992). В настоящее время, благодаря активным исследованиям барнаульской школы археологов, накоплен качественно новый фонд ирменских источников, который позволяет наполнить содержанием алтайский или барнаульско-бийский локальный вариант ирменской культуры. В восточной части ирменского ареала — Кузнецкой котловине — выделен инской вариант ирменской культуры (Мартынов, 1964, с. 122–133; 1966, с. 164–182; Савинов, Бобров, 1981, с. 122–135), правомерность существования которого вряд ли вызовет сомнения. В изучении ирменской культуры Кузнецкой котловины так же как и для других районов ареала проблематичными остаются как общие так и частные вопросы (хронология, происхождение, культурные контакты, социальная организация и демографические процессы и др.), которые, возможно, удастся решить на основе новых репрезентативных источников. В некоторой степени к их числу относятся материалы одного из крупнейших могильников ирменской культуры на территории её распространения — Танай-7.

В течение нескольких полевых сезонов Тогучинский археологический отряд Северо-Азиатской комплексной экспедиции Института археологии и этнографии СО РАН проводил охраняемые раскопки на курганном могильнике Танай-7. Памятник расположен в Тогучинском р-не Новосибирской области, на обширной террасе западного берега оз. Танай (Танаево или Танаев пруд) в 330 м от береговой линии оз. Танай, в 2,2 км к ЮЗ от трассы республиканского назначения Новосибирск — Ленинск-Кузнецкий, в 4 км от д. Журавлево Кемеровской области, (рис. 1–2). Могильник входит в круг памятников Танайского археологического микрорайона. Примерно в 800 м к северо-востоку расположены поселения Танай-4 и Танай-4А, а в 200–250 м — могильник Танай-12, раскопки которых в течении многих лет проводит экспедиция Кузбасской лаборатории археологии и этнографии Кемеровского государственного университета и Института археологии и этнографии СО РАН под руководством д.и.н В.В. Боброва (См., например, Бобров, 2002, с. 224–228; Бобров, Умеренкова, 1998, с. 197–200; Бобров, Жаронкин, 1998,

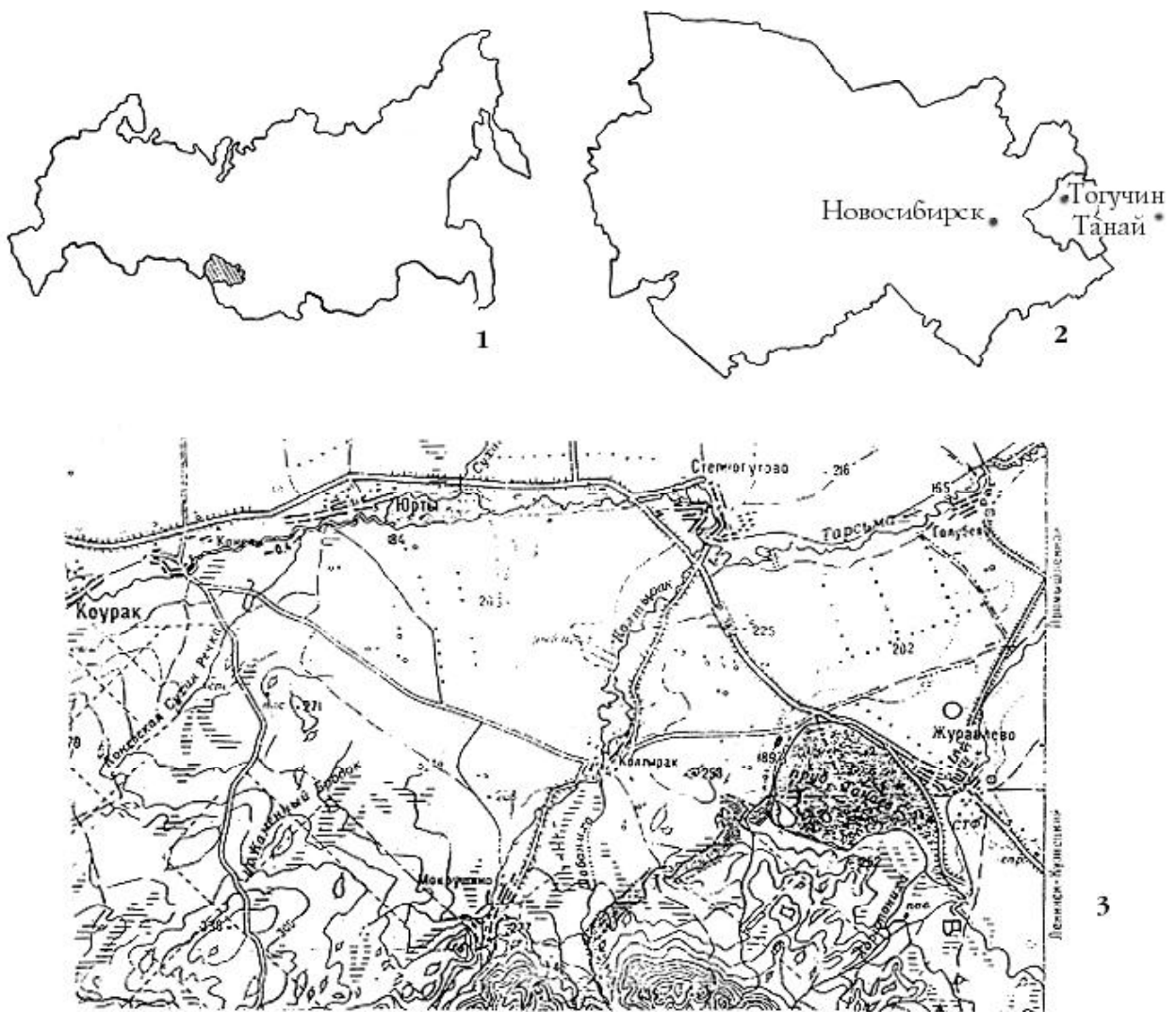

Рис. 1. 1 – Местонахождение Новосибирской области на карте РФ; 2 – Местонахождение Тогучинского р-на на карте НСО; 3 – Местонахождение курганного могильника Танай-7

с. 187–190; 1999, с. 253–257; 2002, с. 234–236; Бобров, Горяев, 2000, с. 226–230; Бобров, Мыльников, 2001, с. 240–243; Бобров, Горяев, Умеренкова, 2002, с. 229–233). С 1996 г. по 2001 г. исследование всех памятников Танайского археологического микрорайона, в том числе и могильника Танай-7, осуществлялось совместно по проекту ФЦП «Интеграция».

Могильник Танай-7 содержал 24 кургана (это только визуально определяемые объекты) и практически полностью исследован. Он отличается не только количеством курганов среди других ирменских погребальных памятников, но и размерами отдельных курганных сооружений. На нераспаханной части два кургана имели высоту более 1 метра, а один из них диаметр более 40 м. В настоящее время на могильном поле Тогучинским отрядом вскрыто 16 насыпей диаметром до 20 м, общей площадью более 2000 кв. м, под которыми исследовано 70 погребений носителей ирменской культуры.

Из всех раскопанных объектов организация курганного пространства и особенности погребального инвентаря курганов №№ 5, 9, 12, 23–24 дают возможность проследить происхождение и направление культурных связей ирменцев Кузнецкой котловины.

Курган 5. Овальная, сильно задернованная насыпь, вытянутая по линии запад-восток (рис. 3). В центральной части была яма, скорее всего, современная. При разборке насыпи в северо-восточном секторе на глубине 19 см обнаружено углистое пятно размерами 1,65x0,6x0,11 м. Юго-восточнее его в 0,4 м было золистое пятно размерами 1,1x1,25 м, перекрывавшее, как выяснилось позже, погребения 3 и 4. В северо-восточном секторе на глубине 34 см найден целый сосуд, а на глубине 43 см — еще два сосуда. Под насыпью кургана зачищено девять ям и семь погребений.

Погребение 1. Совершено в каменном ящике с двойными стенками. Каждая стенка внутреннего ящика состоит из одной плиты сланца, поставленной вертикально. У внешнего ящика западная стенка из одной плиты, остальные из двух. Западная стенка внешнего ящика из самой крупной плиты имеет заметный наклон наружу, остальные наклонены вовнутрь. Сверху ящик перекрыт двумя плитами сланца (рис. 4,1). Погребение ребенка сильно потревожено грызуном, кости плохой сохранности. Среди них найдены две бронзовых бусины-пронизки и бронзовая полоска (рис. 5,1–3).

Погребение 2. Грунтовое, на уровне погребенной почвы. Размеры 1,1x0,5 м (рис. 4,2). Положение погребенного — скорченное на правом боку, головой на юг. Ноги сильно подогнуты, причем правое колено находилось почти на уровне груди. Интересная деталь — череп отделен от костяка и лежал выше уровня костяка, лицевой частью вниз. Рядом с ним, с правой стороны, на уровне погребенной почвы стоял круглодонный сосуд. На фаланге пальца найдено бронзовое кольцо, а под костями грудной клетки — бронзовая крица.

Погребение 3. В деревянной прямоугольной раме в один венец, поставленной на уровне древней почвы, ориентированной длинными сторонами по линии север-юг. Размеры: 1,6x0,9 м (рис. 4,3). Захоронен взрослый человек. Положение погребенного — скорченное, на правом боку, головой на юг. Сильно потревожено грызуном, поэтому некоторые кости смещены со своих анатомических мест. На уровне костей голени зафиксирован крупный фрагмент керамики.

Погребение 4. Рядом с погребением 3, с восточной стороны, захоронение ребенка в прямоугольной одновенцовой раме из бревен. Размеры 0,75x0,6 м (рис. 4,4). Сильно разрушено грызуном, кости сдвинуты со своих анатомических мест, череп раздавлен. Найдена бронзовая бусина-пронизка (рис. 5,4).

Погребение 5. Совершено в одновенцовой прямоугольной деревянной раме, поставленной на уровне погребенной почвы. Рама длинными сторонами ориентирована по линии север-юг. Размеры рамы: 1,4x1,1 м (рис. 4,5). Сожжение на стороне. Сильно кремированные кости располагались компактной кучкой в центральной части у восточной стенки. Среди костей найдена бронзовая бляшка-пуговица, бронзовый наконечник, 33 бусины-пронизки с сохранившимися фрагментами участков на тонком кожаном ремешке (рис. 5, 5–6).

Погребение 6. Очевидно было совершено в деревянной раме, от которой сохранились лишь отдельные небольшие полусгнившие фрагменты. Примерные размеры 0,85x0,6 м (рис. 4,6). На уровне погребенной почвы захоронен ребенок. Кости очень плохой сохранности. Умерший, вероятнее всего, лежал на правом боку в скорченном положении, головой на юг. В ногах погребенного, в северо-восточном углу стоял керамический сосудик. Еще один целый и развал сосуда находились на уровне черепа. На уровне костей рук найдено бронзовое проволочное кольцо.

Погребение 7. В деревянной раме очень плохой сохранности, поставленной на уровне погребенной почвы. Размеры 1,45x0,85 м (рис. 4,7). Захоронен взрослый человек. Череп отсутствует. Сильно разрушено грызуном, поэтому некоторые кости сдвинуты со своих анатомических мест. В северной части погребения лежал раздавленный керамический сосуд. В пределах рамы, но на некотором расстоянии от костяка, найдены бронзовый наконечник и бронзовая бляшка-пуговица, два бронзовых кольца (рис. 5,7-9, 19).

Курган 9. Почти не имел рельефных признаков и был выбран лишь по наличию на нем большого камня (рис. 6,1). Под насыпью кургана, представленной темно-серой супесью, большей частью в западной части, встречены обломки костей и зубов животных, точильный камень, обломок нуклеуса, пять фрагментов керамики. В пределах курганного пространства в южной части была зафиксирована материковая яма 1, содержащая в заполнении кости и зубы животных. Размеры ямы — 0,55x0,8x0,1 м. В восточной части кургана зафиксировано большое углистое пятно, расположенное, как оказалось впоследствии, над погребением 4. Под насыпью кургана выявлен ряд из четырех могил, ориентированный по линии юго-восток — северо-запад.

Погребение 1 (рис. 6,2). На уровне древней поверхности, на площадке, размерами 0,5x0,3 м, без каких-либо погребальных конструкций сконцентрировано скопление кальцинированных косточек ребенка. Здесь же стояли два сосуда (рис. 7,10-11).

Погребение 2 (рис. 6,3). Прямоугольная деревянная рама с деревянным покрытием. Размеры 1,0x0,74 м, ориентирована длинной осью по линии север-юг с отклонением к западу. Внутри рамы обнаружены кальцинированные детские косточки, которые располагались по всей площадке могильного пространства как в виде порошкообразной массы, так и в виде небольших фрагментов костей, но в центральном участке могилы залежали плотным скоплением. Судя по размерам конструкции и остаткам костей, можно предположить, что произведено захоронение ребенка, кремированного на стороне. В центральной части погребения обнаружено незамкнутое бронзовое кольцо из проволоки, а в южной — керамический сосуд (рис. 7,4,9).

Погребение 3 (рис. 6,5). В центральной части кургана в деревянной прямоугольной раме с деревянным продольным покрытием, размерами 1,2x0,7 м. Рама была сложена из бревен, концы которых выступали за пределы коротких стенок. У западной стенки на расстоянии 0,32 м были зафиксированы остатки столба такой же сохранности, как и погребальное сооружение. Внутри рамы обнаружены кости скелета человека. Отсутствовал череп и большая часть верхней части скелета, в анатомическом порядке лежали только кости ног, часть таза и позво-

ночника. Погребенный, очевидно, лежал в скорченном положении на правом боку, головой на юго-запад. В северо-восточном углу погребения найден целый сосудик, а в центре, ближе к западной стенке, — бронзовое незамкнутое кольцо из проволоки и бронзовый нож-кинжал (рис. 7, 1, 12).

Погребение 4 (рис. 6, 4). В восточной части кургана под углистым пятном в деревянной прямоугольной раме с деревянным перекрытием. Размерами 1,1x0,8 м. Внутри могильного пространства обнаружен скелет человека. Значительная часть костей скелета отсутствовала. В южной части погребения находилась часть нижней челюсти, несколько костей позвоночника и ребра, в анатомическом порядке располагались лишь кости ног. Погребенный, скорее всего, лежал в скорченном положении на правом боку, головой на юго-запад. В юго-западном углу погребения находился раздавленный сосуд. А недалеко от челюсти — бронзовая обкладка какого-то предмета, состоящая из трех частей (рис. 7, 3, 5, 6, 8).

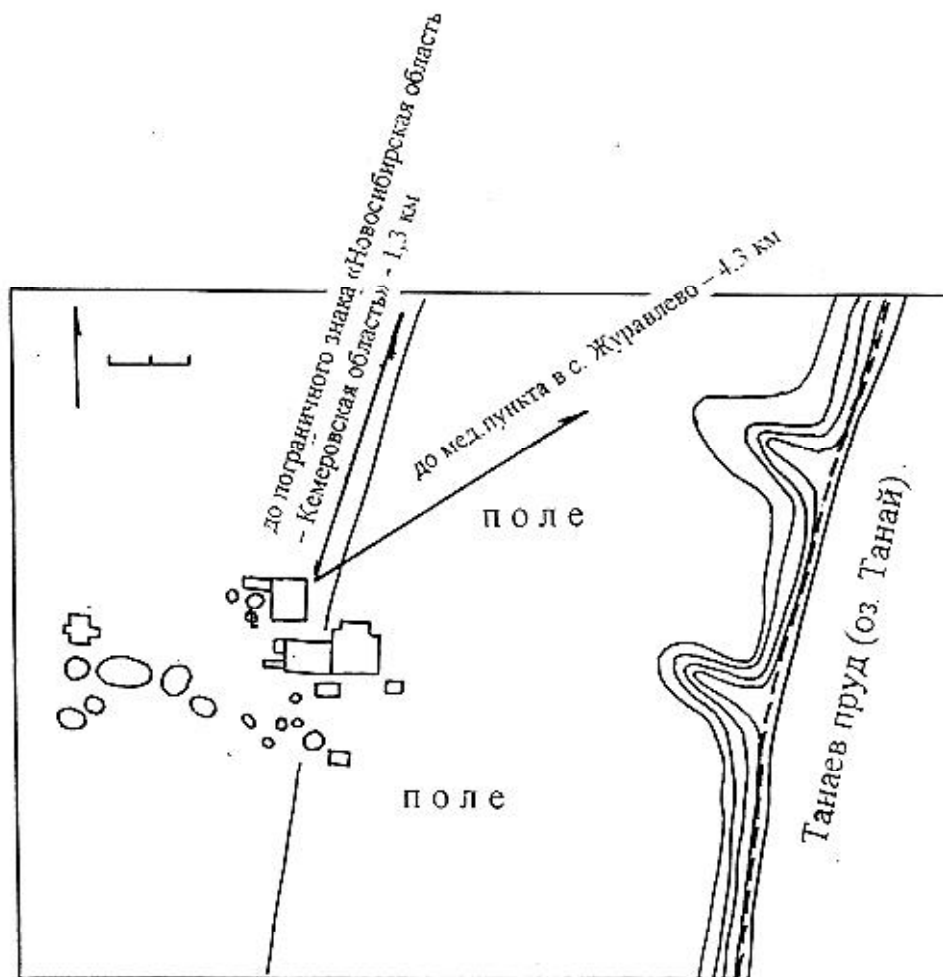
Курган 12. Находился в восточной части могильника. Насыпь его почти не читалась на поверхности и была определена в основном по плану. Курган раскапывался не по кругу, а был заключен в прямоугольный раскоп размерами 10x12 м, длинной стороной ориентированный по линии запад-восток (рис. 8, 1).

При разборке насыпи в обоих секторах встречались камни небольших размеров, особенное их скопление отмечено в северном секторе, однако какой-либо закономерности в их расположении не прослежено. В северном секторе отмечено скопление костей животных. По всей площади раскопа встречались фрагменты или зубы животных, в южном секторе обнаружен фрагмент неорнаментированной керамики.

Погребение 1 (рис. 8, 2). Обнаружено в западной части южного сектора. Грунтовое. Совершено чуть выше погребенной почвы на плотной, хорошо утрамбованной площадке, состоящей из мешаной с каменной крошкой почвы. Погребение детское. От умершего сохранились лишь фрагменты костей черепа, фрагмент челюсти с шестью зубами (три молочных и три — постоянных) и фрагменты костей ног. Судя по расположению фрагментов костей черепа, погребенный был ориентирован головой на юго-запад. По определению к.б.н. Т.А. Чикишевой, захоронена девочка 3–4 лет. С погребенной были обнаружены две бронзовые бляшки-пуговицы, два бронзовых браслета, гвоздевидная подвеска, три бронзовых лапчатых привески с бронзовыми кольцами из проволоки, бронзовая игольница с обломком иглы, а также развал сосудика, нижняя часть которого хорошо сохранилась. Внутри сосуда на дне лежал обломок лезвия бронзового ножа (рис. 9, 1, 2, 4–7, 9–13).

Погребение 2 (рис. 8, 3) находилось в 0,3–0,4 м западнее первого на той же плотной площадке. Погребение совершено в деревянной раме с деревянным перекрытием из плах. Ориентировано по линии север-юг с отклонением к востоку. Западная стенка и перекрытие рамы разрушены (скорее всего грызунами, их гнезда и ходы четко фиксировались по площади раскопа, особенно в южном секторе). От погребенного сохранились лишь кости ног и фрагмент челюсти. Захоронен взрослый человек более 40 лет. С погребенным обнаружены фрагменты одного сосуда, рассредоточенные в южной, центральной и восточной частях рамы (рис. 9, 8).

После зачистки площади раскопа выяснилось, что площадка, на которой были совершены погребения, имеет: 1) форму овала, вытянутого по линии ряда захоронений, 2) форму невысокой насыпи, поднимающейся к центру. Высота ее в центральной части составляла 0,23 м (над уровнем погребенной почвы). При разборке площадки находок не обнаружено.

1

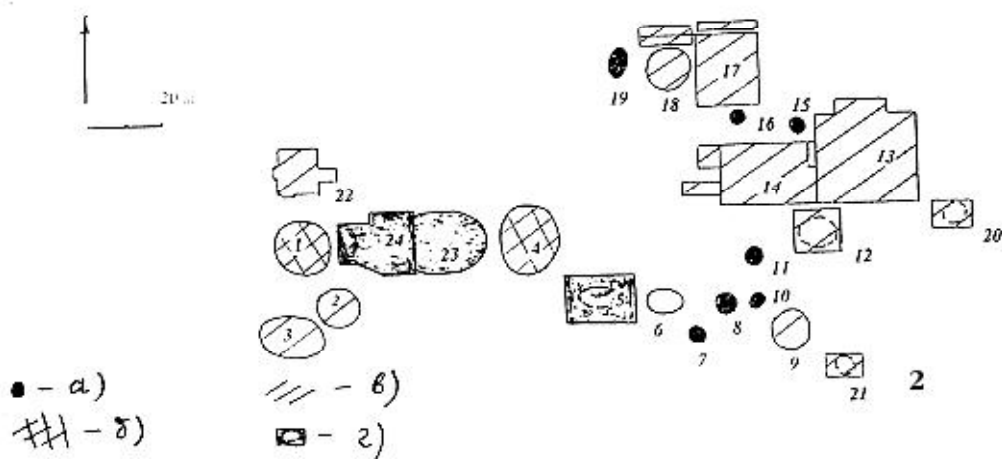

Рис. 2. 1 – Ситуационный план курганного могильника Танай-7; 2 – Схема расположения раскопов на курганном могильнике Танай-7: а) не раскопанные курганы; б) раскопы 1993-1994 гг.; в) раскопы 1995 – 2000 гг.; г) раскопы 2001 – 2002 гг.

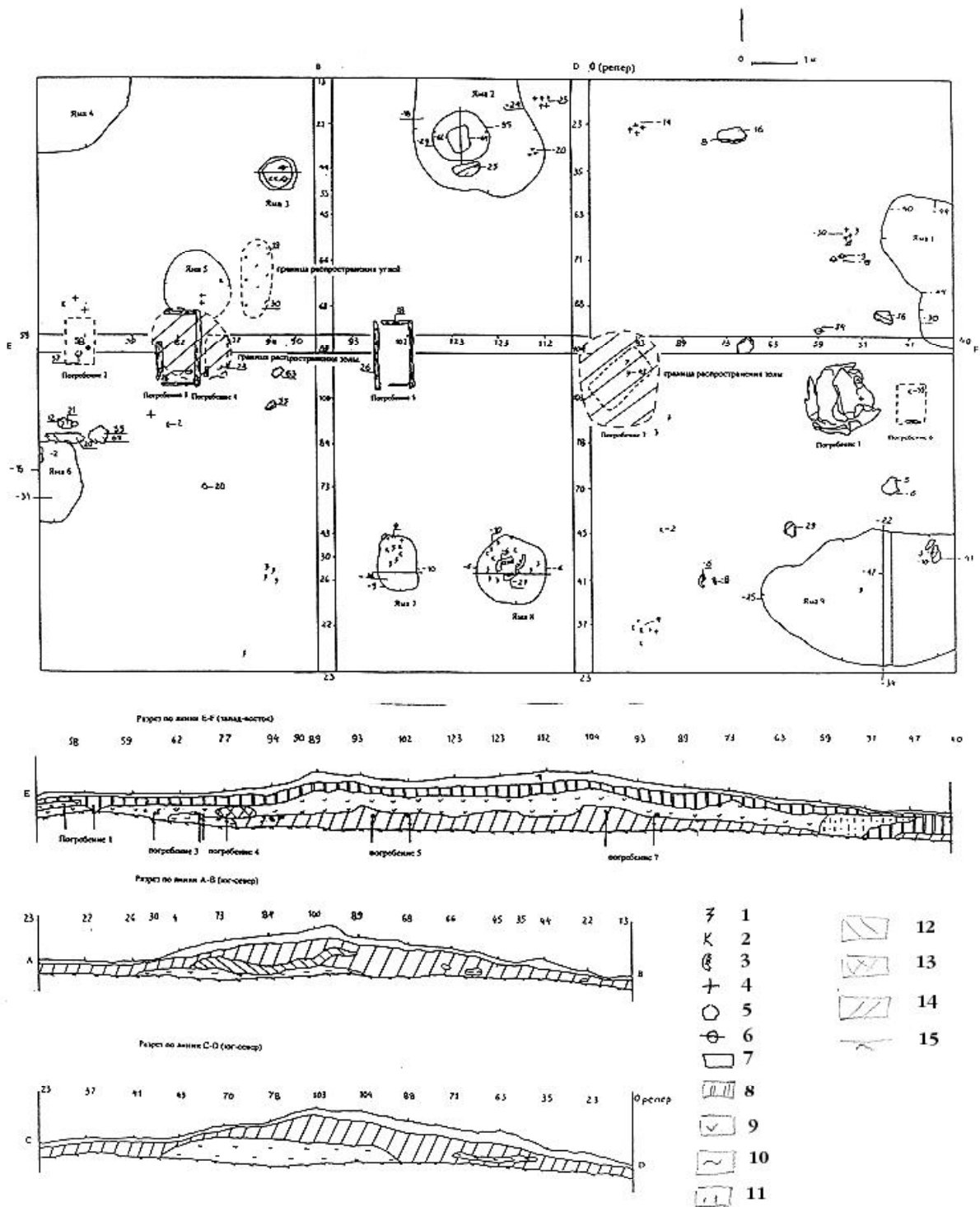

Рис. 3. Новосибирская обл., Тогучинский р-он; Курганный могильник Танай-7. План и стратиграфические разрезы кургана 5: 1) зуб животного; 2) кость животного; 3) челюсть животного; 4) фрагмент керамики; 5) камень; 6) развал сосуда; 7) дерново-пахотный слой; 8) мешанная желто-черная супесь; 9) черная супесь; 10) плотная желто-черная почва; 11) желто-серая мешанная почва; 12) листовая почва, перемешанная с черной супесью и каменной крошкой; 13) желтый суглинок с каменной крошкой; 14) мешанная черная почва с суглинком и каменной крошкой; 15) материк – желтый суглинок с каменной крошкой

Объект 23–24. Расположен в южной цепочке могильника. Длинный вытянутый по линии запад-восток объект, разделенный перетяжкой. Высота насыпи — до 0,6 м. Северная подошва сооружения сильно подпахана. На поверхности прослеживались две западины-ямы и выкиды возле них, очевидно, современные. Также видны были части двух больших камней. Объект подобной формы — единственный на могильнике, поэтому не было уверенности, что это курган. Для раскопа была выбрана западная часть сооружения до перетяжки, которая разделяла его как бы на две части, каждой части присвоен свой номер (23–24, соответственно). Впоследствии была прирезана еще часть кургана. Следует отметить, что данное сооружение по своим размерам — одно из самых больших и высоких на памятнике: высота насыпи достигает до 1,2 м. Однако, несмотря на это, и этот объект, как и все другие, был подвергнут распахке. Но достаточная высота, очевидно, спасла его от ежегодного разрушения. Курган распахивался очень редко.

Так как прирезка была сделана после исследования основного раскопа, описание дано последовательно.

Курган 23 (рис. 10). После снятия пахотного слоя в юго-восточном секторе, в восточном углу, на глубине 1,50 м обнаружен большой орнаментированный фрагмент сосуда (объект 1) и камень 0,2х0,15х0,07 м. В разных местах сектора найдено еще пять каменных плит. При разборке второго штыка в юго-восточном секторе, в центре, в заполнении насыпи кургана на уровне погребенной почвы обнаружен раздавленный сосуд (рис. 12,23), а в 1,2 м западнее его — нижняя челюсть коровы. В восточной части — золистое пятно с размерами, примерно, 3х3 м подквадратной формы. Толщина слоя — до 0,15 м. В его заполнении встречено большое количество фрагментов керамики (рис. 12,25) и кости животных (плечевая кость коровы, обл. диафиза, 1-я и 2-я фаланги коровы, обломок нижнего конца лопатки коровы; обломок кости таза лошади; нижний суставной эпифиз берцовой кости овцы и семь неопределимых обломков) (Определения костей животных проведены мл.н.с. сектора бронзы и железного века Сибири ИАЭТ СО РАН С.К. Васильевым). На уровне погребенной почвы под этим зольником зафиксированы три погребения человека. Через них прошла нора большого грызуна. Погребения уходили под бровку и в северо-восточный сектор. В этом секторе, почти в его центре, на уровне материка, зачищены две кости животных.

В северном секторе, в западном углу, зафиксирована кладка из каменных плит, уходящая под стенку раскопа. С северной части кладки, в 15 см от нее, лежала часть нижней челюсти коровы.

В южном секторе, в южной части, зафиксировано скопление каменных плит, одна из которых довольно больших размеров 0,5х0,4х0,1 м. Еще один камень найден у бровки. В западном углу этого сектора отмечен материковый выкид 1,5х1,5 м (очевидно, своим происхождением связанный с сооружением материковой ямы № 1. Под ним находилось скопление керамики (объект 2), состоящее из довольно мелких фрагментов, которые впоследствии были подклеены и образовали две третьих части сосуда (рис. 12,24).

В центре раскопа, во всех четырех секторах расчищено большое золистое пятно, размерами 4,2х7,4х0,15 м. В его заполнении обнаружен развал сосуда. Вместе с сосудом найдено несколько костей животных. При разборке золистого пятна встречены кости коровы, овцы, лошади, птицы; зубы и фрагменты челюстей лошади, коровы, фрагменты керамики, часть из которых — от одного сосуда, а также шейный позвонок и неполная плюсневая кость человека. Этот зольник, как выяснилось позже, перекрывал четыре погребения.

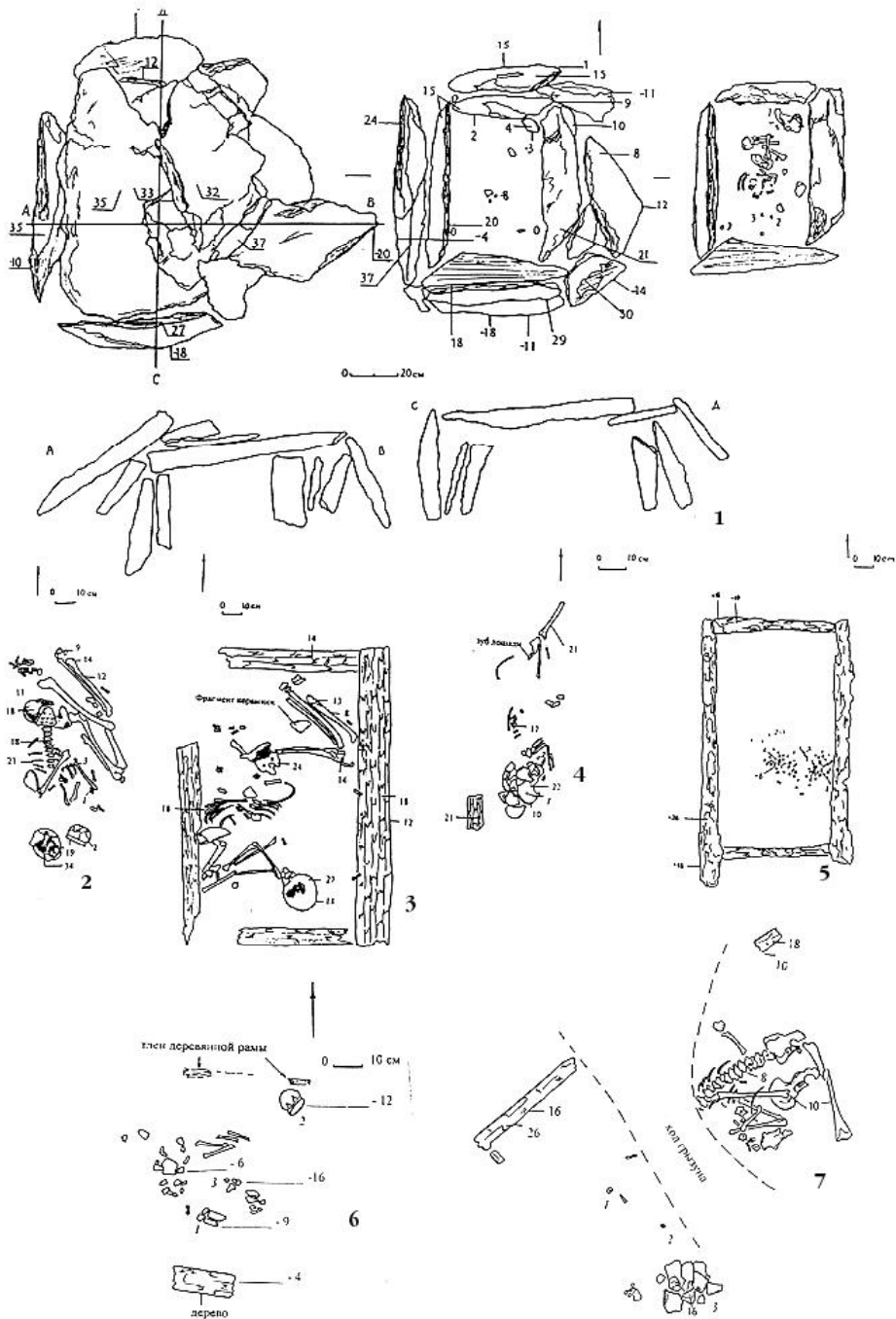

Рис. 4. Новосибирская обл., Тогучинский р-он; Курганный могильник Танай-7. Планы погребений. 1 – погребение 1 в каменном ящике: 1-2 – бронзовые бусины-пронизки; 3 – бронзовая полоска; 2 – погребение 2: 1 – бронзовое кольцо на фаланге пальца; 2 – керамический сосуд; 3 – погребение 3: 3 – погребение 3: 4 – погребение 4: 1 – обломок бронзового кольца; 2 – бронзовая пронизка; 5 – погребение 5: 1 – бронзовый наконечник; 2 – бронзовая бляха-пуговица; 3 – бронзовые бусины-пронизки; 6 – погребение 6: 1-2 – керамические сосуды; 3 – бронзовое кольцо; 7 – погребение 7: 1 – бронзовый наконечник; 2 – бронзовая бляха-пуговица; 3 – бронзовое кольцо

Под насыпью кургана в пределах первоначального раскопа оказались восемь погребений, две каменные кладки, две ямы, скопление керамики (объект 2).

Была сделана прирезка, оставлена еще одна бровка по линии север-юг. При расчистке насыпи прирезки в юго-западном секторе зафиксировано несколько фрагментов керамики, часть нижней челюсти косули, продолжение южной каменной кладки, продолжение ямы 2 и скопление керамики в ней (объект 3). В северо-восточном секторе обнаружено погребение человека, продолжение северной кладки камней и часть нижней челюсти коровы. Как выяснилось в ходе раскопок — это одно сооружение — каменная кладка в форме буквы «П», длинной стороной ориентированная по линии север-юг.

После разборки бровок объектами исследования стали: каменная ограда, две ямы, девять погребений.

Яма 1. Расположена в юго-восточной части раскопа, в 2 м севернее погребений 5 и 6. Размеры: 2,2х2,1 м. Неправильной овальной формы. Стенки: западная — отвесная, восточная — пологая. Дно — неровное. Глубина — 0,20–0,25 м. Заполнение — серая мешаная почва. Находок нет.

Яма 2. Расположена в юго-восточной части раскопа. Размеры — 5,15х4,2 м. Стенки: северная и западная — отвесные, южная и восточная — пологие. Дно — чашеобразное. Как уже было сказано, через северную часть ямы проходит каменная кладка. Большая часть дна ямы была заложена фрагментами нижних челюстей и отдельных зубов коровы, костями (четыре длинных кости ног). Почти в центре ямы, на дне, лежал необычный для данной местности камень. По определению геолога Н.А. Кулик (устная информация), это — сильно окварцованная яшмовидная порода с включениями гематита. Подобные породы всегда встречаются на выходе железных руд. Ближайшее местонахождение находится примерно в 60 км южнее памятника.

Под насыпью кургана обнаружено девять погребений, пять из которых образовывали ряд, ориентированный по линии запад-восток, три — смещены к югу, как бы образовывая другой ряд, одно погребение этого ряда ориентировано по линии восток-запад со смещением к северу. Все погребения совершены на уровне погребенной почвы, но дно погребения 3 было углублено в материк на 0,25 м.

Погребение 1 (рис. 11,1). Очевидно, было совершено в прямоугольной деревянной раме, от которой сохранились лишь фрагменты западной и восточной стенки. Ориентировано длинными сторонами по линии север-юг с отклонением к востоку. Примерные размеры: 1,15х0,8 м. Погребен взрослый человек, большинство костей которого сохранили анатомическое положение. Череп отсутствовал. Лишь в южной части погребения лежала нижняя челюсть. Со своего места сдвинута лучевая кость и два позвонка. Погребение было совершено скорченно, на правом боку, головой на юг. В области груди обнаружена бронзовая бляшка (рис. 12,6).

Между погребениями 1 и 2 находилось бревно размерами 1,2х0,25 м, ориентированное по линии север-юг.

Погребение 2 (рис. 11,2). Расположено в 1,5 м северо-западнее погребения 1. От деревянной рамы зафиксирована лишь часть западной стенки. Примерные размеры: 0,8х0,8 м. Захоронены два ребенка. Сохранились кости черепа, рук, ног, позвонки, ребра, но все — в беспорядочном положении. В северо-западном углу погребения стоял вверх дном сосуд (рис. 12, 9,26). Вокруг него лежали четыре коровьих альчика, еще три — как выяснилось позже, были помещены в сам сосуд. Среди костей человека найден альчик лошади, плоская кость животного, фрагмент дна сосуда и обломок бронзового пластинчатого браслета.

Погребение 2а (рис. 11,2). Находилось в 0,6 м восточнее погребения 2, на 0,15 м ниже его по уровню. Прямоугольная рама с продольным покрытием, размерами 1,2х0,65 м, длинными сторонами ориентированная по линии север-юг с отклонением к востоку. Концы длинных бревен рамы выступали за пределы коротких. Хотя перекрытие сохранилось лишь частично в северной части погребения, хорошо прослеживаются остатки коры, т.е. перекрытием служили неошкуренные горбыли. Захоронен был, очевидно, маленький ребенок: сохранилось лишь два фрагмента черепа в южной части погребения и две косточки рук. В области головы стоял маленький сосудик (рис. 12,27).

Погребение 3 (рис. 11,3). Располагалось в 0,4 м к северо-западу от погребения 2а. Совершено в деревянной раме с перекрытием из горбылей. Бревна рамы были сильно обожжены. Размеры: 0,6х0,4 м. Длинными сторонами ориентированы по линии север-юг. Под перекрытием заполнение погребения составляла мешаная почва с угольками и кусочками дерева, никаких костей не зафиксировано, но найдена бронзовая пуговица (рис. 12,2).

Между погребением 3 и 4 лежало бревно, размерами 2,2х0,25 м, ориентированное по линии север-юг.

Погребение 4 (рис. 11,5). Располагалось в 2,8 м западнее погребения 3. Совершено в деревянной раме, длинные стороны которой выступали за пределы коротких, с продольным перекрытием. Перекрытие в южной части погребения и рама — в северной несут следы огня. Размеры погребения: 1,7х0,9 м. Ориентировано по линии север-юг с отклонением к востоку. От погребенного взрослого человека сохранились несколько фрагментов костей черепа, плечевая кость, часть лопатки.

Погребение 4а (рис. 11,4) располагалось в 1,2 м к юго-западу от погребения 4 и находилось с ним под одним зольником. Очевидно, было совершено в деревянной раме, от которой сохранились южная стенка и часть северной, с продольным перекрытием. Примерные размеры: 1,5х0,8 м. Ориентировано длинными сторонами по линии запад-восток с небольшим отклонением к северу. Ни костей, ни предметов не обнаружено.

Между погребениями 4 и 5 располагалось бревно, размерами 2,15х0,3 м, ориентированное по линии север-юг с отклонением к востоку.

Погребение 5 (рис. 11,6). Располагалось в 2,8 м восточнее погребения 4. Прямоугольная деревянная рама, западная длинная сторона которой выходила за пределы коротких, с продольным перекрытием. Размеры: 2,1х1,2 м. Длинными сторонами ориентировано по линии север-юг с отклонением к востоку. Погребение парное. Захоронены взрослый и ребенок. Взрослый лежал на правом боку, с подогнутыми ногами. Череп отсутствовал, другие кости — в анатомическом порядке. Ребенок, очевидно, занимал такое же положение, но от скелета сохранились лишь кости ног, таза, рук и россыпь зубов. В юго-западном углу погребения стоял сосуд. В южной части — найдено шесть бронзовых пронизок (выполняющих роль бусин), две небольших бронзовых гвоздевидных подвески и пластинчатое бронзовое кольцо (рис. 12,4,13–16,19–21,28).

Погребение 6 (рис. 11,8). Располагалось в 0,2 м западнее погребения 5. Деревянная прямоугольная рама. Размеры: 1,1х0,8 м. Длинными сторонами ориентирована по линии север-юг с легким отклонением к востоку. Погребен взрослый человек, лежал на правом боку, с подогнутыми ногами, с согнутыми в локтях руками. В юго-восточном углу стоял сосуд. На черепе погребенного находились бронзовая гвоздевидная подвеска, бронзовая бляшка-пуговица, три бронзовых пронизки-бусины, две пронизки. На фаланге пальца обнаружено бронзовое проволочное кольцо, еще одно, сломанное — в области кисти рук (рис. 12,3,5,8,10–12,18).

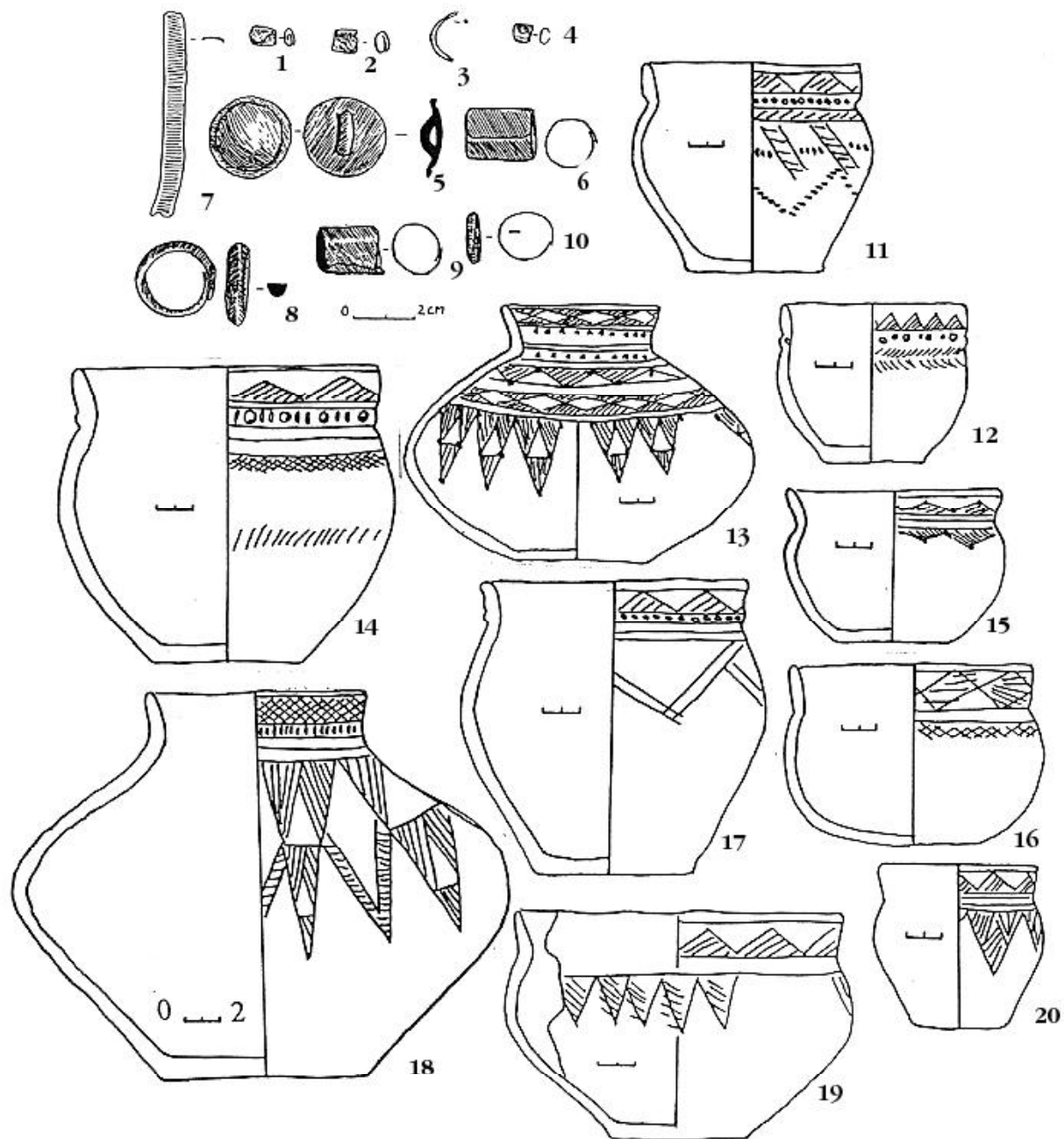

Рис. 5. Новосибирская обл., Тогучинский р-он; Курганный могильник Танай-7.
 Вещи из насыпи и погребений курганов 5и 24. 1 – 10 – бронза; 11 – 20 – керамика.
 1 – 3 – погр. 1; 4 – погр. 4; 5-6 – погр. 5; 7-9, 19 – погр. 7; 11 – курган 24, объект 1;
 13, 16, 18 – яма 3; 12 – объект 1; 14, 17 – объект 2; 15 – курган 24, объект 6; 20 – погр. 6;

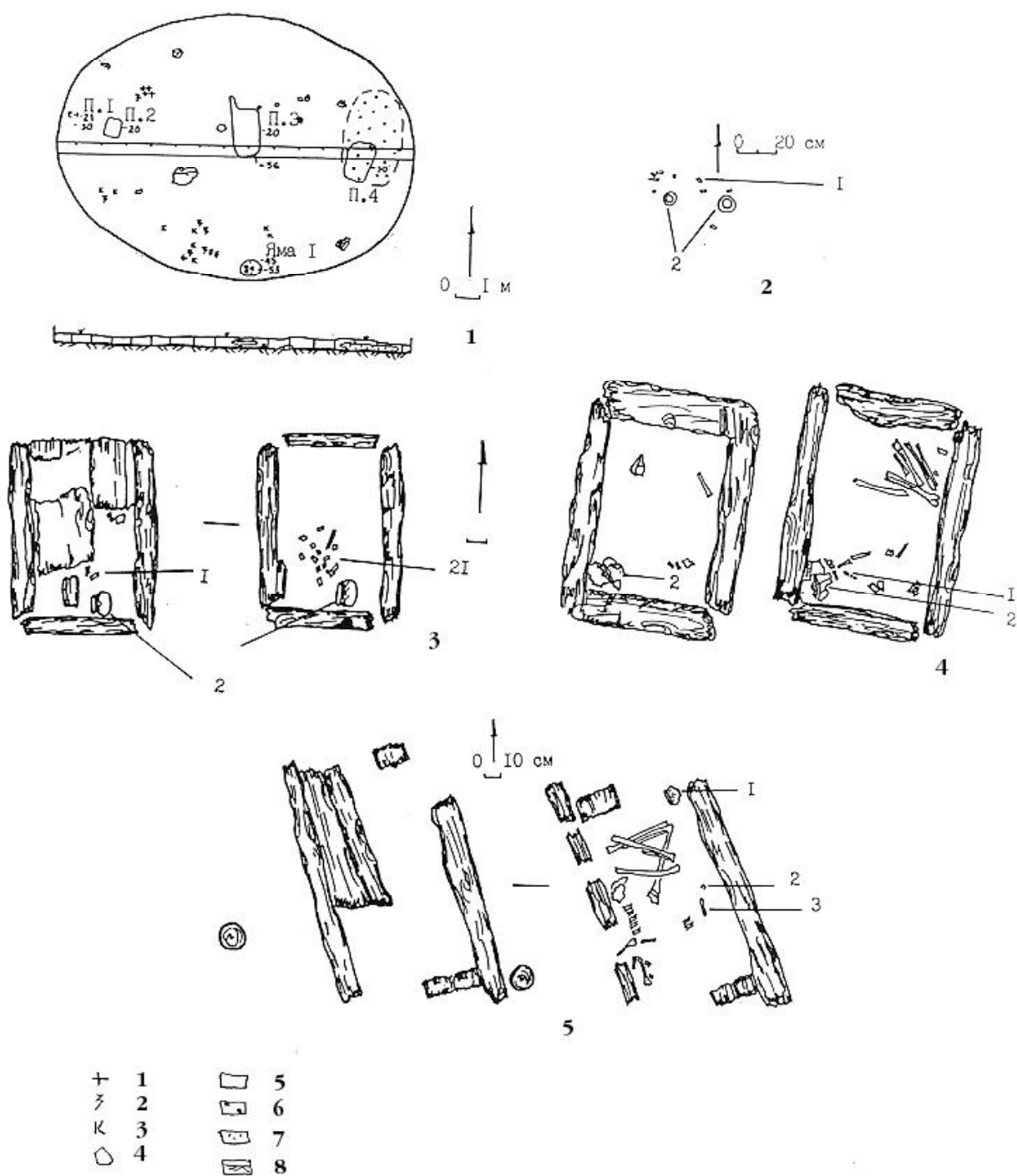

Рис. 6. Новосибирская обл., Тогучинский р-он; Курганный могильник Танай-7.

1 – план и разрез кургана 9: 1 – фрагмент керамики; 2 – зуб животного; 3 – кости; 4 – камень; 5 – погребенная почва; 6 – золистая почва с угольками; 7 – суглинистая почва; 8 – материк – желтый суглинок; 2 – план погребения 1: 1 – жженные кости; 2 – керамические сосуды; 3 – план погребения 2: 1 – жженные кости; 2 – керамический сосуд; 3 – бронзовое кольцо; 4 – план погребения 4: 1 – бронзовая обкладка; 2 – развал керамического сосуда; 5 – план погребения 3: 1 – бронзовый нож; 2 – бронзовое кольцо; 3 – развал керамического сосуда

Погребение 6 и 7 разделяло бревно, размерами 1,6x0,2 м, ориентированное по линии север-юг.

Погребение 7 (рис. 11,7). Располагалось в 2,8 м к западу от погребения 6, в 0,6 м от длинной стороны каменной кладки. Деревянная рама (плохой сохранности), прямоугольной формы, размерами 1,45x1,1 м, длинными сторонами ориентирована по линии север-юг с небольшим отклонением к востоку. Парное погребение взрослых особей. Черепа отсутствуют. В анатомическом порядке — только нижние части скелетов. Очевидно, погребенные лежали на правых боках с подогнутыми ногами. В юго-восточном углу погребения найден бронзовый нож. Среди разбросанных фаланг пальцев — пластинчатое бронзовое кольцо и пронизка-бусинка, бронзовая бляшка-пуговица (рис. 12,1).

Курган 24 (рис. 13). Данное сооружение конструктивно тесно связано с курганом 23 (Бобров, Мыльникова, Мыльников, 2001, с. 224–230) (рис. 17). В насыпи кургана в северо-восточной части зафиксировано мощное золистое пятно, размерами 7x5 м, содержащее фрагменты керамики, обломки костей животных. Как выяснилось впоследствии, зольник перекрывал два погребения полностью (1 и 3) и одно частично (2). Кроме этого под насыпью обнаружены два целых сосуда (один — у бровки север-юг в северной части кургана, другой — в юго-западной), один развал сосуда в западной части кургана и восемь верхних челюстей животных. Под насыпью кургана на уровне погребенной почвы расчищены каменная ограда и 10 погребений, два из которых совершены в каменных ящиках, один — в полуящике.

Раскопано 10 погребений. Они располагались в четыре ряда. Первый ряд (северный) составляли погребения 1 и 3; второй — 2 и 10; третий — 5, 6, 8; четвертый — 4, 7, 9. Два погребения (1 и 7) совершены в каменных ящиках, погребение 6 — в полуящике, остальные — в деревянных рамах. Погребение 3 с востока и юга было отделено от других бревнами. Сохранившаяся длина одного из них — 2,3 м, диаметр — 0,25 м. Еще один фрагмент бревна находился между погребениями 1, 2, 8. В кургане 23 были зафиксированы отдельно лежавшие бревна, четко делившие погребения на группы. В данном случае в кургане 24 такого четкого деления на группы не наблюдалось.

Погребение 1. Каменный ящик, все стенки которого, за исключением северной, двойные. Перекрыт одной большой плитой размерами 1,5x0,8 x 0,15 м. Внешние размеры ящика: 1,15x1,00x0,56 м. С южной стороны ящика была установлена стела из необычной для данной местности гранитоидной породы размерами 0,37x0,4x0,22 м (рис. 14). Погребение сильно потревожено грызуном. Трупосожжение, произведенное на стороне. Кремированные кости располагались двумя компактными кучками. Одна из них находилась внутри сильно поврежденного огнем ирменского сосуда. В юго-восточном углу ящика стоял целый сосуд накрытый сланцевой плиткой округлой формы (0,17 x 0,17 x 0,015 м) (рис. 16,23,24).

Погребение 2 (рис. 15,1). Деревянная рама с перекрытием из полубревен. Размеры 1,5x0,95 м. Западная стенка. Погребен взрослый человек, в скорченном положении, на правом боку, головой на юго-юго-запад. Череп отсутствовал, остальные кости сохранили анатомическое положение. В ногах погребенного, в северо-восточном углу рамы стоял керамический горшок без орнамента. Под костями грудной клетки найдена бронзовая бусина-пронизка (рис. 16,2,25).

Погребение 3 (рис. 15,4). Деревянная рама, длинные стороны которой с севера выступали за короткие на 20 см, а с юга — на 40–60, перекрыта полубревнами. Размеры 2,1x1,5 м. На перекрытии, в северо-восточной части стоял большой керамический сосуд с сосудиком внутри.

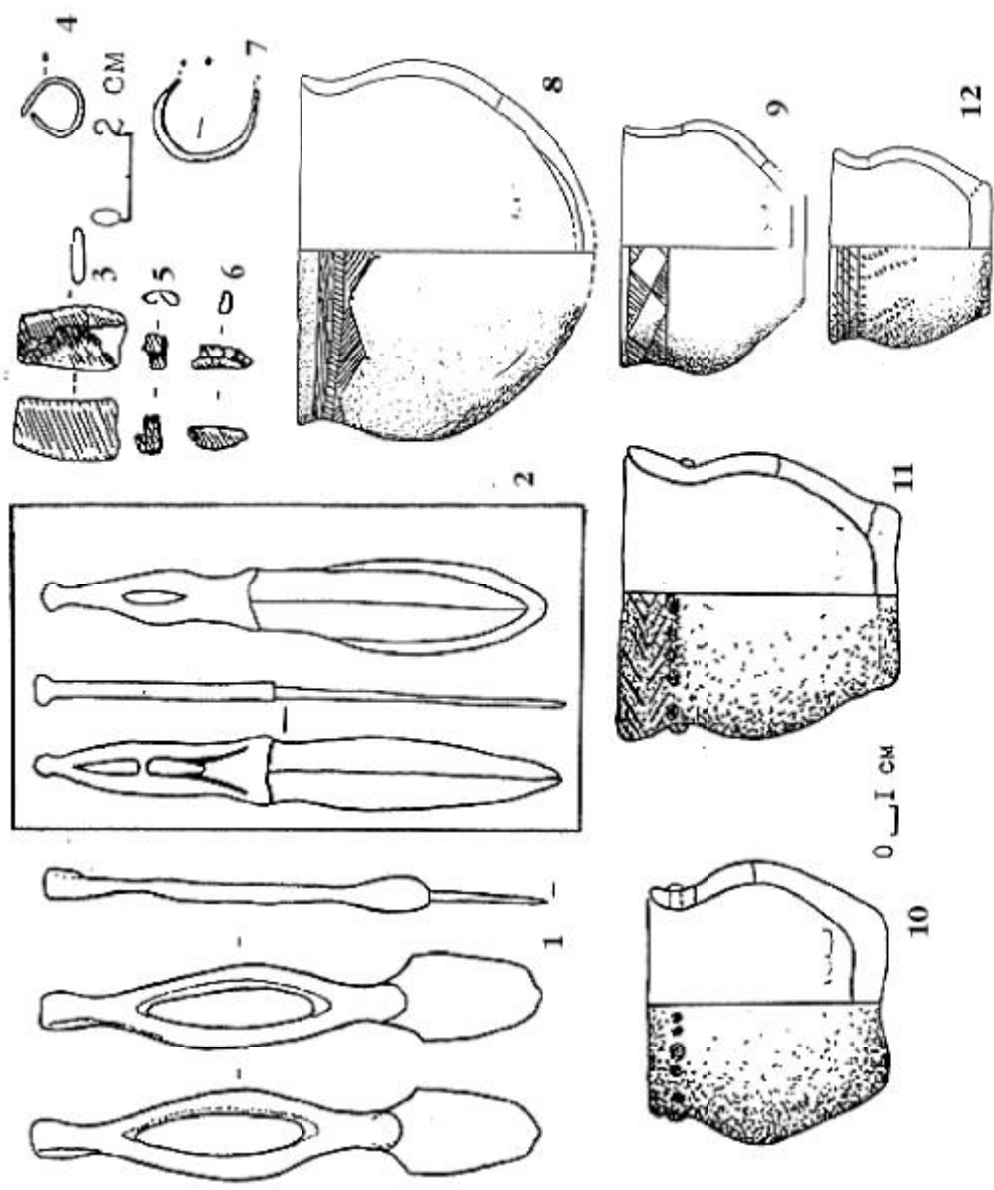

Рис. 7. Новосибирская обл., Тогучинский р-он; Курганный могильник Танай-7. Вещи из погребений кургана 9. 1-7 – бронза; 8-12 – керамика. 1, 12 – погребение 3; 2 – Новопопавловский могильник (Поволжье); 3, 5, 6, 8 – погребение 4; 4, 9 – погребение 2; 10, 11 – погребение 1

Погребенный лежал на правом боку, в скорченном положении, головой на юг. На левой стороне черепа обнаружено бронзовое височное кольцо. Под черепом найдена бронзовая гвоздевидная подвеска. На фаланге пальца – бронзовое кольцо (рис. 16,3–5,7,13).

Погребение 4 (рис. 15,2). Деревянная рама, от которой сохранились части западной и восточной стенок. Размеры 1,3х0,6 м. Погребенный лежал на правом боку, в скорченном положении, головой на юго-юго-восток. Обнаружены обломок лезвия бронзового ножа, бронзовое кольцо на фаланге пальца, бляшка-пуговица (рис. 16,6,8,12).

Погребение 5 (рис. 15,3). Деревянная рама, стороны которой фиксировались по полосам древесного тлена. Примерные размеры 1,1х0,8 м. В анатомическом порядке сохранились кости ног, несколько позвонков, кости рук, несколько ребер и фаланги пальцев. Найдено бронзовое кольцо на фаланге пальца и бусина-пронизка (рис. 16,9,11).

Погребение 6 (рис. 15,5). Деревянная рама была помещена в каменный полуящик, сланцевые плиты которого укрепляли ее с восточной и южной сторон. Размеры рамы 0,8х0,5 м. Погребенный ребенок лежал в скорченном положении. Кости очень плохой сохранности. В скоплении костей обнаружено бронзовое кольцо и три бронзовых бусины-пронизки (рис. 16,10, 14–16).

Погребение 7 (рис. 15,8). Совершено в каменном ящике, наполовину перекрытом сланцевой плитой, размерами 0,65х0,75х0,1 м. Внешние размеры ящика: 1,0х0,6х0,5 м. Погребен ребенок. Кости очень плохой сохранности, потревожены грызуном. Очевидно погребенный лежал в скорченном положении, на правом боку, головой на юго-юго-восток. Находок нет.

Погребение 8 (рис. 15,6). Деревянная рама, от которой сохранилась восточная стенка и половина западной. Примерные размеры 1,6х1,2 м. В анатомическом порядке находились только кости ног, фрагмент таза, позвончика, плечевой кости и фаланги пальцев. На одном из них найдено бронзовое кольцо, изготовленное из широкой полосы, свернутой в трубку и загнутой в полтора оборота (рис. 16,21).

Погребение 9 (рис. 15,9). Узкая деревянная рама продольно перекрыта длинными полубревнами, выходящими за пределы южной стенки на 0,5 м. Размеры рамы 1,4х0,6 м. Ориентирована длинными сторонами по линии северо-северо-восток — юго-юго-запад. Захоронен подросток. Погребенный лежал в скорченном положении, на правом боку, головой на юг с небольшим отклонением к западу. На лобной части черепа сохранилось большое пятно окисла бронзы, но самого бронзового предмета не обнаружено. На уровне груди найдена бронзовая полоска (часть браслета), на фаланге среднего пальца левой руки (часть кисти мумифицирована) — бронзовое проволочное кольцо, среди ребер — две бусины-пронизки (рис. 16,17–20).

Погребение 10 (рис. 15,7). Деревянная рама, от которой сохранились лишь западная и южная стенки, ориентирована по линии север-юг. Размеры 1,3х1,05 м. В южной части рамы на беспорядочном скоплении костей взрослого человека лежал череп на правом боку, обращенный лицевой частью на юго-восток. Находок нет.

Большинство исследованных курганов могильника Танай-7 по форме и метрическим данным практически не отличаются от других курганов ирменской культуры Кузнецкой котловины: на памятнике преобладают курганы округлой формы, но есть и длинные, овальные. Под насыпями встречено от 1 до 18 погребений.

Предварительный анализ организации курганного пространства выявил некоторые особенности могильника Танай 7.

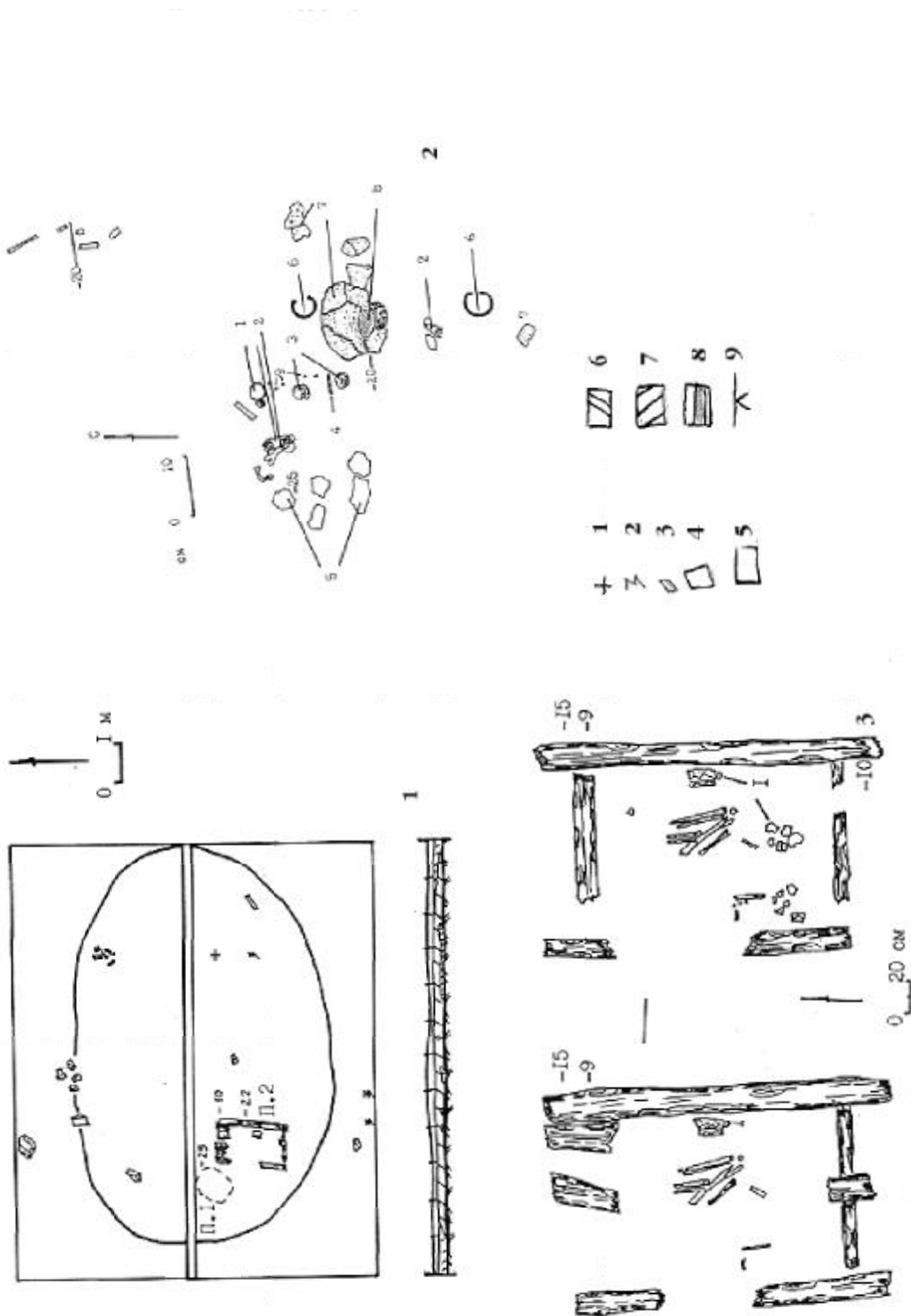

Рис. 8. 1 – план и разрез кургана 12: 1 – фрагмент керамики; 2 – зуб животного; 3 – кость; 4 – камень; 5 – пахотный слой; 6 – мешанная с каменной крошкой плотная почва; 7 – мешаный – желтый суглинок; 8 – погребенная почва; 9 – материк желтый суглинок с каменной крошкой; 2 – план погребения 1 кургана 12: 1 – бронзовая гвоздевидная подвеска; 2 – бронзовые лапчатые подвески; 3 – бронзовые бляхи-ки-пуговицы; 4 – бронзовая игольница с иголкой; 5 – фрагменты детского черепа; 6 – бронзовые браслеты; 7 – развал керамического сосуда; 8 – обломок бронзового ножа; 9 – бронзовые пронизки; 3 – план погребения 2 кургана 12: 1 – развал керамического сосуда

Общеизвестно, что организация курганного пространства и архитектуры кургана - составная часть погребального обряда. В этой процедуре можно выделить два основных момента: 1) – маркировка внешних границ погребального комплекса; 2) – формирование непосредственно самого сакрального пространства внутри этих границ. В соответствии с порядком, установленным канонами погребального обряда, носители ирменской культуры внешние границы маркировали путем сооружения ям, ровиков, канавок — углублений различной формы и глубины, редко — в виде каменных оград — кольцевых выкладок из вертикально установленных плит. Возможно, так же для этих целей использовали грунтовую подсыпку или дерновую кладку. Последние способы труднее всего проследить из-за многолетней ежегодной распашки государственных и частных полей, на которых располагаются курганы.

Ямы — самый распространенный прием разметки — встречены на 10 курганах. Чаще всего ямы располагались по периметру курганного пространства, имели округлую, овальную или неправильную форму. В 80% случаев — пустые. Редко в ямах находились сосуды, камни, угольки, кости и черепа животных. Показательна яма кургана 14, которая содержала трехслойное захоронение 16 черепов лошадей и несколько костей ног животных. Лобные кости большинства черепов проломлены (Бобров, Мыльникова, Горяев, 1997, с. 144–149). Захоронение или жертвоприношение лошадей, а также их черепов характерная особенность погребального обряда ирменских захоронений танайского микрорайона (Бобров и др., 1993), но чаще они встречены в курганах Таная-7.

Ровики — встречены в двух курганах. Не исключено, что таких курганов было больше, так как в зависимости от своей глубины ров мог быть выше или ниже материкового уровня. Например, в кургане 13 линия овала имела «пунктирный» характер, который прослеживался в виде цепочки вытянутых ям (Мыльникова, Бобров, Горяев, 1998, с. 319–323). Такая особенность зафиксирована в ирменских могильниках Журавлево-4 и Ваганово-2.

Каменные ограды. Обнаружены в пяти курганах. В курганах № 4 и 14 ограды имели округлую форму. Они сооружены только с одной стороны, преимущественно, с восточной. Наиболее крупные размеры имела ограда кургана 1, раскопанного В.В. Бобровым в составе этого могильника. Своеобразием организации курганного пространства выделяются сооружения объекта 23–24.

В кургане 23 каменная ограда имела подквадратную форму. Длинная сторона, ориентированная по линии север-юг, состояла из 18 камней размерами до 0,7x0,6x0,25 м. 14 каменных плит были поставлены на ребро, почти вертикально, заглублены в материк на 0,05 м. Четыре плиты лежали на уровне погребенной почвы и как бы выбивались из цепочки. Северную часть ограды составляли 10 плит, поставленные на ребро под углом 15–18° (крайняя восточная — 30°), вкопанные в материк на 0,07–0,12 м. Южная часть ограды состояла из 24 больших плит и нескольких маленьких камней (разрушившиеся плиты).

Курган 24 также имел каменную ограду, но округлых очертаний, из наклонно вкопанных плит зеленовато-серого сланца. Наиболее отчетливо прослеживались южная сторона, западная и часть северной. Восточная сторона ограды непосредственно примыкала к каменной ограде кургана 23 и имела сложное строение. Между стенками оград был оставлен коридор шириной 0,5–0,7 м. Восточную стенку ограды кургана 24 составляли каменные плиты, бревно и погребение № 9, расположенные на расстоянии 0,4–2 друг от друга. Несмотря на узкий коридор, разделявший ограды курганов 23 и 24, есть признаки архитектурного единства конструкций: северная стенка ограды кургана 24 является продолжением этой же стенки кургана 23. Южная

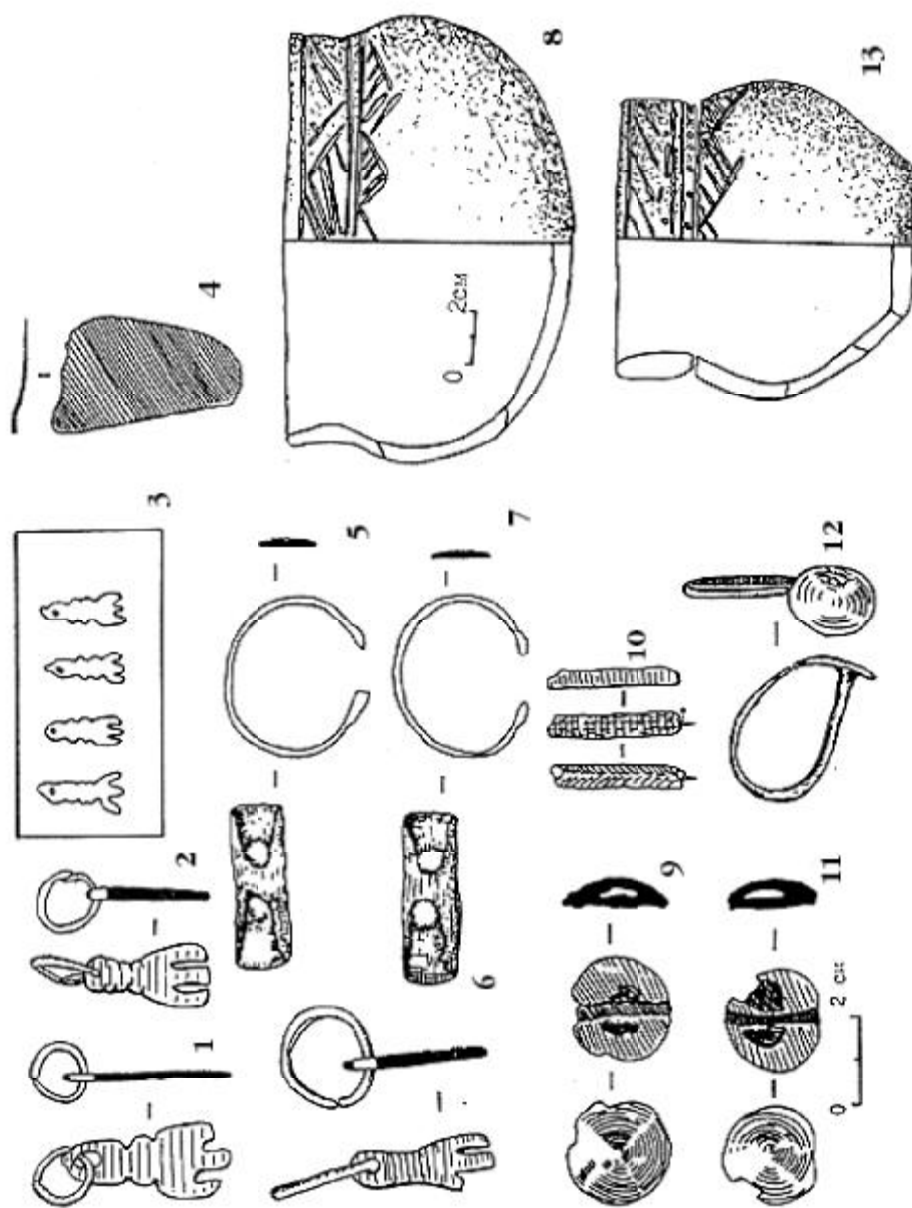

Рис. 9. . Новосибирская обл., Тогучинский р-он; Курганный могильник Танай-7. Вещи из погребений кургана 12. 1-7,9-12 – бронза; 8,13 – керамика. 1,2,4-7,9-13 – погребение 1; 8 – погребение 2

стенка кургана 24 — ответвление западной стенки кургана 23. Очевидно, западная стенка ограды кургана 24 формировалась в несколько этапов, в зависимости от порядка образования рядов погребений: от южной стены по направлению к северной возведена перегородка из плит, заканчивающаяся погребением № 6 в каменном полуящике.

Плиты, составлявшие ограду, первоначально были вкопаны вертикально либо с небольшим наклоном наружу. Зафиксировано, что все они находятся выше уровня материка на 0,05–0,07 м, т.е. вкапывались в почву не более чем на 15 см. Диаметр ограды 13 x 13,5 м. Интересно отметить, что в северной части ограды с внешней стороны находился необычный для данной местности мелко зернистый с включениями слюды камень белого цвета. Размеры 0,2x0,35x0,1 м. С внешней стороны южной стенки зачищена гряда зубов и нижних челюстей животных. Кстати, в яме № 2 кургана 23 также было обнаружено скопление зубов и челюстей коровы (Мыльников, 2002, с. 121–126).

Внутреннее курганное пространство. В могильнике Танай 7 можно выделить несколько типов могильных сооружений: 1 — из дерева; 2 — грунтовые; 3 — каменные; 4 — комбинированные (камень и дерево). Они соответствуют типологии погребальных сооружений ирменской культуры, данной В.В. Бобровым (1991). Захоронения в могильнике совершены на уровне древней поверхности. Очень редко для этих целей выкапывали яму ниже уровня материка. Погребения, совершенные выше уровня погребенной почвы, иногда связаны с насыпными площадками.

Под насыпями курганов на могильнике Танай 7 зафиксировано от 1 до 18 погребений. Могилы, как правило, были расположены в ряд и ориентированы по линии запад-восток. Очень редко отмечены случаи сооружения могил вне ряда. Например, в насыпи кургана 24 раскопано 10 погребений. Они располагались в четыре ряда. Два погребения совершены в каменных ящиках, одно — в полуящике, остальные — в деревянных рамах. Погребение № 3 с востока и юга было отделено от других бревнами. Сохранившаяся длина одного из них — 2,3 м, диаметр — 0,25 м. Еще один фрагмент бревна находился между погребениями № 1, 2, 8. В кургане 23 были зафиксированы отдельно лежавшие бревна, делившие погребения на группы.

Индивидуальность памятника Танай-7 состоит в том, что разные способы разметки пространства фиксируются на одном кургане. Например, курган 14 содержал три способа: каменную оградку, ровик, цепочки ям; курган 2 — ровики и ямы; курганы 23–24 — каменную оградку, цепочки ям. Курганы № 9, 12, 20, 21 не содержали ни одного из названных способов.

Только в двух курганах — 24 и 5 встречены *захоронения в каменных ящиках* с перекрытиями из плит. В конструкциях ящиков прослеживается некоторая стандартизация архитектуры. Все ящики прямоугольные, разница в размерах небольшая. Каждая стенка камеры смонтирована из одной плиты песчаникового сланца, первоначально поставленной почти вертикально. Конструктивными особенностями выделяются два ящика с двойными стенками. Сверху они перекрыты в один ряд одной или двумя плоскими плитами. Отдельные стенки внешних ящиков состоят из двух-трех слегка наклоненных вовнутрь плит.

В курганном пространстве зафиксировано одно детское погребальное сооружение из комбинированного материала — дерева и камня. Это деревянная рама небольших размеров, окруженная с двух сторон восточной и южной сланцевыми плитами, поставленными вертикально.

К особенностям могильных сооружений населения, оставившего памятник Танай-7, следует отнести *конструктивные детали деревянных рам, в которых было совершено основное количество погребений.*

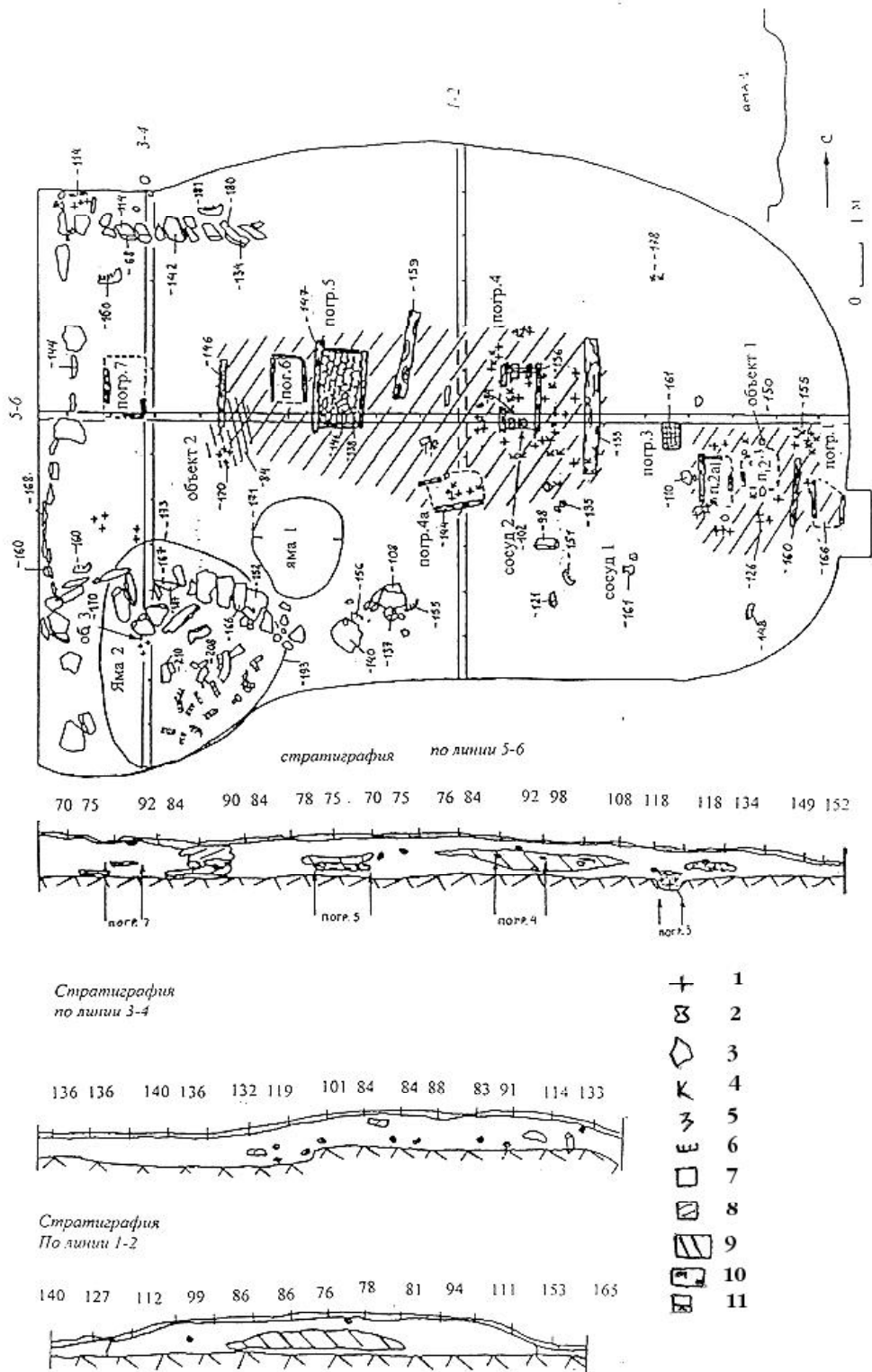

Рис. 10. . Новосибирская обл., Тогучинский р-он; Курганный могильник Танай- 7. План и разрезы кургана 23. 1 – фрагмент керамики; 2 – сосуд; 3 – камень; 4 – кости животных; 5 – зуб животного; 6 – челюсть (фрагмент) животного; 7 – дерново-пахотный слой; 8 – мешанная черно-желтая почва; 9 - золистая почва с каменной крошкой, костями животных и фрагментами керамики; 10 –желто-серая суглинистая почва; 11 – материк – желтый суглинок

Все погребальные сооружения из дерева были единой конструкции — одновенцовые рамы прямоугольной формы, составленные из круглых бревен разного диаметра и перекрытые продольно уложенными бревнами или полубревнами. Угловое сопряжение беззамковое. Выявлено два основных способа соединения бревен в углах рамы:

1 — «в стык» — четыре разновидности: а) торцы поперечных бревен упираются в концы продольных без остатка; б) торцы продольных бревен упираются в концы поперечных без остатка; в) торцы поперечных бревен упираются в концы продольных с односторонним остатком; г) торцы поперечных бревен упираются в концы продольных с двухсторонним остатком.

2 — «в паз» — две разновидности: а) короткие пазы в полбревна выполнены на концах продольных бревен, поперечные бревна вставлены торцами в эти пазы без остатка; б) короткие пазы в полбревна выполнены на одном конце продольных бревен, длинные пазы на другом конце бревен, поперечные бревна вставлены торцами в эти пазы с односторонним остатком (Мыльникова, Мыльников, 2002, с. 124, рис. 3, 1–2).

Первый способ соединения бревен в углах рамы имеет широкое распространение среди памятников. Второй — отмечен ранее лишь на курганном могильнике Журавлево-4. В 2001 г. на могильнике Танай 12 в кургане б раскопаны три погребения андроновского времени, совершенные в двухвенцовых рамах из бревен с поперечным бревенчатым перекрытием и гидроизолирующим покрытием из листов бересты. Анализ угловой вязки пазового соединения бревен этих погребальных сооружений и более поздних ирменских на могильнике Танай-7 показал их почти полное сходство.

Еще одной особенностью могильных сооружений Таная-7 являлись *камни-стелы*, которые устанавливались в изголовье погребенного, в одном случае — в ногах. Можно говорить о двух видах «надгробий»: 1) прямоугольные плиты; 2) округлые в сечении камни. Подобные *камни-obeliski* ранее были зафиксированы на курганном могильнике Журавлево-4.

Под курганными насыпями найдены *необычные* для данной местности *камни*, выходы пород которых находятся за десятки километров от памятника. В яме 2 кургана 23 у скопления нижних челюстей коров найдена *сильно окварцованная яшмоидная порода с включениями гематита*. В кургане 24 у северной стенки каменной оградки с внешней стороны лежал белый камень прямоугольной формы *из мелкозернистого осадочного гипса* с выступающим носиком-острием, указывавшим с небольшим отклонением направление на север. Обелиском у погребения в каменном ящике этого же кургана служил *большой камень кубовидной формы* из темно-серого окварцованного гранита.

При исследовании ирменских погребений могильника Танай-7 стратиграфически неоднократно удалось зафиксировать остатки намогильных сооружений, которые, вероятно, имели круглую форму.

Описанные выше формы и конструкции погребальных сооружений: деревянные рамы с перекрытиями и без них, столб у края рамы, а также позиция сосуда в погребении (в изголовье), южная (юго-западная, юго-юго-западная) ориентация погребенных свидетельствуют об андроновских корнях ирменской культуры. На андроновский компонент в формировании ирменской культуры неоднократно указывали многие исследователи.

Большинство ирменских погребений в одновенцовых бревенчатых рамах имели сходные конструктивные особенности с андроновскими погребальными сооружениями, совершенными в едином курганном пространстве на могильнике Танай-12 в однотипных двухвенцовых бревенчатых рамах с поперечным перекрытием из полубревен (Бобров, Мыльников, 2001, с. 220–

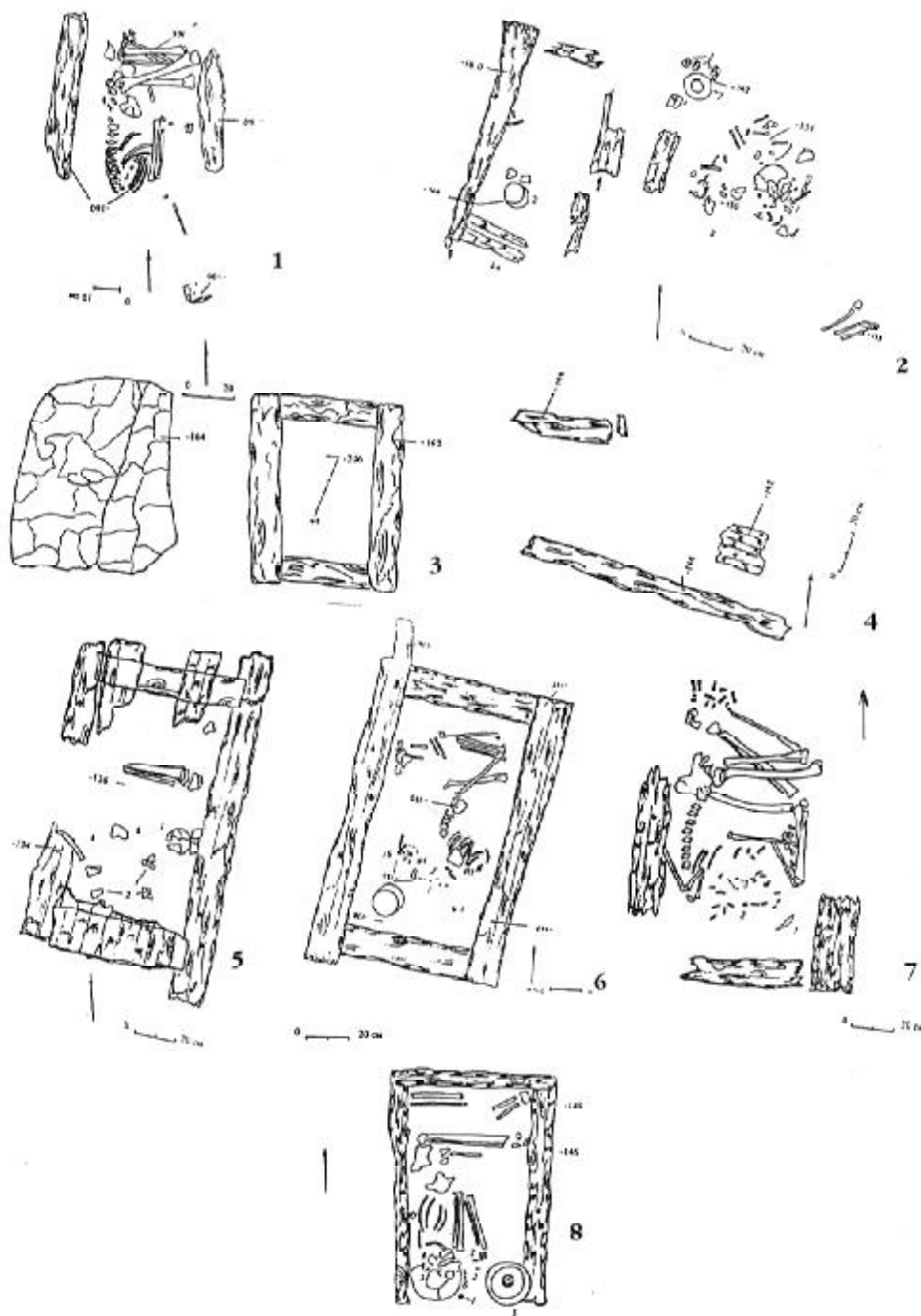

Рис. 11. Новосибирская обл., Тогучинский р-он; Курганный могильник Танай- 7. Курган 23. Планы погребений. 1 – погребение 1: 1 – бронзовая бляшка; 2 – погребения 2 и 2а: 1 – бронзовая пластина; 2 – керамический сосуд; 3 – альчики; 3 – погребение 3: 1 – бронзовая бляшка-пуговица; 4 – погребение 4а; 5 – погребение 4: 1 – фрагмент черепной коробки; 2 – фрагмент керамики; 6 – погребение 5: 1 – бронзовая гвоздевидная подвеска; 2 – бронзовые бусы-пронизки; 7 – погребение 7: 1 – бронзовый нож; 2 – бронзовое кольцо на фаланге пальца; 3 – бронзовая пронизка-бусина; 4 – бронзовая бляшка-пуговица; 8 – погребение 6: 1 – бронзовая бляшка-пуговица; 2-3 – бронзовая пронизка-бусина; 4 – бронзовая гвоздевидная подвеска; 5 – керамический сосуд; 6 – бронзовое кольцо

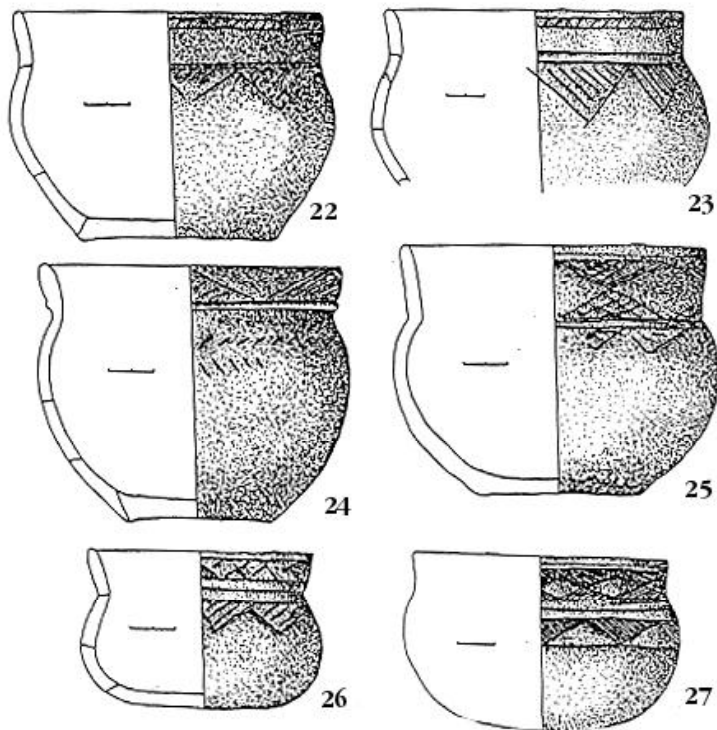
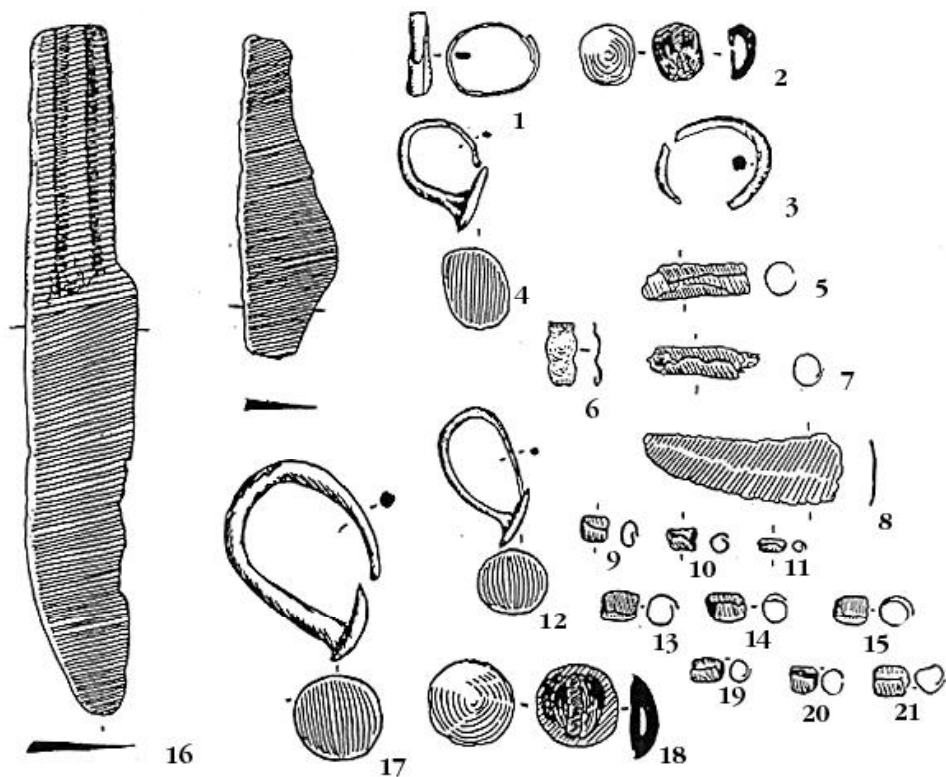

Рис. 12. Новосибирская обл., Тогучинский р-он; Курганный могильник Танай- 7. Курган 23. Вещи из заполнения и погребений. 1-21 – бронза; 22-27 – керамика. 1 – погребение 7; 2 – погребение 3; 3,5,7,9-11,17 – погребение 6; 4,12-15,18-20,27 – погребение 5; 6 – погребение 1; 9,25 – погребение 2; 22 – насыпь; 23 – объект 2; зольник 2; 26 – погребение 2а

223). Их возраст по С14 — конец II – рубеж II–I тыс. до н. э. (Ковтун, Горяев, 2001, с. 53–63). Постандроновское погребение из этого же могильника датировано концом II – началом I тыс. до н. э. (Бобров, Горяев, 2000).

Результаты углеродного датирования проб древесного угля из курганов 5 и 24 могильника Танай-7 следующие.

Танай 7, курган 5, погребение 5.

СОАН-5073: 2940 \pm 40 лет (некалиброванная дата).

$\pm 1 \text{ Y}$ 1256 – 1240 г. до н. э.

1248 – 1120 г. до н. э.

1119 – 1100 г. до н. э.

$\pm 2 \text{ Y}$ 1302 – 1288 г. до н. э.

1268 – 1032 г. до н. э.

Танай-7, курган 24, северо-восточный сектор у каменной кладки.

СОАН-5074: 2790 \pm 95 лет.

$\pm 1 \text{ Y}$ 1084 – 1082 г. до н. э.

1064 – 832 г. до н. э.

$\pm 2 \text{ Y}$ 1254 – 1244 г. до н. э.

1216 – 806 г. до н. э.

Столь ранняя датировка (хотя нижние пределы укладываются в принятые даты 10–9 вв. до н.э.) ирменских погребений требует дальнейшего подтверждения, но на предварительном уровне дает основание предположить, что они могли быть совершены непосредственно вслед за андроновским-постандроновским кладбищем, расположенным в непосредственной близости (Танай-12).

Важные сведения дает анализ описанных выше каменных оградок, каменных ящиков, а также некоторых предметов.

Погребения в каменных ящиках кроме могильника Танай-7 зафиксированы так же в Пьяново-15 погребений, в Титовском могильнике, Журавлево-4, 5, Ивано-Родионово — по одному погребению. Единичные каменные ящики известны и за пределами Кузнецкой котловины. Наличие каменных оградок отмечено в могильнике Журавлево-4. Но большая часть их происходит из памятников данной территории. Очевидно, в этом случае можно говорить о прямых контактах ирменцев с населением Минусинской котловины. Именно там для памятников карасукской культуры характерно сооружение каменных оградок и ящиков.

Лапчатые привески из погр. 1 кург. 12 (рис. 9, 1,2,6). Литые из бронзы изделия. Две подвески оформлены насечками по бокам, что придает им ажурную форму. Третья имеет по бокам выступы. У всех четко отделены три свисающих вниз параллельные друг другу «лапки» и круглые отверстия с вставленными в них бронзовыми кольцами. Это также специфические изделия, которые не встречаются или единичны к западу от р. Оби и характерны для карасукских комплексов. В настоящее время они известны в материалах, например, могильника Иня-1 (Зах, 1990, С. 15–16), Титовском могильнике (Савинов, Бобров, 1981, С. 134). Изделия, подобные танайским, Э.Б. Новгородова отнесла к третьему типу и назвала «минусинскими» (Новгородова, 1970, с. 146) (рис. 9,3). Лишь в одном случае в литературе встречено замечание о находках изделий с кольцами для подвешивания (Там же). Более подробно об ирменских лапчатых подвесках дано в работе В.В. Боброва (2001, с. 204–207).

Кинжал из погр. 3 кург. 9 (рис. 7, 1) (Мыльникова, Бобров, 1995, С. 90–91) имеет очень короткое — 3 см в длину лезвие подтреугольной формы и расширяющуюся к середине прорезную рукоять с небольшим грибовидным навершием. Общая длина кинжала 11, 8 см. Короткое

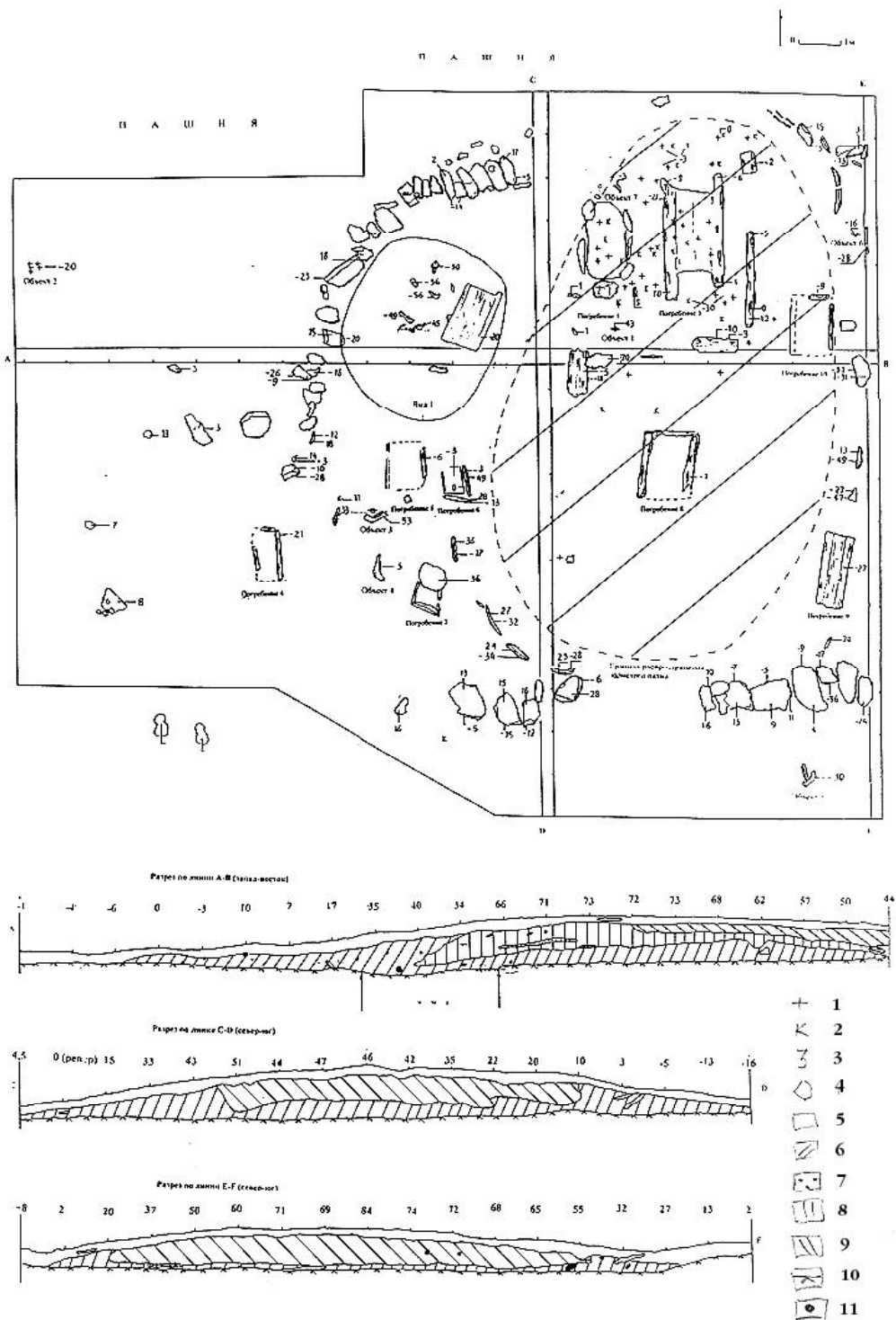

Рис. 13. Новосибирская обл., Тогучинский р-он; Курганный могильник Танай-7. Курган 24. План и стратиграфические разрезы. 1 – фрагмент керамики; 2 – кость; 3 – зуб животного; 4 – камень; 5 – дерново-пахотный слой; 6 – плотная почва с каменной крошкой; 7 – мешанная черно-желтая почва; 8 – серо-желтый суглинок с каменной крошкой; 9 – золистая почва, перемешанная с черной, фрагментами керамики и костями; 10 – материк – желтый суглинок с каменной крошкой; 11 – поноры

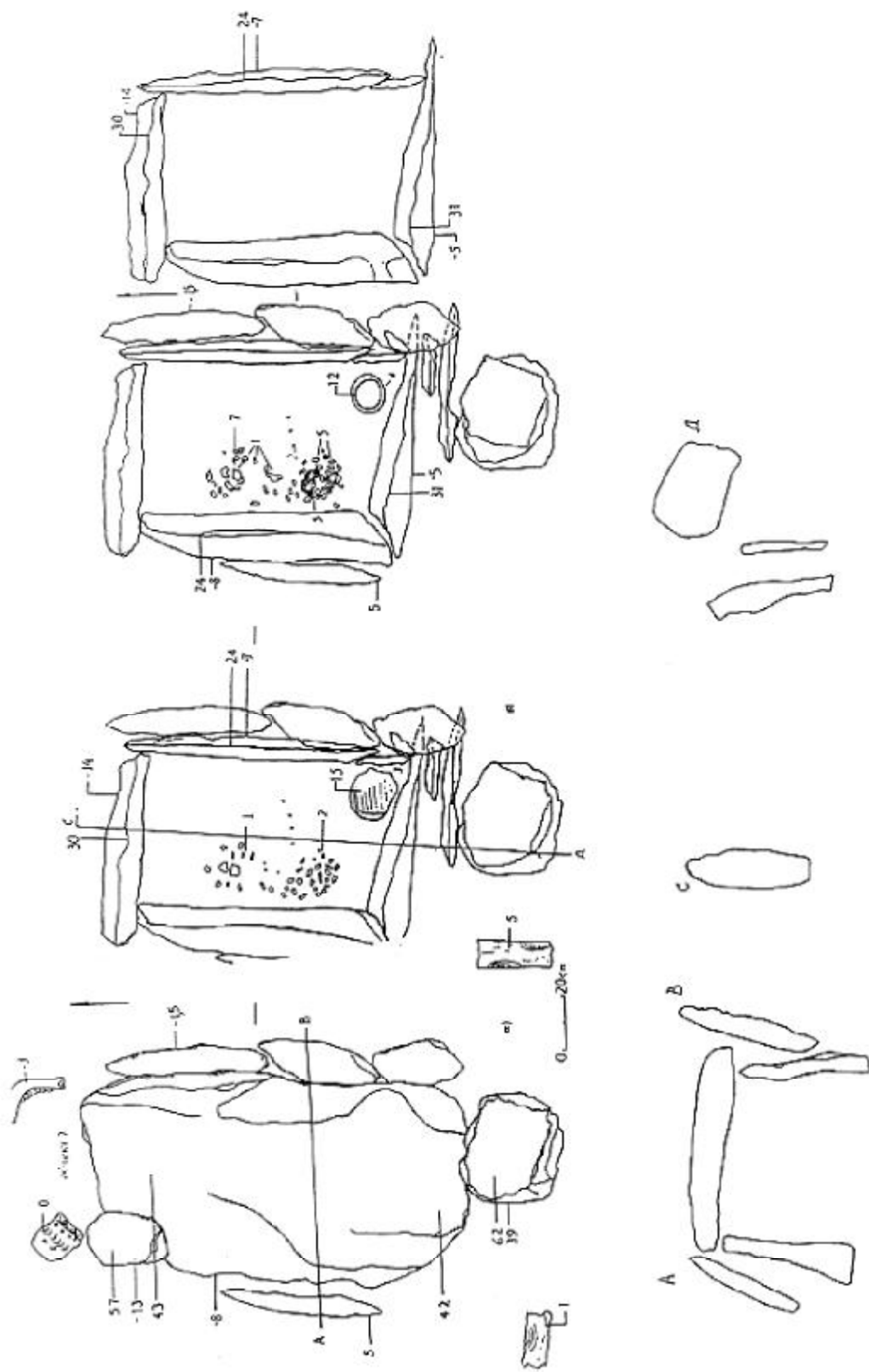

Рис. 14. Новосибирская обл., Тогучинский р-он; Курганный могильник Танай-7. Курган 24. Погребение 1. План и разрез 1 – жженые кости; 2 – угольки; 3 – каменная плитка, закрывающая керамический сосуд; 4 – керамический сосуд; 5 – фрагмент керамического сосуда

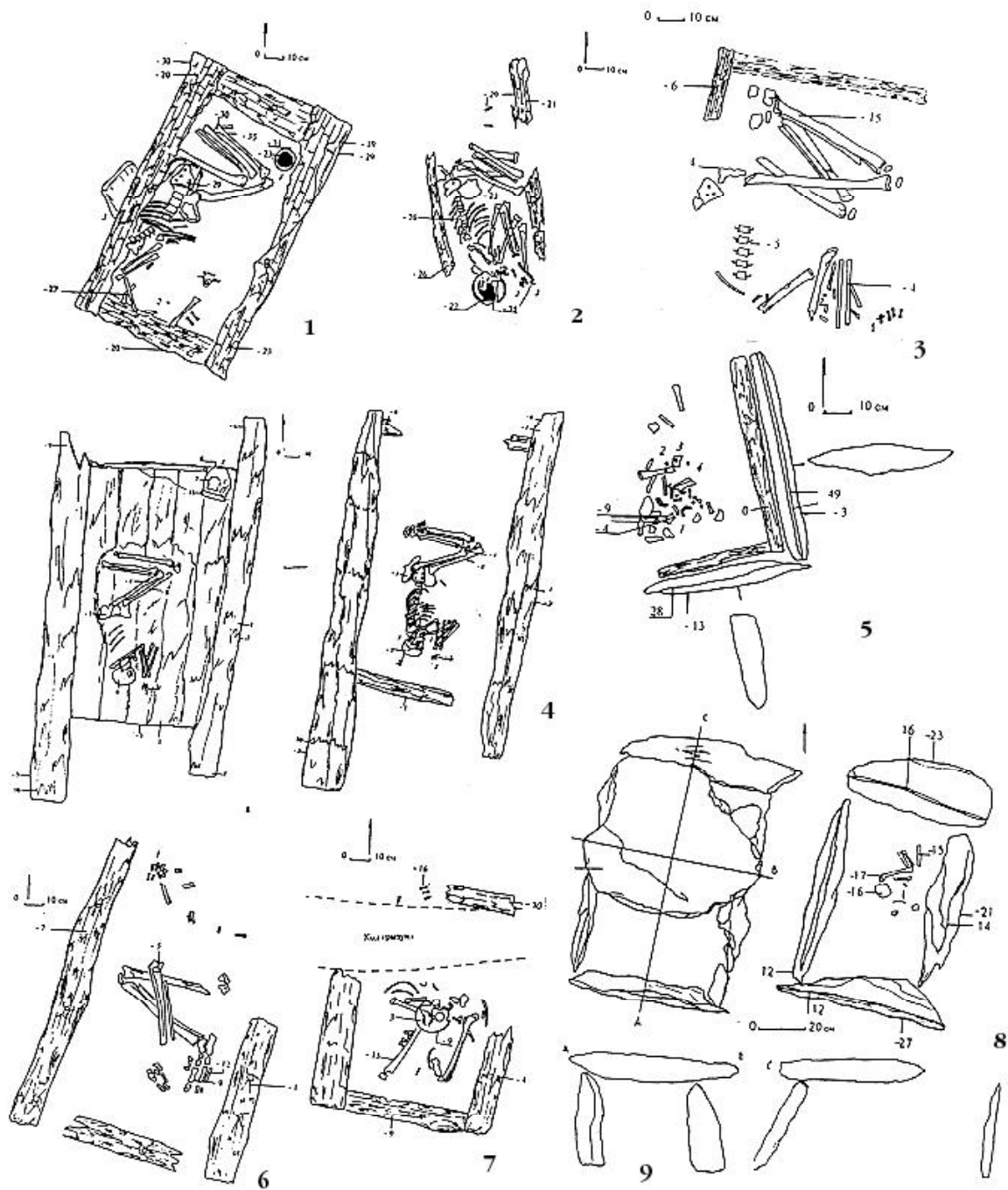

Рис. 15. Новосибирская обл., Тогучинский р-он; Курганный могильник Танай- 7. Курган 24. Планы погребений. 1 – погребение 2: 1 – керамический сосуд; 2 – бронзовая бусина-пронизка; 3 – камень; 2 – погребение 4: 1 – бронзовая бляшка; 2 – бронзовое кольцо; 3 – обломок бронзового ножа; 3 – погребение 5: 1 – бронзовое кольцо на фаланге пальца; 2 – бронзовая бусина-пронизка; 4 – погребение 3: 1 – бронзовое кольцо на фаланге пальца; 2 – бронзовое височное кольцо; 3-4 – керамические сосуды; 5 – бронзовая звездчатая подвеска; 5 – погребение 6: 1 – бронзовое кольцо; 2-4 – бронзовые пронизки; 6 – погребение 8: 1 – бронзовое кольцо на фаланге пальца; 7 – погребение 10; 8 – погребение 6; 9 – погребение 9: 1 – бронзовая полоска; 2 – бронзовое кольцо на фаланге пальца; 3 – бронзовая бусина-пронизка

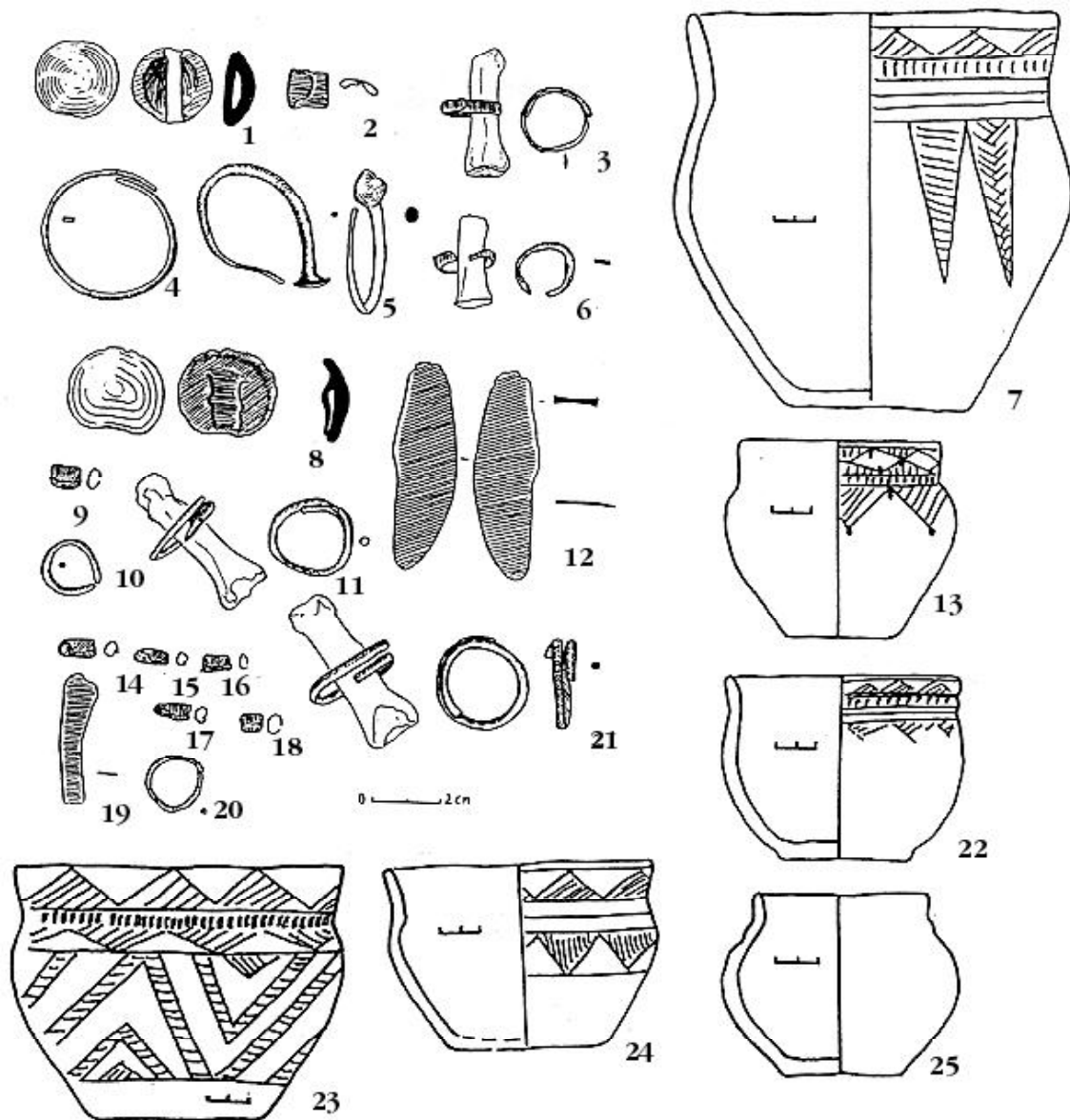

Рис. 16. Новосибирская обл., Тогучинский р-он; Курганный могильник Танай-7. Курган 24. Вещи из насыпи и погребений. 1-6,8-12,14-21 – бронза; 7,13,22-25 – керамика. 1 – насыпь; 2,25 – погребение 2; 3-5,7,13 – погребение 3; 6,8,12 – погребение 4; 9,11 – погребение 5; 10,14-16 – погребение 6; 17-20 – погребение 9; 21 – погребение 8; 23-24 – погребение 1

Раскоп 2002 г. Курган 24

Раскоп 2001 г. Курган 23

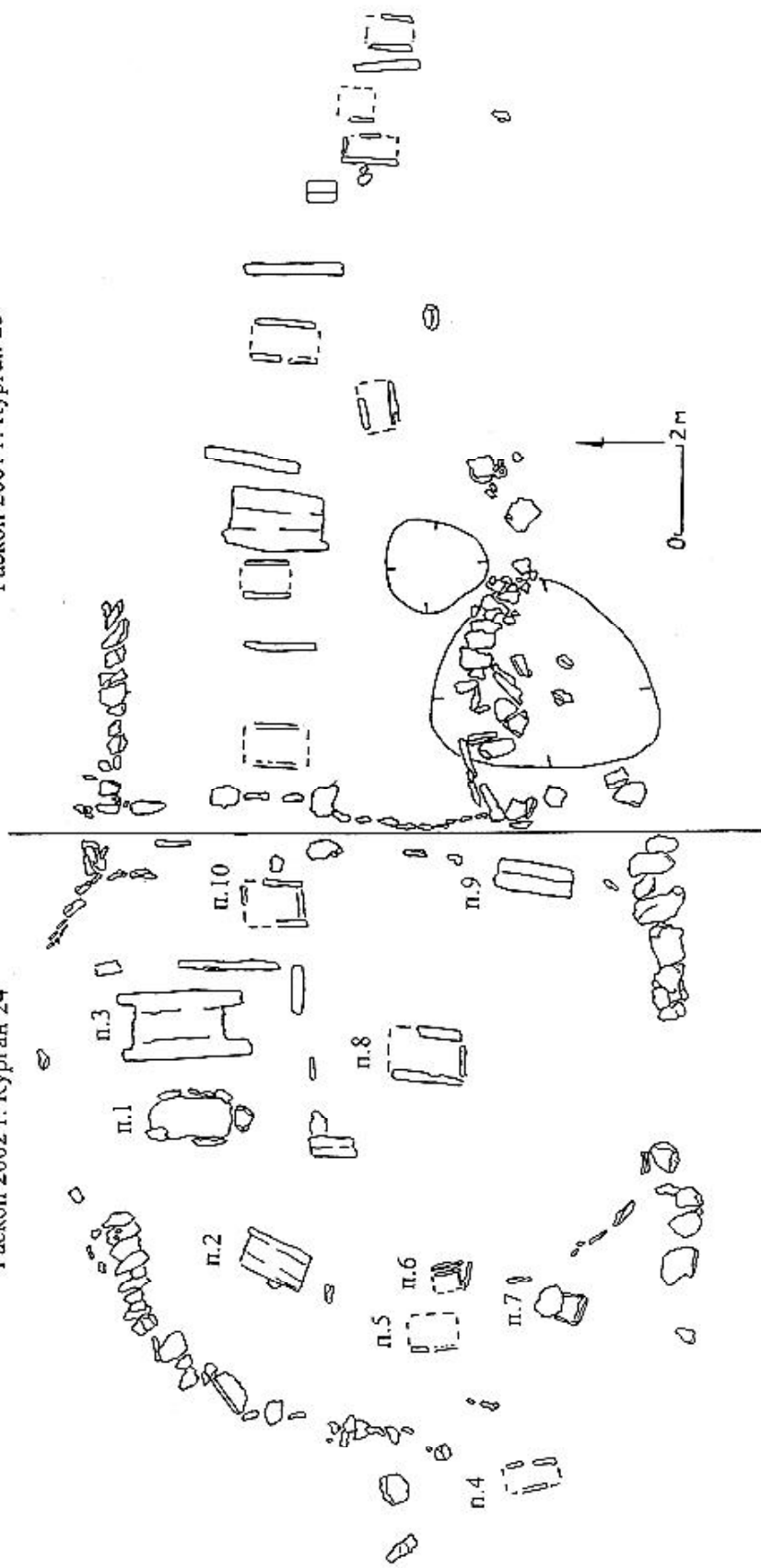

Рис. 17. Новосибирская обл., Тогучинский р-он; Курганный могильник Танай- 7. Объект 23-24. План каменной оградки и погребений

лезвие — свидетельство сработанности, но, скорее всего, является результатом переоформления после того как оно было сломано. Металлографические исследования показали, что он составной, его рукоять и лезвие изготовлены раздельно с применением разных технологических приемов и соединены методом «прилива». Лезвие, судя по сохранившимся следам, оформлено ковкой. Рукоять литая и представляет собой прилив к ранее изготовленному лезвию. На это указывает хорошо заметный шов «сварки» в месте соприкосновения поверхности лезвия с расплавленным металлом прилива. Судя по расположению литейных швов, рукоять отлита в двухсторонней разъемной двухчастной форме. Ее литейный шов расположен на середине боковой грани рукояти, литейный уклон двусторонний. Металл заливался сверху свободным падением через служившее литниковой чашей навершие. На это указывает хорошо сохранившаяся в верхней части навершия кристаллизованный пленка поверхностного натяжения залитого в форму металла. В момент заливки лезвие было зажато между створками формы, либо было вмуровано в одну из них. В результате заливаемый в форму металл приварился к поверхности лезвия, соединив обе части кинжала (Мыльникова, Дураков, 2001, с. 419–425).

Данный морфологический тип кинжалов с прорезной рукоятью известен в составе Сосново-Мазинского клада и в специальной литературе получил соответствующее определение. В большей степени этот тип свойственен культурам бронзового века Урала и Поволжья (Агапов, Васильев, Кузьмина, Семенова, 1993, с. 37, рис. 6). Находка одного такого кинжала происходит из лесостепного Зауралья. В Сибири кинжал такого типа известен среди случайных сборов на территории Минусинской котловины (Гришин, 1971, с. 16). Однако, широкого распространения они здесь не имели. В технологии изготовления кинжала так же явно выражена инокультурная технологическая традиция, так как сварка деталей изделия методом прилива не характерна для ирменской культуры, в материалах которой чаще встречаются цельнолитые предметы. Вероятнее всего, данный кинжал — импортный и изготовлен за пределами распространения ирменской культуры. Необходимо отметить, что это первая находка кинжала сосново-мазинского типа на территории Западной Сибири в археологическом комплексе, что позволяет определить хронологическую принадлежность подобных изделий и из случайных сборов.

Следует отметить зафиксированное изменение химического состава ирменских бронз, говорящее о переориентации производства на сырье из Саянского горно-металлургического центра (Бобров, Кузьминых, Тенейшвили, 1997, с. 72). По рецептам ирменские бронзы близки карасукским (Бобров, 1997, с. 75). То есть, можно говорить о связи между ирменским населением Кузнецкой котловины и карасукским Среднего Енисея. Можно предположить, что связь эта проявлялась на уровне непосредственных контактов носителей обеих культур.

Материалы могильника Танай-7 существенно дополняют сведения о материальной культуре и обряде погребения ирменского населения Кузнецкой котловины. Наряду с выявленными особенностями, они подтверждают комплекс положений о характеристике ирменской культуры на рассматриваемой территории. Это касается, прежде всего, ориентации культурных контактов с населением среднеенисейского региона. Хотя некоторые из них, вероятно, следует рассматривать как компонентную основу формирования ирменского образования. Обозначается существенный комплекс черт, связывающих ирменскую и андроновскую культуры. К особенностям варианта ирменской культуры или танайского микрорайона относятся камни-обелиски, жертвоприношения черепов лошади, каменные ящики, специфические типы изделий.

С.П. Грушин, В.В. Кокшенев

(Алтайский государственный университет)

Захоронение с антропоморфной скульптурой в Среднем Причумышье*

На северо-востоке Алтайского края расположены Бийско-Чумышская возвышенность и Салаирский кряж (рис. 1). Возвышенность пересечена р. Чумыш (правый приток Оби) и его притоками: Татаркой, Аламбаем, Гоношихой, Крутихой и другими мелкими речками и ручьями, берущими свое начало в отрогах Салаирского кряжа и на Бие-Чумышском водоразделе.

Часть возвышенности занимает Заринский район Алтайского края, который является одним из самых малоизученных в археологическом отношении. В 1979 году археологическую разведку в Сорокинском районе (с 1979 года — Заринском) проводил методист отдела краеведения Краевой станции юных туристов (в настоящее время — Алтайский краевой центр детско-юношеского туризма и краеведения) В.В. Кокшенев. В ходе работ им было открыто около шести памятников археологии, дано их описание, составлены глазомерные планы, осуществлен сбор подъемного материала (Кокшенев, 1980). В этом же году им было осуществлено обследование урочища «Кораблик». На мысу, расположенном в 2 км к северо-западу от с. Среднекрасилово (рис. 2) В.В. Кокшеневым были обнаружены две курганные группы (Кораблик-II-IV и Кораблик V-VII) и одиночный курган (Кораблик-I). Каждый объект, зафиксированный на мысу, получил свой порядковый номер, таким образом, была использована сквозная нумерация для трех групп объектов. В следующем году В.В. Кокшенев произвел раскопки одиночного кургана — Кораблик-I, в результате был получен уникальный материал из исследованного погребения, в числе находок — костяная антропоморфная скульптура. Несмотря на яркость и оригинальность обнаруженного материала, он был недоступен для научного сообщества по субъективным причинам более чем 20 лет.

Данная статья посвящена публикации материалов могильника Кораблик-I, полученных в ходе раскопок в 1980 году В.В. Кокшеневым. К сожалению, при работе с материалами выяснилось, что большая часть документации утрачена в ходе многочисленных переездов, поэтому приходилось опираться на фрагментарные полевые планы, а также на личные воспоминания участников раскопок. Пользуясь случаем, авторы выражают благодарность А.Л. Кунгурову за таблицы вещевого комплекса, выполненные в туши на основе полевых рисунков 1980 года.

Урочище «Кораблик» расположено в 2 км к северо-западу от с. Среднекрасилово по полевой дороге, ведущей по левому берегу Чумыша вниз по течению (рис. 2). Название урочища, вероятно, связано с клиновидным мысом — останцом левого коренного берега Чумыша, который возвышается над поймой на 10 м и напоминает форму корабля (рис.2.–2).

Мыс имеет вытянутую с юго-запада на северо-восток клинообразную форму длиной около 675 м. Самая высокая точка — северо-восточная кромка мыса. В этом месте он имеет крутой спуск, юго-западная полог — полог. Мыс покрыт березовым лесом и кустарником, на северном спуске имеется большое количество барсучьих нор.

*Работа выполнена в рамках проектов ФЦП «Интеграция» №ИО539 и Минобразования РФ №Г02-1.2-509.

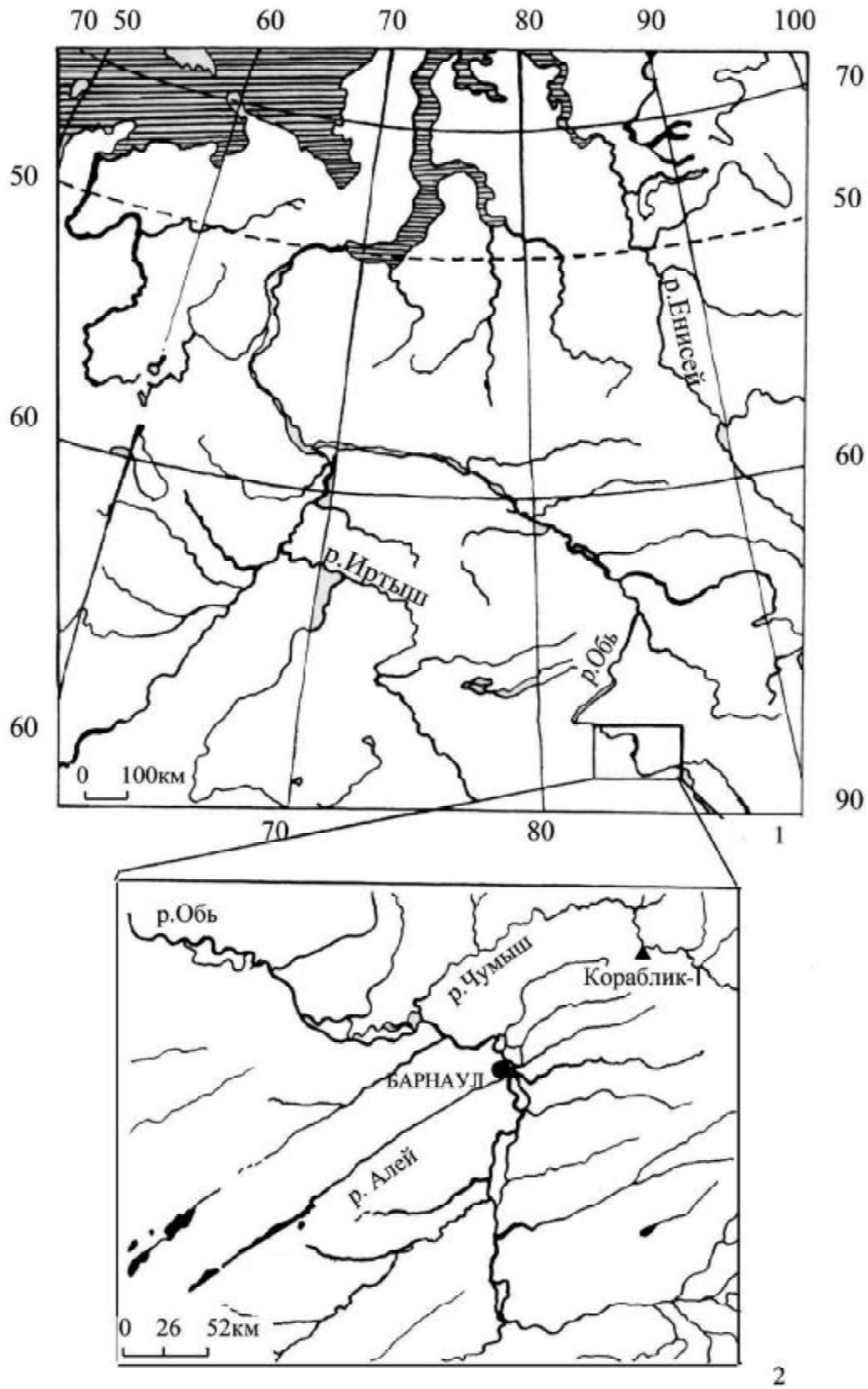

Рис. 1. Месторасположение памятника Кораблик-I: 1 - на карте Западной Сибири; 2 - на карте Верхнего Приобья.

Курган (Кораблик-I) был расположен в 73 м к юго-западу от северо-восточной кромки мыса (рис.3.–1). Земляная насыпь кургана имела диаметр 9 м и высоту 0,6 м. В ней фиксировались две ямы-провала, образованные в результате деятельности барсуков. В одной из ям, размерами 4x1,5 м, вытянутой длинной осью по линии С-Ю и расположенной в центре насыпи, на глубине 0,65 м от современной поверхности были обнаружены кости человека. Другая яма имела меньшие размеры — 1,8x0,8 м, и была вытянута по линии З-В. Раскоп размером 4x7 м, ориентированный длинной осью по линии СВ-ЮЗ, был разбит по центру насыпи и включал барсучью яму, в которой были обнаружены кости человека.

На глубине 0,15 м встречены разрозненные кости человека, а также несколько фрагментов керамики, среди которых имелся венчик от сосуда эпохи поздней бронзы (рис. 3.–3). На уровне 0,65 м от современной поверхности было исследовано погребение взрослого человека. Судя по сохранившимся останкам, умерший был похоронен на левом боку с подогнутыми в коленях ногами, головой на ЮВ (?). Часть костей отсутствовала, часть находилась в нарушенном положении (рис. 3.–2).

После разборки погребения, контрольного перекопа и зачистки по дну было зафиксировано пятно, вытянутое с юго-запада на северо-восток. По имеющейся информации на глубине 1,8 м от уровня современной поверхности, на дне ямы было исследовано захоронение человека. Умерший был похоронен на левом боку, с согнутыми в коленях ногами, головой на северо-восток (рис. 3.–2). На шее погребенного было обнаружено ожерелье из бус в виде кружочков диаметром до 1 см с отверстием по центру (рис. 4.–6,7) и тремя костяными подвесками в виде небольших стерженьков диаметром 0,5–1 см, длиной 10,5 см, 8 см и 6 см (рис.4.–3–5). В районе груди была обнаружена антропоморфная скульптура, выполненная из костяной пластины толщиной до 0,4 см (рис. 4.–1). Длина изделия 20 см, максимальная ширина в районе оформления плеч — 5 см. Скульптура изображает силуэт человека с оформленными головой, плечами, коленями ног (?). Руки и ноги не прорисованы. Изображение одностороннее, выполнено резбой и может рассматриваться как скульптура лишь условно. Голова скульптуры занимает треть общей длины. Особое значение древний мастер уделил проработке черт лица. Небольшими углублениями диаметром 0,5 см показаны округлые глаза, брови, образующие нос, и скулы. Рот в виде четырехугольника имеет размеры 0,5x0,8 см. На голове прорисованы волосы-лучи. На груди скульптуры показаны две скобообразные ленты. В районе плеч фиксировались два сквозных отверстия диаметром 0,5 см, вероятно, для крепления. В основании скульптуры, в районе «ног» имеется квадратное отверстие размером 0,5 см. По информации В.В. Кокшенева ожерелье и скульптура были посыпаны охрой.

Из другого инвентаря необходимо отметить костяные орудия. Первое имело размеры 5x3 см и залощенную рабочую поверхность (рис. 4.–9), другое орудие с выгнутым краем и зубцами (рис. 4.–8). Вероятно, данные предметы использовались в керамическом производстве в качестве лощила (первое изделие) и орнамента (второй предмет). На уровне зачищенного захоронения в южной половине ямы были отмечены обугленные деревянные ветки. Однако одновременность их с погребением точно установить не удалось, по причине их хорошей сохранности и наличия барсучьих нор, по которым они и могли попасть с поверхности.

Осенью 2002 года Заринский археологический отряд Алтайского государственного университета под руководством С.П. Грушина (2003), предпринял обследование урочища «Кораблик». Основная задача, поставленная перед отрядом, состояла в обследовании мыса с целью подтверждения наличия археологических объектов, выявленных В.В. Кокшеневым.

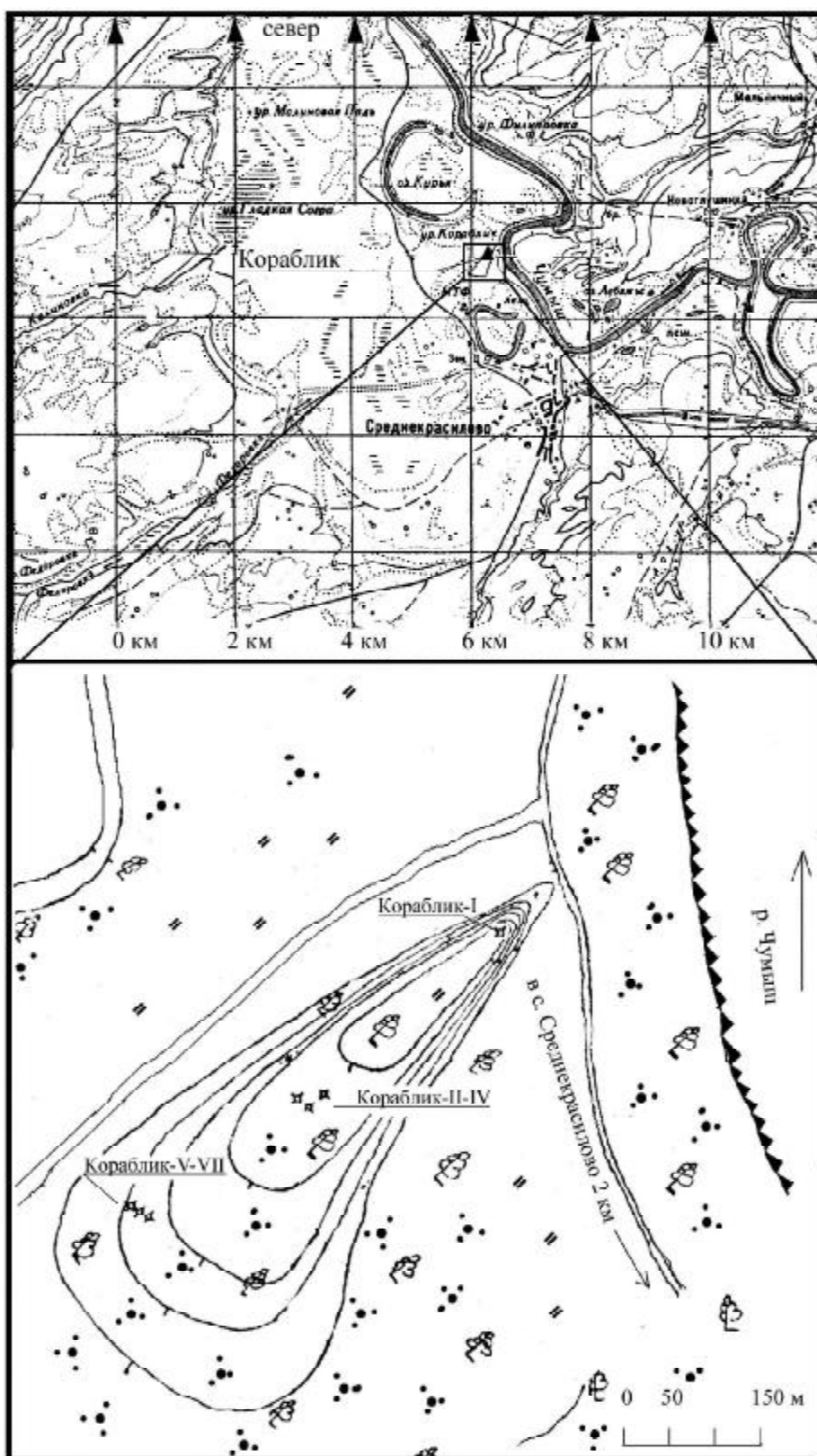

Рис.2. Памятник Кораблик: 1- месторасположение на карте участка Причумышья;
2 - план памятника.

Пункт Кораблик-I визуально идентифицировать не удалось, поэтому в его районе были заложены три разведочных раскопа №1-3, общей площадью 20 кв.м. Работы, проведенные на северо-восточной окраине мыса, никаких следов культурного слоя, сооружений или находок не выявили. Обследование объектов Кораблик-II-VII дало основание для сомнений в отнесении данных сооружений к курганным захоронениям, поскольку насыпи, которые описаны В.В. Кокшеневым, могут оказаться выбросом, образовавшимся при сооружении ям, которые могли быть приняты за грабительские шурфы. С целью проверить данное наблюдение на объекте Кораблик-II была осуществлена зачистка по дну ямы, которая выявила, что дно сооружения расположено на глубине 0,7 м от современной поверхности. На уровне материка по дну ямы и стенках не зафиксировано никаких сооружений, что укрепило сомнения в отнесении данных объектов к погребальным комплексам. Однако окончательный ответ на этот вопрос могут дать лишь раскопки.

Обратимся к анализу вещевого комплекса обнаруженного на памятнике Кораблик-I в 1980 году. Венчик сосуда, найденный при раскопках (рис. 3.-3), украшен отпечатками гладкого штампа или резными диагональными линиями, которые в негативе демонстрируют ромб. Такое композиционное построение характерно для орнаментальных традиций позднего бронзового века — ирменская культура (Бобров, Чикишева, Михайлов, 1993). Вероятно, что фрагмент происходит из верхнего погребения, которое можно отнести к ирменской культуре. Об этом свидетельствуют небольшая глубина захоронения, юго-западная ориентация умершего головой в могиле. Вероятно, именно над ирменским погребением было построено надмогильное сооружение в виде земляной курганной насыпи.

Комплекс второго погребения датируется более ранним временем. Особый интерес представляет антропоморфное изображение, выполненное на костяной пластине (рис.4.-1,2). Обращаясь к аналогиям данному предмету, можно выявить две их группы. Первая — антропоморфная пластика, выполненная из кости или других материалов, вторая — изображения на скалах и керамике, в которых присутствуют характерные стилистические особенности изображения из Кораблика-I.

Антропоморфные образы, выполненные в дереве, кости, металле, камне, высеченные или прорисованные на скалах, на керамике известны в различных регионах Евразии. Самыми ранними образцами урало-западносибирской антропоморфной скульптуры являются деревянные идолы Горбуновского и Шигирского торфяников в Восточном Зауралье (Мошинская, 1976). На территории Восточной Сибири известны антропоморфные фигурки, выполненные на костяных пластинках, в материалах глазковской культуры (рис. 6.-1-8). Они обнаружены в погребениях 4 и 6 могильника Усть-Уда (Окладников, 1955; Студзицкая, 1970; 1981) и погребении 24 могильника Шумилиха (Горюнова, Смотрова, 1981). Сходство со скульптурой из Кораблика-I определяют следующие изобразительные элементы: надбровные дуги переходят в прямой нос; наличие сквозных отверстий в районе плеч для крепления; фигурки выполнены резьбой на костяной пластине; одностороннее изображение. У одной скульптуры двумя прорисованными линиями показаны ожерелья (?).

Отличия составляют оформление ног и рук, или только ног; отсутствие прорисовки головного убора или волос. Исключение составляет фигурка из Усть-Уды (рис. 6.-2), волосы на ней показаны насечками (Студзицкая, 1987, рис. 136.-2). Женские изображения на костяных пластинках и стеатитовых стерженьках известны в материалах окуневской культуры Енисея (рис. 7.-1-22). В могиле №11, кургана № 4, могильника Уйбат-V обнаружены две костяные пластинки, сделанные из ребра коровы, на которых выгравированы изображения женских лиц (Лазаретов, 1997, табл. XIV.-8, 9). Аналогичные шесть предметов происходят из могилы №9, кургана №1, могильника Верхний Аскиз-I (Хаврин, 1997, рис. 1, с. 73); две — из могилы №4, могильника

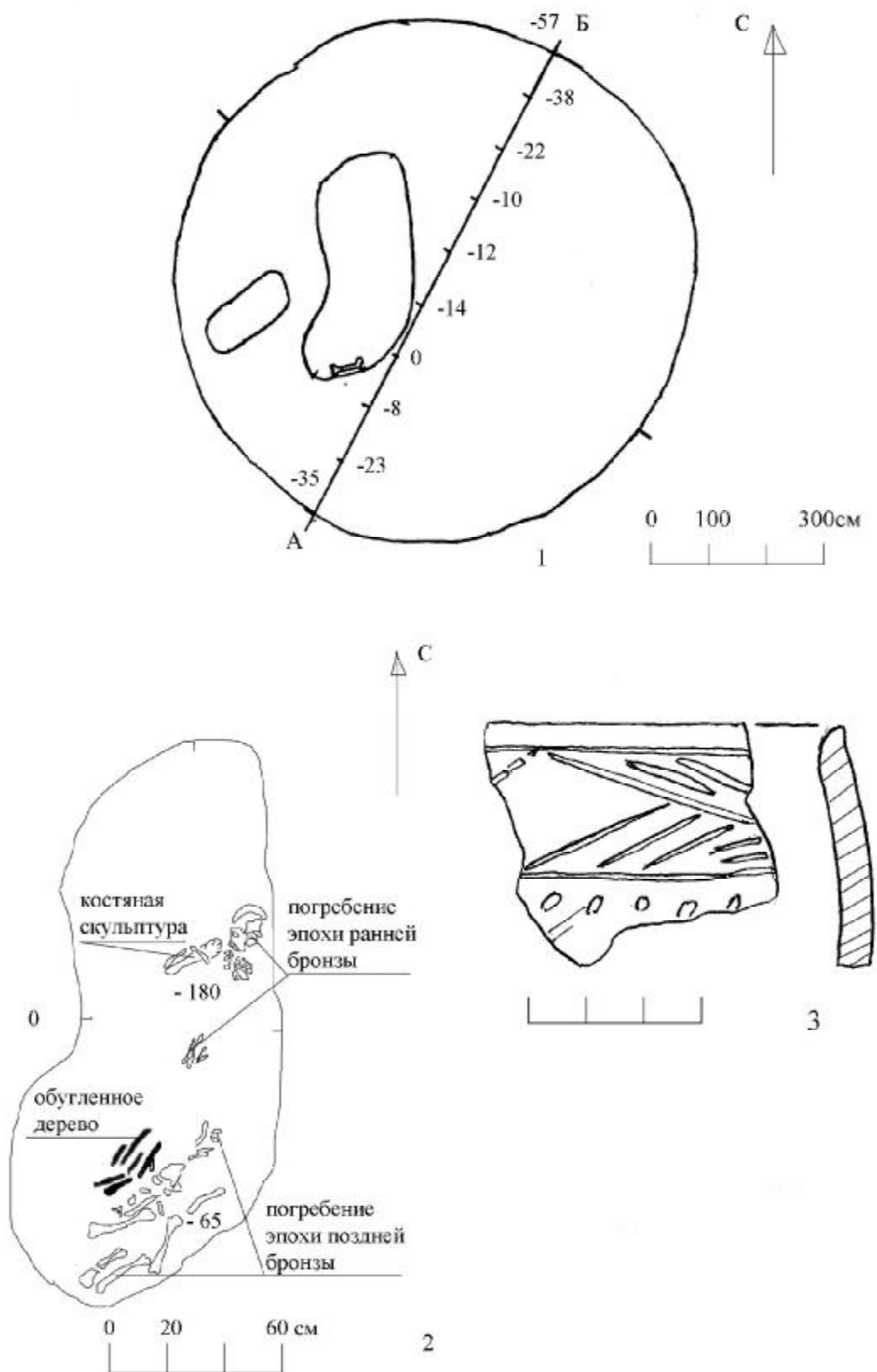

Рис. 3. Памятник Кораблик-I. План курганной насыпи; 2 – план погребений; 3 – фрагмент керамического сосуда.

в г. Абакан (Левашева, 1975); три — из могилы № 7, кургана №9, могильника Черновая-VII (Вадецкая, Леонтьев, Максименков, 1980, табл. XXIV.–12, 13, 15), три — из могилы №11, кургана №2, могильника Верхний Аскиз-I (Ковалев, 1997, рис.1.–1–3). На костяных пластинках прорисовано лицо, по его краям показаны височные кольца, черточками показаны волосы. Нижние части пластинок не обработаны. Только на одной нижней часть орнаментирована дополнительными черточками (Вадецкая, Леонтьев, Максименков, 1980, табл. XXIV.–13), которые трактуются Г.А. Максименковым как элементы раскраски тела (Там же, с. 25). На некоторых пластинках наряду с височными кольцами показаны украшения в виде ожерелья (Ковалев, 1997, рис.1.–2; Подольский, 1997, рис. 18). Кроме костяных пластинок в материалах окуневской культуры известны стеатитовые стерженьки (рис. 7.–12–22), на верхнем конце которых изображено женское лицо, аналогичное костяным пластинкам (Вадецкая, Леонтьев, Максименков, 1980, табл. XXIV.–1–10). Важно отметить, что большинство фигурок обнаружено в детских захоронениях и по несколько предметов.

Окуневские костяные пластины с изображением женского лица, кроме отдельных элементов сходства, значительно отличаются от изображения, обнаруженного на могильнике Кораблике-I. К элементам отличия относятся: практически полное отсутствие, за редким исключением, отверстий для крепления; более аморфный силуэт пластины, без оформления плеч, головы, ног; различное оформление черт лица; более мелкие размеры скульптур. В целом окуневские изображения на костяных пластинках и стеатитовых стерженьках более реалистичны, чем из Кораблика-I.

Более отдаленные аналогии можно найти в материалах поселения эпохи поздней бронзы Торгажак в Минусинской котловине. Находки представлены гальками разной формы с антропоморфными гравировками, в которых проявляется окуневское наследие в изобразительной традиции (Савинов, 1996). Внимание заслуживают материалы Галичского клада Восточной Европы, в котором присутствовали бронзовые «идолы» или «маскоиды». Головные уборы изображений увенчаны отростками — лунницами (рис. 6.–9). По мнению С.В. Студзицкой и С.В. Кузьминых, они имитируют птичьи перья, а сами идолы олицетворяют шаманов, причем лица их скрыты ритуальной маской (2001, рис. 5, с. 146). Традиция изготовления антропоморфных скульптур широко представлена в материальной культуре народов Сибири (Иванов, 1970).

Вторую достаточно представительную группу аналогий составляют петроглифы. Среди наскальных изображений Сибири и Центральной Азии важное место занимают личины, или образ антропоморфного существа, от головы которого отходят линии в виде своеобразных лучей (рис. 5). Этот элемент трактуется исследователями как волосы, головной убор с перьями, пучком травы, рогами. Восточную линию таких изображений составляют петроглифы Ангары (Окладников, 1966, табл. 156.–3; 164.–1; 168.–2 и др.), Амура (Окладников, 1971, табл. 52; 89), Лены (Окладников, Запорожская, 1959, табл. XXVII), Енисея (Дэвлет, 1980, рис. 10; 1998, рис. 5).

На окуневских стелах Минусинской котловины известны разнообразные варианты «солнцеголовых» антропоморфных изображений, а также отдельные личины, выбитые или нанесенные минеральной краской (Вадецкая, Леонтьев, Максименков, 1980, табл. XXXII.–3, 7; XXXV.–32 и др.). Западную линию аналогий составляют петроглифы юго-восточного Казахстана в урочище Тамгалы (Максимова, 1958; Максимова, Ермолаева, Марьяшев, 1985, с. 9–10), долины реки Байконур (Новоженков, 2002, табл. 17). Подобные изображения известны в Китае и в Индии (Новоженков, 2002, рис. 12–3–8). Наиболее географически близкие параллели «солнцеголовых» памятнику Кораблик-I фиксируются в материалах Горного Алтая эпохи бронзы. Они представлены сюжетами на плитах могильника Каракол (Кубарев, 1988). Известны личины и антропоморфные изображения на керамике (рис. 7.–23–26). Они присутствуют в керамических

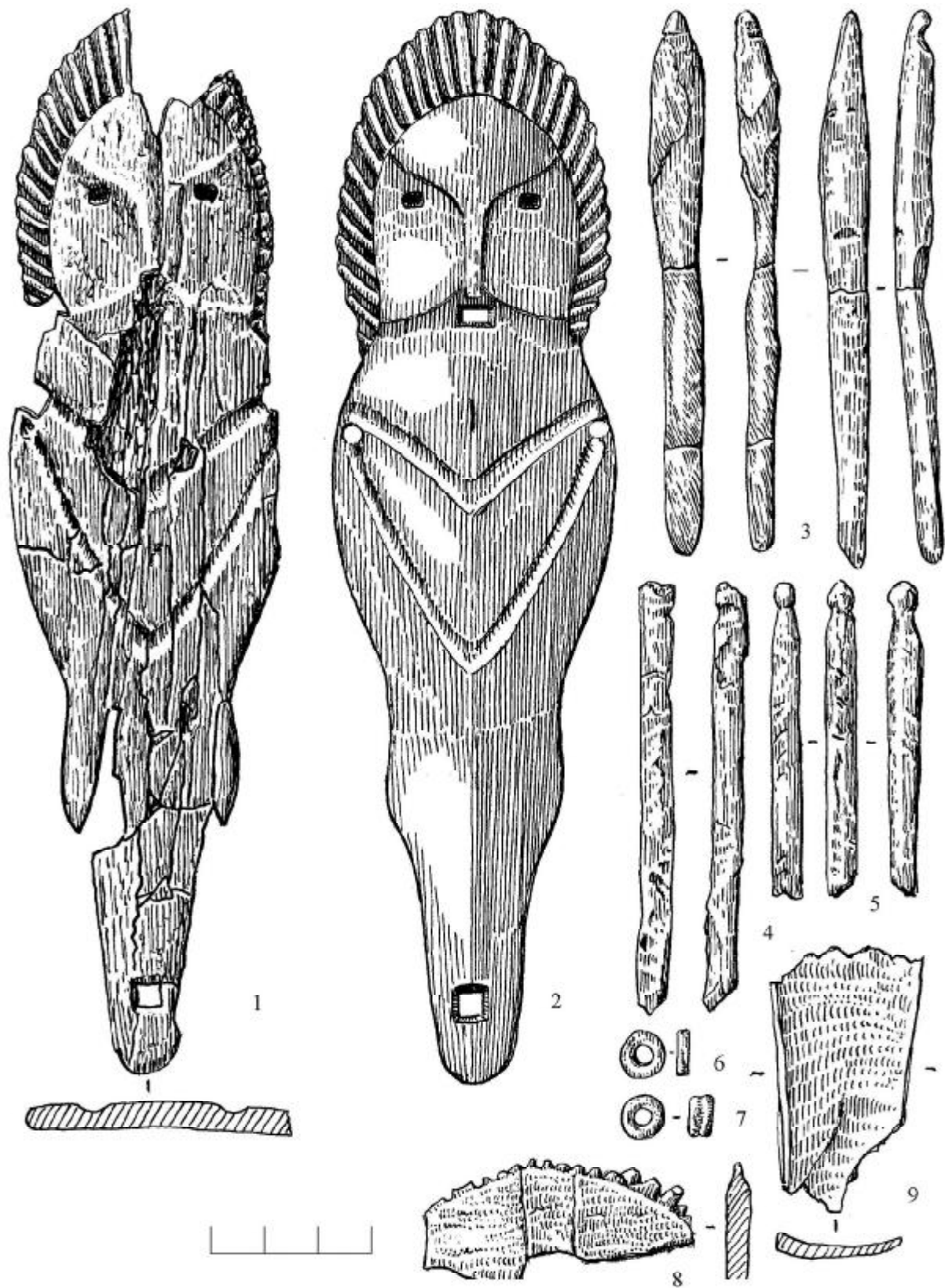

Рис. 4. Комплекс находок в захоронении эпохи ранней бронзы Кораблик-1.

комплексах поселения Самусь-IV (Косарев, 1984, рис. 23.–1–3), на окуневской керамике из могильника ПМК-6 (Паульс, 1997, рис. 4.). Такой элемент как лучи характерны не только для антропоморфных, но и для зооморфных изображений. Так, грива коня на рукояти бронзового ножа из могильника Елунино-I показана в виде аналогичных «лучей». Такой сюжет трактуется как изображение «солнечного коня» (Кирюшин, 1987, с. 118). Известны наскальные рисунки животных с солярными символами на голове в Горном Алтае (Окладников, Окладникова, Запорожская, Скорынина, 1982, табл. XII.-2; Дэвлет, 1998, рис. 10), в Монгольском Алтае (Кубарев, 2002, рис. 1, к).

В контексте приведенных аналогий необходимо обратиться к некоторым элементам оформления скульптуры, которые благодаря проделанной работе удалось интерпретировать. На многих изображениях, причем как в петроглифах, на керамике, так и выполненных в скульптуре отмечается особая поза ног — слегка согнутых в коленях. Она фиксируется в петроглифах Ангары, Лены (рис. 5.–11), Горного Алтая (рис. 5.–10, 13) на керамике поселения Самусь-IV (рис. 7.–23, 25); у бронзовых идолов из Галичского клада (рис. 6.–9). Скульптура из Кораблика-I в нижней части имеет расширение, которое можно, по вышеперечисленным аналогиям, считать условным оформлением позы — согнутых в коленях ног (рис. 8). По мнению С.В. Студзицкой и С.В. Кузьминых, такая поза ног у галичских идолов указывает на то, что фигурки изображают шамана в момент танца или камлания (2002, с. 146).

Другим элементом изображения являются две скобообразные линии на груди скульптуры. А.П. Окладников такой элемент у антропоморфного изображения на скале у деревни Манзи определял как условное изображение ребер (1966, с. 100). При такой трактовке не совсем ясно количество таких полос — две. Не исключая «рентгеновскую» версию в интерпретации двойной полосы на груди антропоморфных изображений, можно предложить иное объяснение, а именно, как условное оформление ожерелья из бус. Детальная проработка исключает другую трактовку такого элемента изображения на костяных пластинах окуневской культуры (рис. 7.–1). Важно отметить, что в некоторых случаях показаны два ожерелья. На скульптуре из Кораблика-I полосы не одинаковой длины, что также косвенно указывает на то, что изображены не ребра (рис. 8).

Таким образом, можно отметить, что отдельные элементы антропоморфной скульптуры из Кораблика-I имеют широкие культурно-хронологические параллели в памятниках Евразии, однако, особое сочетание признаков в других памятниках отсутствует, поэтому этот предмет можно считать на данный момент уникальным. Наиболее близкими памятниками выступают, по нашему мнению, комплексы окуневской Минусинской котловины и каракольской культур Горного Алтая. Погребальный обряд — на левом боку с согнутыми в коленях ногами, головой на СВ, характерен для населения елунинской культуры лесостепного Алтая (Грушин, 2001, с. 53).

Приведенный круг аналогий позволяет определить время сооружения погребения на могильнике Кораблик-I, которое определяется, по нашему мнению, эпохой ранней бронзы (конец III — первая четверть II тыс. до н.э.). Об этом свидетельствуют стилистическое и сюжетное сходство скульптуры на костяной пластине, обнаруженной в погребении, окуневским изображениям Енисея и каракольским — Горного Алтая, датировка которых, большинством исследователей определяется обозначенными выше хронологическими рамками (Максименков, 1970, с. 78; Косарев, 1981, с. 62-79; Савинов, 1997, с. 16; Лазаретов, 1997, с. 40 и др.). Близость к окуневским комплексам демонстрируют и бусы, обнаруженные в погребении на Кораблике-I. Такие украшения присутствуют в погребениях могильника Черновая-VIII (Вадецкая, Леонтьев, Максименков, 1980, табл. XXVI), Уйбат-V (Лазаретов, 1997, табл. XIV.–4–6); Верхний Аскиз-I (Хаврин, 1997, табл. V.–13, 14); Пистах (Подольский, 1997, рис. 5.–7); Есино-IV (Паульс, 1997, рис. 2.–3) и др.

Рис. 5. Изображение «солнцеголовых» в петроглифах и на стенах Центральной и Северной Азии: 1-3 – Нижний Амур; 4-8 – Енисей; 9,15 – Тамгалы; 10,12,13 – Каракол; 11, 14 – Верхняя Лена. (по А.П. Окладникову, В.В. Кубареву, Л.Р. Кызласову, Э.Б. Вадецкой, Н.В. Леонтьеву, А.Г. Метоеву).

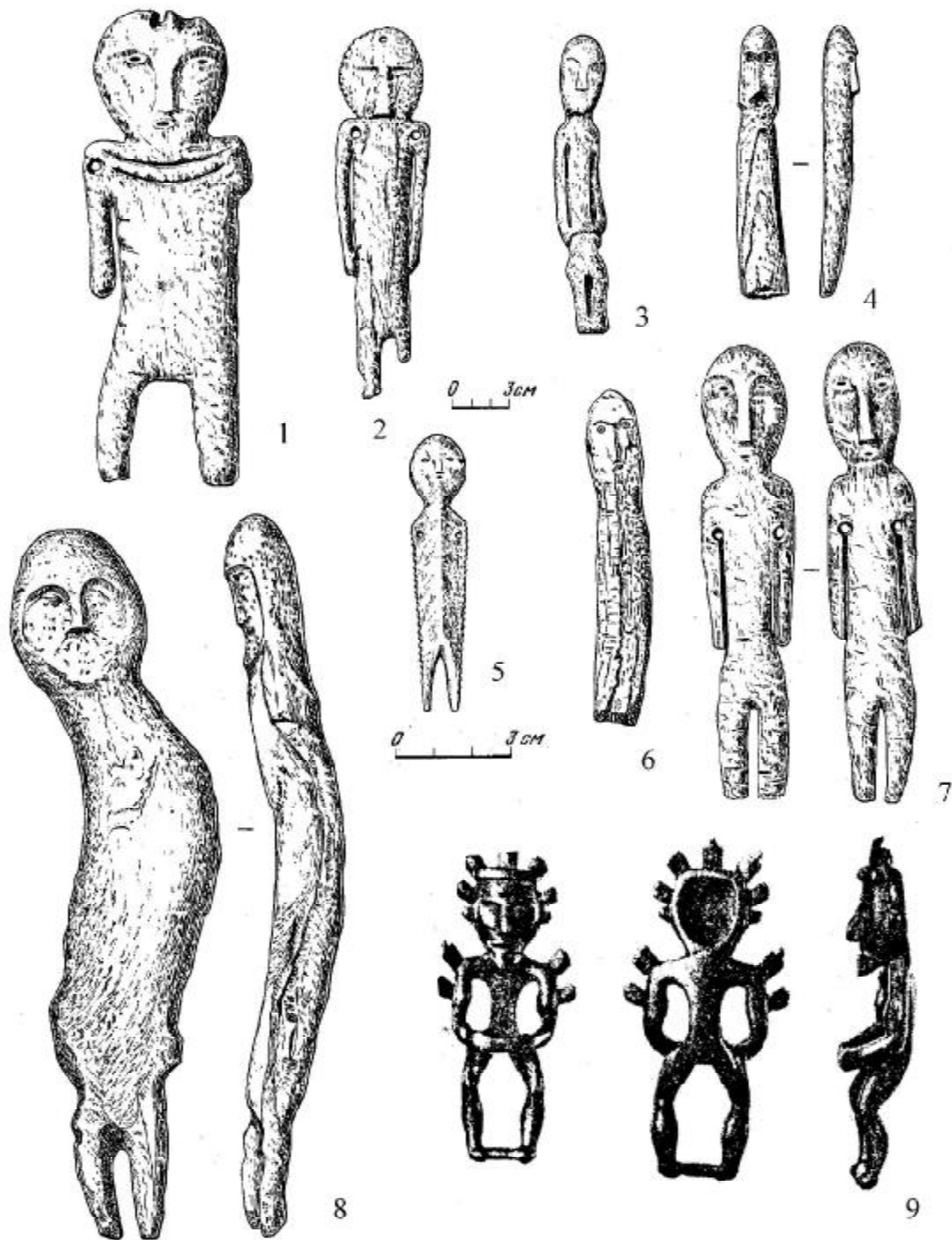

Рис. 6. Антропоморфная скульптура: 1, 2, 7 – Усть-Уда, 3 – Семеново, 4, 6 – Кода, 5, 8 – Шумиха, 9 – Галичский клад (по А.П.Окладникову, О.И.Горюновой, В.И.Смотровой, С.В.Студзицкой, С.В.Кузьминых). 1-8 – кость, 9 – металл

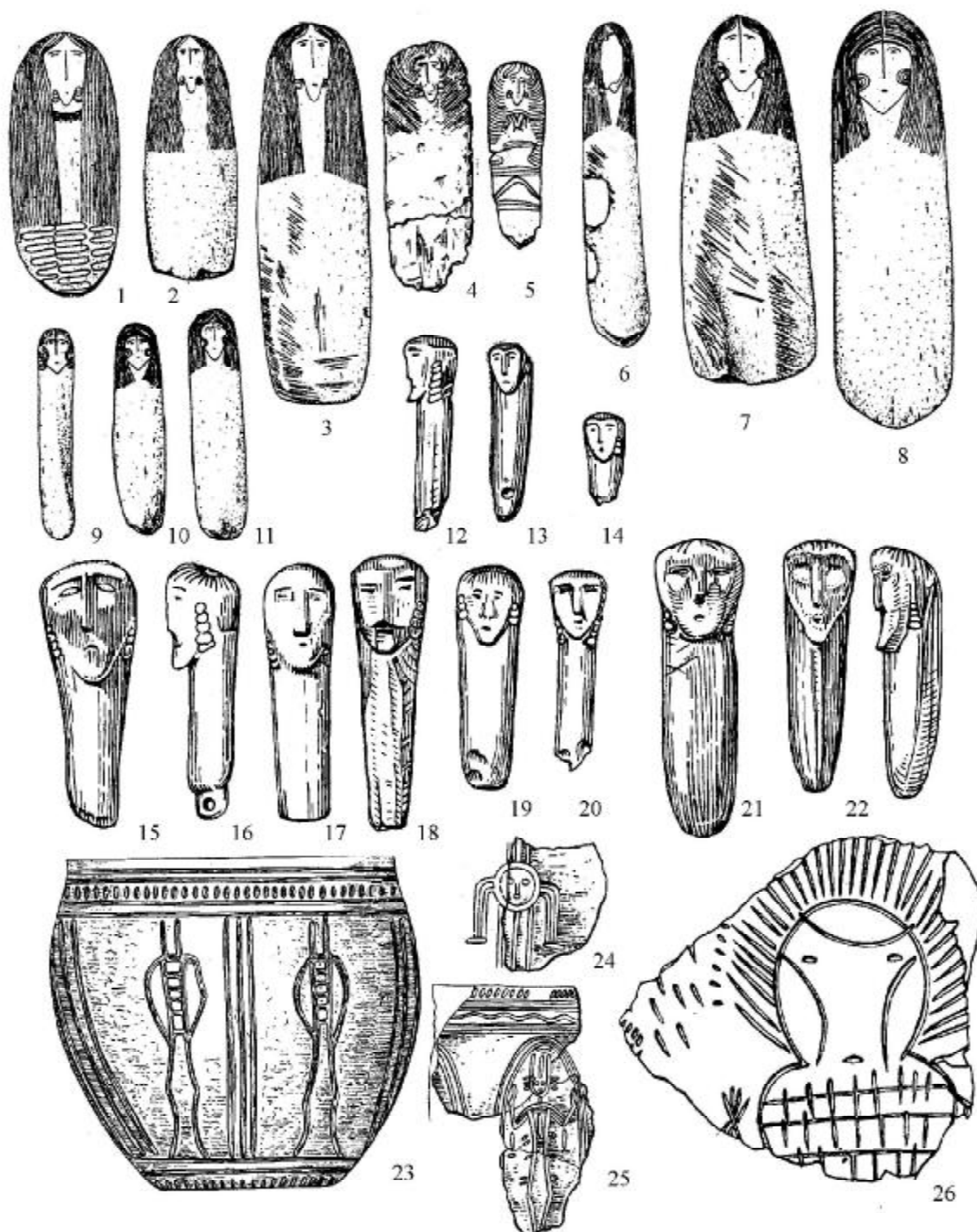

Рис. 7. Антропоморфные изображения из кости, камня и на керамике: 1-3, 6-11 – могильник Верхний Аскиз-I; 4,5, 12-22 – могильник Черновая-VIII; 23-25 - поселение Самусь-IV; 26 – могильник ПМК-6. 1-11 – кость; 12-22 – камень; 23-26 – керамика (по Г.А.Максименкову, С.В.Хаврину, А.А.Ковалеву, М.Ф.Косареву, Е.Д.Паульсу).

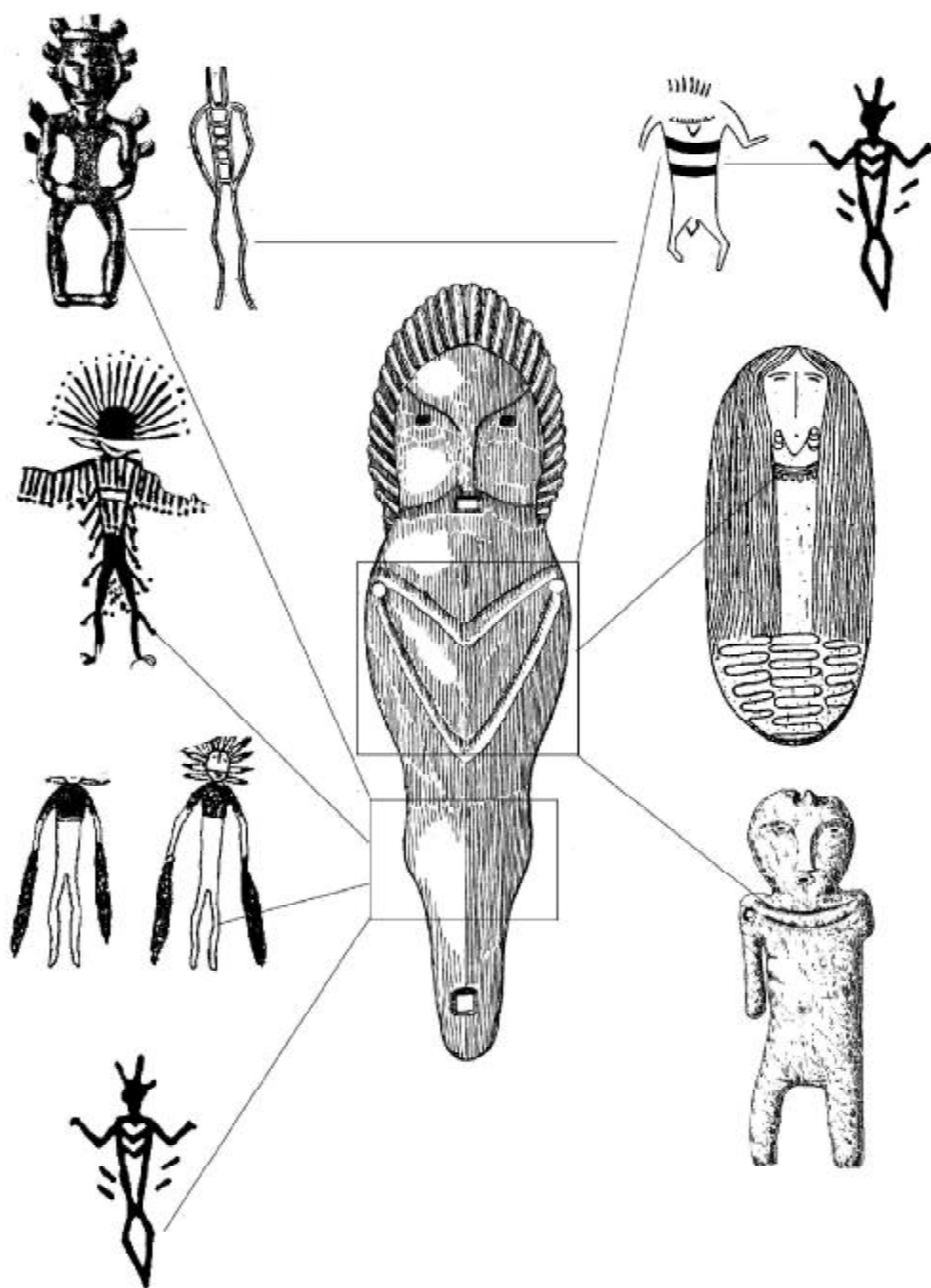

Рис. 8. Аналогии отдельным элементам скульптуры из Кораблика-I среди антропоморфных изображений Восточной Европы и Сибири.

Вопрос о семантике антропоморфных изображений требует специального рассмотрения. В контексте данной работы можно отметить мнение Э.Б. Вадецкой, которая считает, что окуневские костяные пластины и стеатитовые фигурки могли скрываться под своеобразными одеждами, и только голова выглядывала наружу. Как считает исследователь, они являлись частями каких-то мягких, меховых, кожаных или тряпичных куколок. На основании привлечения данных по этнографии коренных народов Сибири, исследователь считает, что такие предметы являлись частью куколок-божеств, вместилища души, ожидавших своего возрождения в новорожденном, покровителями и носителями плодородия, при этом она не исключает их использования в качестве игрушек (Вадецкая, Леонтьев, Максименков, 1980, с. 71). М.Л. Подольский, обратив внимание на «вертикализм» образов, считает фигурки изображениями божеств или обожествленных предков — посредников в общении с небесными силами (1997, с. 187). С.В. Студзицкая определяет фигурки из глазковских погребений как подвески на шаманских костюмах, которые осмыслились древними людьми как духи-помощники шаманов (1981, с. 41; 2002, с. 143), аналогично трактуются и галичские идолы (Студзицкая, Кузьминых, 2001, рис. 5, с. 146). Своеобразие материалов погребения из могильника Кораблик-I, в общем, дают возможность определить его как захоронение шамана. Однако необходимо иметь в виду, что на настоящий момент времени известно только одно захоронение, что не дает возможности уверенно судить о его статусе.

Одной из важнейших задач, которую предстоит решить в ближайшее время, будут поиски ответа на вопрос: захоронение Кораблик-I является единственным в своем роде погребением на территории Бийско-Чумышской возвышенности или оно свидетельствует о существовании здесь особой археологической культуры, другие памятники которой еще не открыты? Несмотря на то, что данный комплекс был открыт более 20 лет назад, до настоящего времени он является единственным захоронением в своем роде на территории Верхнего Приобья, которое нельзя отнести ни к одной из известных археологических культур. Если в будущем будут открыты аналогичные комплексы, можно будет утверждать о наличии на территории Бийско-Чумышской возвышенности особой археологической культуры эпохи ранней бронзы, родственной окуневским, каракольским, возможно, елунинским древностям.

Комплекс Кораблик-I может иметь важное значение в решении проблемы происхождения окуневской культуры Минусинской котловины (историографический обзор по данной проблематике содержится в статье Д.Г. Савинова, 1997). Отметим, что, по нашему мнению, данный комплекс может являться дополнительным аргументом в обосновании миграционной теории (юго-западного) происхождения окуневской культуры (Пяткин, 1987; Лазаретов, 1997). Данный памятник — еще один пункт, маркирующий маршрут мигрантов в Минусинскую котловину: юг Средней Азии — юго-восточный Казахстан (петроглифы Тамгалы), Восточный Казахстан (могильник Канай) — Горный Алтай (каракольские памятники) — Бийско-Чумышская возвышенность (могильник Кораблик-I). Вопрос о наличии многочисленных аналогий отдельным элементам скульптуры из Кораблика-I в изобразительной традиции Восточной Сибири требует специального рассмотрения.

Поставленные проблемы, в связи с открытием памятника нового типа для Верхнего Приобья, найдут свое развитие в результате дальнейших археологических изысканий на территории Бийско-Чумышской возвышенности.

Г.Е. Иванов

(Алтайский государственный университет)

Керамический комплекс поселения Суслово-1*

Поселение Суслово-1 расположено у с. Суслово Мамонтовского района Алтайского края, в 3,5 км к западу от села, на опушке ленточного соснового Касмалинского бора. Занимает высокую (до 4 м), небольшую по площади (800x400 м) дюнную возвышенность, вытянутую с СВ на ЮЗ. Отделено от степи заболоченным озером, лежащим в русле древнего водотока, идущего вдоль опушки бора (старица р. Касмалы).

Открыто и исследовалось автором в 1982 году. Рельефных признаков наличия жилищ не прослеживалось. В процессе работ выяснилось, что культурный слой перекрыт мощными (до 2,5 м) песчаными наносами. Разведочным раскопом вскрыта часть жилищного котлована под прямоугольной формы глубиной до 90 см, врезанного в юго-восточный склон дюны, обращенный к озеру. На полу жилища и в прилегающем к нему культурном слое найдены кости домашних и диких животных (Иванов, 2000, с. 132), обломки камней, среди которых много пережженных, многочисленные обломки глиняных кирпичиков округлой формы, диаметром 10–11 см, толщиной 5–6 см, использовавшихся, судя по сильному обжигу, в качестве вымостки для очагов. Подобные кирпичики найдены в позднем жилище №1 пос. Калиновка-2, в жилище пос. Калиновка-4 (Иванов, 2000, с. 84), на других памятниках Алтая (Шамшин, Изоткин, Ситников, 2002, с. 106) и Казахстана, относящихся к завершающему этапу саргаринско-алексеевской культуры.

Орудия труда представлены бронзовым миниатюрным теслом (рис. 1–1), бронзовой прямоугольной пластиной с приостренным и зашлифованным в процессе использования узким рабочим краем (рис. 1–2), костяным орудием так же со следами длительной работы на приостренном конце (рис. 1–4) и каменным лощиком со срезанным краем (рис. 1–3), на котором хорошо заметны многочисленные грубые поперечные царапины, видимо, подтверждающие трасологические наблюдения Н.Ю. Кунгуровой об использовании подобных орудий в качестве инструментов для обработки поверхности отлитых и прокованных бронзовых изделий (Кунгурова, Удодов, 1997, с. 78; Кунгурова, Ситников, 1999, с. 48). Семь подобных лощиков найдено в жилище пос. Калиновка-4, одиннадцать — на пос. Курейка-3 (Иванов, 2000, с. 72, 116).

Особый интерес представляет сравнительно немногочисленный, но яркий и своеобразный керамический комплекс поселения. Всего в раскопе найдено 580 крупных фрагментов и шесть развалов сосудов. В культурном плане эта коллекция делится на саргаринско-алексеевскую, бегазы-дандыбаевскую и станковую. Основную часть керамики составляют сосуды, относящиеся к завершающему этапу саргаринско-алексеевской культуры. Их около 70. Цвет преимущественно серовато-черный, реже – жел-тый и розоватый. Тесто рыхлое, с большой примесью крупнозернистого песка и дресвы. Внутренние и внешние поверхности обработаны грубо, неровные. На части фрагментов хорошо видны следы заглаживания травой или щепой. Толщина фрагментов в основном 0,7–1,0 см. По форме основная часть относится к горшкам довольно вы-

*Работа выполнена при поддержке РГНФ проект № 03–01–00475а

соких пропорций с широкой горловиной, невысокой шейкой, умеренно раздутым туловом и небольшим днищем (рис. 1–5; рис. 2–1–4; рис. 3–1–8, 10). Единично представлены горшки с резким ребром по плечикам (рис. 1–5), с высокой шейкой, приближающей эти сосуды к кувшиновидным (рис. 4–5), либо, наоборот, приземистых пропорций (рис. 3–9; рис. 5–5). Срез венчика овальный или слегка уплощенный. В одном случае по срезу нанесены косые оттиски гладкого штампа. На втором месте по численности в этой группе — сосуды слабопрофилированных форм, близкие к баночным (рис. 3–8; рис. 4–1). Шестью-восемью экземплярами представлены банки (рис. 1–6; рис. 4–2,7). Около 30% сосудов (по шейкам) не орнаментировано. На остальных орнаментом занята, в основном, лишь узкая полоса на границе шейки и плеча (около 70% всех орнаментированных сосудов) (рис. 1–5; рис. 2–2–4; рис. 3–1–3, 9; рис. 4–1,8; рис. 5–5). Лишь на 10–11% сосудов орнаментом занята верхняя треть или половина сосуда (рис. 1–6; рис. 2–1; рис. 3–4,8,10; рис. 4–2,3,5), придонная часть и дно не орнаментированы. Поэтому общая доля орнаментированных фрагментов невелика и составляет около 18% от всех найденных. По подсчетам С.М. Ситникова по этому показателю керамический комплекс поселения находится на последнем месте среди саргаринско-алексеевских поселений лесостепного Алтая и наиболее близок к комплексам поселений Жарково-1 и Гусиная Ляга (Ситников С.М., 2002, с. 11).

Преобладающая техника орнаментации — гладкий штамп и нарезка (рис. 1–5; рис. 2–1–4; рис. 3–2,5,7,9,10; рис. 4–1,3,5,8; рис. 5–5). Они присутствуют на половине всех орнаментированных сосудов, что является самым высоким показателем среди всех керамических комплексов с валиковой керамикой (Ситников, 2002, с. 11). Основные элементы орнамента, нанесенные этим штампом — косой крест, абсолютно преобладающий среди всех элементов (рис. 1–5, рис. 2–2–4; рис. 3–2,4; рис. 4–1,8), елочка (рис. 2–1; рис. 3–3,10; рис. 5–5), сетка (рис. 3–7; рис. 4–3,5,8), косые линии (рис. 3–5,9; рис. 4–1). Около 11% сосудов орнаментированы оттисками крупно- и среднезубчатой гребенки, образующими сетку (рис. 1–6; 3 экз.), елочку (рис. 3–1,8; рис. 4–5; 7 экз.), наклонные оттиски (рис. 4–6; 1 экз.). По редкому использованию гребенчатого штампа керамический комплекс пос. Сулово-1 сближается с наиболее поздними комплексами поселений Жарково-1 и Рублево-VI (Ситников, 2002, с. 11). Три-четыре процента сосудов орнаментированы оттисками ногтя и ногтевыми защипами, образующими вертикальные и горизонтальные ряды (рис. 4–2,4); рядом жемчужника (рис. 2–3; рис. 4–5) или ямок (рис. 2–4) по шейке; невысоким, узким, овальным в сечении орнаментированным валиком (рис. 3–1–3) или узким плоским воротничком (рис. 3–4–6). Восемь-десять процентов составляют наколы различной формы (рис. 3–4; рис. 4–7; рис. 5–5). Встречаются резные линии (рис. 4–3), широкие неглубокие желобки (рис. 1–6).

Орнамент наносился в основном одной-двумя строками, в виде сочетания гладкого штампа или насечек с наколами разной формы (рис. 2–4; рис. 5–5), жемчужником (рис. 2–3), либо повторением одного элемента (рис. 4–4,6,7). Более сложные композиции в три-четыре строки встречаются редко (рис. 1–6; рис. 4–3,5). Как правило, это сочетание резной или гребенчатой сетки с наколами, жемчужником, елочкой и резными линиями. Но и в этих случаях орнамент покрывает лишь верхнюю часть сосудов. Таким образом, в композиционном отношении орнаментация этой группы простая и довольно бедная. Низкая степень орнаментации, широкое применение гладкого штампа, большое количество неорнаментированной посуды, господство простейших узоров, наличие жемчужника и полное отсутствие сложных геометрических композиций в андроновском стиле и мелкозубчатого штампа позволяет считать эту группу одним из наиболее поздних комплексов саргаринско-алексеевской керамики Казахстана и Алтая (Зданович, 1988, с. 114; Демин, Ситников, 2002, с. 35–36; Ситников, 2002, с. 11–13) с одной стороны, а с другой — сближа-

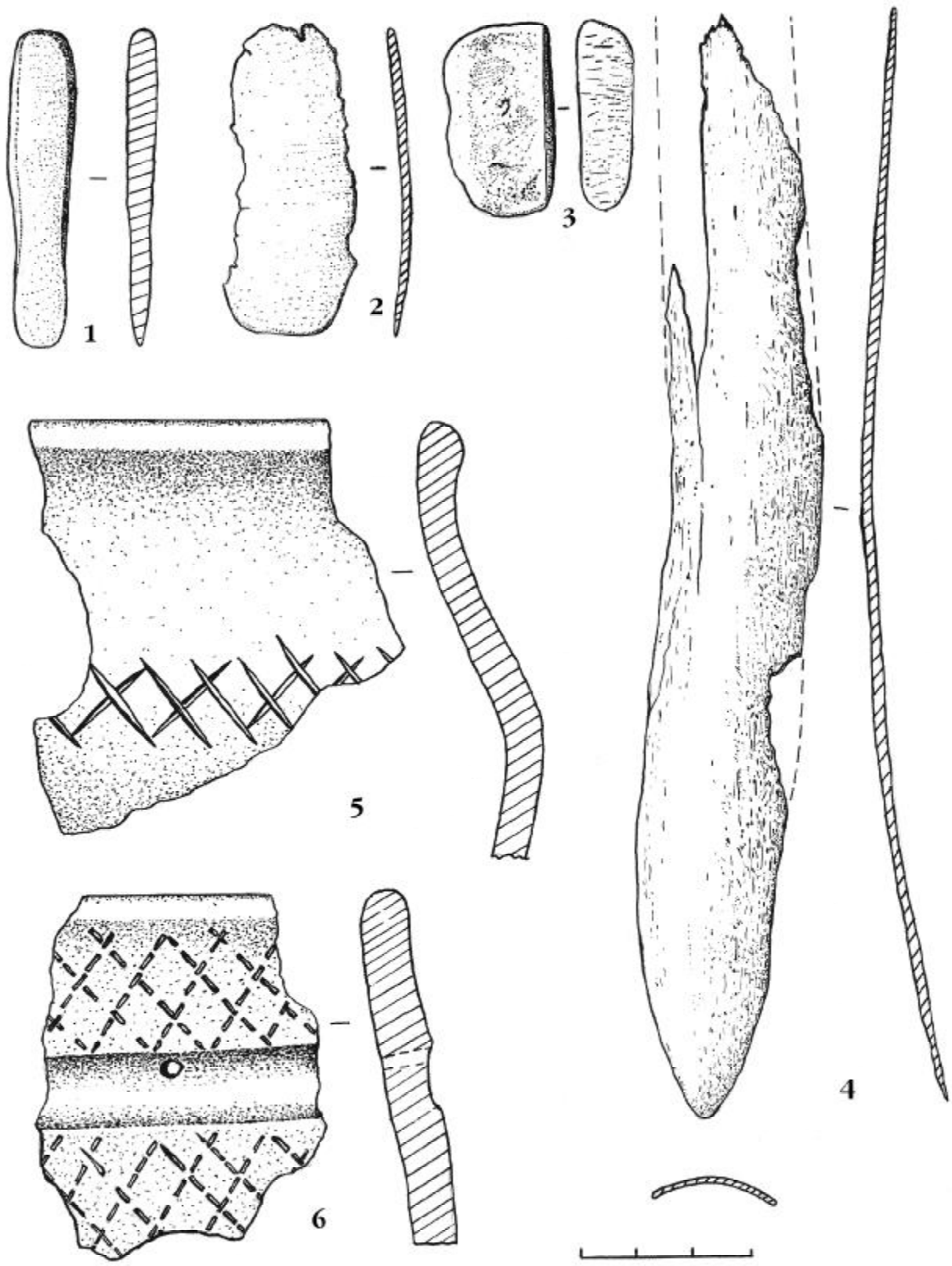

Рис.1. Инвентарь пос. Суслово-1. 1,2 – бронза, 4– кость; 3 – камень, 5-6 - глина

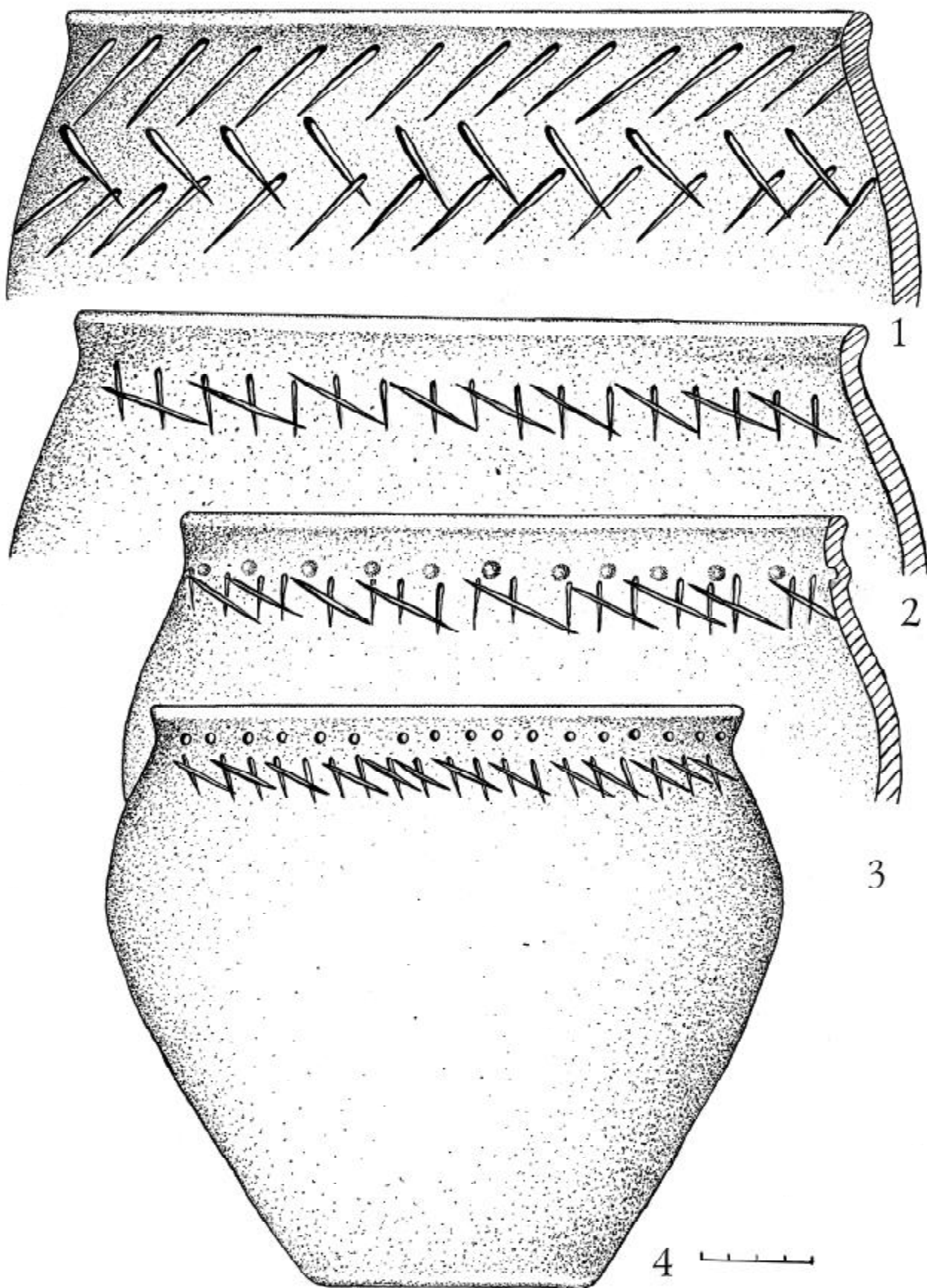

Рис.2. Керамика поселения Суслово 1

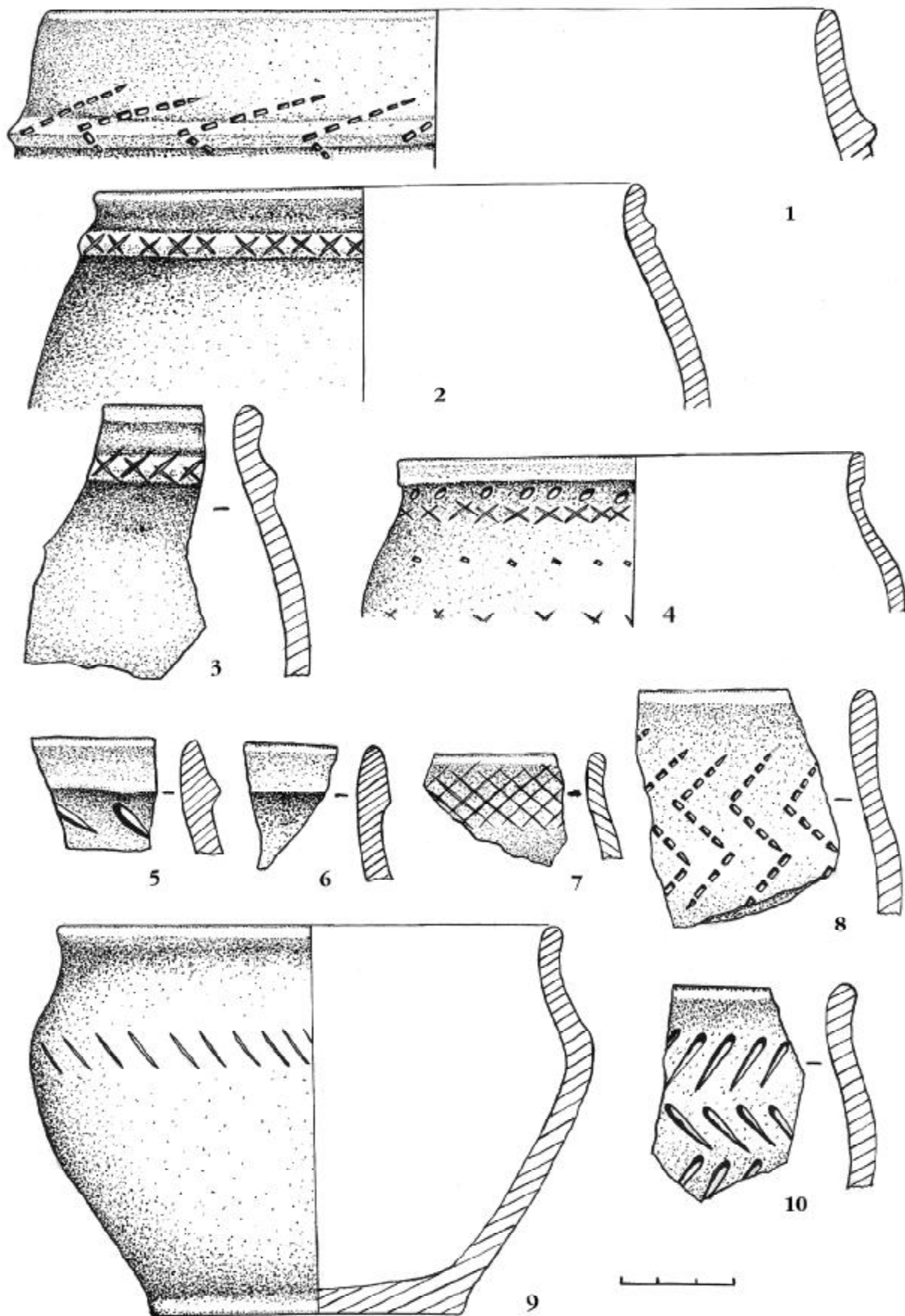

Рис.3. Керамика поселения Суслово 1

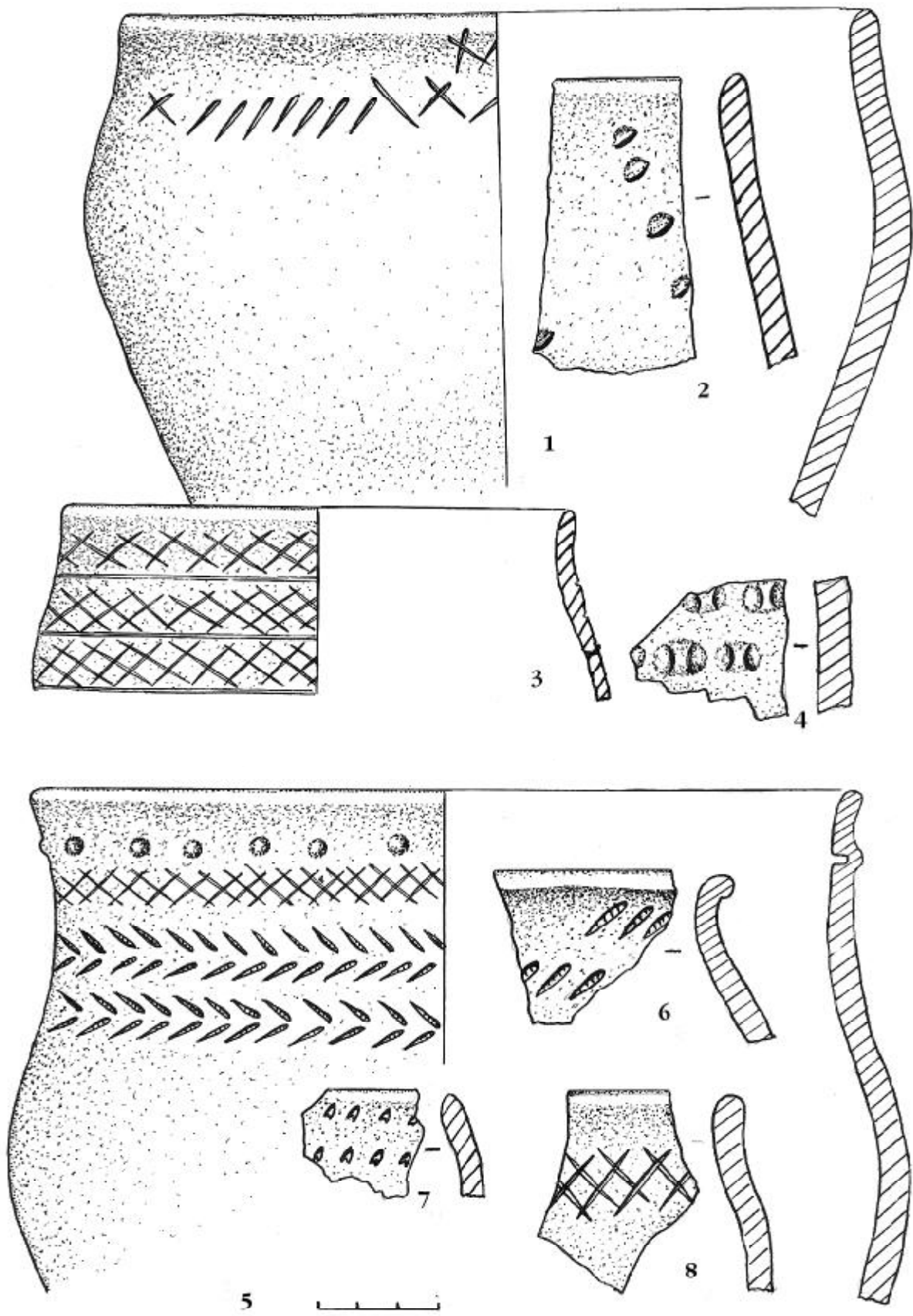

Рис.4. Керамика поселения Суслово-1

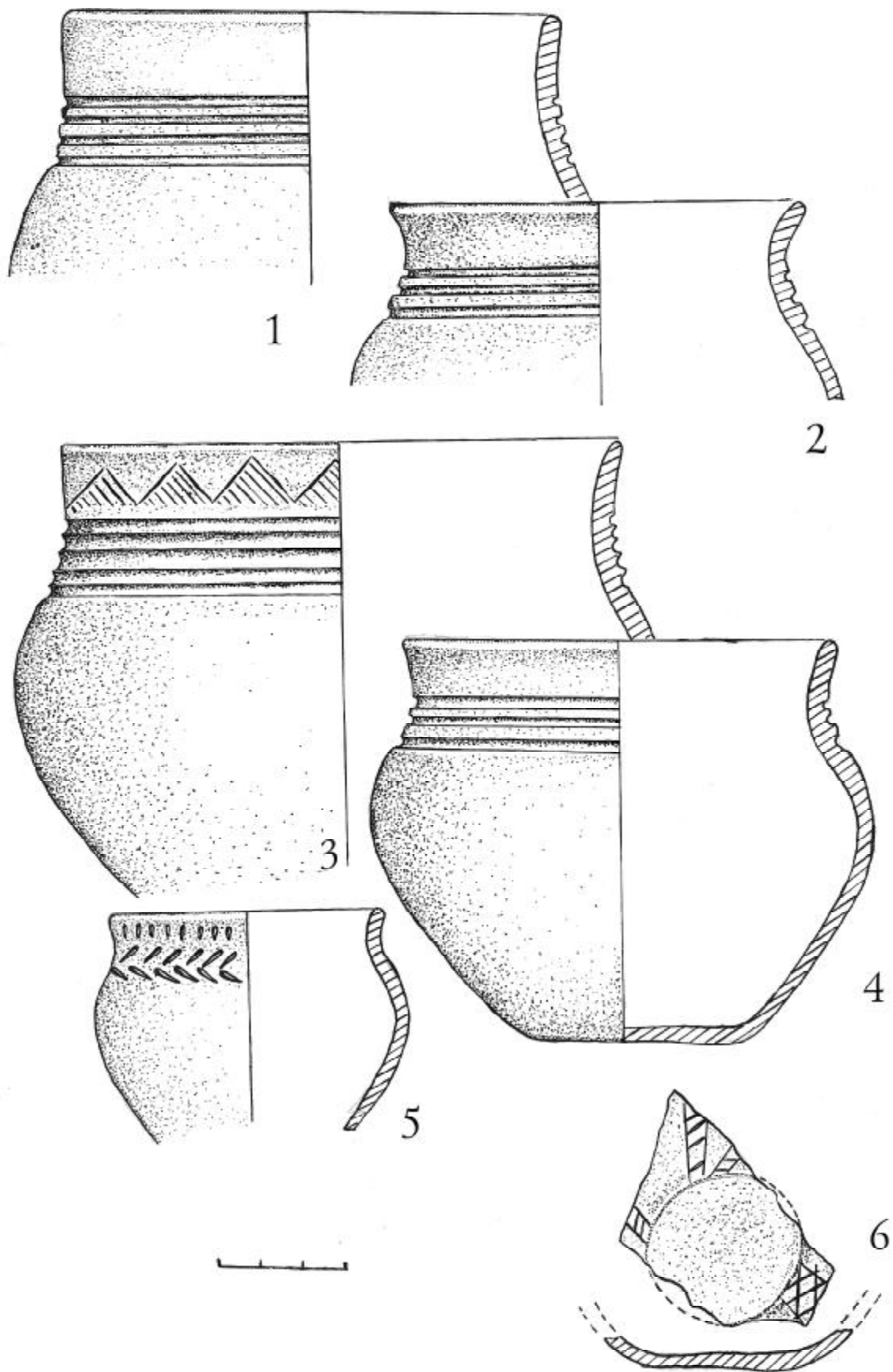

Рис.5. Керамика поселения Суслово-1

ет ее с керамикой раннего железного века. В связи с этим особый интерес представляет очень незначительное присутствие в комплексе валиковой и воротничковой посуды, представленной поздними формами этой яркой орнаментальной традиции. В то же время в донгальском типе керамики, который многими исследователями трактуется как переходный от бронзы к железу (Ломан, 1987, с. 115–129; и др.) валик играет существенную роль в орнаментации и представлен очень выразительными и разнообразными формами. Вряд ли это объясняется какими-то локальными различиями поздних комплексов — поселение Суслово-1 находится в непосредственной близости от поселений Калиновка-2 и Черная Курья-3, в керамических комплексах которых донгальский тип хорошо фиксируется (Иванов, 1993б, с. 132–146; Иванов, 2000, с. 83, рис. 34–1-5, с. 94–95, рис. 36–7-10). Логичнее предположить, что между донгальскими комплексами и керамикой раннего железного века находятся комплексы типа Суслово-1, Петровка-4, Явленка, Ильинка-1 (Зданович, 1988).

Вторая, очень немногочисленная группа керамики поселения представлена небольшими тонкостенными сосудами с прямым или слегка отогнутым венчиком, раздутым шаровидным туловом и уплощенным дном. Цвет черный снаружи, изнутри и в изломе, тесто очень плотное, однородное, примеси визуальнo не прослеживаются. Изготовлены тщательно, внешняя поверхность залощена до глянцевого блеска. Шейка всех сосудов украшена рядами узких, глубоких желобков (рис. 5–1-4), в одном случае рядами косо заштрихованных равнобедренных треугольников, обращенных вершинами вверх орнаментирована зона венчика (рис. 5–3), в другом — косыми лентами, заштрихованными косыми же насечками или сеткой, орнаментирована придонная часть (рис. 5–6). Орнамент нанесен аккуратно, тонкими резными линиями. Группа представлена 16 фрагментами от пяти-шести сосудов, везде залежавших совместно с посудой первой группы. По составу теста, технике изготовления, форме и орнаменту резко отличается от основного комплекса поселения.

Подобная керамика в таком же или еще меньшем процентном соотношении присутствует как на саргаринско-алексеевских поселениях данного микрорайона (Крестьянское-3, Курейка-3, Калиновка-2) (Иванов, 1993а, с. 62; 1993б, рис. 4–1-11, 2000, с. 83, рис. 34–6,7), так и на других памятниках лесостепного Алтая (Ситников, 2002, с. 11, 14–15; Демин, Ситников, 1998, с. 45; Папин, Ченских, Шамшин, 2000, с. 152–155; Папин, Шамшин, 2001, с. 65–67; Ситников, 1998, с. 73; 2002, с. 106; Удодов, 1994, с. 11; Уманский, Ситников, 1995, с. 46; Федорук, 2002, с. 285; Шамшин, Изоткин, Ситников, 2002, с. 106) и Казахстана (Варфоломеев, 1987, с. 59). По общему восприятию формы и орнамента она сопоставима с бегазы-дандыбаевской керамикой Казахстана, хотя доказательство ее тождества с ней требует, видимо, специального исследования.

Наконец, третьей группой керамики, обнаруженной на поселении, является станковая. Найдено четыре фрагмента стенок. Цвет красно-кирпичный, тесто плотное, без видимых примесей.

Хронологическое единство этих трех компонентов, образующих в целом единый комплекс, подтверждается материалами практически всех поселений эпохи поздней бронзы лесостепного Алтая, содержащих в качестве культуuroобразующего признака керамику с валиком. Это единство существует, видимо, довольно длительное время, в течение которого его саргаринско-алексеевская составляющая претерпевает наиболее значительные изменения, позволяющие разграничивать этот массив хронологически и территориально. Как уже неоднократно отмечалось нами (Иванов, 1988, с. 101–104; 1993б, с. 132–146; 2000, с. 62–63) поселение Суслово-1 является одним из самых поздних памятников с валиковой керамикой и датируется в пределах X–IX–VIII вв. до н.э. Несомненно, оно заслуживает дальнейшего исследования, которое позволит уточнить и скорректировать выводы, сделанные на основе имеющегося материала.

Ю.Ф. Кирюшин, С.П. Грушин, П.К. Дашковский
(*Алтайский государственный университет*)
Бронзовые предметы со станции Развилка
(**Верхнее Приобье**)*

В фондах Новоалтайского музея хранится несколько бронзовых изделий, публикации которых и посвящена настоящая статья. Коллекция состоит из предметов вооружения — два кинжала, наконечник копья и втулка от аналогичного копья и украшений — две пуговицы-бляхи и пронизка.

По имеющейся в описи музейной коллекции информации все вещи обнаружены на станции Развилка, и поступили в музей в 70-е гг. В 1980 году Ю.Ф. Кирюшин и В.Б. Бородаев обследовали место находки предметов, которое было расположено на территории ИТК УБ №14/8, в ходе осмотра местонахождения выяснилось, что все вещи происходят из одного комплекса, вероятно, из погребения, разрушенного в ходе строительных работ по сооружению изолятора.

В коллекцию входит бронзовый кинжал (инв. № ОФ-12/1) с прямоугольным выделенным черешком (рис.1.–3). Общая длина изделия 13,2 см, черешка — 3,4 см, пера — 9,8 см. Острие клинка обломано, с учетом отсутствующей части, кинжал имел первоначальную длину около 15 см. Клинок имеет подтреугольную вытянутую форму и расширяется к основанию, его максимальная ширина — 3,5 см. В нижней части он имеет сужение до 2,2 см, образуя уступ (выемку) на протяжении 2,2 см. Клинок имеет ромбовидную форму в разрезе, и ребро жесткости по центру. Черешок кинжала подчетыреугольной формы, плоский в разрезе, имеет ширину 1,2 см. Пятка черешка раскована и имеет округлую форму диаметром 1,6 см.

Другой кинжал (инв. № ОФ 12/2), по форме, аналогичен вышеописанному изделию, однако имеет более крупные размеры (рис.1.–2). Его длина — 16,5 см, с учетом обломанного острия — 18,5 см. Клинок составлял 12,4 см или 14,5 см. Максимальная ширина — 4,7 см, сужение в нижней части — 3,7 см, длиной 2 см. Черешок четырехугольной формы длиной 4,2 см имел ширину 1,3 см. Переход к черешку у данного экземпляра оформлен под прямым углом.

В коллекции представлены два бронзовых наконечника копья. Первый экземпляр (инв. № ОФ 11/1) имеет длину 21 см, с учетом обломанного острия — 22,5 см, длина пера — 14 см, максимальная ширина — 4,2 см (рис.1.–1). Перо имеет подтреугольную, вытянутую форму и расширяется к основанию. Глухая втулка выступает за пределы пера на 8,5 см, ее максимальный диаметр в нижней части — 3,1 см. Втулка вклинивается в перо и клином доходит до его острия. С двух сторон в нижней части втулки имеются два сквозных отверстия — для крепления наконечника к древку.

От другого изделия (инв. № ОФ 11/2) сохранилась втулка и нижняя часть пера (рис.2.–1). Втулка выступает за пределы пера на 5 см, ее максимальный диаметр в нижней части 2,5 см. Как и вышеописанный наконечник копья, данное изделие имеет два сквозных отверстия во втулке.

Категория украшений представлена двумя пуговицами-бляшками и пронизкой. Бляшки (рис.1.–4; 2.–2) имели круглую форму, диаметром 4,5 (инв. № ОФ 12/3) и 3,4 см (инв. № ОФ

*Работа выполнена при поддержке грантов ФЦП «Интеграция» (проект №ИО539 и Минобр-
зования РФ (проект №Г02–1.2–509)

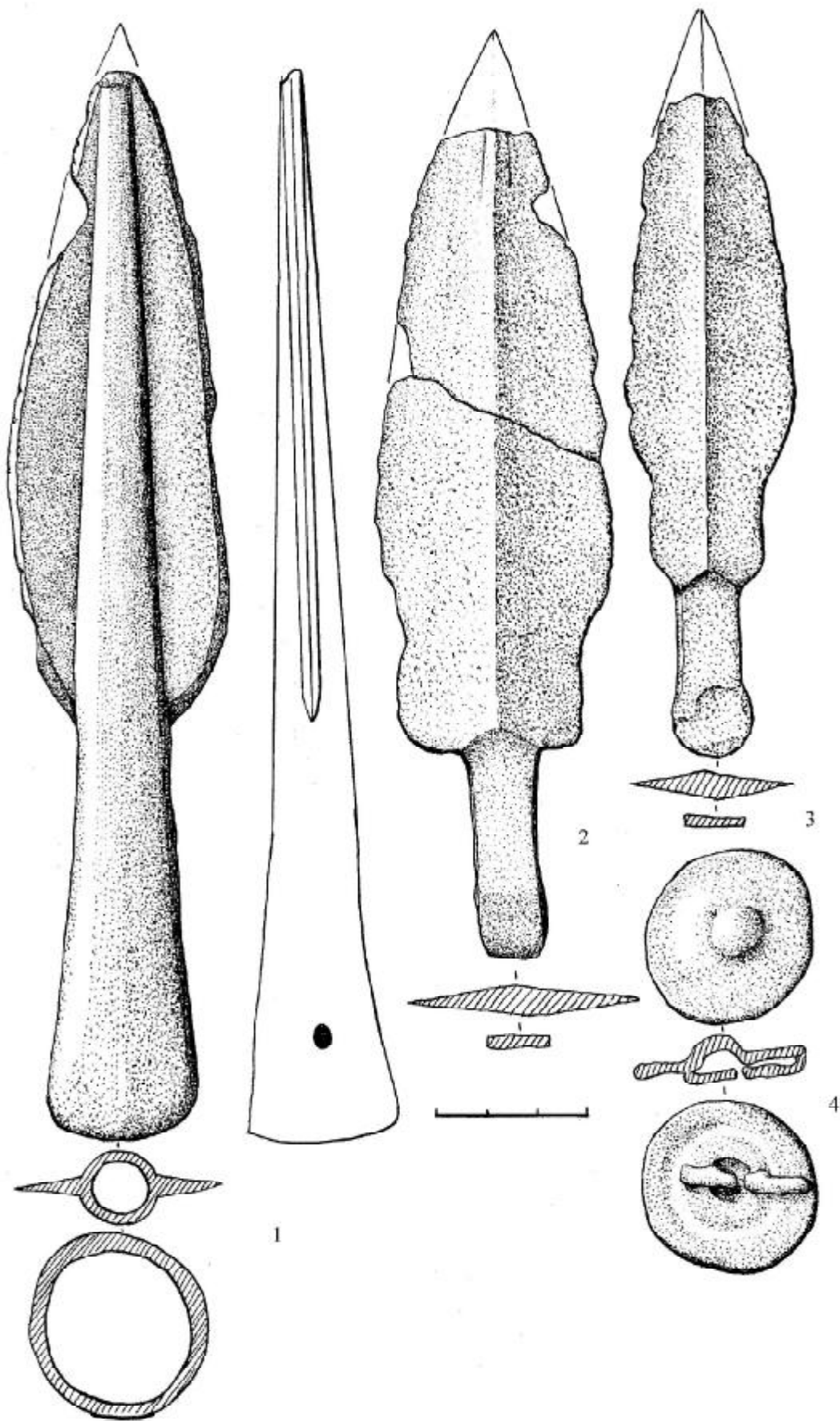

Рис.1. Бронзовые предметы со станции Развилка

12/4). Первое изделие слегка выпуклой формы с внутренней стороны имело скобообразную планку длиной 2,5 см для крепления. Вторая пуговица имела выпуклость, так называемый «сосцевидный выступ», диаметром 1,2 см и высотой 0,5 см в центральной части. С внутренней стороны изделия присутствовала деталь для крепления в виде, аналогичной первому изделию, планки длиной 2,7 см.

Пронизка (рис.2.–3) представлена изделием с «гофрированным» орнаментом размерами 2,5x1,5x0,5 см, толщина фольги, из которой изготовлен предмет, 0,1 см.

Оба кинжала, имеющиеся в коллекции, можно отнести к так называемому срубно-андроновскому типу. В настоящее время находки изделий такого типа широко распространены на обширных территориях Северной Евразии в памятниках бронзового века алакульской, срубной, поздняяковской, и других археологических культур (Черных, 1970, с. 62; Аванесова, 1991, с. 22–25).

По своим морфологическим признакам кинжалы наиболее близки изделиям, происходящим с территории Восточного Казахстана – Зевакино, Усть-Таловка (Арсланова, 1973, рис. 4; Аванесова, 1991, рис. 26.–7, 9); Центрального Казахстана — Нурек (Аванесова, 1991, рис. 27.–8), Среднего Прииртышья — Черноозерье-I (Генинг, Стефанова, 1994, рис. 10.–1; 13.–2). Близкие кинжалы известны в Барабе, в кротовских материалах могильника Сопка-II (Молодин, 1985, рис. 29). Изделия с Развилки имеют некоторые специфические детали. К ним относится относительно широкое перо, которое не характерно для большинства изделий срубно-андроновского типа. Кроме того, нижняя часть клинка оформлена в виде сужения, такой признак можно рассматривать как переходный к кинжалам с «выемкой» или «перекрестием».

С.С. Черников отмечал, что кинжалы такого типа имели широкое распространение в Восточном Казахстане и Средней Азии и определял их ранним временем, хотя не исключает их и более позднее распространение. Среди изделий встречаются и кинжалы, у которых черешок заканчивается округлым окончанием (Черников, 1960, с. 78).

Пронизки в большом количестве встречены на кротовском могильнике Сопка-II, в том числе и с «гофрированным» орнаментом (Молодин, 1985, рис. 33.–31, 33, 34, 36, 40, 41, 47–53). Такие изделия были изготовлены из бронзовой пластинки и обернуты золотой фольгой (Молодин, 1985, с. 67–68). Обнаружены они в ирменском комплексе Камышенка (Членова, 1994, рис. 5.–20, 21). Такие украшения известны в Турбинском могильнике, а также в памятниках абашевской культуры (Кузьмина, 1992, табл. 41; 2000, рис. 7.–8). Таким образом, пронизки имели широкое распространение в Урало-Алтайском регионе и за его пределами в эпоху развитой и поздней бронзы. Они могли использоваться двумя способами – для подвесных более крупных украшений и для шитья более мелкими украшениями (Кузьмина, 2000, с. 98).

Бляшки-пуговицы также имеют широкий круг аналогий в памятниках андроновской культурно-исторической общности (Аванесова, 1991, с. 64). В ирменском комплексе Журавлево-IV обнаружено 72 экз. подобных изделий (Бобров, Чикишева, Михайлов, 1993, с. 90). Такие изделия встречены в могильнике Черноозерье-I в Прииртышье (Генинг, Стефанова, 1994, рис. 9.–1, 2; 10.–2, 3; 17.–1), в кротовском могильнике Сопка-II (Молодин, 1985, рис. 35.– 1, 3, 6, 9). Бляшками могли украшать ворот платья, обувь, они являлись основой украшений нагрудников, налобных повязок (Аванесова, 1991, с. 64).

Особого внимания заслуживают два наконечника бронзовых втульчатых копий. Несомненно, что такие изделия продолжают линию развития сейминско-турбинской традиции в бронзолитейном производстве. Об этом свидетельствуют глухая втулка, форма пера. На территории лесостепного Алтая изделия, выполненные в такой традиции, представлены преимущественно случайными находками (Савинов, 1975, рис. 6; Уманский, Демин, 1983). На более позднее вре

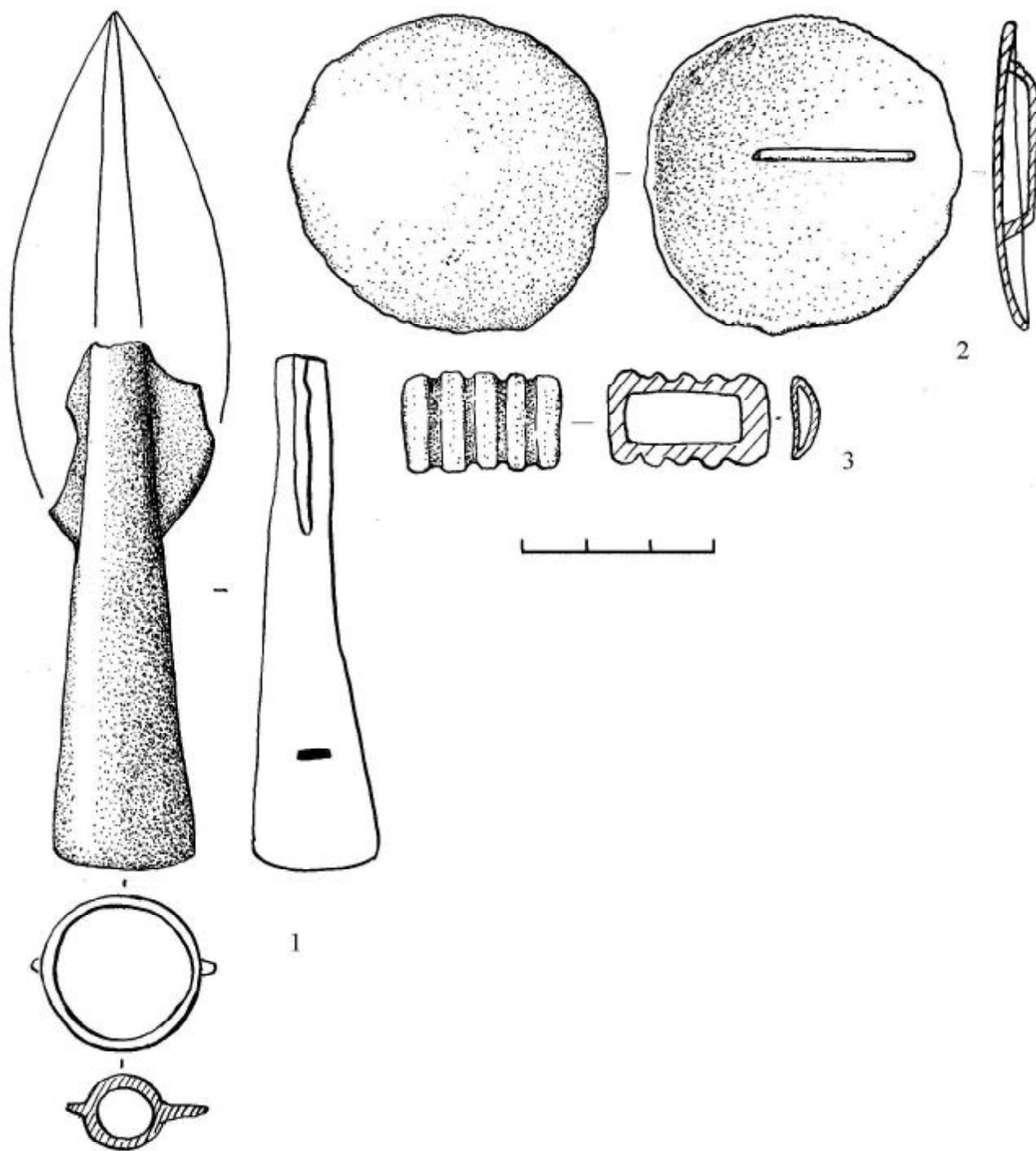

Рис.2. Бронзовые предметы со станции Развилка

мя существования изделий с Развилки указывает отсутствие такого важного элемента как «вилка». Ближайшими аналогиями для наконечников являются изделия обнаруженные Д.Г. Савиновым на могильнике Осинки (1975). Отличия заключаются в соотношении длины пера и втулки, у копий с Осинок данный показатель — 1, в нашем случае — 0,7. Важно отметить, что могильник Осинки расположен, также как и могильник Развилка, в правобережье Верхней Оби.

Подобные наконечники известны в материалах андроновской культурно-исторической общности, наиболее близкими являются изделие из Бектениз (Зданович, 1988, рис. 43; Аванесова, 1991, рис. 42.–2) и клада у с. Предгорное (Аванесова, 1991, рис. 42.–8). Известны такие наконечники в материалах поздняяковской культуры Волго-Окского бассейна (Археология... 1987, рис. 65.–21, 23).

В настоящее время не может быть окончательно решен вопрос и о культурной принадлежности комплекса Развилка, так как все обнаруженные вещи имеют большой круг аналогий в различных культурах, а керамические комплексы отсутствуют. Остается спорным и культурная принадлежность могильника Осинки, наиболее близкого по материалам к комплексу Развилка. Н.Л. Членова считает памятник ирменским (1994, с. 36), Ю.Ф. Кирюшин и А.Б. Шамшин относят его к корчажкинской культуре (1987, с. 141). Данный могильник датируется барнаульскими археологами, вслед за Д.Г. Савиновым, X–VIII вв. до н.э. (Савинов, 1975, с. 99; Кирюшин, Шамшин, 1987, с. 149), Н.Л. Членова определяет его время IX–VIII вв. до н.э. (1994, с. 35).

Наличие многочисленных аналогий бронзовым предметам в памятниках андроновской культурно-исторической общности не исключает, на наш взгляд, вероятность более раннего времени функционирования могильника, поэтому в настоящий момент его можно датировать в широких хронологических рамках развитой и поздней бронзы — 2 пол. II — начало I тыс. до н.э.

**Ю.Ф. Кирюшин, Д.В. Папин,
О.А. Позднякова, А.Б. Шамшин**
(*Алтайский государственный университет,
Институт археологии и этнографии СО РАН*)

**Погребальный обряд древнего населения
Кулундинской степи в эпоху бронзы***

В пределах равнинной части Алтая выделяется Кулундинская равнина, расположенная в междуречье Иртыша и Оби. В сравнении с сопредельными территориями — Барабинской лесостепью и Верхним Приобьем, данный регион в археологическом отношении долгое время оставался малоизученным. Хотя его географическое положение обусловило существование здесь в древности контактной зоны, связывающей лес и лесостепь Верхнего Приобья со степными районами Средней Азии и Казахстана. Ситуация стала меняться в 80-х гг. прошлого столетия, когда усилиями новострочных экспедиций было выявлено много разновременных памятников, но стационарные исследования проводились в основном на погребальных объектах эпохи раннего железного века, что было связано с развернувшимся строительством мелиоративных систем. Большинство курганных групп расположено на степных водоразделах, а поселенческие комплексы преимущественно приурочены к кромкам ленточных боров, либо связаны с котловинами озёр. Позднее, благодаря усилиям Г.Е. Иванова и В.С. Удодова, в северной и центральной Кулунде были проведены стационарные исследования ряда поселений развитой и поздней бронзы. В ходе этих работ получены материалы по андроновской, саргаринско-алексеевской и бегазы-дандыбаевской культурам, что позволило охарактеризовать культурно-историческую ситуацию, сложившуюся в данном регионе в этот период (Иванов, 2000; Удодов, 1994; Кирюшин, Иванов, Удодов, 1990 и т.д.). Однако, накопленные к настоящему времени знания об эпохе бронзы Кулундинской степи не могут быть до конца объективными, поскольку среди источников практически отсутствуют материалы по погребальному обряду древних племён. Особенно сложная ситуация складывается для периода поздней бронзы. Могильники этого времени в Кулунде до недавнего времени были практически неизвестны. Что касается эпохи развитой бронзы, то на этой территории обнаружено несколько андроновских погребальных комплексов, однако стационарно изучался только могильник Нижняя Суетка (Уманский, 1998).

Ситуация стала меняться в 1999 году, когда силами Кулундинской археологической экспедиции Алтайского госуниверситета и Лаборатории археологии и этнографии Южной Сибири ИАЭТ СО РАН были начаты исследования грунтового могильника Рублево-VIII (Папин, 2001 а, б). Памятник расположен в южной Кулунде, в древней котловине одноимённого озера, на границе Михайловского и Угловского районов Алтайского края. В ландшафтном отношении район работ относится к Кулундинско-Прииртышской провинции Западно-Сибирской степи (Николаев, 1999). Провинция входит в состав подзоны сухих степей. В распо-

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 03-01-00475а

ложенных рядом сосновых лесах встречается довольно много мелких озерных водоемов, часть из которых относится к горько-соленым, однако большинство – пресные. Самым крупным из них является озеро Рублево (длина 2,9 км, максимальная ширина 1 км.), размещенное на абсолютной высоте 157,4 м. Основным видом ландшафта в котловине этого озера являются песчано-эоловые степные сосновые боры. На берегах водоема зафиксированы две небольшие озерные террасы на высотах 1 и 3 м над современным уровнем, что свидетельствует об относительно недавних трансгрессивных условиях существования озерного бассейна (Михайлов, Папин, Шамшин, 2001).

В восточной части озера сосредоточен комплекс археологических памятников (Рублёвский археологический микрорайон), охватывающий период от ранней бронзы до раннего средневековья (Папин, Шамшин, 2000). В его состав входит грунтовый могильник Рублёво VIII, локализующийся на остепнённом участке леса и приуроченный к песчаной гриве, в 300 м к северо-северо-западу от поселения эпохи бронзы Рублево-VI. Визуально на площади памятника каких-либо искусственных сооружений не зафиксировано, но, как будет показано ниже, наличие их не исключается. Они вполне могли быть разрушены, так как поверхность объекта не раз подвергалась распашке. Несмотря на то, что рядом присутствует такое крупное поселение как Рублёво VI, на месте расположения могильника каких-либо проявлений, связанных с хозяйственной деятельностью жителей посёлка не было получено, что свидетельствует об особом статусе данного места в эпоху поздней бронзы. Всего на могильнике на сегодняшний день вскрыто более 1000 кв. м. Выделено три культурно-хронологических горизонта: период развитой бронзы, эпоха поздней бронзы и раннескифское время. Развитая бронза представлена андроновскими материалами. На территории микрорайона они найдены на поселении Рублёво VI, где скорее всего в этот период располагалась стоянка населения оставившего могильник, впоследствии андроновский культурный слой прорезали саргаринско-алексеевские жилища (Папин, Ченских, Шамшин, 2000). К поздней бронзе относится гораздо меньшее число погребений, но в это время рядом функционировал крупный хозяйственно-культурный центр саргаринско-алексеевской культуры Рублёво VI, на их несомненную связь указывают керамические параллели (подробнее ниже). Раннескифское время представлено одной могилой, прикладом-приношением и отдельными находками. Эту группу предварительно можно увязать с материалами поселения Рублёво V. Таким образом, грунтовый могильник Рублёво VIII представляется некрополем функционировавшим в период второй половины II тыс. — первой половины I тыс до н.э. и соотносимый с конкретными поселениями микрорайона. Перейдём к анализу фактического материала.

Андроновский комплекс.

К андроновскому времени относится большинство погребений могильника — 43, что составляет около 73% от общего числа захоронений. Анализируя планиграфическое расположение андроновских могил, на данном этапе исследования памятника, можно выделить четыре цепочки погребений, которые состоят как из взрослых, так и из детских захоронений. Эти своеобразные ряды вытянуты по линии ЮЗ–СВ, что обуславливает и общую направленность могильника.

Погребения взрослых.

Всего обнаружено 11 могил с захоронениями взрослых. В пределах выделенных нами цепочек, они расположены одиночно. Могильные ямы имеют прямоугольную, подпрямоугольную и, в одном случае (мог. 32), подовальную форму и углублены в материк на 0,3–0,6 м. Длина могил колеблется в пределах 1,45–1,7 м, либо 2–2,1 м (мог. 15, 17, 51), при ширине 0,7–1,4 м.

Выделяется своими размерами погребение 1 (2,8x1,8 м). Отмечена следующая ориентировка могильных ям: ЗЮЗ–ВСВ (мог. 1, 4, 54), ЮЗЗ–СВВ (мог. 10, 15, 32), ЮЗ–СВ (мог. 17, 51, 53) и З–В (мог. 29, 45). Никаких особенностей в заполнении могил этой группы захоронений не отмечено. Остатки деревянных конструкций, установленных на дне ям, зафиксированы в шести случаях: в могилах 15, 17, 45, 53, 54 обнаружены остатки обкладки в виде тлена, шириной около 0,1–0,2 м, мощностью 0,05–0,15 м, в погребении 1 — рама и фрагменты перекрытия. Рама, размерами около 1,5x1,1 м, выполнена из бревен, торцы которых выходят за ее пределы на 0,2 м. По всей видимости, для размещения этой конструкции были сделаны подкопы в стенах могильной ямы. Над нижним рядом бревен, диаметром не менее 0,1 м, прослежены фрагменты второго венца, причем бревна, из которых он сложен, по нашим наблюдениям, имели меньший диаметр, чем нижние. Вероятнее всего, эта конструкция представляла собой двухвенцовый сруб, на который сверху было уложено перекрытие. Его фрагменты в виде отдельных кусочков дерева зафиксированы в восточной половине ямы.

Из 11 погребений, семь (мог. 1, 4, 10, 17, 29, 53, 54) совершены по обряду ингумации, четыре (мог. 15, 32, 45, 51) содержат кремированные останки. По параметрам могильных ям и наличию деревянных конструкций эти группы, фактически, не имеют различий.

В шести могилах, где зафиксирован обряд ингумации, положение тел погребенных устанавливается как скорченное на левом (мог. 4, 17, 29, 53, 54) или правом (мог. 1) боку, головой на ЗЮЗ (мог. 1, 4, 54), ЮЗ (мог. 17, 53) или З (мог. 29). Все погребения одиночные. В могиле 29 был захоронен мужчина 30–35 лет, в могилах 4 и 17 — женщины 30–35 и 35–40 лет, соответственно, (антропологические определения Д.В. Позднякова). Мы пока не располагаем половозрастными данными по остальным погребениям, однако найденный в двух из них (мог. 1, 53) инвентарь (серьги с раструбом, проколка, браслет со спиралевидными окончаниями) может, по нашему мнению, косвенно свидетельствовать о том, что эти погребения также женские.

Полные скелеты, лежащие в анатомическом порядке, обнаружены в захоронениях 29 и 4 (рис. 1–2; 3–3). Своеобразная деталь последнего — расположение рук погребенной: правая согнута, левая — прямая. В одном случае, в могиле 10, где была захоронена женщина(?) 17–18 лет, кости лежали не в анатомическом порядке. Обращает на себя внимание, также, тот факт, что в этом погребении нет фрагментов черепа (рис. 3–9). В могиле 17 анатомический порядок костей, в целом, сохранен, однако полностью отсутствуют кости рук, кроме правой кисти, а также кости торсовой части тела, за исключением фрагментов подвздошных костей и позвонков поясничного отдела (рис. 2–1). Факты отсутствия костей торсовой части, при сохранении анатомического порядка остального скелета, зафиксированы, также, в могилах 53 и 54.

Произвести частичную реконструкцию погребального обряда населения, оставившего могильник Рублево-VIII, позволяют, на наш взгляд, материалы погребения 1. Здесь, кости скелета фиксировались на всей площади, ограниченной внутримогильной конструкцией. Судя по расположению костей правой ноги, правой подвздошной кости, а так же поясничного отдела позвоночника, первоначально умерший был уложен в могилу скорченно, на правый бок, головой на ЗЮЗ (рис. 1–1). После этого могилу, по-видимому, перекрыли деревянным настилом, фрагменты которого фиксировались в восточной половине ямы. Позднее, когда связочный аппарат еще не полностью распался, целостность тела была нарушена и погребение приобрело тот вид, который мы археологически фиксируем: отсутствие верхней части скелета и перемещение черепа в область конечностей. Подтверждением этому служат обнаруженные в сочленении отдельные части позвоночного столба, кости ног, фрагменты кистей рук и ступней. Примечатель-

ная деталь, свидетельствующая о том, что мягкие ткани еще сохранялись: на левой височной кости черепа обнаружена серьга с раструбом, при этом вторая серьга, правая, обнаружена на месте первоначального расположения головы умершего. Очевидно, она осталась там, когда голову перемещали. Подобные действия производились, возможно, и с погребенным из могилы 10, хотя, в данном случае, нельзя исключить вероятность того, что это захоронение вторичное.

В свете предложенной нами реконструкции погребального обряда, можно рассмотреть, также, факты отсутствия костей торсовой части в могилах 17, 53, 54. На наш взгляд, они свидетельствуют об осуществлении каких-то манипуляций с этой частью тела, производимых по прошествии определенного времени. Подобные погребения, известные и в других андроновских памятниках, часто интерпретируют как разграбленные. В нашем случае, можно исключить и возможность ограбления и вероятность того, что кости просто не сохранились. Мы склонны расценивать отмеченные факты как свидетельства существования у населения, оставившего могильник Рублево-VIII, сложных представлений, связанных с телом умершего.

Четыре погребения, содержащие кремированные останки, обнаруживают целый ряд сходных черт. Во-первых, все сожжения совершались на стороне. Несомненно, это одна из наиболее устойчивых черт андроновской погребальной практики, поскольку факты сожжения на стороне многократно фиксировались различными исследователями.

Во-вторых, условия, при которых проходил процесс кремирования, вероятнее всего, были очень схожи, о чем свидетельствует характер кремированных останков. Большинство костей из этих погребений имеют характерный бело-серый цвет снаружи и серый или пепельный внутри. Их внешняя поверхность, как правило, покрыта мелкими трещинами, однако на некоторых фрагментах, обнаруженных во всех четырех могилах, трещины имеют вид вписанных друг в друга овалов — так называемого «U» образного вида. Кроме того, обнаруженные в погребениях кости, в большинстве своем, имеют достаточно крупные размеры. Прежде всего, это касается фрагментов черепа и больших трубчатых костей посткраниального скелета. Исключением является могила 45, где крупные фрагменты практически отсутствуют и, в отличие от остальных захоронений, их общее количество незначительно. Следует, также, отметить, что все кости хорошо и равномерно обожжены. Однако и здесь есть исключение: в могиле 32 обнаружены целые, не обгоревшие фрагменты. Тем не менее, на наш взгляд, все вышеперечисленные общие черты: крупные размеры костей, наличие фрагментов со своеобразной структурой, цвет и качество обжига костей напрямую свидетельствуют об общем температурном режиме кремирования, и позволяют говорить о сходных условиях, при которых проходил этот процесс. Однако, учитывая небольшую выборку и отмеченные различия, в настоящее время трудно судить о степени этого сходства.

В-третьих, среди кальцинированных костей во всех четырех захоронениях отсутствуют продукты горения. Только в одном случае, в могиле 32 обнаружено несколько мелких углей. На наш взгляд, это свидетельствует о том, что кости тщательно выбирались после сожжения тела. Факты отсутствия среди костей продуктов горения отмечают практически все исследователи андроновских могильников. Это позволяет нам говорить о том, что отделение костей от остатков погребального костра являлось обязательной частью обряда, связанного с кремированием.

Завершающим этапом всего процесса, фиксируемого археологически, было помещение кремированных останков в могилу. В трех случаях кости лежат компактно в центре (мог. 32, 45), либо у северо-восточной стенки ямы (мог. 15) (рис. 1–5; 2–6). В погребении 51 выделяется два скопления костей, расположенных у стенок, в юго-западной части ямы, рядом с сосудами. По всей видимости, оно представляет собой парное захоронение взрослых. Компакт-

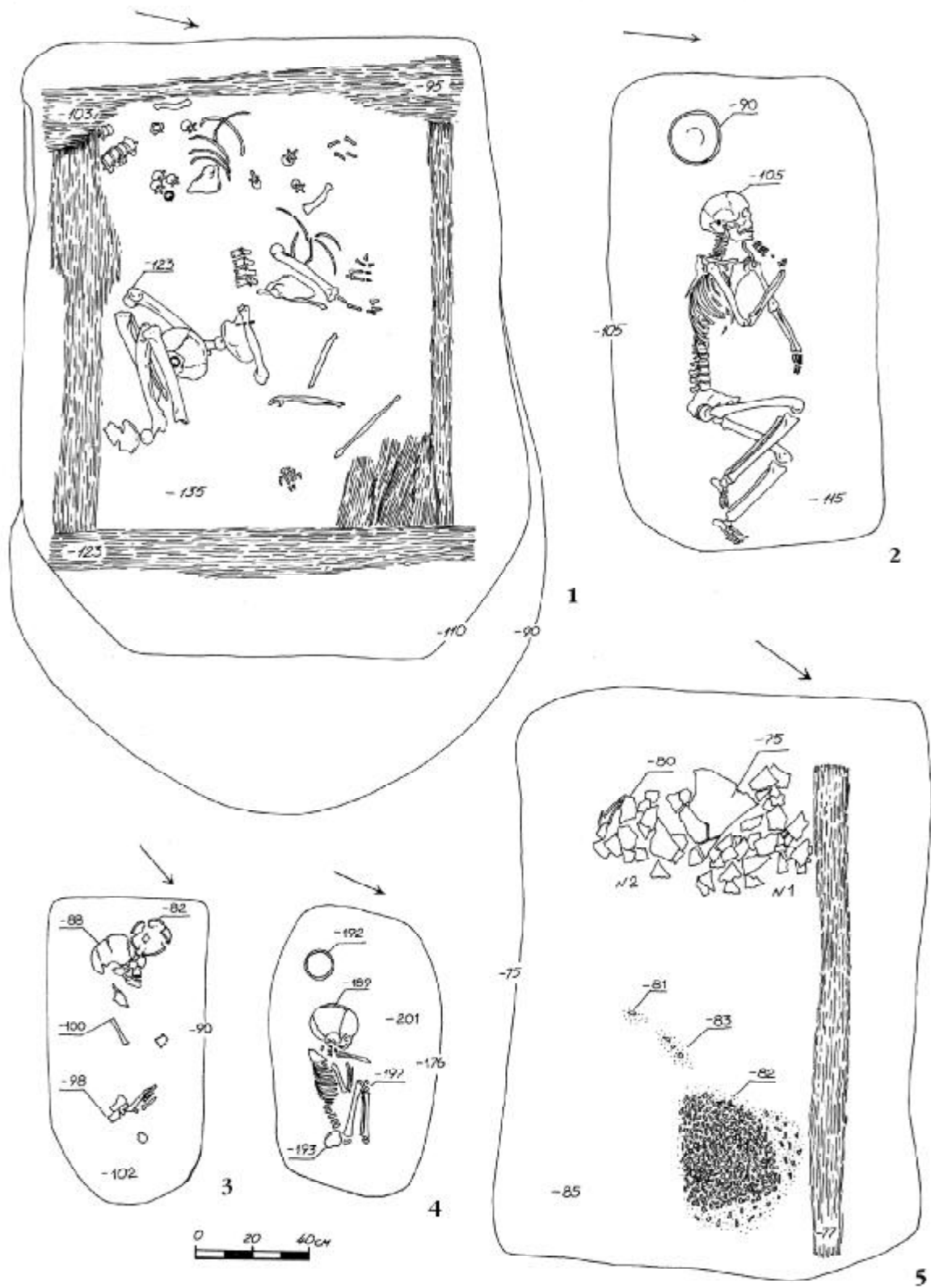

Рис. 1. Грунтовый могильник Рублево-VIII. 1—могила 1, 2—могила 4, 3—могила 46, 4—могила 41, 5—могила 15

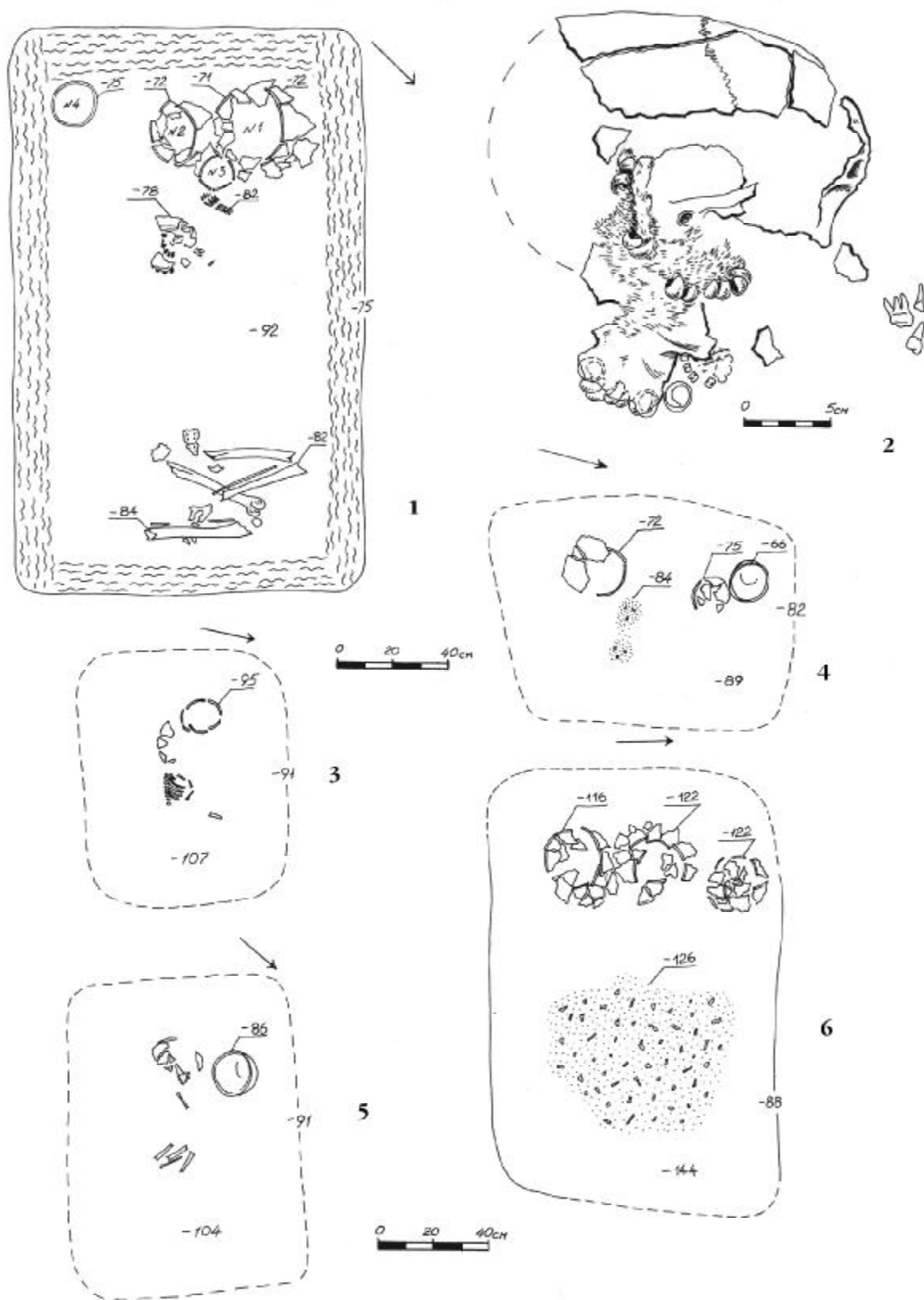

Рис. 2. Грунтовый могильник Рублево-VIII. 1—могила 17, 2—фрагмент черепа с деталями украшения, могила 17, 3—могила 34, 4—могила 28, 5—могила 33, 6—могила 45

ное расположение костей также является устойчивой частью андроновского погребального ритуала, связанного с сожжением. В поисках объяснения данного факта, М.П. Грязнов, в частности, предположил, что кремированные останки помещались в куклу, имитировавшую умершего, после чего ее размещали в могиле по правилам, действующим при обряде ингумации (Грязнов, 1970, с. 37). Не останавливаясь на этом подробно, хотелось бы отметить один примечательный факт. Скопления кальцинированных костей из погребений могильника Рублево-VIII занимают площадь около 0,5x0,5 м, при мощности 0,05–0,15 м, располагаясь, при этом, несколько разреженно. Возможно, кости были перемешаны с какой-то органикой, создававшей дополнительный объем.

Суммируя все вышеизложенное, хотелось бы еще раз акцентировать внимание на отмеченных сходствах. Это сожжение на стороне, общий температурный режим, тщательное отделение костей от остатков продуктов горения погребального костра и их компактное размещение в могильной яме. Очевидно, что и сам процесс сожжения, учитывая характер кремированных останков, был сходен. Все это позволяет нам предположить существование у андроновцев, оставивших могильник, канона, регулировавшего действия, связанные с кремированием умерших.

Еще одной разновидностью погребального обряда, о которой мы ранее не упоминали, являются кенотафы (мог. 5, 12, 18, 25). М.П. Грязнов определял их как могилы, не отличающиеся от остальных своими размерами, устройством и составом вещей, но без костей человека (Грязнов, 1982, с. 98–99). Этому определению полностью соответствует только могила 12, где в юго-западной части ямы был обнаружен перевернутый вверх дном сосуд без орнамента, по форме аналогичный андроновской посуде (рис. 4–6). Остальные могилы не содержат никакого инвентаря, хотя по форме и размерам соответствуют погребениям взрослых. Исходя из этого, а также учитывая тот факт, что планиграфически они являются частью выделенных нами цепочек, мы считаем их частью андроновского комплекса.

Во всех погребениях, где обнаружены захоронения взрослых, за исключением трех (мог. 1, 10, 29), в юго-западной части ям были обнаружены сосуды. В могилах 4, 12, 32, 54 — по одному, в могилах 15, 53 — по два (рис. 4–1, 2), в погребении 45 — три и в могиле 17 — четыре сосуда (рис. 4–9–11, 13). В погребении 10 сосуд располагался в северо-восточной половине ямы (рис. 4–8).

Помимо сосудов, в нескольких погребениях были обнаружены пронизки из так называемой пасты (мог. 17, 45) и изделия из бронзы. Это подвески в полтора оборота (мог. 4, 17), лапчатая привеска с выпуклостями (мог. 17), трубочки-пронизки (мог. 17), обоймы (мог. 4, 54) и браслеты со спиралевидными окончаниями (мог. 45, 53). Большинство этих украшений, за исключением двух последних типов, обернуты золотым листком. В могиле 1 были найдены серьги с раструбом, которые в сочетании с другими элементами погребального обряда и определили культурную принадлежность этого захоронения. Что касается безинвентарного погребения 29, то его принадлежность к андроновскому комплексу определяется глубиной ямы, положением и ориентировкой погребенного, а так же планиграфической позицией могилы на погребальном поле. Примечательная деталь этого захоронения — пятно беловатого тлена, зафиксированное вокруг скелета, возможно, остатки подстилки (рис. 3–3).

Погребения детей.

На могильнике Рублево-VIII изучено 28 детских андроновских погребений. Размещение их на погребальном поле достаточно разнообразно. Большинство из них находятся рядом со взрослыми, либо расположены отдельными группами. Выделяются, также, и одиночные захоронения. Могильные ямы имеют прямоугольную, подпрямоугольную, и, в нескольких случаях,

овальную форму. Все детские погребения, за исключением двух (мог. 37, 41), незначительно, на 0,2–0,4 м углублены в материк. У большинства из них, длина могильных ям колеблется в пределах от 0,5 до 1,0 м, при ширине 0,35–0,8 м. Наряду с этим выделяется группа из пяти погребений (мог. 30, 33, 37, 38, 46), которые при длине от 1,1 до 1,7 м имеют ширину 0,8–1,35 м, в одном случае — 0,55 м (мог. 46). Особо следует упомянуть могилы 37 и 41, впущенные в материк на глубину 1,05 м и 2 м, соответственно. Погребение 41 выделяется, также, параметрами верхней части могильной ямы (2,1x1,3 м), которые значительно превышают размеры остальных детских могил.

Большинство погребений ориентировано длинной осью по линиям ЮЗЗ–СВВ и ЮЗ–СВ. Единично отмечены направления З–В и ЗСЗ–ВЮВ. В трех могилах (№ 30, 37, 38) зафиксированы остатки деревянных обкладок в виде тлена, шириной 0,02–0,15 м. Помимо этого, фрагменты дерева были найдены в погребении 44. Еще одна обкладка, обнаруженная в могиле 24, фиксировалась в виде мощного, до 0,17 м слоя углистой почвы, шириной до 0,28 м. Элементы обряда, связанные с огнем, выявлены, так же в могиле 40, где рядом с сосудом обнаружено скопление углей, мощностью до 0,06 м.

Для детских погребений выделяются те же основные виды погребального обряда, что и для взрослых: ингумация, кремация и кенотаф. Захоронений, совершенных по обряду ингумации большинство. Положение погребенных можно установить в семи случаях: скорченно на левом боку, головой на ЮЗ, ЮЗЗ или ЗЮЗ. Анатомический порядок расположения костей в этих захоронениях, в целом, сохранен, однако полный скелет обнаружен только в могиле 41 (рис. 1–3, 4; 2–3, 5).

Среди остальных погребений, совершенных по обряду ингумации, выделяется группа могил, где присутствуют фрагменты черепа и отдельных костей скелета, однако порядок в их расположении не фиксируется. В двух захоронениях обнаружены только фрагменты черепа. Наряду с этим, выявлены погребения, в которых найдены зубы, либо отдельная трубчатая кость. В четырех случаях, в могильных ямах, по размерам соответствующих детским захоронениям, были обнаружены только мелкие фрагменты неопределимых костей.

Возраст погребенных детей удалось установить в 10 случаях. В трех могилах были захоронены дети до года (мог. 3, 8, 30), в двух дети 1–1,5 лет (мог. 33, 34) и еще в пяти дети 3–4–6 лет (мог. 37, 38, 41, 46). Устойчивые взаимосвязи между возрастными группами и выделенными нами разновидностями обряда ингумации не фиксируются.

Во всех детских погребениях, в юго-западной или западной частях ям обнаружены сосуды. В большинстве случаев, в могилу помещали один горшок. В двух погребениях установлено по два сосуда (мог. 44, 48), в одном — три (мог. 37). В могиле 52 горшок был прикрыт крышкой, представляющей собой фрагмент другого сосуда. Одно детское захоронение (мог. 2) не содержало сопроводительного инвентаря, однако, учитывая скорченное положение тела погребенного и планиграфическое расположение могилы, его можно отнести к андроновскому комплексу.

В трёх объектах могильника (мог. 14, 24, 39) захоронения отсутствовали. Они представляют собой ямы прямоугольной формы, по размерам соответствующие параметрам большинства детских погребений. В одном случае, как мы уже упоминали, была зафиксирована сгоревшая обкладка (мог. 24). Во всех трех случаях, в юго-западной части ям зафиксированы сосуды. При интерпретации данных объектов надо учитывать тот факт, что супесь, в которой были вырыты ямы, не способствует сохранению костного материала, тем более в детских погребениях. Хотя возможны варианты рассмотрения данных могил как детских кенотафов.

Отмеченные разновидности детских погребений по обряду ингумации, а также кенотафы зафиксированы во многих андроновских могильниках: Ближние Елбаны XII, XIV, Нижняя Суетка, Преображенка-III и др. (Грязнов, 1956, с. 15, 16, табл. II; Уманский, 1999, с. 95; Молодин, 1984, с. 37–42). Большинство исследователей склонны объяснять факты полного или частичного отсутствия костей в детских захоронениях плохой сохранностью, однако, подобная интерпретация, по-видимому, не всегда уместна. В.И. Молодин, например, отмечает, что глинистая почва, в которой совершены погребения могильника Преображенка-III, способствует удовлетворительной сохранности детских костей. При этом, исследователь выделяет несколько видов погребального обряда детских захоронений, аналогичных отмеченным на могильнике Рублево-VIII и другим андроновским памятникам (Молодин, 1984, с. 39–41). С учетом всего этого, мы также считаем возможным трактовать отмеченные нами разновидности погребений как проявления различных способов обращения с умершими.

Единично на могильнике Рублево-VIII представлено детское захоронение, совершенное по обряду сожжения (мог. 28). Оно обнаружено в единственной на памятнике парной детской могиле, причем один из погребенных, ребенок 2-3 лет, захоронен по обряду ингумации (рис. 2–4). Такие могилы в литературе принято называть биритуальными (Хлобыстина, 1976, с. 8). Погребения детей по обряду сожжения есть во многих андроновских комплексах (Максименков, 1978, с. 20; Молодин, 1985, с. 112; Маргулан и др., 1966, с. 76), биритуальные захоронения известны и в Западном Казахстане в могильнике Тасты-Бутак (Сорокин, 1962, с. 10, 12).

Украшения, обнаруженные в андроновских погребениях могильника Рублево-VIII, многочисленны, но достаточно выразительны. Эти находки приурочены к погребениям взрослых, что характерно, в целом, для большинства могильников этой культуры. Все найденные на памятнике изделия по способу ношения можно разделить на две категории: головные украшения и украшения для рук. Первая категория находок наиболее многочисленна. В нее входят серьги с раструбом, круглые желобчатые подвески в полтора оборота, трапециевидная лапчатая привеска с «бородавчатыми» выпуклостями на концах и пронизки двух видов.

Серьги (2 экз.) сделаны из круглого в сечении бронзового прута, один конец которого заострен, другой раскован в виде неглубокого раструба. Утолщение у его основания придает ему колоколовидную форму (рис. 6-14). Подобные изделия Н.А. Аванесова, автор наиболее подробной, на сегодняшний день, классификации андроновских украшений, относит к типу литых серег с раструбом. По ее мнению, такие серьги характерны для восточноказахстанских, прииртышских, алтайских, верхнеобских и приобских федоровских племен, время существования которых она определяет рамками XIV–XIII вв. до н.э. (Аванесова, 1991, с. 50, 51). Серьги, близкие по технологии изготовления рублёвским, обнаружены, также, в могильниках канайской культуры (Меновное-9, Березовский). Исследователи относят эти памятники к кызылтасскому этапу и датируют XV–XIII вв. до н.э. (Ткачева, 1997, с. 15, 16; Винокурова, Лысенко, 2000, с. 138, рис. 3–3, 4).

Круглые желобчатые подвески в полтора оборота (12 экз.) сделаны из бронзовой пластины с расширенными ложечковидными концами и относительно узкой средней частью (рис. 2–2; 6-2-4). Эти изделия, большинство из которых обернуто золотым листком, имеют массу аналогий в памятниках андроновской культурно-исторической общности и широкий хронологический диапазон бытования.

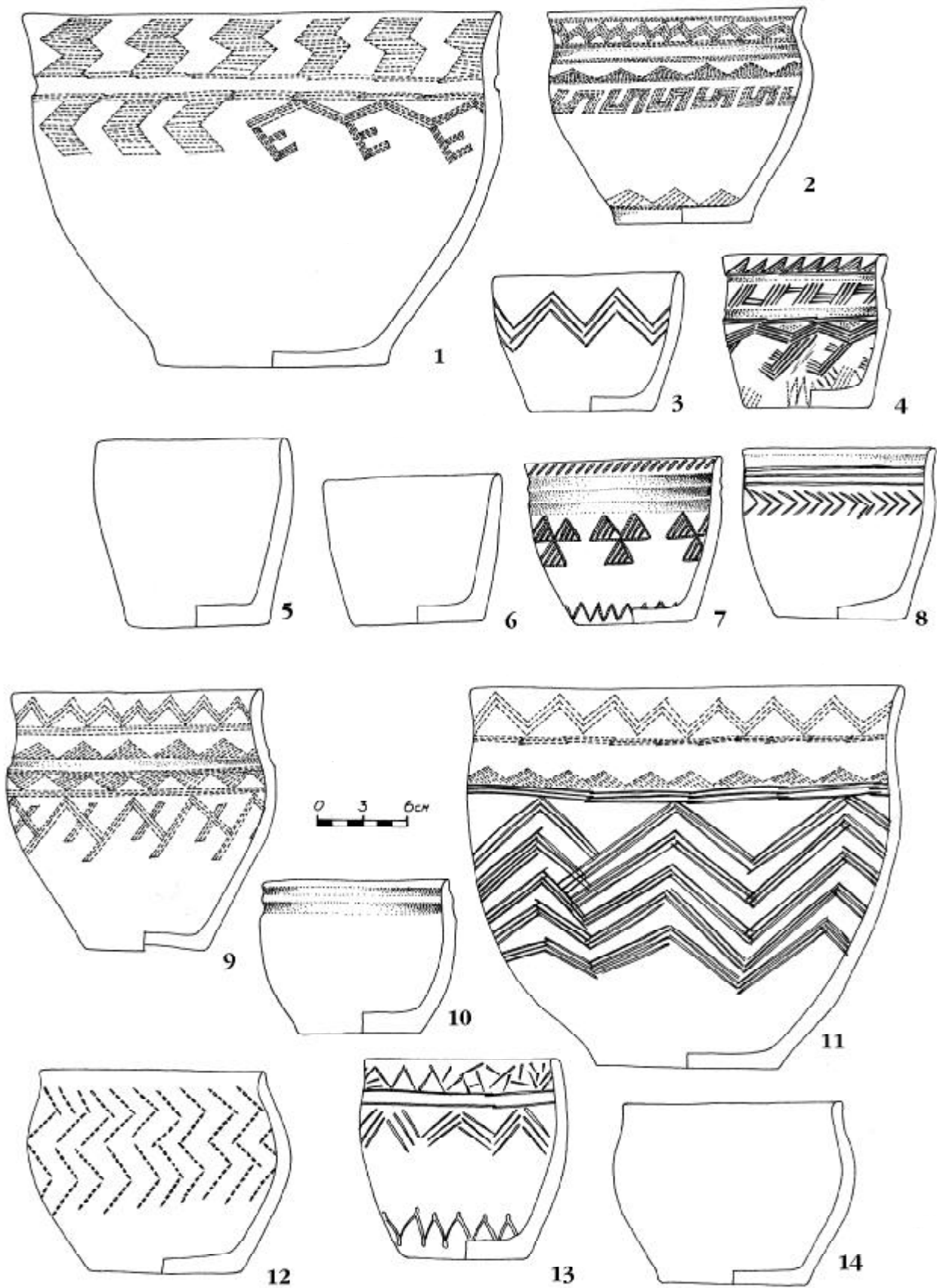

Рис. 4. Грунтовый могильник Рублево-VIII. Керамика из погребений. 1,2—могила 15, 3—могила 14, 4—могила 11, 5—могила 8, 6—могила 12, 7—могила 19, 8—могила 10, 9-11,13 — могила 17, 12—могила 7, 14—могила 20.

Трапециевидная «лапчатая» привеска с тремя выпуклостями сделана из тонкой бронзовой пластины и обернута золотым листком. В верхней части изделия имеются отверстия для пришивания (рис. 2–2). Круг аналогий украшений этого типа достаточно узок. Большая коллекция подобных изделий происходит из андроновских (федоровских) памятников лесостепного Алтая (могильники Фирсово-XIV, Кытманово, Ново-Александровка, Чекановский Лог-X) (Позднякова, 2000, рис. 1–1, 2; Уманский, 1995, рис. 2-5; Зими́на, Адаменко, 1963, рис. 3-1; Демин, Ситников, 2000, с. 122). Одна подвеска, украшенная геометрическим орнаментом, обнаружена в комплексе кротовской культуры могильника Сопка-2 в Барабинской лесостепи (Молодин, 1985, рис. 34–21). Подобные украшения известны, также, в могильниках Верхнего Прииртышья и Центрального Казахстана (Аванесова, 1991, с. 61; Ткачев, Винокурова, 1994, с. 54).

Пронизки-трубочки, обнаруженные на могильнике Рублево-VIII, представлены двумя разновидностями. К одной из них относятся украшения, сделанные из гофрированной бронзовой пластины, обернутой золотым листком. К другой — пронизки из так называемой «пасты» (рис. 6-13). Как и подвески в полтора оборота, эти изделия имеют многочисленные аналогии в андроновских памятниках.

В могиле 17 был зафиксирован специфический способ расположения головных украшений. Подвески в полтора оборота, по пять с каждой стороны, лежали дугообразно, в ряд на височных костях черепа. С правой стороны эту композицию дополняли лапчатая привеска с выпуклостями и четыре трубочки-пронизки обоих видов. Внутри подвесок и под ними обнаружен тлен органического происхождения (рис. 2–2). Аналогичная картина расположения этих украшений была зафиксирована в могильнике Фирсово-XIV, по материалам которого был реконструирован способ их ношения. Подвески в полтора оборота продевались в ухо своей наиболее узкой средней частью. Сквозь них был пропущен кожаный ремешок, обмотанный крученой нитью, к одному из концов которого крепилась подвеска из украшений различных типов (Позднякова, 2000, с. 47, 48, рис. 2). Подобный способ ношения подвесок в полтора оборота, по нашему мнению, характерен как для федоровского, так и для алакульского населения (Демин, Ситников, 2000, с. 121; Молодин, 1985, с. 104; Усманова, Логвин, 1998, рис. 1). Сузить круг аналогий возможно только за счет обозначенного выше ареала распространения трапециевидных привесок с выпуклостями.

К категории украшений для рук относятся браслеты со спиралевидными окончаниями (2 экз.) и бронзовые обоймы, свернутые из тонких прямоугольных пластин (рис. 6-5-12). Подобные изделия имеют многочисленные аналогии в андроновских комплексах. Хотелось бы отметить, только, что высокие спиралевидные окончания браслетов из могильника Рублево-VIII в большей степени характерны для изделий из федоровских памятников (Аванесова, 1991, с. 69).

Переходя к рассмотрению керамического комплекса, необходимо отметить некоторые особенности планиграфии могильника. Здесь, в межмогильном пространстве обнаружено большое количество отдельно стоящих сосудов, которые, по-видимому, закапывались в ямки на небольшую глубину. Большинство из них связано непосредственно с погребениями. Какой-либо устойчивой закономерности в расположении их относительно могил не прослеживается. Обычно эти горшки стоят одиночно, иногда по два-три и только в одном случае, рядом с могилой 37 обнаружено семь таких сосудов. Вместе с тем, на площади памятника выделяется участок, на котором зафиксировано 17 отдельно стоящих сосудов. По всей видимости, он представлял собой ритуальную площадку, связанную с обрядовой деятельностью населения, оставившего могильник. В качестве аналогий этой площадки можно рассматривать культо-

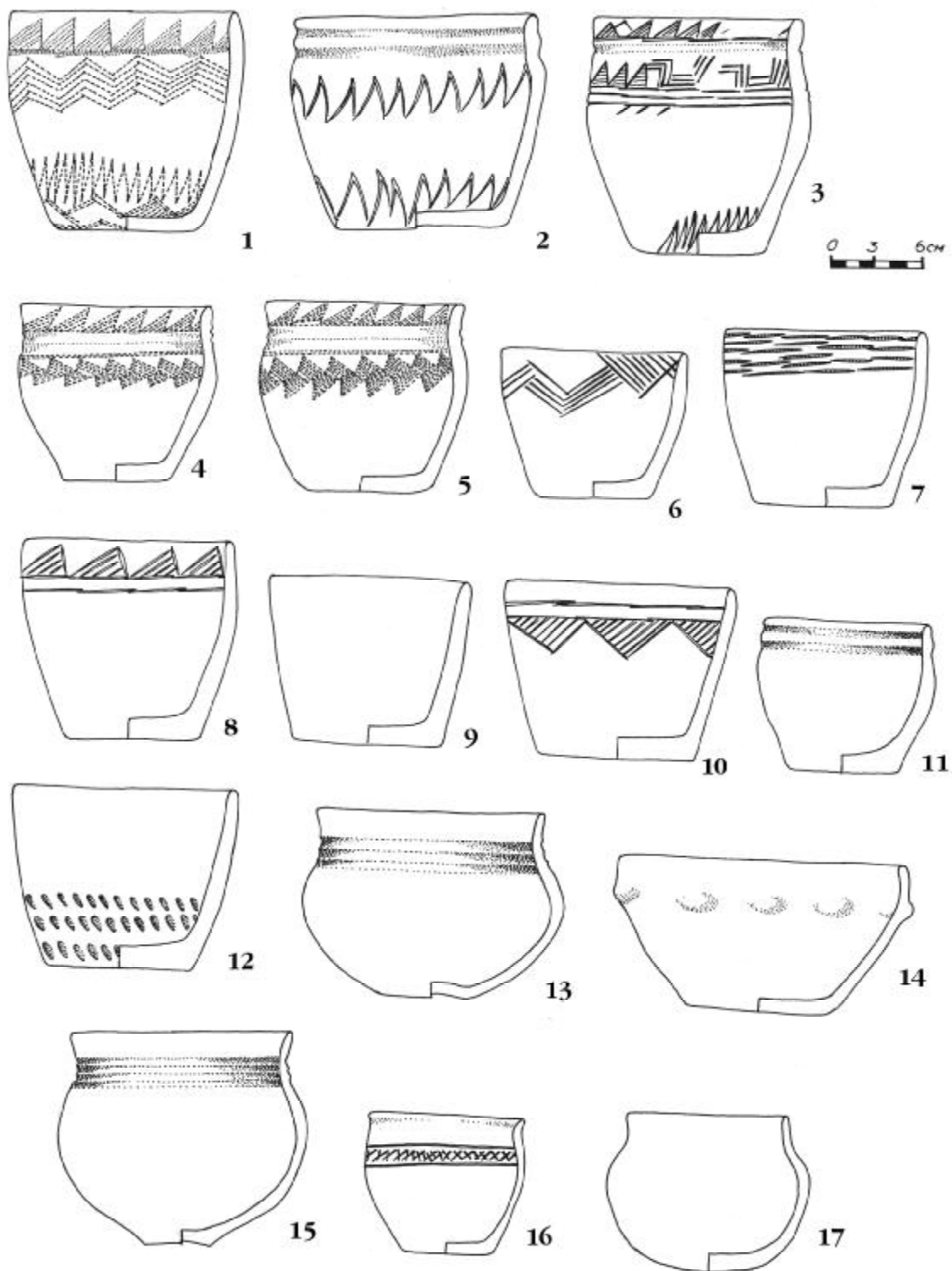

Рис. 5. Грунтовый могильник Рублево-VIII. Керамика со слоя могильника

вые сооружения погребального комплекса Быково-II и Алексеевского могильника (Кирюшин, 1995, с. 69–71; Кривцова-Гракова, 1948, с. 72–73). На могильнике Быково-II были дополнительно прослежены обгоревшие деревянные конструкции, что позволило автору раскопок Ю.Ф. Кирюшину говорить о сооружениях культового характера. На могильнике Рублево-VIII никаких конструкций не зафиксировано, поэтому в данном случае, мы склонны согласиться с мнением О.А. Кривцовой-Граковой допускавшей наличие над ритуальной площадкой Алексеевского могильника легких наземных сооружений.

Большинство сосудов керамического комплекса могильника Рублево-VIII представлены банками закрытого или открытого типа и слабопрофилированными горшками. Для их орнаментации использовался как гребенчатый, так и гладкий штамп, при незначительном преобладании последнего. В основном, такая керамика происходит из межмогильного пространства и детских погребений. Большая часть посуды этой группы, как правило, не орнаментирована, либо украшена под венчиком широкими каннелюрами (рис. 4–5, 6, 10; 5–9, 11). Некоторые сосуды в верхней части орнаментированы горизонтальными зигзагами, прочерченными линиями и рядами линейных отпечатков, иногда в сочетании с треугольниками и «елочкой» (рис. 4–3, 8; 5–6, 7, 8, 10). Два сосуда украшены каплевидными оттисками, причем у одного из них внешняя поверхность покрыта полностью (рис. 5–12). Выделяется, также, группа сосудов, орнаментированных широкими каннелюрами, либо треугольниками по венчику и рядами горизонтальных зигзагов или качалки по тулову (рис. 5–2). В некоторых случаях, у таких сосудов подчеркнута зональность орнамента и дополнительно украшена придонная часть, как правило, качалкой (рис. 4–13; 5–1). На дно одного из таких сосудов нанесена свастичная фигура. Еще для одной небольшой группы посуды характерен геометрический орнамент с подчеркнутым делением на зоны, причем в этом случае часто имеют место нарушения орнаментальной схемы. Придонная часть этих сосудов, как правило, украшена качалкой или зигзагом (рис. 4–4, 7; 5–3).

Сосуды горшковидной формы представлены, в основном, керамикой из погребений взрослых и посудой из межмогильного пространства. Большинство из них хорошо профилированы, особенно сосуды из могил, которые отличаются также и большими размерами. Для орнаментальных схем большинства сосудов этой группы характерна подчеркнутая зональность и гребенчатый геометризм (рис. 4–1, 2, 9, 11; 5–4, 5). Венчики таких горшков украшены рядами горизонтальных и широких вертикальных зигзагов, косоугольными треугольниками и наклонными отпечатками. В некоторых случаях зона непосредственно под венчиком пуста и отделена от остального орнамента рядами гребенчатых линий (рис. 4–2). Шейки сосудов украшены орнаментом из каннелюр, равнобедренных треугольников, широких «галочек» и наклонных отпечатков. Для орнаментации тулова горшков характерны треугольники, перевернутые S-образные фигуры, «галочки», различные виды меандра и ступенчатый зигзаг. Большая часть этих сосудов орнаментирована на две трети. Иногда придонная часть украшена равнобедренными треугольниками, качалкой или каннелюрами. В некоторых случаях орнамент имеет нерегулярный характер (рис. 4–1).

Говоря о культурной принадлежности андроновского комплекса могильника Рублево-VIII, можно отметить следующее. Часть украшений, обнаруженных в погребениях, представлены как в алакульских, так и в федоровских памятниках (подвески в полтора оборота, пронизки, обоймы). Вместе с тем, серьги с колоколовидным раструбом, браслеты с высокими спиральными окончаниями и лапчатая привеска с выпуклостями в большей степени характерны для

федоровских комплексов, причем их суммарные аналогии не выходят за пределы XV–XIII веков до н.э. Особое внимание хотелось бы обратить на особенности формы и орнамента нескольких сосудов из погребений взрослых. Для некоторых из них характерна высокая почти прямая шейка и наличие слабовыраженного уступа при переходе от венчика к тулову (рис. 4–9). В орнаментальной схеме сосудов с плавной профилировкой в этой зоне расположена специальная неорнаментированная полоса (рис. 4–2, 11). Подобная керамика находит аналогии в комплексах, которые исследователи включают в ареал памятников смешанного алакульско-федоровского типа (Корочкова, 2002, с 196, рис. 1, 2; Кузьмина, 1994 и др.). По всей видимости, ее появление в степной части Алтая связано с миграциями населения с территории Казахстана. Возможно, дальнейшее исследование этого памятника позволит нам более аргументированно судить о сложных культурно-исторических процессах, приведших к появлению на этой территории синкретичных комплексов.

Комплекс эпохи поздней бронзы.

Погребения, относимые нами к эпохе поздней бронзы, локализуются в южном и юго-восточном секторе раскопа, хотя отдельно стоящие сосуды встречены практически на всей его площади. Могилы этого времени чередуются на этом участке с андроновскими захоронениями. В двух случаях зафиксированы факты перекрывания андроновских могил позднебронзовыми, что свидетельствует о более поздней хронологической позиции этого комплекса по отношению к андроновскому. Обращает на себя внимание разряженность в расположении позднебронзовых захоронений, расстояние между которыми варьирует в пределах от 5 до 15 м. Возможно, над ними были возведены грунтовые насыпи, которые со временем сnivelировались под воздействием природных факторов.

К эпохе поздней бронзы относятся семь погребений могильника Рублево VIII (№№ 16, 23, 35, 36, 42, 47, 55). При выделении их в отдельный самостоятельный комплекс, мы руководствовались, прежде всего, специфическими особенностями сопроводительного инвентаря. В эту группу мы включили, также, и безинвентарную могилу 16, во-первых, на основании сходства зафиксированного здесь погребального обряда с позднебронзовым, во-вторых, исходя из планиграфического расположения этого захоронения на погребальном поле.

Все могилы одиночные и совершены по обряду трупоположения. Три из них принадлежат детям 4–6 лет (мог. 23, 36, 42), одно — взрослому субъекту 25–30(?) лет, предположительно, мужского пола (мог. 35) и еще в одном была захоронена женщина 16–17 лет (мог. 16). Еще два погребения, детское и взрослое, были раскопаны в полевом сезоне 2003 года (№№ 47, 55). Мы пока не располагаем антропологическими определениями по этим захоронениям, однако, судя по сопроводительному инвентарю, в могиле 55 была захоронена женщина.

Все погребения на 0,2–0,5 м углублены в материк. Форма могильных пятен прямоугольная, либо подовальная, причем последняя более характерна для погребений взрослых. Своеобразная форма могильной ямы отмечена для могилы 42. В северо-восточной части она имела выступ, длиной около 0,45 м, в котором почти полностью располагался скелет погребенного здесь ребенка (рис. 3–7). Длина могильных ям у детских захоронений колеблется в пределах 0,9–0,95 м, при ширине 0,5–0,7 м. Погребения взрослых отличаются большей длиной: 1,2 м (мог. 16) — 1,55 м (мог. 55). Могильные ямы ориентированы длинной осью по линии С–Ю (мог. 16, 23, 55), либо ЮЗ–СВ, иногда с отклонениями к югу и северу. Каких-либо особенностей в заполнении позднебронзовых погребений не отмечено. В пяти случаях, там, где скелеты лежат в анатомическом порядке, положение погребенных устанавливается как скорченное на

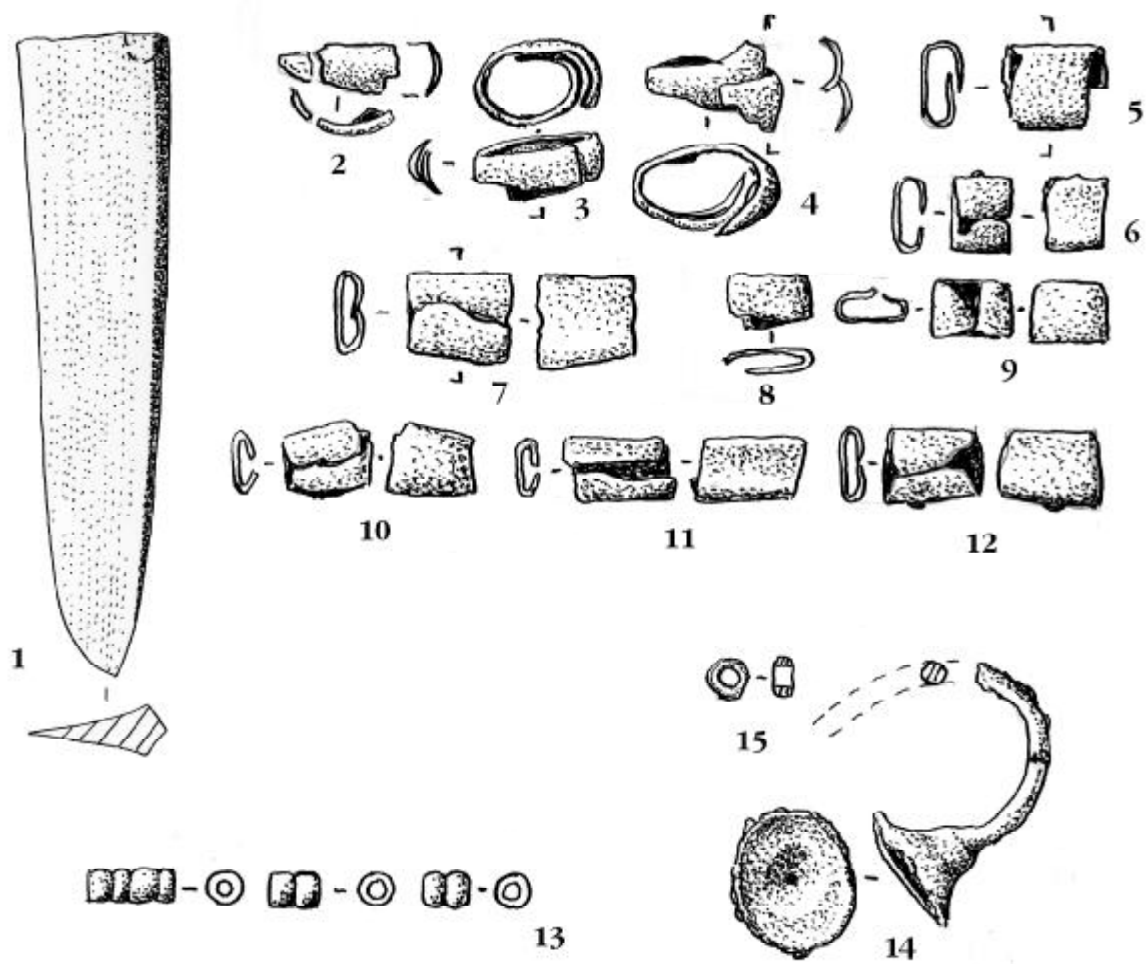

Рис. 6. Грунтовый могильник Рублево-VIII. Бронзовый инвентарь и изделия из пасты (13) из погребений. 1—могила 7, 2-13—могила 4, 14-15—могила 1

правом (мог. 16, 23, 47, 55) или левом (мог. 42) боку, головой на юг или юго-запад, в зависимости от ориентировки могильных ям (рис. 3–5–7). Своеобразно расположение рук у погребенного в могиле 42, которые вытянуты вдоль тела, по направлению к коленям. Следует отметить, также, сильную степень скорченности погребенного из могилы 47 и необычное положение его головы. По всей видимости, она была наклонена на стенку ямы, либо уложена на какую-то «подушку». В могиле 36 был обнаружен только череп ребенка, расположенный в юго-западной части могильной ямы. Подобные погребения есть и среди андроновского комплекса могильника, о чем мы уже говорили выше. Можно предположить, что кости просто не сохранились, однако в других случаях, при сходных условиях залегания, посткраниальный скелет сохраняется довольно хорошо, особенно это касается больших трубчатых костей. В любом случае, рассматривать это погребение как самостоятельную разновидность погребального обряда эпохи поздней бронзы, на наш взгляд, преждевременно.

Особое место среди позднебронзовых захоронений могильника Рублево-VIII занимает могила 35. Здесь на всей площади погребения фиксировались отдельные разрозненные кости взрослого человека: правая пяточная и таранная, фрагменты плюсневых костей, фаланги кисти, фрагмент правой лопатки и второй резец (рис. 3–4). В верхних слоях ямы, у северо-восточного края пятна, на 0,2 м выше уровня дна, была обнаружена правая бедренная кость взрослого человека, предположительно мужчины. Какого-либо порядка в расположении костей на дне ямы не наблюдается, равно как и их скоплений. Скорее всего, мы, в данном случае, имеем дело с результатом более позднего перекопа. Обнаруженное в верхних слоях ямы бедро, а так же разбитая и разбросанная по дну могилы керамика в большей степени свидетельствуют в пользу последнего. Характер сломов керамических сосудов показывает, что это произошло в древности, несколько позже времени их изготовления. Возможно, что целью перекопа было осквернение могилы новым более поздним населением, тем более это уместно, если допустить существование внешних рельефных признаков могилы.

Как мы уже говорили выше, погребения позднебронзовой эпохи были выделены, прежде всего, благодаря наличию своеобразных типов сопроводительного инвентаря. Это хорошо профилированные сосуды, с округлым раздутым туловом, коротким, слегка отогнутым наружу прямым венчиком и небольшим, диаметром около 5 см, плоским дном. Обращает на себя внимание высокое качество выделки этой керамики, в частности, тонкие, равномерной толщины стенки сосудов, ровно заглаженная поверхность и высокое качество обжига. На каждом из этих горшков, при переходе от шейки к тулову нанесено два-три ряда каннелюр. В двух случаях (мог. 23, 35) над каннелюрами гладким штампом выполнена мелкая косая сетка.

Сосуды этой группы присутствуют во всех захоронениях, за исключением могилы 55. В детских погребениях устанавливалось по одному сосуду у головы преимущественно в юго-восточном или южном углу могилы, в зависимости от ее ориентировки. В могиле 42 сосуд расположен над головой погребенного, в 0,25 м от черепа, в центре ямы. Фрагменты аналогичного сосуда из могилы 35 были разбросаны по площади погребения, однако большинство из них, в виде скопления, зафиксированы в ЮЗ части ямы.

Помимо погребений, посуда этой группы обнаружена в межмогильном пространстве. Два сосуда этого типа найдены стоящими вплотную к обкладке андроновской могилы 17, расположенной в центральной части памятника (рис. 5–13, 15). В 5,5 м к югу от них был обнаружен еще один отдельно стоящий сосуд. По своим пропорциям он также тяготеет к этой группе посуды, отличаясь от нее наличием широкого плоского дна и более прямой постановкой венчика

(рис. 5–17). На данном этапе исследования памятника, пока не ясно, с чем связаны эти отдельно стоящие сосуды, поскольку они обнаружены на значительном удалении от мест локализации позднебронзовых погребений. Однако, принадлежность их к этому комплексу не вызывает сомнений. Кроме вышеописанной керамики к рассматриваемому времени относится серия небольших круглодонных, зачастую с прямым венчиком сосудиков, орнаментированных разного рода отпечатками гладкого штампа, либо неорнаментированных. В западном секторе могильника были найдены два развала слабопрофилированных, без орнамента, плоскодонных сосуда имеющих прямые аналогии среди крупных форм саргаринско-алексеевской керамики в погребальных памятниках Казахстана (Ермолаева, 1987, рис. 2–9-13). Своеобразная посуда была найдена в могиле № 55, за головой погребенной женщины (?) располагались два сосуда. Их отличает высокое качество исполнения, они хорошо профилированы, имеют раздутое тулово, но при этом, широкое плоское дно. Эти горшки выделяются по более вытянутым, в отличие от основной группы сосудов, пропорциям, за счет чего их прямые, слегка отогнутые наружу горловины выглядят короткими по отношению к общей высоте сосудов. Орнамент на этих горшках выполнен гладким штампом в зоне перехода от горловины к тулову. Один из сосудов украшен неширокими прочерченными линиями и расположенными под ними наклонными насечками, образующими зигзаг. Другой, орнаментирован рядом дугообразных отпечатков, напоминающих горизонтальную «елочку». Ещё одной особенностью данного погребения является наличие рядом с могилой двух развалов сосудов (поминальники?). Это слабопрофилированные, плоскодонные сосуды, в одном случае зона венчика и шейки украшена валиком и рядом жемчужника, в другом несколькими рядами каннелюр и противоположно направленными треугольниками.

Тип сосудов с «раздутым» туловом имеет самые широкие аналогии в среде погребально-поминальных памятников эпохи поздней бронзы степной-лесостепной полосы северной Азии. Такая черта как раздутость тулова, прямой или слегка отогнутый венчик, выделение каннелюрами зоны шейки, неорнаментированный венчик характерны, прежде всего, для памятников бегазы-дандыбаевского круга Казахстана (Маргулан, 1979, рис. 48, 109; Итина, Яблонский, 2001, рис. 84–542, 85, 86), ирменской культуры Барабинской лесостепи (Молодин, 1985, рис. 60, 61) и Верхнего Приобья (Матвеев, 1993, табл. 1–9, 26–8, 9), лесостепного Алтая (Абдулганеев, Кирюшин, Лузин, Шамшин, 1996, рис. 5; статья Грушина, Папина в этом сборнике), карасукской культуры (Членова, 1972, табл. 15–4-8) и т.д. Таким образом, вряд ли стоит искать причины схожести во влиянии одной культуры, скорее всего, причины лежат в проблеме генезиса культур позднего бронзового века (ПБВ), но это выходит за рамки данной работы. Для нас имеет значение, что данная керамика коррелирует с группой сосудов керамического комплекса поселения Рублёво VI, что указывает на несомненную связь позднебронзовой части могильника Рублёво VIII, с поселением. Находки сосудов крупных форм, орнаментированных сочетанием валика и жемчужника или без орнамента, прекрасно соотносятся с поселенческими материалами. Керамика из погребения 55 имеет несколько другой круг аналогий, в основном, это материалы центрального и восточного Казахстана: могильники Бегазы (Маргулан, 1979, Рис. 60), Измайловка (Ермолаева 1987, рис. 2–15,16), Актопрак (Ткачёв, 2002, рис. 191–10, 13, 20) и так же аналогии встречены среди материалов Рублёво VI.

Завершая характеристику керамического комплекса эпохи поздней бронзы, следует упомянуть о керамике, обнаруженной в могиле 35. Помимо горшка, отнесенного нами к первой группе керамики, здесь был обнаружен фрагмент венчика от толстостенного сосуда баночной формы и небольшая, диаметром около 6 см, круглодонная, толстостенная чашечка. Она имеет следы чинения, как и сосуд, представляющий самую многочисленную группу позднебронзовой посуды.

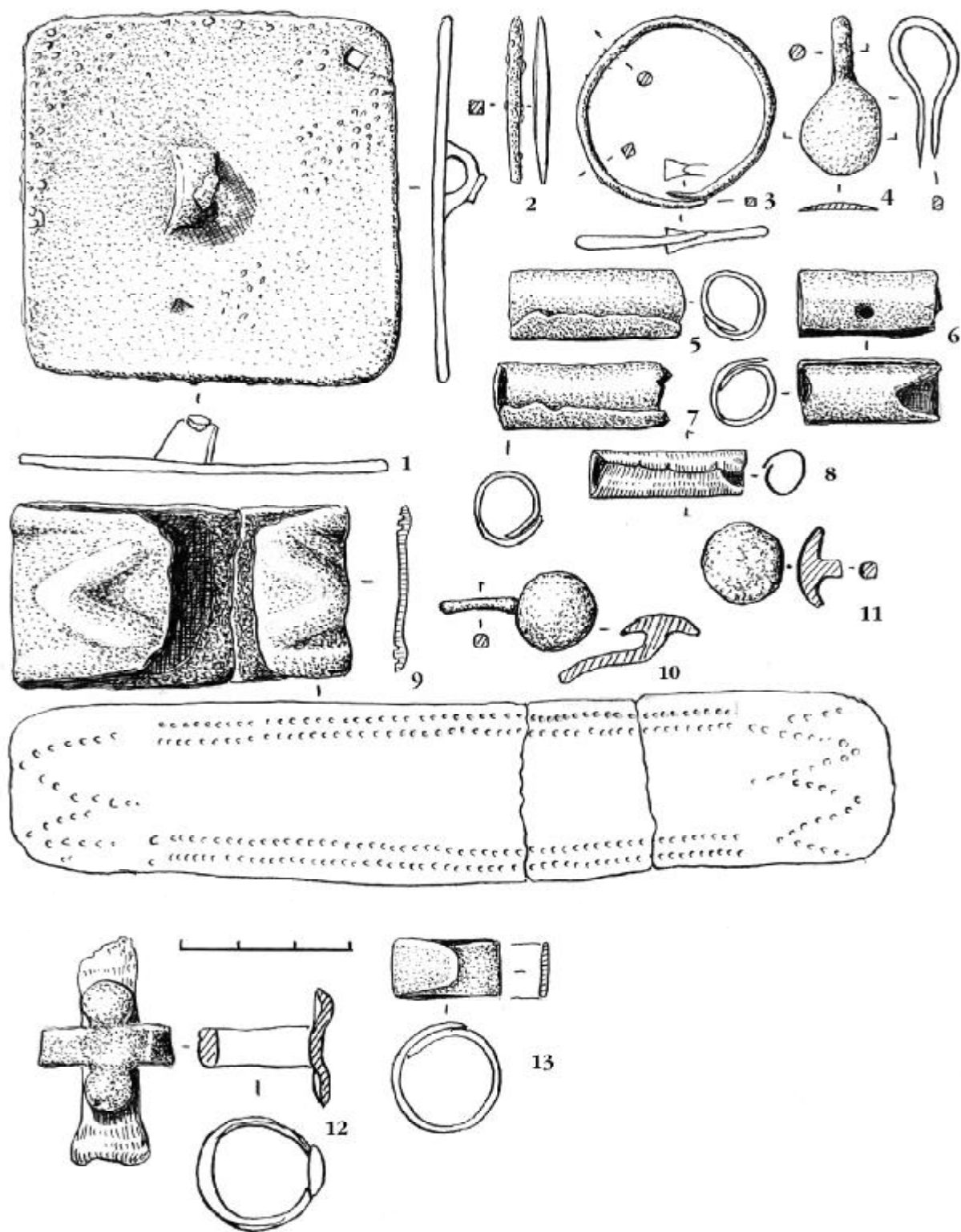

Рис. 7. Грунтовый могильник Рублево-VIII. Бронзовый инвентарь могилы № 55

Помимо сосудов, сопроводительный инвентарь представлен украшениями. Эти изделия, выполненные из бронзы, обнаружены в четырех погребениях. В двух детских могилах (№№ 23, 42) с правой стороны, на височных костях черепа, зафиксированы небольшие по размерам серьги в виде проволочного кольца. В погребении 47 в районе расположения кистей рук были обнаружены два изделия, выполненные из прямоугольной тонко раскованной пластины, по-видимому, кольца. Еще одно украшение из бронзы было найдено на черепе, с правой стороны.

Целый комплекс бронзовых предметов был обнаружен в могиле 55: головные украшения, принадлежности одежды, украшения для рук (рис.7). Первая из перечисленных категорий наиболее многочисленна. В нее входят серьги, три трубочки-пронизки, выполненные из тонкой раскованной пластины, в одну из трубочек была вложена меньшего диаметра позолоченная (?) пронизь (рис.7-3-7). Они располагались вдоль шейного отдела позвоночника, за ним и, по всей видимости, представляют собой детали накового украшения. Категория украшений для рук представлена браслетом, кольцом и перстнем (рис.7-9,12,13). К принадлежностям одежды следует, по-видимому, отнести два бронзовых предмета, зафиксированных рядом с концевыми фалангами ног. Оба имеют вид шляпки со шпилькой, в одном случае, изогнутым (рис.7-10,11). Перед лицевым отделом черепа погребенной были обнаружены проколка и зеркало, причем последнее лежало под углом ко дну могильной ямы. Зеркало имеет квадратную форму. С обратной стороны, в центре изделия располагается небольшая петелька. Абсолютную аналогию этому изделию можно обнаружить в материалах эпохи поздней бронзы Казахстана могильника Сангру I (Маргулан, 1979, рис. 90). По всей видимости, зеркало находилось в кожаном чехле, а проколка выполняла роль застёжки (рис.7-1,2). Хотя перечисленному набору предметов аналогии встречаются среди широкого круга культур эпохи поздней бронзы, но, в целом, прежде всего среди погребального инвентаря ирменской культуры (например: Абдулганеев, Кирюшин, Лузин, Шамшин, 1996, рис. 4).

В двух позднебронзовых погребениях обнаружены, также, кости животных. В могилу 42 были помещены кости конечностей домашней свиньи (определения С.К. Васильева). Видовую принадлежность костей из могилы 35 определить не удалось.

Еще одна своеобразная группа представлена двумя могилами (№№ 7 и 20). Прежде всего, их объединяет наличие специфической формы толстостенных сосудов с раздутым туловом, слегка отогнутым наружу коротким венчиком и широким плоским дном. Диаметр горловины у этих горшков незначительно превышает их высоту. Сосуд из могилы 20 (рис. 4–14) более профилирован, однако, в целом, форма и пропорции обоих сосудов очень близки друг другу. Примечательно, что оба горшка одинаково деформированы, искривлены. Сосуд из могилы 20 не орнаментирован. Тулово горшка из могилы 7 украшено двумя рядами горизонтальной «елочки», выполненной крупным гребенчатым штампом (рис. 4–12).

Описываемые погребения располагаются в разных частях раскопа, на расстоянии около 30 м друг от друга. Обе могилы впущены в материк на глубину около 0,3 м. Погребение 20, расположенное в центральной части памятника, представляло собой яму овальной формы, размерами 1,0x0,8 м, ориентированную длинной осью по линии З–В. Рядом с сосудом здесь был обнаружен мелкий неопределимый фрагмент кальцинированной кости. Могила 7 находится у западной оконечности гряды. Она представляет собой яму подовальной формы, размерами 1,07x0,64 м, ориентированную длинной осью по линии С–Ю. На дне ямы были обнаружены череп с нижней челюстью и фрагменты трубчатых костей ребенка 6 лет (± 2 года). Судя по их расположению, умерший был уложен в могилу скорченно, на левый бок, головой на север, воз-

можно с отклонением к востоку (рис. 3–8). В области поясничного отдела был зафиксирован обломок лезвия бронзового ножа (рис. 6–1). Упомянутый ранее сосуд был обнаружен у ног погребенного. Здесь же были найдены кости задней ноги домашней козы.

Значимыми признаками этого захоронения в контексте выделения культурно-хронологических комплексов, являются: ориентировка могильной ямы по линии С–Ю, расположение погребенного головой на север, скорченная поза умершего, помещение в могилу ножа и размещение у ног сосуда и ритуальной пищи. Горшки из погребений №7 и 20 по своей форме и пропорциям соответствуют основному комплексу поселенческой керамики Рублево VI. Это сходство дополняют такие признаки как наличие в могилах костей животных и одиночное расположение захоронений на погребальном поле. Можно предположить, что вышеописанные погребения относятся так же к позднебронзовой эпохе.

Помимо андроновских и позднебронзовых погребений, на могильнике Рублево VIII изучено еще несколько могил, культурная принадлежность которых не столь очевидна. Тем не менее, они обладают рядом устойчивых признаков, позволяющих рассматривать их в качестве самостоятельных комплексов.

Одна из таких групп, выделяющаяся благодаря своеобразному погребальному обряду, представлена, на наш взгляд, четырьмя захоронениями. Одно из них (мог. 43) находится у южного края гряды, второе (мог. 22) у ее северного края и еще два расположены в центральной части гряды, ближе к восточной (мог. 21) и западной (мог. 9) перифериям раскопа. Захоронения незначительно, на 0,2–0,3 м углублены в материк. В двух случаях зафиксированы могильные пятна прямоугольной (мог. 21) или овальной (мог. 43) формы, размерами 1,5x0,7 м и 1,25x0,7 м, ориентированные длинной осью по линии ЮЮВ–ССЗ и ЮВ–СЗ, соответственно. Границы могильной ямы погребения 9 определены довольно условно. Первоначально, оно фиксировалось в виде нечеткого подовального пятна, размерами около 0,9x0,6 м, ориентированного длинной осью по линии ЮЮВ–ССЗ.

Во всех четырех захоронениях обнаружены разрозненные кости взрослых субъектов. В могиле 21 в юго-восточной части ямы был зафиксирован череп, фрагменты нижней челюсти и зубы. Здесь же найдены мелкие фрагменты керамики без орнамента. В другой половине погребения были обнаружены сложенные компактно кости посткраниального скелета: фрагменты подвздошных, бедренных, больших берцовых костей и фаланги руки. Еще более компактно были расположены кости в могиле 22. Здесь обнаружены фрагменты черепа, ключицы, а также костей рук, ног и таза, причем фрагменты черепа находились сверху. В могиле 43 лежащие в беспорядке кости занимали практически всю площадь погребения, при этом череп располагался в юго-восточной части захоронения. Из костей посткраниального скелета здесь обнаружены ключицы, кости рук, фрагменты лопатки, позвонков, ребер, а также кости ног и таза (рис. 3–1). На верхней части правой плечевой кости зафиксированы окислы бронзы. У северо-западной стенки ямы обнаружена челюсть козы. В центральной части погребения 9 были также обнаружены кости, лежащие компактно, не в анатомическом порядке: фрагменты позвонков, ребер, нижней челюсти, костей ступней, а также бедренная и подвздошная кости и зубы (рис. 3–2). Абсолютное большинство из них относится к правой стороне скелета. Кроме того, в верхних слоях этого погребения обнаружены мелкие фрагменты костей животных.

Во всех четырех могилах были захоронены женщины в возрасте 30–35 (мог. 9, 43) и 45–50 лет (мог. 21, 22). По всей видимости, эти погребения являются вторичными. Обращает на себя внимание неанатомический порядок костей, фрагментарное состояние черепов и отсутствие части посткрани-

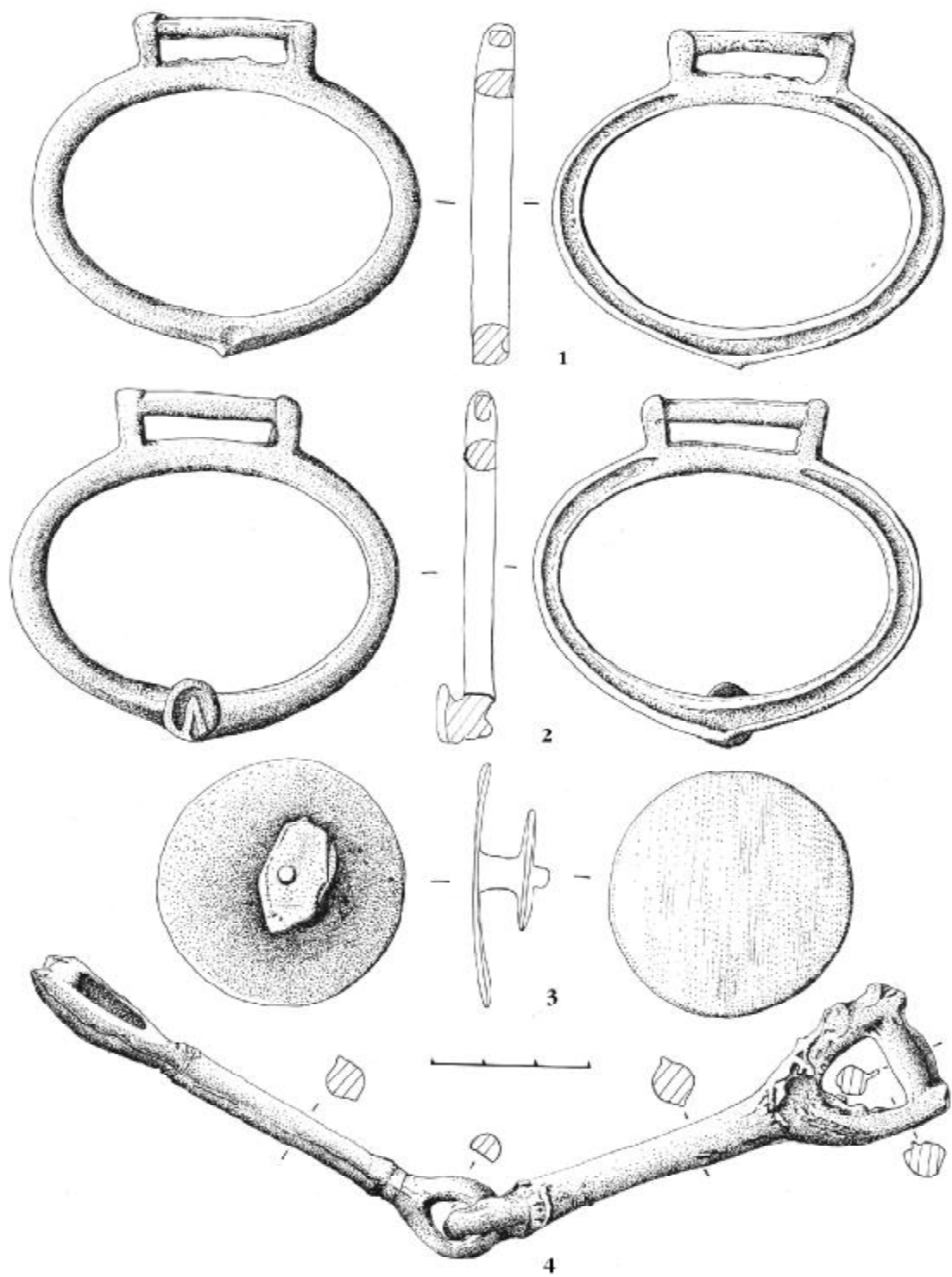

Рис. 8. Грунтовый могильник Рублево-VIII. Комплекс предметов конского снаряжения

ального скелета, прежде всего позвонков, ребер, костей стоп и кистей. Возможно, это связано с особыми условиями, в которых находились тела до момента погребения. Рассматривая очень компактное расположение костей в могиле 22, можно предположить, что перед тем как разместить останки в могильной яме, их поместили в какую-то органическую оболочку, где они лежали очень плотно. Вероятно, подобные действия предшествовали моменту погребения и в других могилах. Хотелось бы обратить внимание на своеобразную деталь захоронения 21: размещение черепа у юго-восточной стенки ямы, отдельно от остальных костей. Данный факт может свидетельствовать об особом значении юго-восточного направления для устроителей этих погребений. Косвенным подтверждением этого может служить и расположение черепа у юго-восточной стенки ямы в могиле 43.

В контексте особой роли юго-восточного направления в погребальном обряде данного населения можно рассмотреть и планиграфическое расположение могил. Они образуют как бы два ряда, вытянутых по линии ЮВ–СЗ. В первый входят погребения №№ 9 и 43, где погребены женщины 30–35 лет и в могилах присутствуют кости животных. Во второй — могилы №№ 21 и 22, в которых захоронены женщины 45–50 лет.

Своеобразие вышеописанного погребального обряда ставит под сомнение соотнесение описанных погребений с основной группой позднебронзовых могил, хотя мы не исключаем это как наличие одного из вариантов захоронения для какой-то определённой группы. Однозначно определяется только более поздняя хронологическая позиция этих могил относительно комплекса эпохи развитой бронзы, поскольку в двух случаях захоронения этого времени (мог. 21, 22) перекрывают андроновские.

Погребение 10, расположено в центральной части гривы. Оно представляет собой яму подовальной формы, размерами 1,43x0,7x0,2 м, ориентированную длинной осью по линии ЮЗЗ–СВВ. По всей площади могилы фиксировались кости женщины (?) 17–18 лет, лежащие не в анатомическом порядке: фрагменты таза, ключицы, ступни, плечевых, бедренных и больших берцовых костей, а также отдельные позвонки и ребра (рис. 3–9). В северо-восточной части захоронения найден сосуд (рис. 4–8).

Таким образом, в эпоху поздней бронзы на площади могильника функционировал некрополь оставленный жителями посёлка Рублёво VI. Погребальный обряд реконструируется как группового, в большинстве случаев на правом боку, головой ориентированные в ЮЗ сектор, из инвентаря чаще всего встречаются сосуды. По этим признакам, наиболее точные аналогии происходят из погребальных памятников ирменской культуры юга Западной Сибири. Достаточно высокую близость демонстрируют и материалы 55 могилы, но, хотя этот набор инвентаря характерен для этой культуры, но, отсутствие таких культурнозначимых маркеров как гвоздевидные серьги, позволяет несколько по-иному взглянуть на данный комплекс. Обнаруженная в погребениях керамика демонстрирует чёткую связь с поселенческой керамикой, а так же традиционную для погребальных памятников Казахстана ситуацию — присутствие на одном могильном пространстве как бегазы-дандыбаевских материалов так и саргаринско-алексеевских. В целом, наполнение могильника было очень разряжено, что так же является одной из традиций саргаринско-алексеевской культуры, так, например, на могильнике Саргары было вскрыто более 7 000 кв.м., а обнаружено только 32 погребения (Зданович, 1988, с. 151). По косвенным признакам можно достаточно уверенно предположить создание надмогильных сооружений. Таким образом, определяя место позднебронзового комплекса грунтового могильника Рублёво VIII, можно отметить следующее: часть захоронений как по керамике, так и по погребальному обряду демонстрируют схожесть как с памятниками ПБВ юга Западной Сибири, так и Казахстана (мог. 16, 23, 35, 36, 42,

47). В других погребениях обнаружена керамика характерная для саргаринско-алексеевской культуры (мог. 7, 20, 55). Мы считаем, что подобная демонстрация близости может являться проявлением единства происхождения, но никак не влиянием ирменской культуры. Важным аргументом в эту пользу являются материалы Рублёво VI, демонстрирующие целостность комплекса.

Завершающим культурно-хронологическим пластом памятника являются материалы **раннескифского времени**. К этому периоду относятся одно погребение, комплекс конского снаряжения и, возможно, ряд отдельно стоящих сосудов. Погребение расположено в северном секторе раскопа и было разграблено ещё в древности, при разборе заполнения могилы была обнаружена человеческая лопатка. Заполнение представляло собой слой супеси вперемешку с сажистыми прослоями. Глубина могилы достигала двух метров, умерший лежал вытянуто на спине головой на запад. Отсутствует череп и практически вся верхняя часть скелета, частично сохранились кости рук и нижняя челюсть. Кости таза были вывернуты и смещены, но берцовые кости лежали *in situ*. Под большой левой берцовой костью находился бронзовый однолезвийный нож, без оформления навершия, в чехле. По всей видимости, над этим погребением тоже был сооружён курган.

Особый интерес привлекает находка комплекса бронзовых предметов конского снаряжения (Папин, 2000). Они лежали компактной группой на площади 0,3x0,4 м. Все найденные изделия были хорошей сохранности, несильно окислившись. Удила (рис.8-4) — бронзовые, двусоставные, соединеннокольчатые, округлые в поперечном сечении. Стержни звеньев длиной 10 см, имеют стремевидные окончания с отверстиями колокольчиковидной формы. Одно звено имеет следы припоя. Описание характеристики изделия соответствуют I типу раннескифских удил Горного Алтая и являются наиболее распространенными (Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 68–69). Бляха налобная (рис.8-3) — бронзовая, округлая, в диаметре 4,2 см, слегка выпуклая, имеет шпенек в виде Т-образного выступа. Так же хорошо известны из Горного Алтая и соседних регионов (Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 71). Подпружные пряжки (парные) (рис.8-1,2) — бронзовые, имеют прямоугольный щиток. Одно изделие со шпеньком. Соответствуют I типу подобных изделий Горного Алтая (Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 73). Кроме того, рядом в слое были найдены: пять астрагалов, один из них просверленный и фрагменты черепа лошади.

Находка элементов конского снаряжения не является редкостью для Алтая, известны они из случайных находок и из закрытых комплексов (Кирюшин, Тишкин, 1997). Наиболее территориально близкие комплекты узды происходят с Юго-Западного Алтая, это местонахождения Вакулиха и Гилевский мост (Тишкин, 1998, рис. 1, с. 79–82). За пределами Алтая аналогии встречаются в материалах культур раннескифского типа Тувы, Казахстана, Монголии (Грязнов, 1980; Вишневская, 1973; Итина, Яблонский, 1997; Кадырбаев, 1966; и др.) Появление бронзовых удил, налобных блях и подпружных блях описанных выше форм является ярким показателем формирования конского снаряжения раннескифского типа и отражает конец бронзовой эпохи и начало раннего железного века. Возможно, что кроме могилы и даного комплекса вещей к этому же времени относится ряд отдельно стоящих неорнаментированных баночных сосудов.

Таким образом, грунтовый могильник Рублёво VIII является некрополем древних племён живших в этом регионе с середины II тыс до н.э. и до VII–VI вв. до н.э.. В его материалах нашли отражение процессы взаимодействия древнего населения Казахстана и лесостепной части Верхнего Приобья, что особенно важно для выяснения исторической судьбы андроновской общности и генезиса культур эпохи поздней бронзы.

А.Л. Кунгуров, Д.С. Раднер

(Алтайский государственный университет)

Памятники бронзового и раннего железного веков в окрестностях с. Алтайское (Алтайский район)

Первые археологические находки в Алтайском районе были связаны с активной работой Бийского краеведческого музея и деятельностью археологических экспедиций Москвы и Ленинграда. Прежде всего это курганные могильники, зафиксированные по сообщениям местных жителей геодезистом В.С. Митропольским, директором БКМ С.М. Сергеевым и археологом С.В. Киселевым в 20–30-х годах XX в. на р. Песчаной и ее притоках (Таурак 1 и 2, Нижняя Каянча, Барагаш, Куваши и т.п.). В 1978 г. три памятника на р. Песчаной обнаружил С.В. Цыб (стоянка Таурак 3, поселение Таурак и каменную ограду Казанда), два курганных могильника в 1987 г. около озера Ая обследовал П.И. Шульга. В начале 90-х годов поселение раннего железного века и грунтовый могильник около с. Старая Белокуриха зафиксировал М.Т. Абдулганеев. В середине 90-х годов разведку в центральной части района провел Д.А. Пугачев, осмотревший разрушенное карьером погребение позднего средневековья (Нижнекаменка 1) и открывший шесть поселений раннего железного века на р. Сараса и ее притоках (Шульга, 1998; Уманский, 1998; Пугачев, 1998). Археологическими находками сопровождалось изучение пещер спелеологами. Как археологические памятники можно отметить Большую Талдинскую и Пролетарскую пещеры, Кротовский грот (Вистингаузен, 1983, 1998; Раднер, 2003).

Таким образом к 2002 году было известно 18 археологических объектов, половина которых представлена одиночными курганами и небольшими курганными группами.

Группа памятников, о которой пойдет речь в данной работе, связана с левым бортом долины р. Каменка восточнее с. Нижнекаменка. В этом месте долина образует обширный изгиб длиной ок. 10 км, образовавшийся в ходе древнего функционирования русла Каменки. К долине спускаются рыхлые лёссовые пологопадающие шлейфы гор Малая, Большая и Алтайская Караульные, образующих гряду. Название гор Большая, Малая и Алтайская Караульная происходят от эпохи военной колонизации Алтая XVII–XVIII вв. Подобных топонимов в предгорной зоне достаточно много: Пикет, Маяк, Сторожевая Сопка и т.п. Однако у местных жителей бытует легенда о появившемся в окрестностях Алтайского и Нижнекаменки тигре (большой полосатой кошке), наводившей ужас на крестьян. Для ее выслеживания люди организовали наблюдательные посты на окружающих горах (караулах) — отсюда и пошло название. Своеобразное наклонное плато на цокольном и делювиально-щебнисто-глыбовом основании, достаточно сильно изрезано логами различных размеров, иногда имеющих водотоки. Фиксирующаяся мощность рыхлых отложений по разрушениям в логах превышает 15–20 м. Памятники расположены на мысах, образованных устьями логов и долиной реки, а также изгибами края борта Каменки. Оба края изгиба — амфитеатра (условно их можно назвать северным и южным) подходят почти вплотную к руслу р. Каменки. Следует отметить, что на северном окончании амфитеатра (северная окраина с. Нижнекаменка), при разработке карьера в 50-х годах было обнаружено этнографическое захоронение алтайца с сопроводительным инвентарем. Сей-

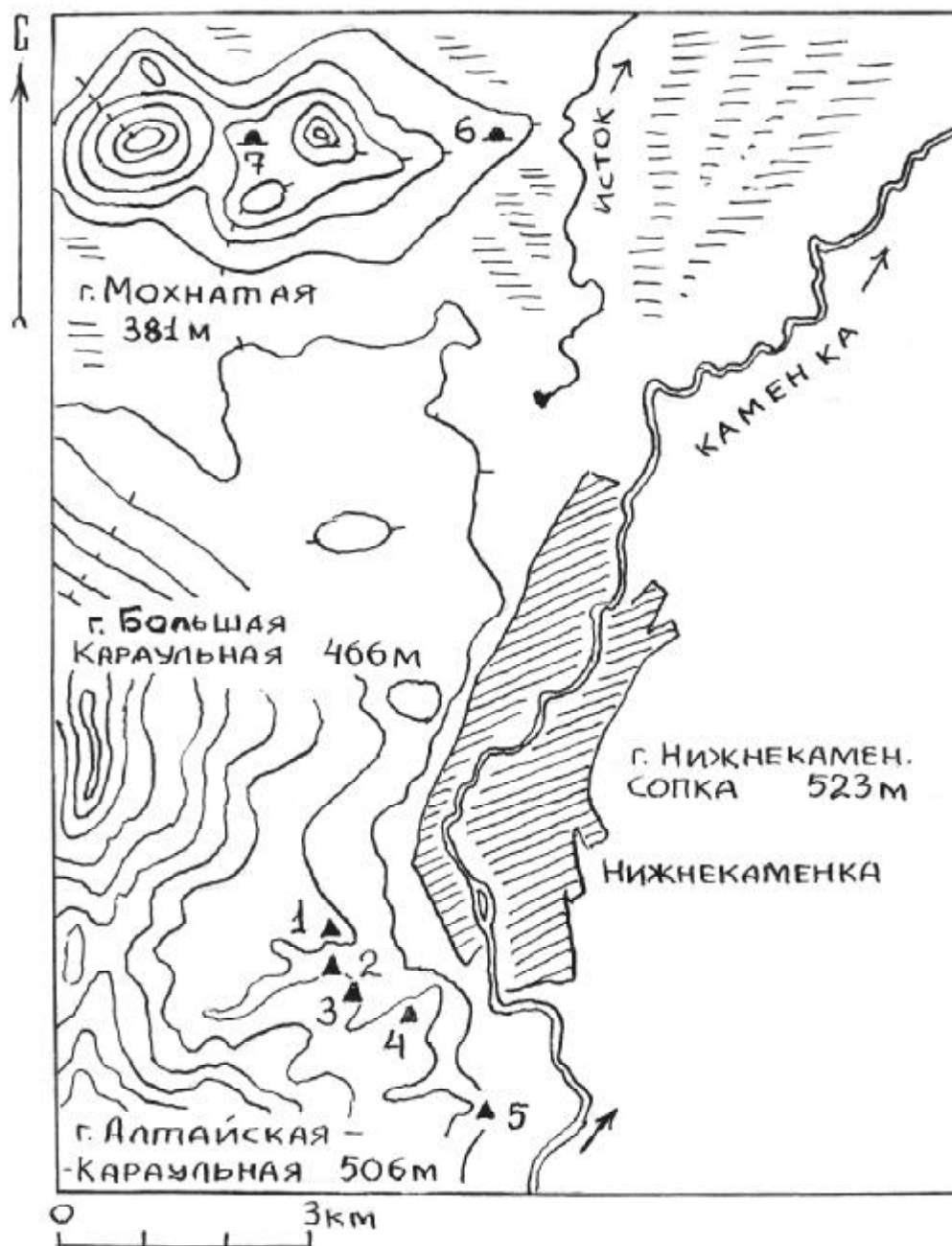

Рис.1. Расположение памятников бронзового и раннего железного веков около с.Нижнекаменка (Алтайский район)

1. Поселение Большая Караульная 1.
2. Поселение Большая Караульная 2.
3. Поселение Большая Караульная 3.
4. Поселение Большая Караульная 4.
5. Поселение Алтайская Караульная 1.
6. Одиночный курган Сопка Мохнатая 1.
7. Одиночный курган Сопка Мохнатая 2.

час этот памятник для изучения недоступен, исследователями именуется «Взвоз» (подъем трассы Алтайское–Бийск с уровня поймы на лёссовое плато) (Уманский, 1998) или Нижняя Каменка 1 (Пугачев, 1998). Южная оконечность изгиба маркируется поселением Алтайская Караульная 1 (350 м севернее окраины с. Алтайское).

Большая Караульная 1. Поселение. Расположено на мысе, образованном левым бортом крупного лога с водотоком и поймой р. Каменки (левый борт долины). Высота мыса 20 м над уровнем поймы. Истоки лога, имеющего длину ок. 2 км, находятся на юго-западном склоне горы Большая Караульная (высота 466 м над у.м., 216 м над урезом реки) (рис. 1). У истоков лога на его левом борту расположен фруктовый сад с. Нижнекаменки. Расстояние до южной окраины с. Нижнекаменка 2,8 км (к юго-востоку), до северной окраины с. Алтайское 3,2 км (к юго-юго-востоку). Поверхность мыса распаханна, кроме этого на ней выражено небольшое естественное всхолмление овальной формы, вытянутое с ЮЗ на СВ. Размеры 110x36 м, высота ок. 2 м. Похоже, упомянутая деталь рельефа образовалась в ходе смыва рыхлых отложений в раннеголоценовую эпоху. Основная масса находок связана с северо-восточным участком всхолмления. Найдены половина нижнего камня зернотерки (рис. 2–5), несколько более мелких обломков, использовавшихся как абразивы, 24 фрагмента керамики и кости домашних животных. Встречено два венчика без орнамента от баночных сосудов закрытой формы (рис. 2–1,2), два фрагмента придонной части, а также обломки тулова сосудов с орнаментом. Один украшен сеточкой, нанесенной гладким штампом (рис. 2–3), второй — рядом жемчужин с разделителем и двумя полосами косых семечковидных оттисков (рис. 2–4). Возможная датировка поселения: эпоха поздней бронзы — начало раннего железного века.

Большая Караульная 2. Поселение. Расположено на правом борту описанного лога. Ширина заболоченного днища лога, по которому протекает ручей, 20–30 метров, ширина по верхнему уровню от 150 до 300 м. В отличие от достаточно ровного левого склона, правый довольно сложно структурирован субпараллельными вторичными ложками, образующими террасовидный уступ, высотой от днища лога до 5 м. Его поверхность достаточно ровная, не имеет серьезных разрушений. Вдоль юго-восточного края уступа из поймы р. Каменка поднимается грунтовая дорога к заброшенному фермерскому хозяйству, занимающему выположенный правый склон лога в 380 м выше его устья. В логу устроен каскад прудов с грунтовыми дамбами высотой до 3 м. Первый расположен прямо в устьевой части и предназначен для водопоя скота. Второй пруд находился в 200 м выше первого, но дамба весной 2002 г. разрушилась и вода ушла, оставив заболоченный и заросший кустарником участок лога. Выше расположены еще два пруда (около брошенного фермерского хозяйства), которые также постепенно зарастают осокой, камышом и кустарником. Осмотр лога производился по разрушениям, связанным со строительством и обновлением дамб. Однако находки мелких фрагментов керамики без орнамента, резца из черной кремнистой породы и обломка камня со сколами сделаны только на разрушениях второго пруда (рис. 3–3) и, видимо, связаны с описанным террасовидным уступом, очень удобным для поселения. Осмотр распаханых участков поверхности, примыкавшей к логу слева и справа, а также других карьеров и срезов результата не имел. Возможная датировка памятника — каменный и ранний железный век.

Большая Караульная 3. Поселение. Приурочено к мысу правого борта упомянутого лога в месте его выхода в пойму р. Каменки. Поселение Большая Караульная 1 расположено практически напротив Большой Караульной 3 (в 150 м севернее). Высота мыса ок. 20 м, поверхность частично распаханна, частично (по кромке) задернована густым степным ковыльным

разнотравьем. На стрелке мыса рельефом выделена горизонтальная площадка размерами 100x180 м, с которой, видимо, и связано поселение. Южная часть площадки распахана и в разрушениях подобрана керамика без орнамента с продольными царапинами от заглаживания сырой поверхности сосуда в процессе его изготовления и обломок крупного горшка с рядом защипов (рис. 3–1,2). Возможная датировка — ранний железный век.

Большая Караульная 4. Поселение. Расположено в 0,5 км юго-восточнее памятника Бол. Караульная 1 на 20-метровом мысе левого борта р. Каменки, выделенном двумя логами. Западный лог небольшой и имеет облик распадка длиной от кромки берега 120 м и шириной 60 м в центральной части. Восточный лог, содержащий родник и небольшой водоток, врезан до уровня поймы Каменки. Истоки лога расположены в лощине 100-метровой цокольной возвышенности, являющейся также высоким бортом лога с памятниками Бол. Караульная 1–3. По восточному левому борту лога поднимается грунтовая дорога на поля. Основная площадь мыса задернована, граница распашки проходит по его основанию. В пашне найден фрагмент керамики без орнамента.

Алтайская-Караульная 1. Поселение. Расположено на 15-метровом пологоспускающемся до уровня поймы мысе левого борта долины р. Каменки. Оконечность мыса разрушена небольшим дорожным карьером. От проходящей мимо края мыса трассы Нижнекаменка–Алтайское отходит свороток (грунтовая дорога) на поля. От своротка до с. Н.Каменка 1,6 км, до с. Алтайское 450 м, до дорожного асфальтового завода, расположенного перед с. Алтайское — 350 м. Мыс, организованный двумя древними береговыми выемками, является окончанием лёссового плато — северо-восточного склона горы Алтайская Караульная, имеющей высоту 506 м от у.м. и 256 м от уровня поймы р. Каменки. Поверхность мыса, за исключением дорожной колеи, хорошо задернована. Кромка пашни расположена в 300 м от края. Однако в месте перегиба крутизны мыса на склоновую часть происходит интенсивное размывание восточной колеи и образование пока еще узкого овражка. В разрушениях подобрана керамика без орнамента (очень мелкие обломки), кости животных со следами «пищевой» утилизации, пест-отбойник из удлиненной крупной гальки круглого сечения со следами забитости, нуклеидное изделие из черного кварцита (рис. 3–4), зубчато-выемчатый скобель с резцовым сколом на окатанном более древнем артефакте (рис. 3–6), мелкий массивный резец (рис. 3–5), девять первичных и вторичных сколов со следами вторичной обработки (рис. 3–5,7,8). По-видимому, разрушается край памятника, расположенного на центральной части мыса. Возможная датировка поселения Алтайская-Караульная 1 — начальные этапы эпохи бронзы. На это указывает прежде всего угасающая техника утилизации каменного сырья.

Следующие два памятника связаны с отдельно стоящей возвышенностью, имеющей название сопка Мохнатая (высота 381 м от у.м., 121 м от уровня поймы). Особенностью возвышенности является изолированность от предгорных кряжей: с юга, юго-запада и юго-востока гора отрезана заболоченной низиной, занятой влаголюбивой растительностью, образующей труднопроходимую согру, с восточной – северо-восточной стороны гору огибают левый приток р. Каменки – р. Исток, берущая начало в 1 км севернее с. Нижнекаменка. Эта река, имеющая общую с Каменкой широкую заросшую и заболоченную пойму, протекает параллельно Каменке 13 км и затем сливается с ней. Сопка Мохнатая, по сути дела крупный эрозионный останец, имеет достаточно мощный чехол лёссовидных рыхлых отложений, языками спускающийся в окружающие низины. Возвышенность является очень перспективным местом для поиска как жилых комплексов различных эпох, так и сакральных объектов, традиционно связанных с подоб-

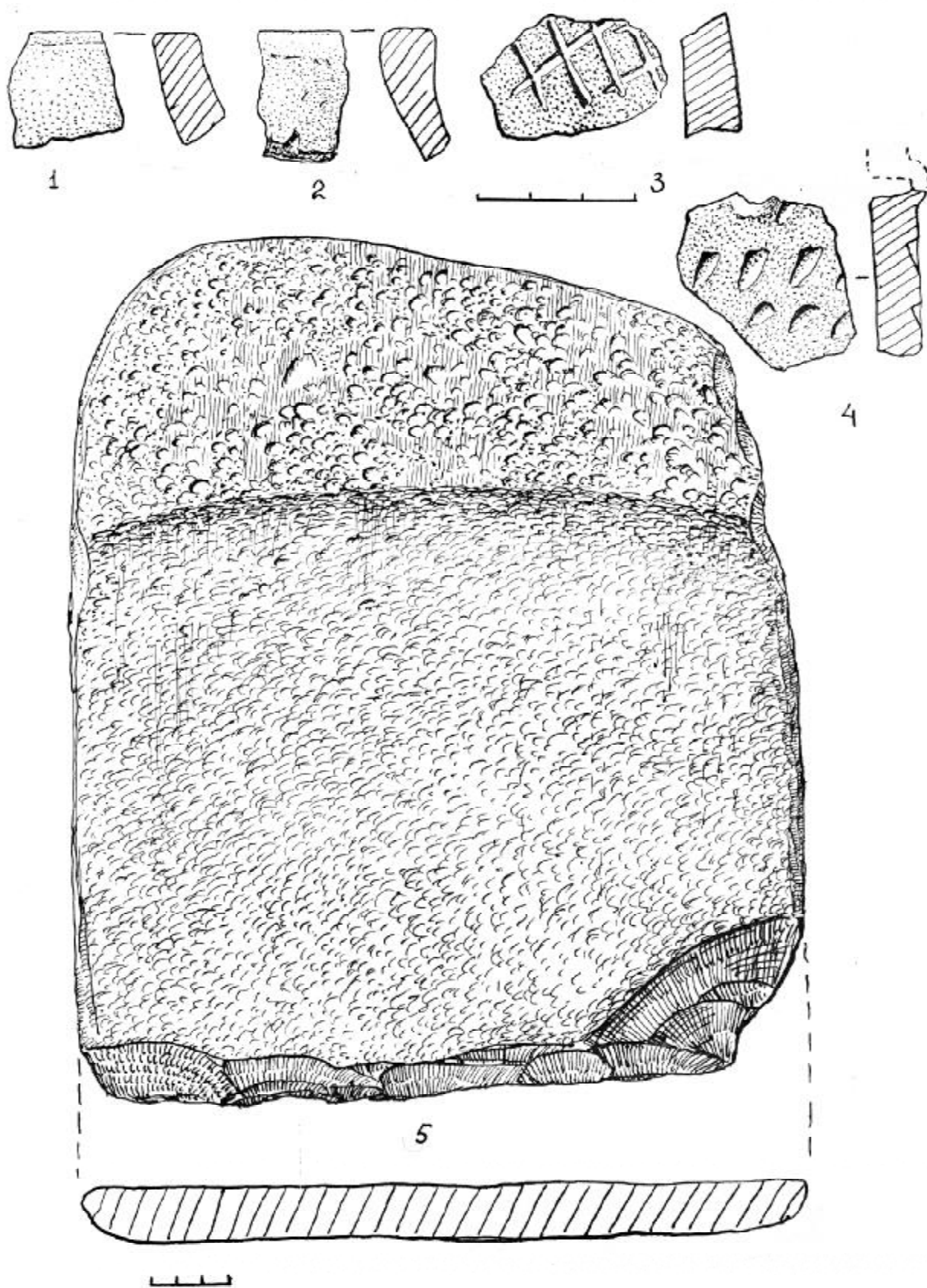

Рис. 2. Керамика и обломок куранта с поселения Большая Караульная 1

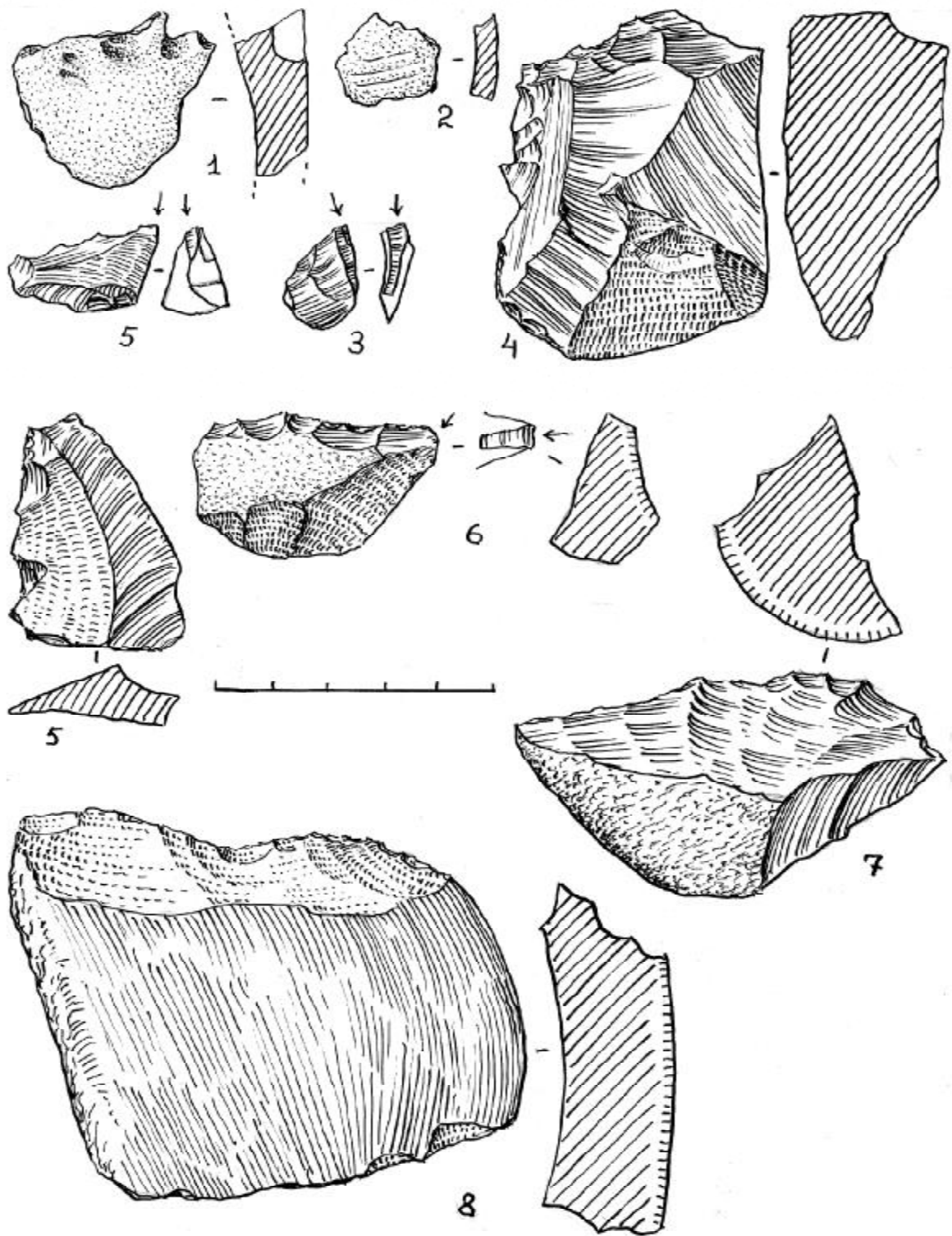

Рис.3. Керамика и каменные изделия с поселений Большая Караульная 2(3),
 Большая Караульная 3(1,2) и Алтайская Караульная 1 (4-8).

ными орографическими образованиями Северного Алтая. Не случайно оба памятника, обнаруженные при рекогносцировочном осмотре Мохнатой, являются сакральными сооружениями.

Сопка Мохнатая 1. Одиночный курган. Расположен на восточном, наиболее длинном мысе рыхлого чехла горы, длиной около 950 м и шириной от 350 м в месте выделения (основа мыса) до 200–250 м на оконечности. Высота мыса падает от 25 м до уровня поймы. В месте расположения кургана высота мыса составляет 5 м от уровня поймы р. Исток (левый берег). Пойма занята влаголюбивым кустарником, на подножье мыса встречаются отдельно стоящие березы. Вся поверхность, включая прилегающие к подножью участки поймы, распахана и засеяна зерновыми культурами. По основанию мыса, «отрезая» его от Мохнатой, проходит трасса Бийск–Алтайское (до Бийска 54 км, до Алтайского 13 км). На юго-западной оконечности мыса расположен одиночный курган. Размеры овальной каменно-земляной насыпи высотой 1,5 м вытянутой вдоль мыса (с З на В) 34x22 м. В центре фиксируется западина подовальной формы размерами 12x16 м и глубиной 1 м. Не исключено, что это не остатки грабительского лаза, а провал погребальных конструкций. Курган опакан, с южного края фиксируются выпаханные гранитные глыбы насыпи. Судя по характеру насыпи, первоначальный диаметр кургана мог достигать 35 м, высота до 2 м. Тщательный осмотр поверхности мыса, облегченный тем, что пшеница была уже скошена и обмолочена, не выявил остатков других погребальных сооружений. Возможная датировка кургана — ранний железный век.

Сопка Мохнатая 2. Одиночный курган. Расположен на северном склоне горы, представляющем собой сложноорганизованный шлейф лёссовидного чехла. На склоне отчетливо читаются мысовидные достаточно крутые скаты с северо-восточной и юго-западной вершин горы, а также с седловины между ними. Как раз с последним образованием и связано расположение объекта. Курган приурочен к северо-западной части оконечности мыса, высотой около 30 м от уровня поймы р. Исток. Размеры округлой каменно-земляной насыпи высотой около 1 м 21x18 м. Прослеживаются две овальные грабительские западины одинаковых размеров 7,5x5,5 м и глубиной 1,5 м. Вся поверхность склона, включая достаточно крутые участки, распахана. Курган опакан, поэтому можно предположить, что он имел более крупные размеры (ориентировочно 22–23 метра в поперечнике). Возможная датировка — ранний железный век.

Д.В. Папин, С.П. Грушин

(Алтайский государственный университет)

Ирменский комплекс на памятнике Телеутский Взвоз-I*

Памятник Телеутский Взвоз-I располагается на высоком (до 70 м), разрушающемся мысу левого коренного берега Оби, в 5 км к северо-востоку от с. Елунино Павловского района Алтайского края (рис. 1; 2). Памятник открыт А.П. Уманским в 1956 г. и впервые был учтен как курганная группа Телеутская-IV, состоящая из 21 визуально фиксируемого погребального сооружения. В 1978 г. обследовался Ю.Ф. Кирюшиным. Впоследствии, этот археологический комплекс изучался сотрудниками археологических экспедиций Алтайского госуниверситета (Шамшин, 1993, с. 19–20; Уманский, 1993, с. 9; Казаков, 1995). С учетом обозначения жителями ближайших деревень урочища и спуска в пойму реки, А.А. Казаков переименовал курганную группу Телеутская-IV в Телеутский Взвоз-I.

Местоположение могильника на высокой террасе обусловило его аварийность. Северный край мыса постоянно подмывается рекой, в результате чего значительные участки берега обваливаются в Обь и часть курганов уже утрачена. В составе некрополя выделяются разные культурно-хронологические комплексы: эпохи бронзы (елунинская, андроновская и ирменская культуры), раннего железного века и монгольского времени. Первое погребение ирменской культуры на памятнике было доисследовано В.Б. Бородаевым в 1982 году. Большая часть могилы обрушилось в реку, но из погребения удалось спасти сосуд (рис.6-2) (Папин, Шамшин, 2000, с. 36). Впоследствии ирменские погребальные объекты раскапывались попутно с комплексами ранней бронзы или средневековья, которым уделялось основное внимание. Курганы ирменской культуры в разные годы изучались экспедицией Алтайского госуниверситета, которой руководили А.А. Казаков (курганы № 3, 4 и 5, раскопки 1996 г.); А.А. Тишкин (курган № 13, раскопки 1998 г.); С.П. Грушин (доисследование кургана №5, курган № 16 в 2000 – 2002 гг.).

Результаты полевых исследований ежегодно докладывались на Годовой итоговой сессии ИАЭТ СО РАН (Кирюшин, Казаков, Тишкин, 1996; Кирюшин, Тишкин, Грушин, 1998; 1999; 2000; Папин, Тишкин, 1998; Папин, Тишкин, Грушин, 2000). Обобщения аналитической работы по осмыслению накопленного нового материала на памятнике Телеутский Взвоз-I были опубликованы в ряде научных статей (Грушин, 2000; Тишкин, Грушин, 2000; Кирюшин, Тишкин, Грушин, 2001 и др.). Итоги исследования монгольского и елунинского комплексов отражены в двух монографиях (Тишкин, Горбунов, Казаков, 2002; Кирюшин, Грушин, Тишкин, 2003).

Скопление разных сооружений на небольшой, ограниченной территории мыса, по-видимому, обусловлено не только удобным местом расположения и религиозно-мировоззренческими представлениями, а также, на наш взгляд, определенным видом хозяйственной деятельности проживавших в рассматриваемом месте народов, которые в основном занимались ско-

*Работа выполнена в рамках проектов РГНФ № 03-01-00475а; ФЦП «Интеграция» №ИО539; Минобразования РФ №Г02-1.2-509.

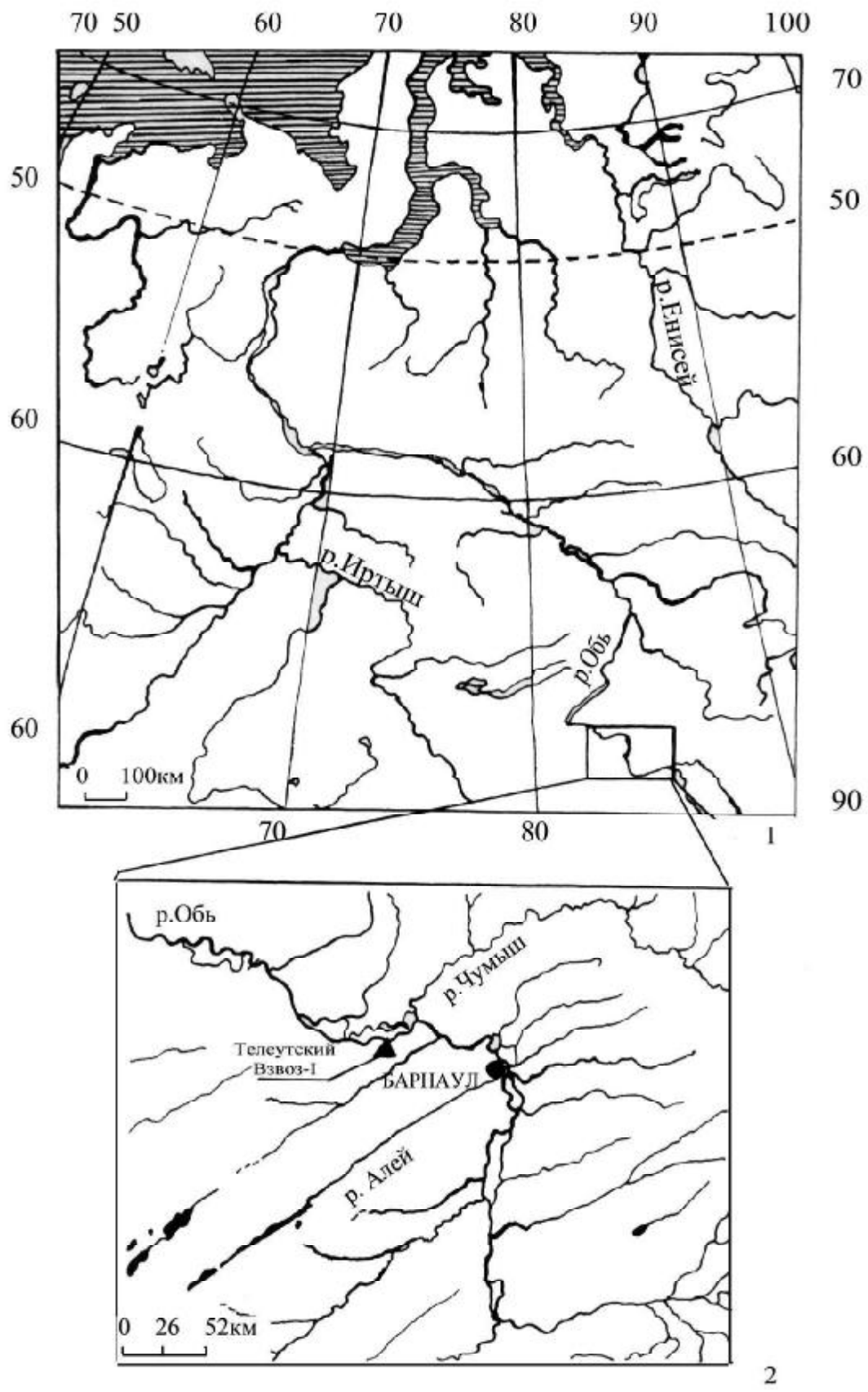

Рис. 1. Местоположение курганного могильника Телеутский Взвоз-1

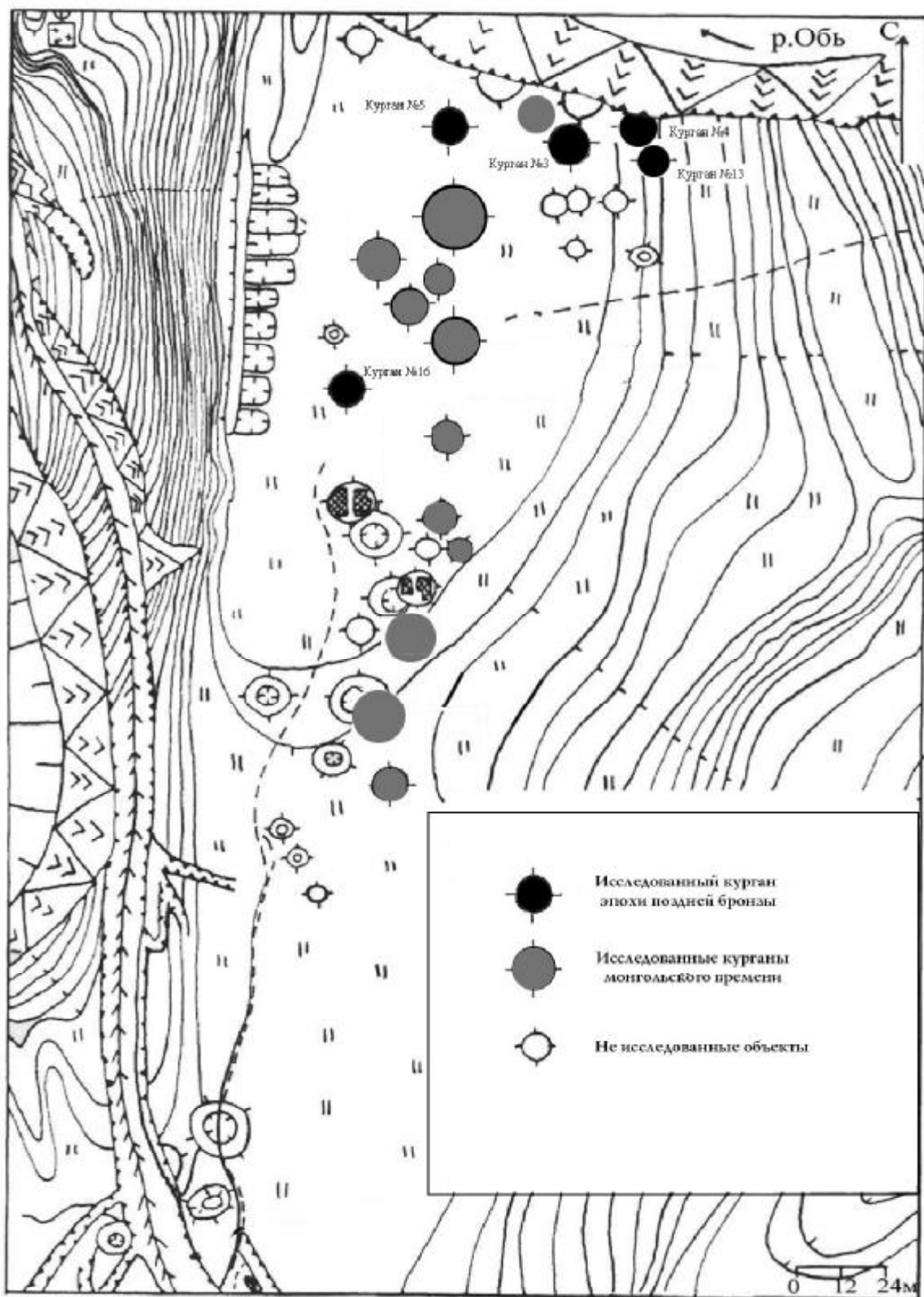

Рис. 2. Курганный могильник Телеутский Взвоз-1

товодством. Сравнение выявленных комплексов при планиграфическом анализе позволило определить хронологический и культурный срез в истории народов, последовательно проживавших на левом берегу р. Оби, а также позволило представить процесс формирования памятника Телеутский Взвоз-I на протяжении значительного времени. С.П.Грушиным было высказано предположение, что устроители погребений последующего периода производили их за пределами могильников предшествующего времени. Поэтому на одной территории расположены комплексы «через эпоху», то есть формирование разновременного памятника Телеутский Взвоз-I происходило своеобразным способом «маятника» (Грушин, 2000; Тишкин, Грушин, 2000). В эпоху позднего бронзового века надмогильные сооружения елунинцев были уже разрушены либо не воспринимались как погребальные, поэтому ирменцы заняли «свободную» зону мыса. При анализе планиграфической ситуации расположения курганов раннего железного века было сделано предположение, что население в тот период времени восприняло сооружения ирменцев в центральной части мыса как погребальные. Это послужило причиной для выбора другого места, т.е. за пределами могильника эпохи поздней бронзы (Грушин, 2000; Тишкин, Грушин, 2000).

Курганы ирменской культуры (эпоха поздней бронзы) располагаются ближе к краю мыса и имеют очень низкие, едва различимые округлые земляные насыпи небольшого диаметра (рис. 2). Визуально выявить такие сооружения затруднительно, поэтому часть объектов удалось обнаружить только в ходе исследований сплошным раскопом. Таким образом, к настоящему времени на могильнике изучены пять погребальных объектов, относящихся к интересующему нас времени: это курганы №№ 3, 4, 5, 13 и 16, а так же отдельные находки в системе рвов и ям.

Курган № 3 располагался в южной части могильника и до раскопок фиксировался по насыпи округлой формы диаметром 10–11 метров и высотой 0,07 м. В центре насыпи были зафиксированы следы трупосожжения, кальцинированные кости человека и животных были разбросаны по площадке размером 4,5x2 м., вперемежку с сильно обожженными кусками суглинка. На площади погребения фиксировались небольшие прокалы мощностью до 0,02 м. Среди кальцинированных костей было найдено бронзовое кольцо со следами воздействия огня. В северо-западном секторе кургана в насыпи обнаружено захоронение человека скорченно на правом боку головой на юг, в головах погребённого находился бронзовый нож. Кроме этого, в насыпи были обнаружены отдельные фрагменты керамики (Казаков, Шамшин, Ведянин, 1994).

Курган № 4 находился в южной части могильника. До раскопок представлял собой насыпь округлой формы диаметром 8–8,5 метров с нечёткими границами и высотой 0,05–0,07 м. При снятии насыпи по центру был обнаружен небольшой прокал (мощностью 0,2 м), в котором фиксировались фрагменты керамики от одного сосуда, орнаментированного по шейке каннелюрами (рис. 6-3) и кости животных. С северной стороны прокала обнаружено скопление обожжённого суглинка диаметром до 3 м. Под этим скоплением зафиксирована могила размером 2,2 x 1,25 м. и ориентированная длинной осью по линии СВВ–ЮЗЗ, дно зачищено на глубине 1,25 м. Кроме обожженного суглинка находок обнаружено не было (Казаков, Шамшин, Ведянин, 1994).

В центре кургана № 5 на уровне древнего горизонта было найдено захоронение человека, который был уложен скорченно, на правом боку, головой на ЮЗ. Костяк сильно обожжен, но прокал вокруг него небольшой. Погребение окружал ров округлой формы, который размыкался в ЮЮВ части. В нем был найден череп лошади и развал слабопрофилированного сосуда, орнаментированного гребенчатым штампом по венчику двумя рядами треугольников, по горлу — жемчужником с разделителем, по тулову — отпечатками косо поставленного гребенчатого штампа, которые перемежаются с прочерченными линиями (рис. 6-1) (Казаков, 1997).

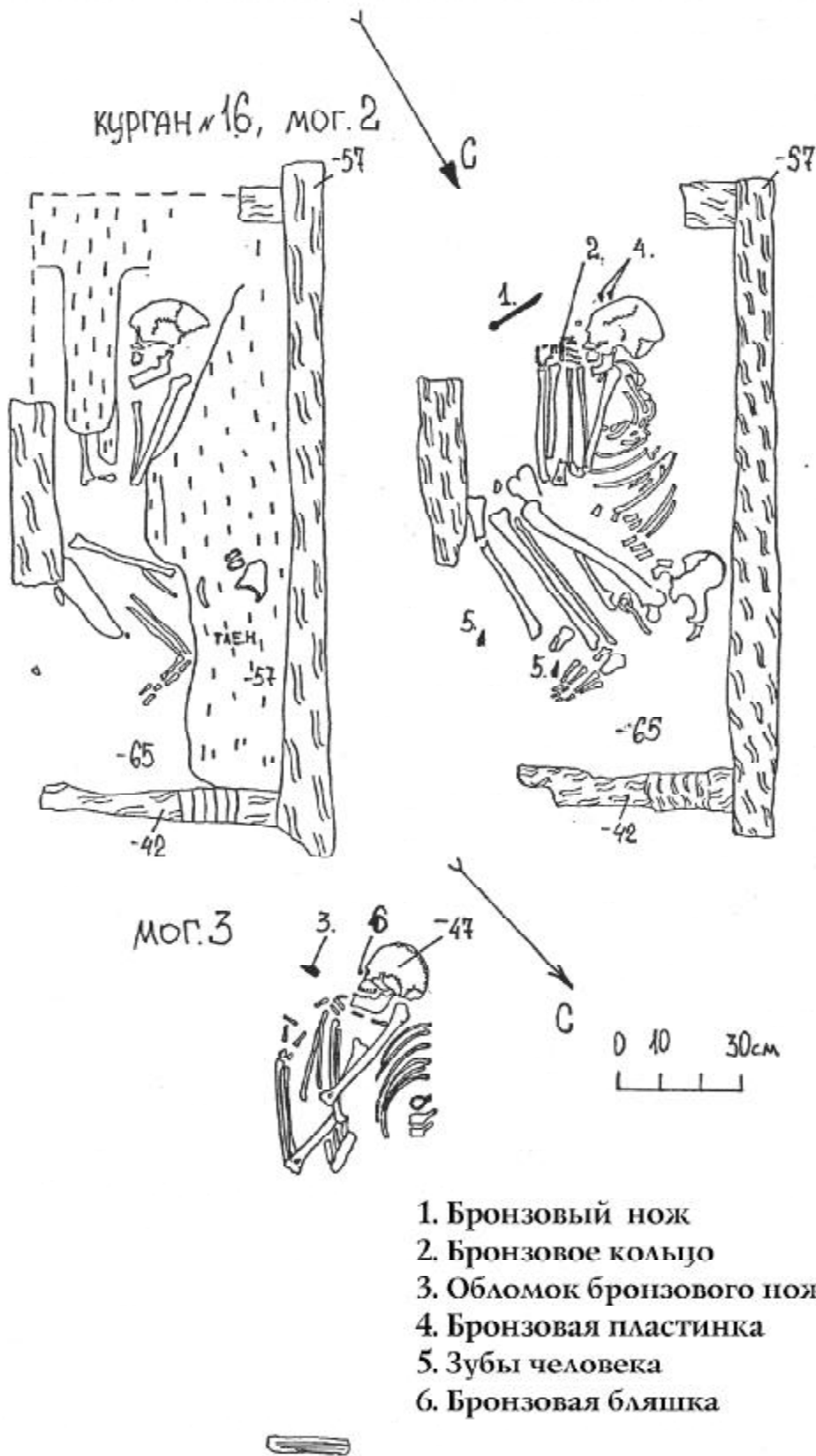

Рис.3. Телеутский Взвоз -1. Курган №16: 1- план могилы №2 по перекрытию погребения; 2- план могилы №2 по дну погребения; 3 – план могилы №3 по дну погребения

В 2002 году был доисследован западный сегмент рва этого кургана. Размеры, исследованной в 2002 году части рва, следующие: ширина рва 1,25 м, глубина от уровня материка 0,25 м. В заполнении рва на глубине 0,1 м от уровня материка обнаружен развал сосуда эпохи поздней бронзы (рис. 6-4). При разборке верхних слоев, еще до фиксации пятна, на глубине 0,45 м от современной поверхности отмечено скопление костей животных.

Курган №13 располагался в северной части могильника и до раскопок визуально фиксировался по хорошо задернованной земляной насыпи округлой формы размером 8х9 м, с нечеткими границами и высотой до 0,1 м. При снятии наброски по всей площади юго-западного сектора встречались фрагменты спекшейся глины. На уровне древнего горизонта (глубина — 0,2 м) была зафиксирована могила. В центре овальной площадки (2,75х2,5 м) из обожженного суглинка, почвы и дерева находились кости ног человека, сильно обгоревшие, но не кальцинированные. Под ними, ниже на 0,05 м., располагались кости рук и нижняя челюсть человека. Западнее, на границе прокала, находились лучевые кости рук с фалангами пальцев, а также плоскодонный слабопрофилированный сосуд, орнаментированный по венчику сеточкой, по горлу — рядом ямок, по тулову — сеткой (рис.5-1). На одной из фаланг сохранилось бронзовое кольцо, свёрнутое из пластинки в один оборот (рис. 5-3). Еще одно бронзовое изделие, серьга из проволоки (рис.5-2), было так же найдено на границе прокала, мощность которого достигала 0,2 м (уголь, спекшийся суглинок, прокаленная почва). В северо-западном секторе кургана при разборке насыпи найдена пуговая фаланга лошади, а при зачистке уровня древней поверхности выявлена яма с зерном, вероятно, относящаяся к исследованному объекту (Папин, Тишкин, 1998).

Курган № 16 располагался в южной части могильника и до раскопок фиксировался по хорошо задернованной земляной насыпи округлой формы размером 8х9 м., высотой около 0,1 м со следами грабительской ямы посередине.

В центре подкурганного пространства на уровне материка располагалась могила № 1, сильно пострадавшая от грабителей. Шурф прошел дно могилы и был углублен в материк на 0,75 м. В результате этого кости, принадлежавшие мужчине 40–45 лет (здесь и далее половозрастные определения С.С. Тур), оказались смещены. В заполнении могильного пространства встречались фрагменты керамического сосуда, орнаментированного в ирменских традициях. Судя по сохранившимся остаткам деревянной обкладки, могила была вытянута по линии ЮЗ-СВ. К юго-востоку от предыдущего погребения располагалась могила № 2. На уровне материка обнаружена деревянная рама с продольным перекрытием. Внутри конструкции был погребен мужчина 35-40 лет, скорченно на правом боку, головой на ЮЗ. Его ноги были подтянуты к животу, а руки поднесены к черепу. Перед лицом находился бронзовый нож со смятым кольчатым навершием (рис.4-1). На лобной кости черепа обнаружены две изогнутые бронзовые пластинки, которые возможно являлись деталями головного убора (рис.4-5). На фаланге безымянного пальца левой руки зафиксировано бронзовое кольцо (рис. 4-4). Останки третьего погребенного были обнаружены юго-восточнее второй могилы. От скелета мужчины 40-45 лет сохранились кости верхней части, судя по которым умерший был уложен на правый бок, головой на ЮЗ. Рядом с черепом на деревянной основе лежал обломок лезвия бронзового ножа (рис.4-2), а в глазнице — найдена бронзовая бляшка (рис.4-3). В могиле № 4 погребение представляло собой скопление кальцинированных костей человека и бересты. При снятии наброски в восточном секторе на уровне древней поверхности зафиксирована площадка (1,65х2,20 м), состоящая из обожженного суглинка, почвы и угля. Там же найдены кости верхней части скелета мужчины (?), но без воздействия огня (могила № 5) (рис.3).

При зачистке по материк на площади раскопа выявлены три ямы и фрагмент рва дугообразной формы шириной до 1,45 м. Надо отметить, что в юго-западном секторе ров понижается до 1,2 м (при средней глубине 0,7-0,8 м). В заполнении исследованной части сооружения встре-

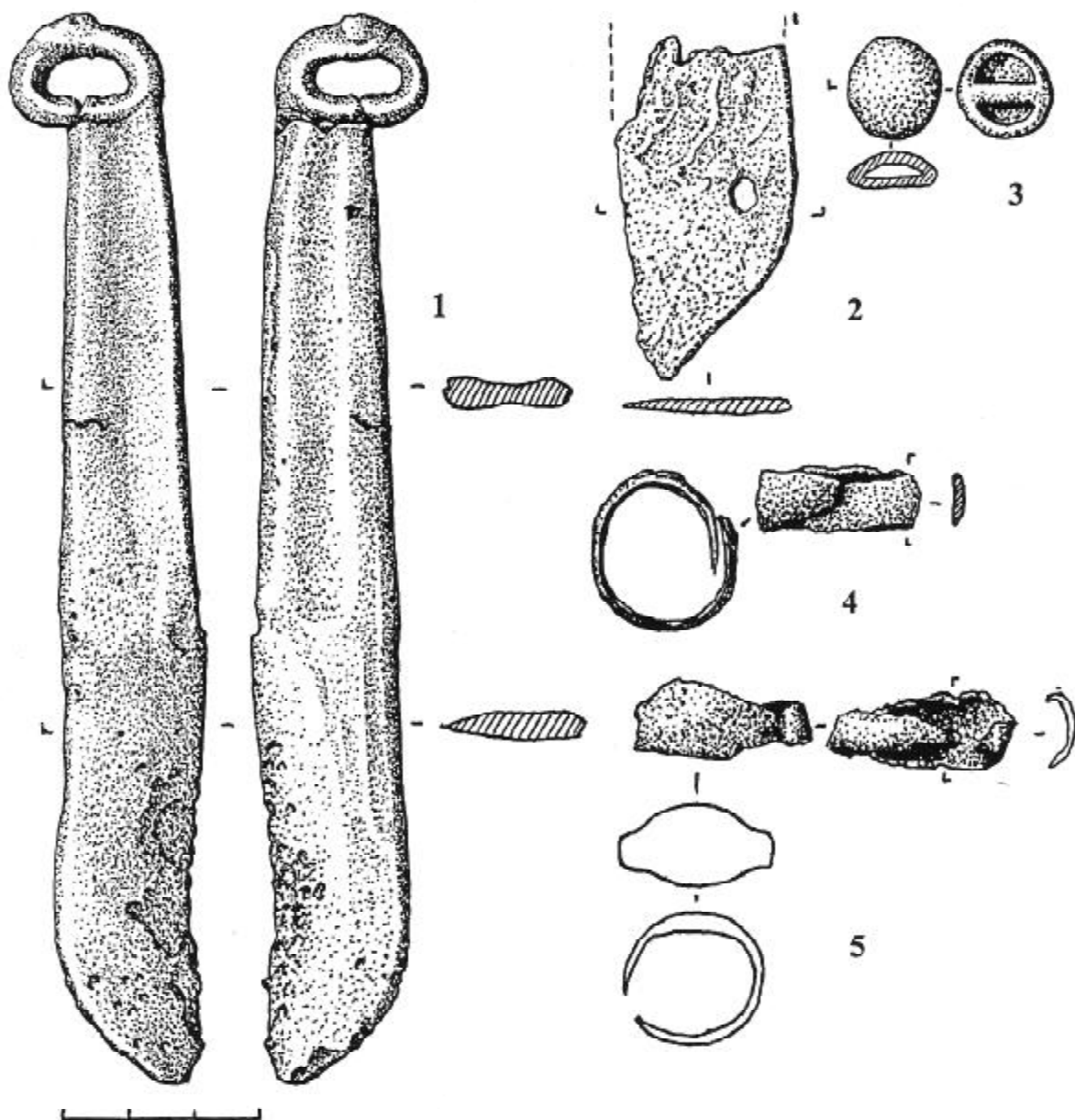

Рис. 4. Бронзовые предметы из кургана №16 могильника Телеутский Взвоз-1: 1,4-5 – могила №2; 2-3 – могила №3. (по Папин, Тишкин, Грушин, 2000)

чены кости м.р.с. и керамика без орнамента. Кроме всего, при раскопках кургана найдены небольшие фрагменты керамики эпохи ранней бронзы и раннего железа. В юго-западном секторе насыпи обнаружено костяное пряслице (Папин, Тишкин, Грушин, 2000).

Инвентарь кургана № 16 и размещение его внутри могил является характерным показателем, как для исследуемого памятника, так и для всего ареала распространения ирменской культуры (Бобров, Чикишева, Михайлов, 1993; Молодин, 1985; Уманский, Демин, 1975; и др.). Под курганной насыпью были погребены умершие в возрасте 35–45 лет мужчины, могилы которых составляют один ряд, вытянутый по линии ЮВ–СЗ. Захоронения мужчин примерно одного возраста в отдельном кургане в сочетании с таким инвентарем, как бронзовые ножи, свидетельствуют об определенном статусе этой половозрастной группы в ирменском обществе. Подобная дифференциация погребальной практики встречена на могильнике Журавлево IV, при изучении материалов которого было высказано предположение, что данная традиция характерна для всего ареала ирменской культуры на Верхней Оби (Бобров, Чикишева, Михайлов, 1993).

Культурную принадлежность подкурганного ровика определить пока трудно. Можно предположить, что именно при строительстве рва пострадала могила № 3 и часть деревянной обкладки могилы № 2. Но в то же время это сооружение перекрывает могила № 4, образующая единый ряд с предыдущими захоронениями. Такое обстоятельство указывает на более раннее время строительства рва. Подобные сооружения фиксируются на памятнике Телеутский Взвоз-I, но достоверно соотнести их с материалами эпохи поздней бронзы не представляется возможным.

Интересное наблюдение о времени ограбления кургана № 16 сделано по шурфу и характеру сломов фрагментов керамического сосуда. Разрушения осуществлялись, вероятнее всего, в период, когда пострадали монгольские погребения, располагающиеся на территории этого же памятника.

Кроме выше описанных объектов к интересующему нас времени относится система рвов и ям. Под насыпью кургана № 2 была обнаружена яма яйцевидной формы, в заполнении которой найдена бронзовая серьга.

Характеризуя погребальный обряд описанных выше курганов, можно отметить следующее: размер курганной насыпи в среднем был 8–8,5 м, иногда достигая 11 м., при высоте не более 0,2 м. Одной из составляющих сооружения являются подкурганные ровики и ямы, которые маркировали погребальное пространство. Захоронение осуществлялось на уровне древней поверхности, там, где это было возможно установить, человека хоронили скорченно на правом боку, ориентируя головой в южный сектор, иногда в деревянной раме. В каждом кургане зафиксирована площадка из обожжённого суглинка и дерева, что свидетельствует о подготовке специального места для ритуальных действий с огнём. Все эти признаки характерны для погребальной практики ирменской культуры лесостепного Алтая (Шамшин, 1992). Но вместе с этим надо отметить определенную эклектичность признаков ирменского комплекса памятника Телеутский Взвоз-I. Из пяти курганов кремация зафиксирована в кургане номер тринадцать, в третьем и шестнадцатом в сочетании с ингумацией, в пятом кургане погребение, совершённое по обряду труположения, было обожжено. Керамический комплекс демонстрирует так же значительную вариабельность, прежде всего это проявилось в орнаментации. Из немногочисленной серии два сосуда орнаментированы каннелюрами по шейке в сочетании с сеточкой по венчику (рис. 6-3,4), этот элемент орнамента широко встречается в памятниках эпохи поздней бронзы степной полосы северной Азии (бегазы-дандыбаевской, ирменской, карасукской культурах), являясь определённым хронологическим маркером. Орнаментальная схема других оформлена с применением иных видов орнамента: ямочки, жемчужник, ряды треугольников. Но в целом композиция не устойчива и на каждом другом сосуде выражена по-иному. Несмотря на то, что по

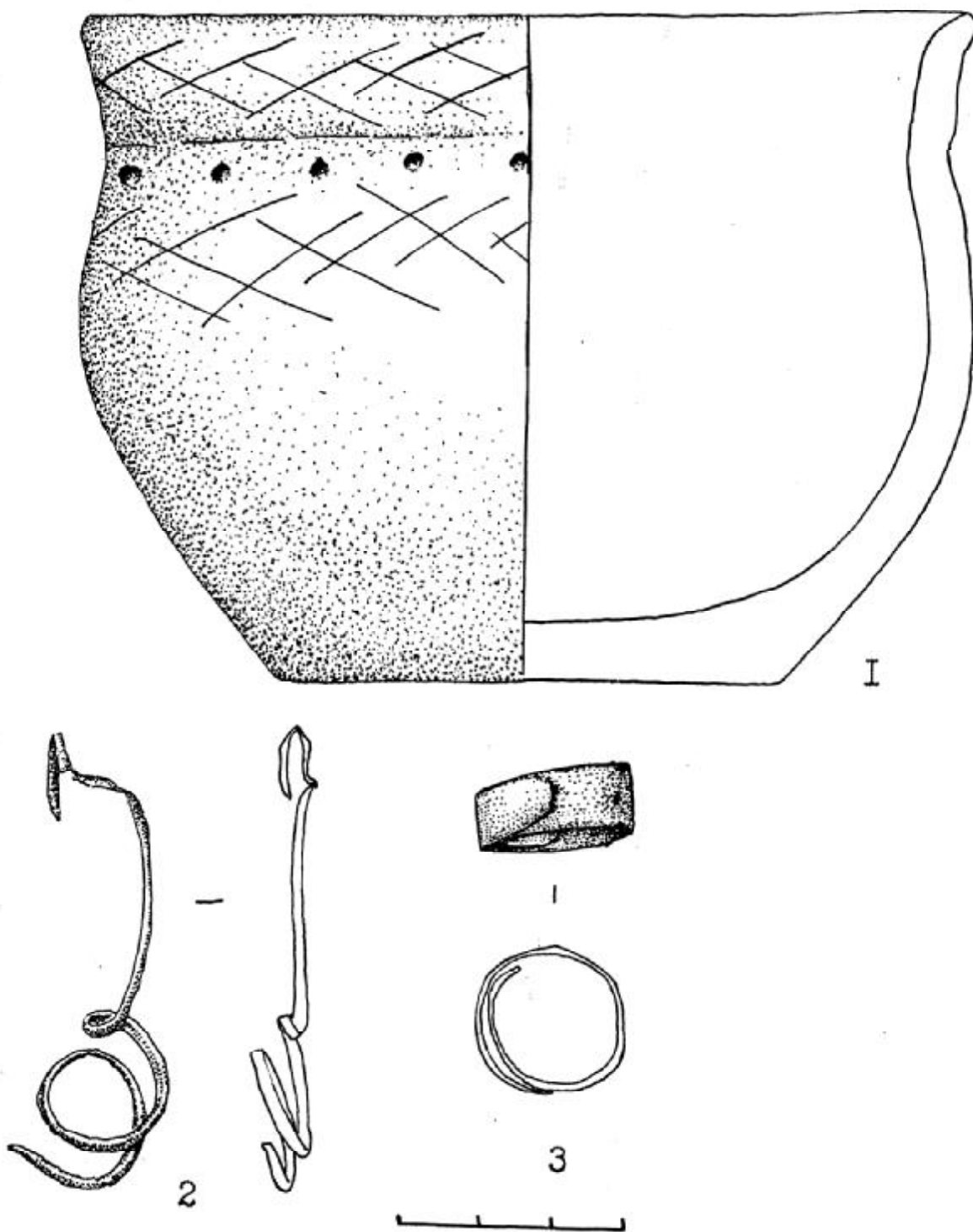

Рис.5. Инвентарь кургана №13. (по Папин, Тишкин, 1998)

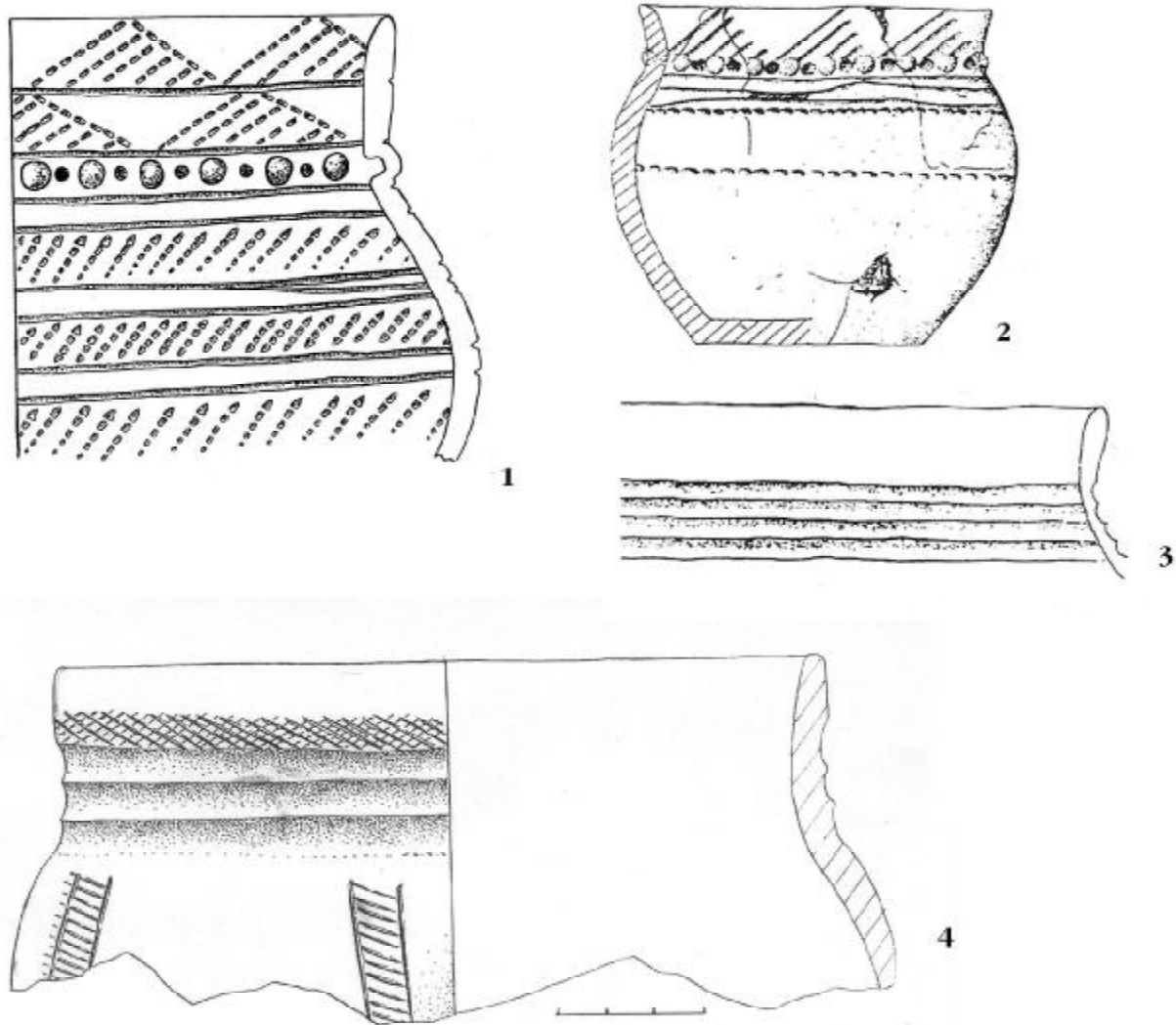

Рис.6. Керамика курганного могильника Телеутский Взвоз-1. (1 - по Казаков, 1997; 2 – по Папин, Шамшин, 2000; 3 – по Казаков, Шамшин, Ведянин, 1994)

отдельности керамика находит аналогии в среде ирменской погребальной посуды, в целом комплекс несколько отличен. Прежде всего, это выразилось в отсутствии традиционного ирменского «геометризма». Возможно, это обусловлено несколько поздней позицией памятника в ряду объектов ирменской культуры. Похожая ситуация фиксируется на могильнике Малый гоньбинский кордон — 1/5. В этом случае, вариативность керамического комплекса, одним из авторов данной статьи, объяснялась трансформацией ирменской традиции в позднеирменскую (Кунгуров, Папин, 2001а; Кунгуров, Папин, 2001б).

Исследователями уже отмечалось, что для ирменской культуры лесостепного Алтая свойственно два варианта погребального обряда: с возведением курганных насыпей и грунтовые могильники (Шамшин, 1992). В настоящее время на территории Алтайского края вскрыто более двухсот погребений на шестнадцати памятниках относимых исследователями к ирменской культуре. Наиболее крупными могильниками являются: Камышенка (Долгая Грива), — раскопано, по разным оценкам, включая материалы С.М. Сергеева, около 64 курганов, Плотинная — 49 погребений, Суртайка — 24 кургана, Новотроицк пять курганов с семнадцатью погребениями, Фирсово XIV — 14 могил, Ближние Елбаны (БЕ) IV и IX девять могил и два кургана с четырьмя могилами, в остальных пунктах вскрыто от одного до пяти погребений. (Членова, 1973; 1981; Уманский, Демин, 1974; Уманский, 1991; Грязнов, 1956; Абдулганеев, Кирюшин, Лузин, Шамшин, 1996). Из них, грунтовыми могильниками являются Плотинная и Фирсово XIV, на остальных памятниках фиксируются невысокие курганные насыпи до 0,6 м., самые высокие курганы исследованы на могильнике Камышенка, где они достигают в диаметре более 20 м. при высоте не менее 1 м. Как правило, под насыпью располагается одна могила по центру или с отклонениями в южный сектор, это характерно для Суртайки и Камышенки. По несколько могил в ряд зафиксировано на Телеутском Взвозе и Новотроицке, на последнем объекте встречено максимальное количество — шесть погребений. Самым типичным является сооружение могилы на уровне древней поверхности или при незначительном углублении до уровня материка, исключением являются БЕ и Фирсово XIV, где глубина отдельных могил достигала от 1 до 1,5 метров.

Деревянная конструкция встречена в Суртайке, в Фирсово XIV, в трёх случаях в Камышенке, на грунтовом могильнике Плотинная в двадцати могилах зафиксирована обкладка и в семи случаях перекрытие, в курганах Новотроицка все могилы имели деревянную обкладку. В Суртайском могильнике был обнаружен каменный ящик.

Умерших хоронили двумя способами: по обряду кремации и ингумации. Последний вариант был господствующим, наиболее характерным является погребение скорченно на правом боку головой в юго-западный сектор (с отклонениями к западу или к югу), иногда в юго-восточный (Плотинная). Исключение составляет Суртайка, где умершие обычно ориентированы головой на запад. Трупосожжение фиксируется на Телеутском Взвозе, Новотроицке (одна могила) и Малом гоньбинском кордоне 1/5, так же следы огня в могилах встречены на Плотинной (пять случаев).

Ранее было отмечено своеобразие погребального обряда ирменской группы могильника Телеутский Взвоз-I в ряду памятников алтайской лесостепи (Казаков, Шамшин, Ведянин, 1994; Папин, Тишкин, 1998). Так, наряду с такими традиционными элементами как трупоположением на правом боку, на уровне древнего горизонта и юго-западной ориентацией, используется кремация, нехарактерная для Алтая. Возможно, это обусловлено тем, что памятник расположен в отрыве от основной массы некрополей ирменской культуры, которые находятся на правобережье Оби на кромке борового массива: Плотинная, Камышенка, Новотроицк, Ближние Елбаны, а так же относительно более поздним временем в ряду могильников лесостепного Алтайского Приобья.

Е.А. Сидоров, О.И. Новикова

(Новосибирский государственный университет)

Неопубликованные материалы поселения Милованово-3

Прошло 20 лет после завершения стационарных работ на поселении эпохи поздней бронзы Милованово-3 в Новосибирском Приобье, проводившихся в 1974–1982 гг. Е.А. Сидоровым (Сидоров, 1979; 1980; 1981). Напомним, что памятник находится в Ордынском районе Новосибирской области, на правом берегу Оби, в 1,5 км от с. Милованово, открыт Т.Н. Троицкой в 1967 г. (Троицкая, Молодин, Соболев, 1980, с. 96). К началу работ сохранившаяся площадь составляла не менее 20 000 кв. м, из которых было исследовано около 4 000 кв. м (рис. 1). Основной комплекс находок, полученный во время раскопок, относится к ирменской культуре.

Значительная часть материалов поселения в том или ином виде введена в научный оборот. В частности, обобщены данные по конструкциям и внутренней планировке жилищ (Матвеев, Сидоров, 1985; Сидоров, Новикова, 1991), опубликованы результаты обработки остеологической (Сидоров, 1989а; 1989б) и керамической (Сидоров, 1983; 1985а; Новикова, 1998а; 1998б; Novikova, 2002) коллекций. В работах Е.А. Сидорова по реконструкции различных видов хозяйственной деятельности населения лесостепного Приобья в эпоху поздней бронзы также были использованы материалы Милованово-3 (Сидоров, 1985б; 1986; 1989б).

Потребность в полной публикации итогов полевых исследований поселения очевидна даже спустя 20 лет, поскольку Милованово-3 остается одним из «базовых» комплексов для изучения эпохи поздней бронзы на территории Верхнего Приобья. В данной статье впервые публикуются различные категории находок из жилищ и зольника, представлены планы и описания исследованных конструкций и различных типов очагов, отсутствовавшие в предшествующих работах.

Жилище № 1. Находилось на северо-восточной периферии поселения (рис. 1), исследована небольшая сохранившаяся площадь: остатки двух стен котлована и угол, образованный ими (рис. 2–1). Глубина раскопанной части котлована составляет 0,4 м от уровня материка. При зачистке пола было выявлено 8 ям, расположенных вдоль длинной стены. Некоторые из них, судя по диаметру и глубине, являлись столбовыми.

Заполнение котлована — черная супесь, пол жилища — темная гумусированная супесь с примесью угля и сажи, у стен прослежена прослойка серой супеси. На уровне пола зафиксировано пятно прокала диаметром 0,4 м и мощностью 0,15 м. Количество находок незначительно — около 50 фрагментов керамики, большей частью неорнаментированных.

Жилище № 2. Находилось на южной окраине поселения, к началу работ было частично разрушено. Представляло собой полуземлянку подпрямоугольной формы, ориентированную по линии СЗ-ЮВ, размеры исследованной части 12,5 x 20 м, общая площадь около 250 кв. м (рис. 2–3). Стенки котлована имели небольшой наклон, их высота достигала 0,7–0,8 м, иногда 1 м. В заполнении котлована, в центральной его части, под залежным слоем выявлен слой черной гумусированной супеси в виде линзы, сужающейся от центра к краям. Слой неоднороден по структуре, верхняя его часть сформировалась из почвы, попавшей в западину в результате распашки, нижняя — в результате заболачивания. Под слоем черной супеси у стен котлована отмечена серая

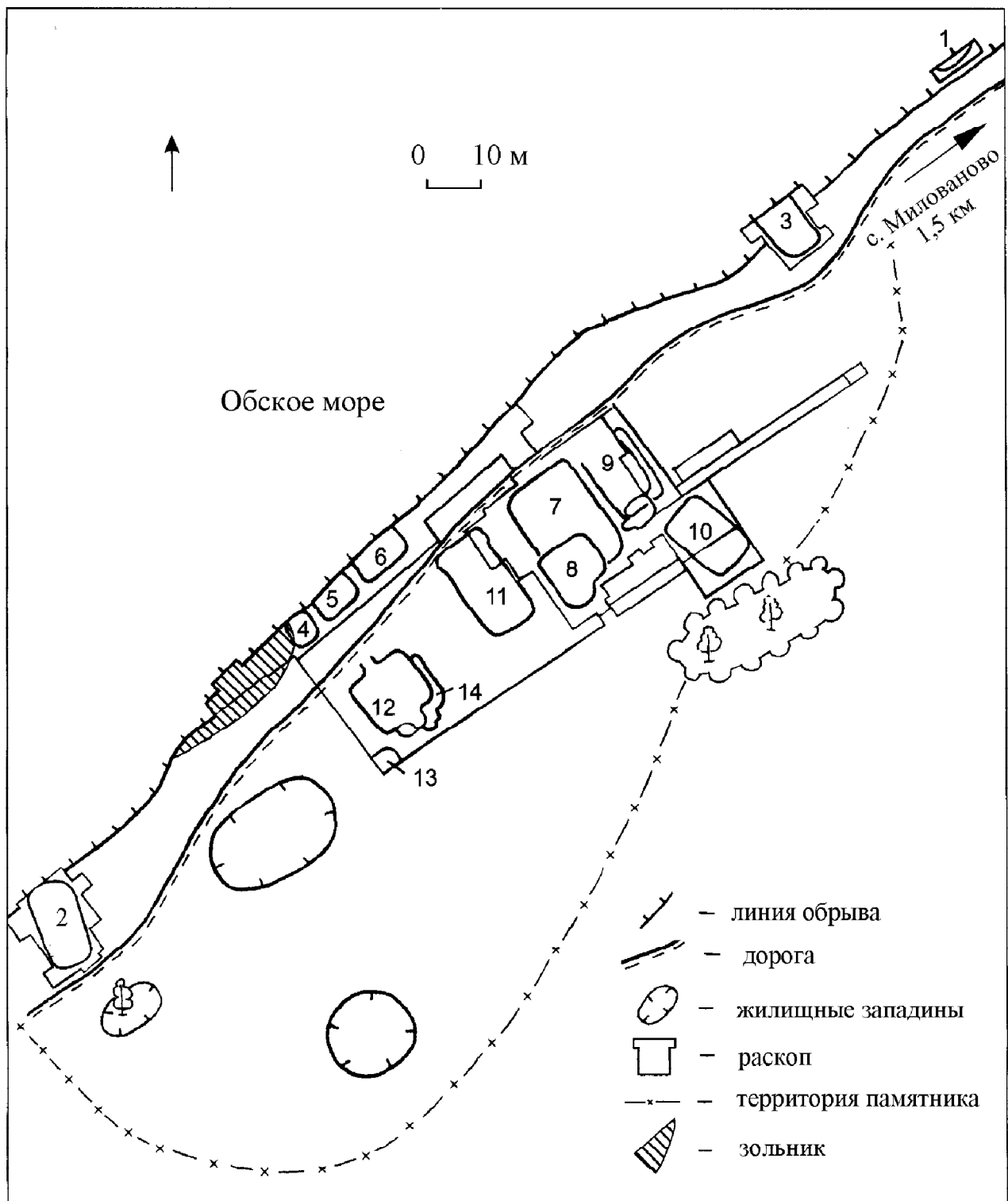

Рис. 1. План-схема поселения Милованово-3 с участками раскопов и номерами жилищ

супесь (вероятно, остатки земляных стен, сползших в жилище). В центральной части котлована на этом же уровне шел слой темно-желтой супеси, примыкающей к матерiku — желтому песку. Уровень материка понижается от центра жилища к стенам на 0,1–0,15 м. Заполнение этих понижений — черная супесь с сажой и темно-серая золистая супесь. Размер возвышенной материковой площадки в центре жилища 10 x 5,5 м. Пол жилища имел уклон к СЗ, повторяя рельеф террасы.

Внутри жилища не обнаружены остатки очагов, зафиксированы только остатки горелого дерева. В жилище выявлены 54 столбовые ямы. Диаметр столбовых ям 0,1–0,4 м, глубина 0,25–0,3 м, все они (за исключением двух) вертикальные. Ряд ям по форме, размерам и глубине отличались от столбовых, но в их заполнении не обнаружено никаких свидетельств того, что эти ямы имели хозяйственное предназначение.

Насыщенность культурного слоя в жилище различна. Большая часть находок была сосредоточена на полу вдоль стен. В основном, это кости животных и фрагменты керамики не менее, чем от 70 сосудов. Кроме этого найдены камни со следами сработанности, обломок зернотерки, каменный остроконечник листовидной формы, обломок орнаментированного глиняного пряслица, керамические «фишки» (рис. 3–3, 4, 11–14).

Жилище № 3. Сохранившаяся часть котлована подпрямоугольной формы ориентирована по линии СЗ-ЮВ, ее размеры 9 x 12 м, общая площадь около 108 кв. м (рис. 2–8).

Основное заполнение котлована – темная супесь, возле стен котлована она более гумусирована, пол жилища — темно-желтая супесь. Вдоль длинных стен котлована идут канавообразные углубления шириной 1–2 м, глубиной до 0,8 м. Центральная площадка и северо-западный угол жилища имеют более высокий уровень материка — до 0,6 м.

В материке выявлено 44 столбовых ямы, идущих рядами вдоль южной, восточной и северной стен и вокруг центральной площадки. Их диаметр 0,15–0,3 м, глубина до 0,6 м. Наличие двух параллельных рядов от столбов позволяет предположить, что жилище могло иметь двускатную крышу.

Одна из ям, видимо, имела специальное назначение (судя по характеру находок — ритуальное). Ее размеры 0,66 x 0,84 м, глубина в материке 0,23 м. В заполнении найдены нижняя неорнаментированная часть сосуда в обломках, костяной наконечник стрелы со следами вторичного использования (рис. 3–9), три кочедыка, семь костяных палочек с заполированными концами, две нижних челюсти парнокопытных.

В западной части центральной площадки зафиксированы остатки *очага* в виде прокала диаметром 1,05 м и мощностью 0,15 м. На поверхности прокала имелись следы глиняной обмазки. Под прокалом находилась яма, углубленная в материк на 0,16 м и заполненная золой. Скорее всего, с конструкцией очага связана еще одна яма, расположенная в 1,3 м к западу от прокала. Ее размеры 1,35 м x 1,16 м, глубина в материке 0,45 м, заполнение — зола.

В жилище найдены около 300 фрагментов керамики, в том числе два развала сосудов и венчики не менее, чем от 20 сосудов. Значительное количество находок содержалось в гумусированном слое вдоль стен жилища. Помимо керамики были обнаружены обломок литейной формы, обломок оселка, костяная игла, подвеска из клыка мелкого хищника, астрагалы со следами обработки, костяные орудия, каменная булава (рис. 3–1, 2, 5–10, 15).

Жилище № 4. Находилось в центральной части поселения (рис. 1). Котлован подпрямоугольной формы ориентирован по линии СЗ-ЮВ, его размеры 6 x 7 м (рис. 2–2). Вдоль линии обрыва прослежены остатки материка и узкие полосы прокала (аналогичные прокалы отмечены вдоль всех стен жилища), вероятно, обрыв подступил вплотную к СЗ границе

Рис. 2. Милованово-3. Планы жилищ

жилища, и оно было исследовано практически полностью. На юго-западной стене котлована в 1,2 м от южного угла находился коридорообразный выход шириной 1,2 м и длиной 2,6 м. Выход располагался перпендикулярно стене и частично был перекрыт слоями зольника. Таким образом, к моменту образования на этом месте зольника, жилище уже прекратило свое существование.

Котлован врезан в материк на 0,4–0,5 м. В заполнении котлована в верхней части под залежным слоем шла коричневая супесь мощностью до 0,2 м. Ниже зафиксирована светло-серая супесь с большим содержанием золы. Скорее всего, это остатки сгоревшей и рухнувшей кровли. Под слоем золы вдоль стен, на расстоянии 0,5–1 м от них, прослеживалась черная супесь, насыщенная углем и сажой, лежащая на материке — желтом песке. Между стенами котлована и сажистым слоем встречались участки прокаленной глины, возможно, это обмазка наружных стен жилища.

При зачистке материка по периметру котлована выявлены столбовые ямы, расположенные на расстоянии 1,2–1,8 м друг от друга. Две ямки находились в центральной части жилища и две во входном коридоре. Всего зафиксировано 17 столбовых ям с прямыми стенками, диаметром 0,15–0,2 м и глубиной в материке 0,25–0,6 м. На уровне пола отмечены остатки очага открытого типа в виде прокала длиной 2 м, шириной 0,6 м и мощностью до 0,1 м. Пятна прокалов, образовавшихся в результате пожара, прослеживаются вдоль стен жилища, перемежаясь остатками сгоревших бревен. Пол жилища имеет неровный рельеф, он понижается от стен к центру, имеются локальные углубления у выхода и очага. При зачистке пола отмечены следы деревянных конструкций типа нар в виде сгоревших плах и остатки бревен вдоль стен котлована. Исходя из особенностей конструкции и размеров, жилище было отнесено к типу малых каркасно-столбовых полуземлянок (Матвеев, Сидоров, 1985, с. 45).

В заполнении жилища содержалось значительное количество находок. Отмечено несколько скоплений обожженных камней: в слое коричневой супеси и при зачистке материка. Особенно большое скопление (до 80 камней на 1 кв.м) находилось над выходом из жилища. Кости и керамика распределялись равномерно на двух уровнях: на границе коричневой супеси и золы (на крыше) и на уровне пола. Всего в жилище найдены фрагменты не менее, чем от 60 сосудов, в том числе пять сосудов в обломках. Так же в заполнении котлована обнаружены различные костяные изделия: обломок иглы, костяная проколка, костяная пуговица (?), альчик со следами обработки и др. (рис. 5–1–6). В верхнем залежном слое были найдены бронзовый нож и бронзовая гвоздевидная подвеска (рис. 5–7,8), но они могли попасть в верхний слой заполнения позже.

Жилище № 5. Расположено в центральной части поселения, в 3 м к СВ от жилища № 4 (рис. 1). Жилище не имело рельефных признаков, поскольку котлован углублен в материк незначительно, а одна из стен фактически была наземной. К началу работ жилище было частично разрушено берегом, размеры исследованной части 8,5 x 10,5 м (рис. 2–4). Юго-западная стенка котлована врезана в материк на 0,15–0,2 м и фиксировалась четко. Юго-восточная стенка углублена на 0,08–0,1 м, а в восточном углу повышалась и фактически не прослеживалась. Северо-западная стена фиксировалась только по незначительному понижению материка и расположению столбовых ям. Заполнение жилища — коричневая супесь. Рельеф пола неровный: центральная часть более возвышенная, вдоль стен идут канавообразные понижения глубиной 0,15 м. Заполнение понижений — коричневая супесь с примесью золы, пол жилища — черная сажистая супесь мощностью до 0,15 м.

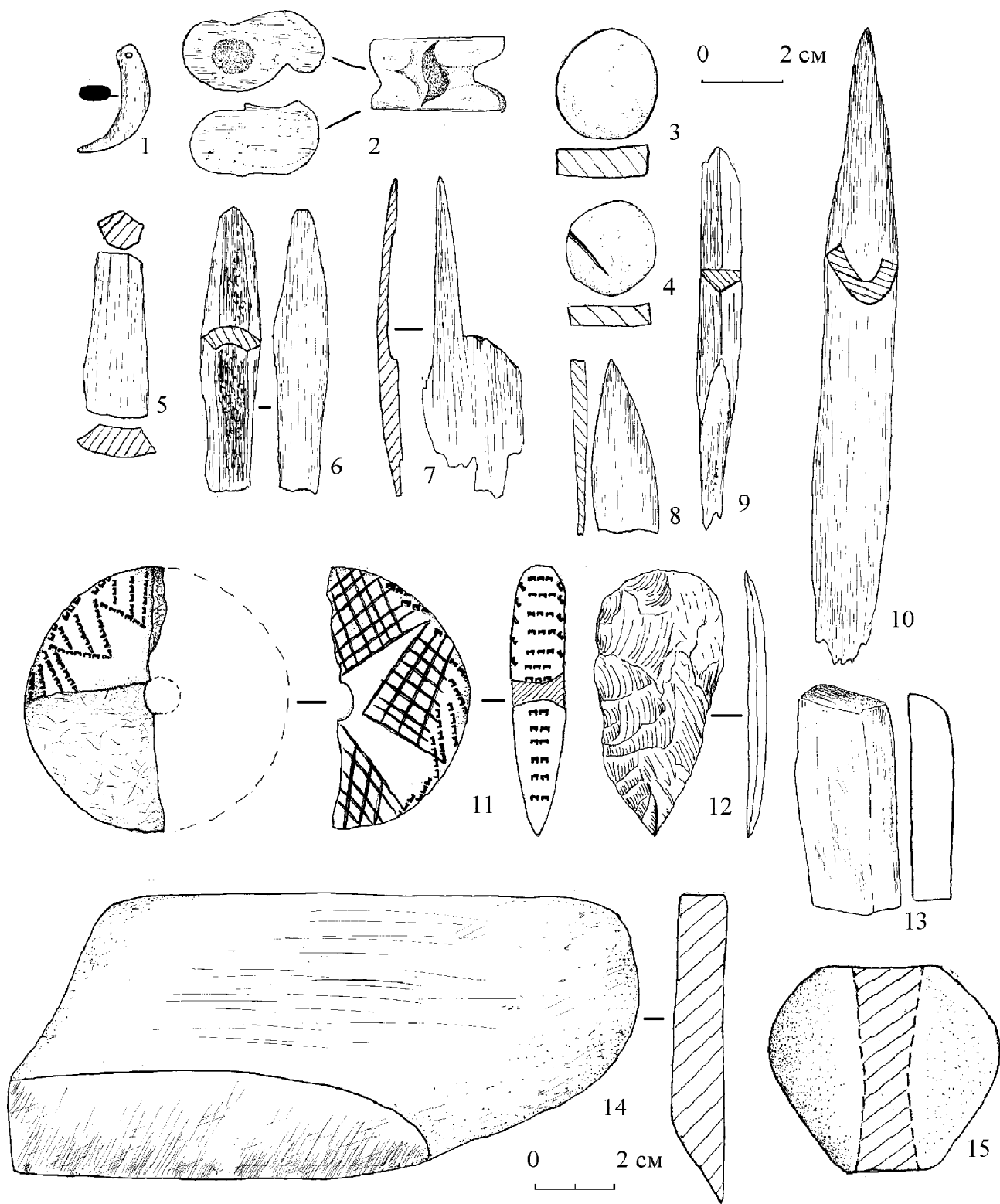

Рис. 3. Милованово-3. Находки из жилища № 2 (3; 4; 11-14) и жилища № 3 (1; 2; 5-10; 15).
3, 4, 11 – глина; 12-15 – камень; остальное – кость

Внутри жилища и за его пределами выявлен ряд столбовых и хозяйственных ям. Столбовые ямы (не менее 34) диаметром 0,12–0,4 м и глубиной в материке до 0,6 м расположены по периметру жилища и центральной возвышенной площадки. Хозяйственные ямы так же находились вдоль стен и в центральной части. Две из них, имевшие следы глиняной обмазки на дне и стенах, по мнению Е.А. Сидорова, могли использоваться для хранения зерна (Сидоров, 1986, с. 60).

В жилище обнаружены остатки трех очагов углубленного типа и один прокал (возможно, это остатки очага открытого типа).

Очаг № 1. Представлял собой вытянутое канавообразное углубление. Размеры сохранившейся части 0,9 м x 0,42 м, глубина 0,35 м. Прослежены две столбовые ямы, перерезающие очаг. По-видимому, они были выкопаны после того, как очаг перестал использоваться. Верхняя часть очажной ямы заполнена светло-серой супесью с вкраплениями сажи, нижняя — черной супесью. Стенки ямы прокалены на 0,1–0,15 м, на дне прокал отсутствует. В заполнении встречены плоские камни, расположенные вертикально друг над другом и куски глиняной обмазки (рис. 4–1).

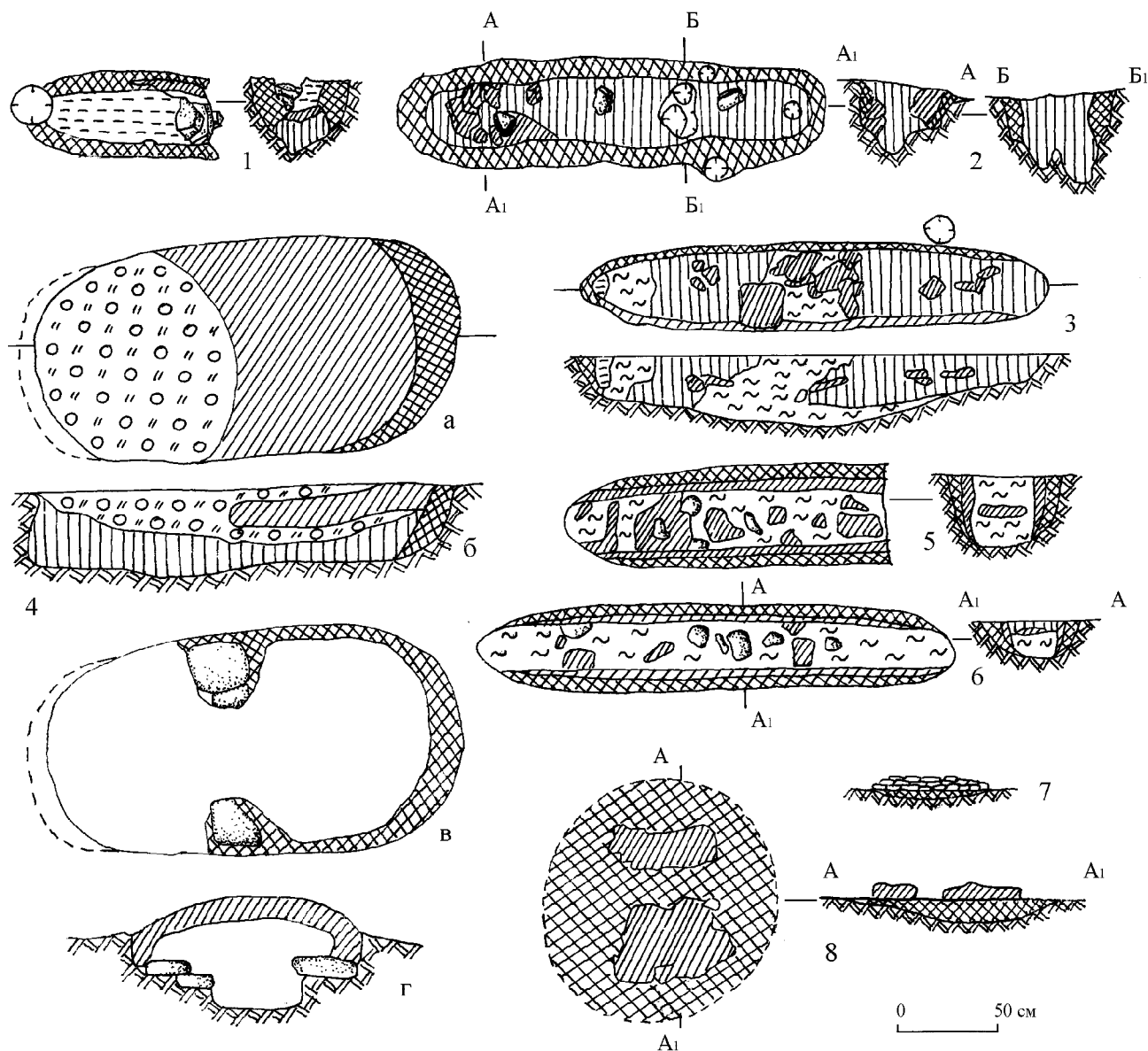
Очаг № 2. Размеры углубления 2,15 x 0,51 м, глубина 0,45 м. Очажная яма заполнена черной супесью с вкраплениями угля и золы. В заполнении присутствуют плоские камни и куски глиняной обмазки. Вдоль стенок идет прокал мощностью 0,1–0,15 м, дно не прокалено (рис. 4–2).

Очаг № 3. Размеры очажной ямы 2,5 x 0,4 м, глубина 0,22–0,35 м (рис. 4–3). В заполнении найдены обломки свода в виде глиняных «кирпичиков» прямоугольной и овальной формы, толщиной около 5 см. Размеры сохранившихся обломков примерно 8 x 10 см.

Очаг № 4(?). Представлял собой прокал подпрямоугольной формы размером 0,8 x 1,2 м, мощностью 0,05 м, сверху был перекрыт небольшой прослойкой золы.

Распределение находок в жилище неравномерно. В центральной части концентрация составляла 20–25 находок на кв. м, в углублениях вдоль стен — порядка 60 находок на кв. м. В восточном углу жилища помимо костей и керамики найдено несколько предметов бронзолитейного производства — капелька бронзы, литейная форма для шила, литейная форма в обломках для долота, обломок литейной шишки (рис. 5–12, 15, 16). В этом же углу обнаружены и другие предметы, имевшие отношение к производственной деятельности: куски серой и коричневой минеральных красок, четыре керамических ложила, абразивный камень, каменный топорик (рис. 5–14). Так же в заполнении жилища найдены костяные орудия (рис. 5–11).

Жилище № 6. Находилось в центральной части поселения, на одной линии с жилищами № 4 и № 5, в 3 м к СВ от жилища № 5 (рис. 1). Исследована сохранившаяся часть котлована подпрямоугольной формы, размером 13 x 7 м (рис. 2–5). Глубина котлована в материке 0,4 м, стенки четко выражены, углы слегка закруглены. Южная и восточная стенки котлована прямые, северная наклонная. В верхней части заполнения котлована под пахотным слоем выявлен слой черной «жирной» супеси, имеющий в разрезе форму линзы, сужающейся к стенкам котлована. Аналогичный по структуре и форме слой зафиксирован в жилище № 2. Мощность этого слоя достигает 0,3 м. Основное заполнение котлована — черная супесь мощностью 0,3–0,4 м. Между слоем черной супеси и материком выявлена тонкая прослойка (до 0,1 м) серой супеси — пол жилища. Вдоль стен жилища имелись канавообразные углубления, заполненные черной сажистой супесью с большим содержанием органики. Рельеф пола жилища неровный. Выделяется центральная возвышенная площадка подквадратной формы размером 5,2 x 5,6 м, имеющая небольшой уклон к ЮЗ. От нее к стенам идет понижение уровня материка. Канавообраз-

Условные обозначения:

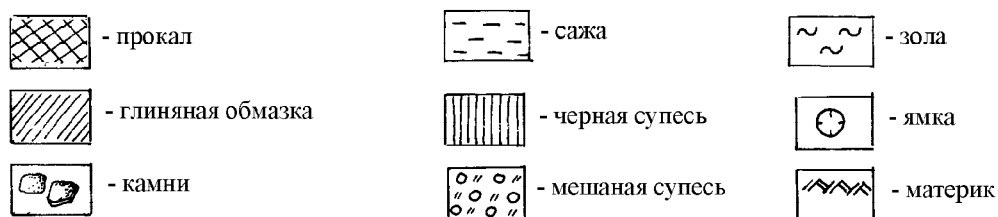

Рис. 4. Очаги поселения Милованово-3. 1-3 – длинные углубленные очаги из жилища № 5; 4 – очаг с глинобитным сводом из жилища № 9 (а – вид на уровне рухнувшего свода; б – разрез; в – вид после разборки заполнения; г – разрез-реконструкция); 5-6 – длинные очаги углубленного типа из жилища № 7; 7 – очаг открытого типа на каменной наброске (жилище № 10); 8 – очаг открытого типа на глиняной площадке (жилище № 10)

ное углубление вдоль южной стенки жилища имеет ширину до 3,2 м и глубину 0,22–0,48 м. Северное углубление несколько меньше: ширина 2 м, глубина 0,1 м. Углубления не примыкают к стенам котлована, а отступают от них на 0,4–0,5 м.

На уровне материка зафиксированы столбовые и хозяйственные ямы. Столбовые ямы расположены по периметру котлована вдоль канавообразных углублений с обеих сторон. Один ряд ям проходит через середину центральной возвышенной площадки. Следует отметить, что впервые на поселении зафиксирован факт расположения рядов столбовых наклонных ям (в сторону жилища) за пределами котлована. В жилище не обнаружено остатков очагов и следов огня. Находки представлены костями животных, керамикой (фрагменты не менее чем от 50 сосудов), бронзовой лапчатой подвеской карасукского типа (рис. 5–9), найденной на полу жилища, костяным крючком (рис. 5–10) и каменными орудиями (лощила, отбойники, точила, обломки зернотерки).

Жилище № 7. Находилось в центральной части поселения, примерно в 20 м к востоку от жилища № 6 и в 5 м к СВ от жилища № 11 (рис. 1). Котлован в плане подпрямоугольной формы, его размеры 26–27 м x 15–15,6 м, общая площадь около 400 кв. м (рис. 2–6). По площади это самый крупный жилищный комплекс на поселении. Жилище полуназемное: восточная стена котлована углублена в материк до 0,5 м, западная граница прослеживалась по рядам столбовых ям. Заполнение углубленной части котлована практически однородное — черная супесь. Рельеф пола неровный, выделяются возвышенная центральная площадка и углубления канавообразной формы вдоль длинных стен жилища. Ширина углублений достигает 5 м, они врезаны в материк на 0,05–0,5 м. Заполнение северного углубления — темная коричневатая супесь с большим количеством костей, обломков керамики и камней. У материка цвет супеси становится черным. Заполнение южного углубления — черная супесь с высоким содержанием находок. На полу центральной площадки и на северной стенке котлована прослежены следы глиняной обмазки толщиной 0,02–0,03 м. Обмазка местами прокалена, видимо, жилище погибло в результате пожара. Это подтверждают и остатки обуглившихся деревянных опор в столбовых ямах.

Столбовые ямы, выявленные на уровне материка, расположены несколькими рядами: по периметру жилища, вдоль границы канавообразных углублений, по центру углублений и в 2-х метрах от них по всей длине жилища. Столбовые ямы имеют диаметр до 0,4 м и глубину до 0,8 м. Большинство из них вертикальные, хотя есть случаи близкого расположения двух ям, одна из которых вертикальная, другая наклонная. В двух столбовых ямах, начинающих симметричные ряды были найдены небольшие сосуды, стоящие вверх дном. Эти находки можно рассматривать как свидетельство совершения обрядовых действий во время строительства жилища. Скорее всего, столбы в эти ямы не были поставлены, иначе сосуды не сохранились бы в целом виде.

Кроме столбовых ям в жилище имелись хозяйственные. В одной из таких ям размером 1,2 x 0,72 м и глубиной 0,69 м, стены и дно были покрыты глиняной обмазкой. В другой были обнаружены гранит и гранитная крошка, запас красной глины, каменное лощило, колотые кости.

На центральной площадке жилища находились два очага углубленного типа и небольшой прокал диаметром 0,5 м, мощностью 0,05 м.

Очаг № 1. Представлял собой канавообразное углубление длиной 2,4 м, шириной 0,3 м и глубиной в материке 0,2 м. Стенки очажной ямы покрыты глиняной обмазкой толщиной 0,03 м. Стены под обмазкой прокалены на 0,05–0,07 м. Верхний слой заполнения — черная супесь, ниже идет бурая золистая супесь, в которой встречаются плоские камни и куски глиняной обмазки с отпечатками камней (скорее всего это остатки рухнувшего свода) (рис. 4–6).

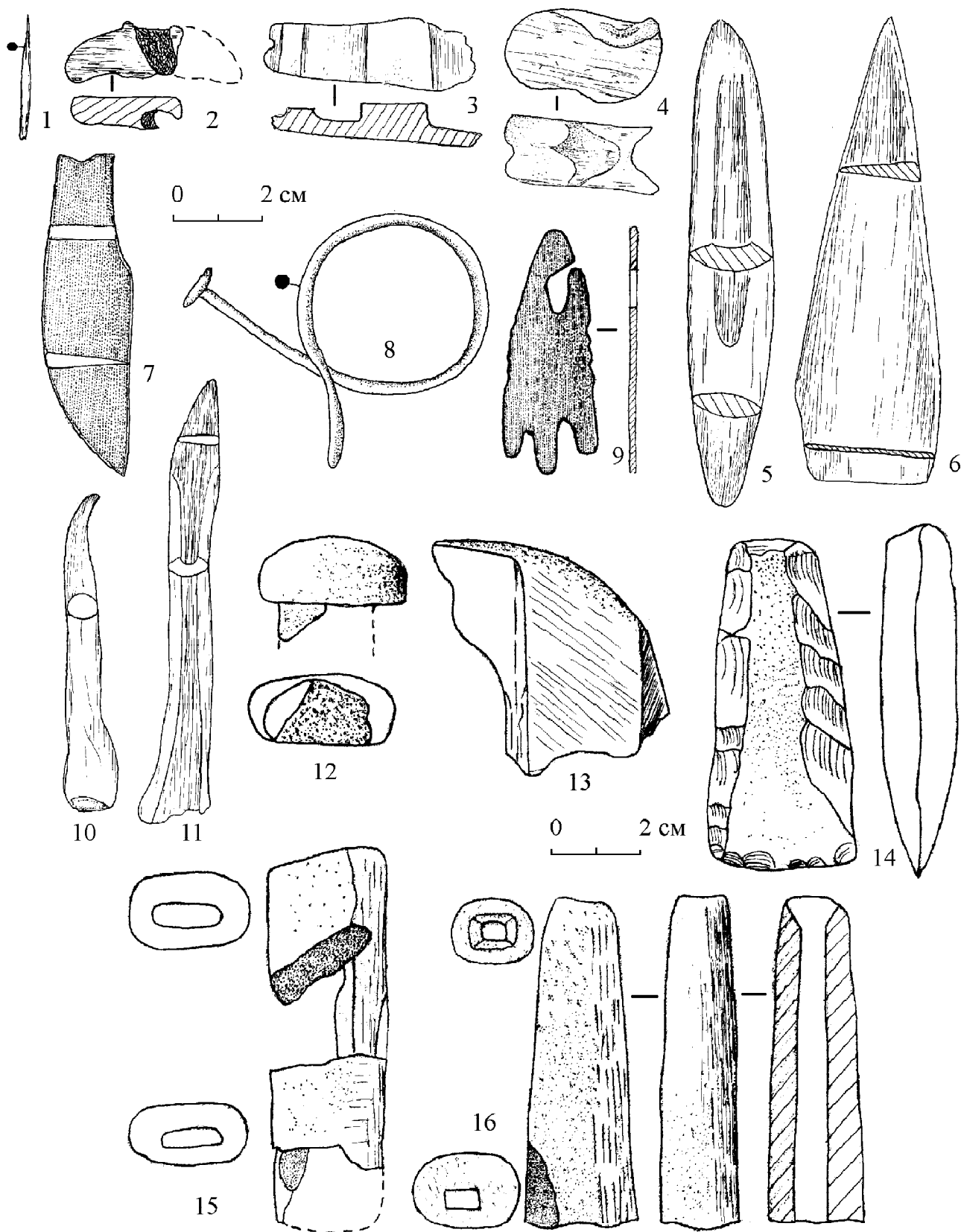

Рис. 5. Милованово-3. Находки из жилища № 4 (1-8); жилища № 5 (11-16); жилища № 6(9-10). 7-9 – бронза; 14 – камень; 12, 13, 15, 16 – глина; остальное – кость

Очаг № 2. Аналогичной конструкции, частично срезан котлованом жилища № 8. Размеры сохранившейся части 1,6 м x 0,4 м, глубина в материке 0,36 м. Заполнение очажной ямы — бурая золистая супесь. В верхней части встречаются обломки глинобитного свода толщиной 3 см (рис. 4–5).

В жилище найдены фрагменты не менее чем от 90 сосудов, костяные и каменные орудия (рис. 6–1–6, 9, 13, 16).

Жилище № 8. Перерезает котлован жилища № 7 в его южной части. Котлован подквадратной формы размером 10 x 10 м, в южном углу жилища имеется тамбурообразное ответвление размером 5 x 3 м (рис. 2–6) У северо-восточной стены зафиксирован вход в виде коридора длиной 1,2 м, углубленный в материк на 0,5 м. Котлован жилища достигает глубины 0,8 м. Стенки котлована прямые, четко выраженные, углы слегка закругленные. Заполнение котлована в верхней части — черная супесь мощностью до 0,3 м. Под ней идет слой черной супеси с вкраплениями золы. Толщина этого слоя до 0,35 м. В нижней части котлована зафиксирована черная гумусированная супесь, переходящая в слой коричневатой гумусированной супеси, лежащей на материке. У северо-восточной стены прослеживается прослойка светло-серой супеси (скорее всего, это материковый песок, оползший из стенки). Между юго-восточной стеной котлована и стеной жилища обнаружены остатки глиняной забутовки толщиной до 0,2 м, после удаления которой, на стене котлована были выявлены следы землеройного орудия в виде прямоугольника размером 0,03 x 0,07 м. Предвходовая часть жилища перекрыта мощным выбросом золы (0,2–0,5 м) с большим содержанием костей, камней, фрагментов керамики. Пол жилища имеет небольшой уклон, повторяя понижение террасы, и углубление в предвходовой части. Прослежены следы глиняной обмазки пола толщиной 0,02 м.

На уровне материка в жилище выявлен ряд ям. Около 30 ям имеют диаметр 0,16–0,4 м и глубину в материке 0,12–0,4 м. Их можно определить как столбовые, но в их расположении не прослеживается определенной системы, свойственной жилищам каркасно-столбовой конструкции. Часть ям, судя по размерам и заполнению (кости и камни со следами огня), являлись хозяйственными, некоторые из них перекрыты обмазкой пола. Остатков очагов в жилище не обнаружено.

Таким образом, по своим конструктивным особенностям жилище № 8 отличается от каркасно-столбовых полуземлянок. А.В. Матвеев и Е.А. Сидоров отнесли данное жилище к типу срубных полуземлянок (Матвеев, Сидоров, 1985, с. 47).

В жилище найдены пять археологически целых сосудов и фрагменты не менее, чем от 60 сосудов. Один из сосудов использовался в качестве тигля, его внутренняя поверхность ошлакована, к стенке прикипела капелька бронзы. О наличии бронзолитейного производства можно судить и по обломкам литейных форм, найденным в жилище (рис. 6–10). Так же найдены костяные и каменные орудия: тупик из нижней челюсти животного, кочедык, плоские камни со сработанным залощенным краем, каменное грузило, каменное скребло, отбойники (рис. 6–7, 8, 11, 12, 14, 15).

Жилищный комплекс № 9. Состоит из трех жилищ — двух больших (№ 9 и № 9а) и одной малой (№ 9б) каркасно-столбовых полуземлянок. Жилище № 9а — наиболее раннее из них, поскольку его котлован перерезан котлованом жилища № 9б (малая полуземлянка), жилище № 9 так же впущено в котлован конструкции № 9а (рис. 2–7).

Жилища № 9 и № 9а. Судя по двум зафиксированным стенкам котлована (северо-восточная и юго-восточная), жилище № 9 представляло собой каркасно-столбовую конструкцию подпрямоугольной формы. Примерные размеры котлована 15 м x 11,5 м, глубина от уровня материка 0,2 м. Котлован жилища № 9а также имеет подпрямоугольную форму, но больше по раз-

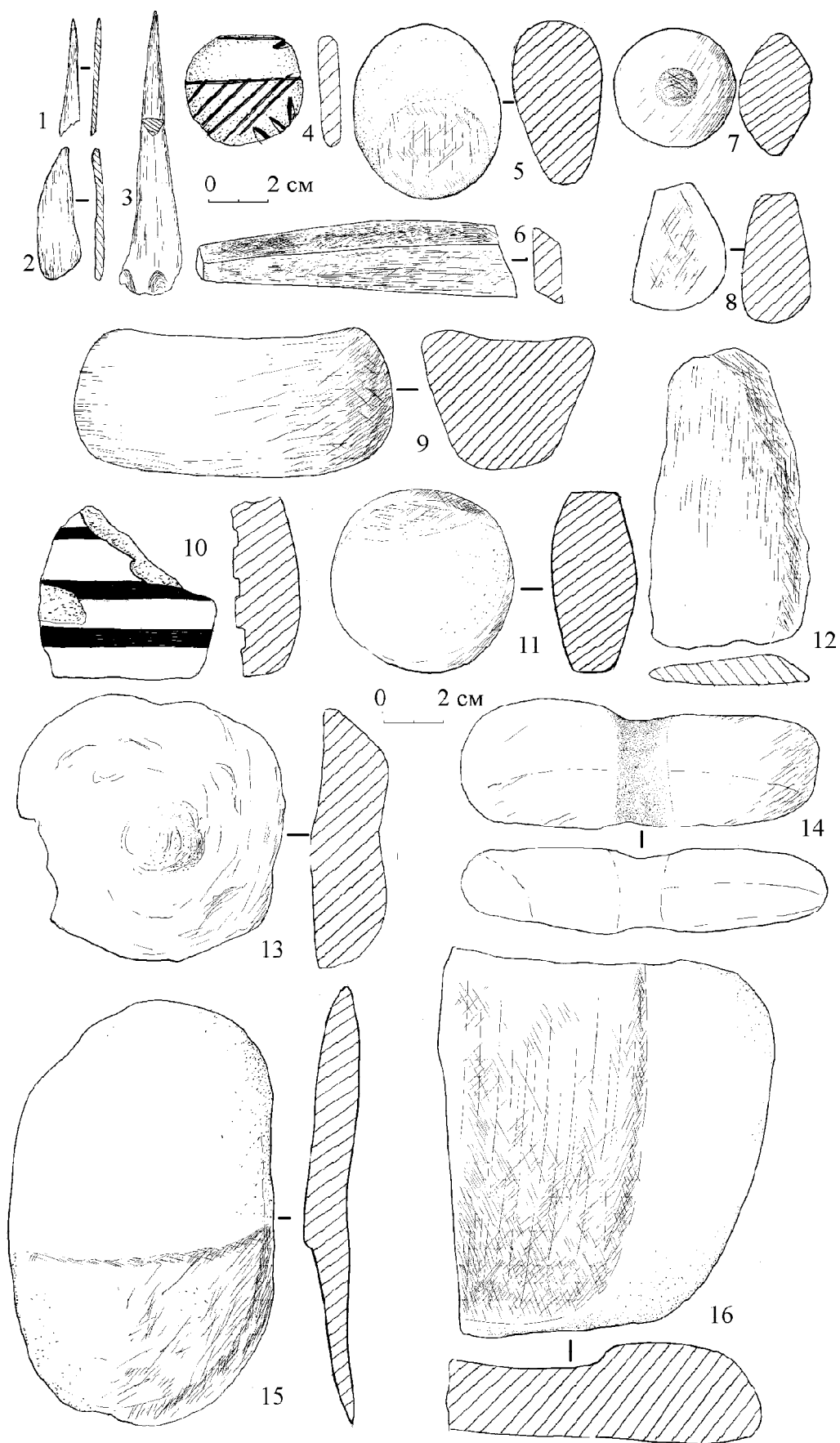

Рис. 6. Милованово-3. Находки из жилища № 7 (1-6, 9, 13, 16) и жилища № 8 (7, 8, 10-12, 14-15). 1-3 – кость; 4, 10 – глина; остальное – камень

мерам: примерно 20 м x 12. Поскольку один котлован врезан в другой, заполнение их неоднородно. В верхней части прослеживается коричневая золистая супесь мощностью 0,3 м. В центральной части котлованов она выклинивается, и заполнение выглядит как черная супесь. В западной части основным заполнением является черная сажистая супесь с вкраплениями угля и горелыми остатками деревянных конструкций.

В пределах границ котлованов и рядом с ними выявлено значительное количество столбовых ям, расположенных рядами вдоль стен и по периметру центральной площадки. Все ямы вертикальные, диаметром 0,15–0,5 м, углублены в материк на 0,2–0,6 м.

В центральной части котлована № 9 зафиксировано восемь очагов, некоторые из них, вероятно, относятся к жилищу № 9а.

Очаг № 1. Углубленного типа в виде узкой канавы размером 2,2 м x 0,25 м, глубиной до 0,15 м. Стенки ямы прямые, с мощным прокалом (ширина очага вместе с прокалом составляет 0,4 м). Заполнение очага — мешаная прокаленная супесь с обломками обожженных камней и кусками глиняной обмазки. После того, как очаг перестал использоваться, он был разрушен и частично срыт. Об этом свидетельствуют его небольшая глубина и две столбовые ямы, перерезающие очажное углубление.

Очаг № 2. Канавообразное углубление, имеет длину 2,48 м, ширину 0,3 м и глубину 0,5–0,15 м. Вдоль стенок очажной ямы имеется прокал мощностью 0,08 м. В заполнении встречаются небольшие обломки глиняной обмазки. Очаг № 2 так же был частично срыт в процессе перестройки жилищ.

Очаг № 3. Сильно разрушен, сохранившаяся часть представляет канавообразное углубление длиной 1 м, шириной 0,4 м, глубиной 0,05–0,07 м. Стенки углубления прокалены на 0,03–0,05 м.

Очаг № 4. Наземного типа. Данный очаг выглядел как открытая овальная площадка длиной 1,56 м, шириной 1,08 м. Сохранились следы глиняной обмазки толщиной 4 см, служащей площадкой для размещения и сжигания топлива. Под обмазкой зафиксирован прокал мощностью 0,1 м. Очажная площадка перерезана столбовой ямой.

Очаг № 5. Углубленного типа, сильно разрушен. Сохранилось канавообразное углубление длиной 1,86 м и шириной 0,46 м (вместе с прокалом). Верхняя часть очага срыта почти полностью, глубина незначительна — до 0,07 м. Мощность прокала вдоль длинных стен 0,05 м, заполнение — мешаная супесь.

Очаг № 6. Углубленного типа. Длина сохранившейся и исследованной части 2,72 м, ширина вместе с прокалом 0,6 м. Очажная яма углублена в материк на 0,26 м. Стенки ямы прямые, слегка закругленные ко дну, покрыты глиняной обмазкой толщиной до 0,03 м. Стенки и дно очажной ямы прокалены неравномерно: в верхней части мощность прокала 0,1–0,12 м, в нижней — 0,03 м. Заполнение ямы неоднородно. Сверху прослеживается слой серой супеси, в котором встречаются плоские обожженные камни. Под камнями обнаружены остатки рухнувшего очажного свода в виде плоских и округлых глиняных плиток-кирпичиков рыжего цвета. Средние размеры кирпичиков 5 x 8 см, диаметр округлых около 1,5 см. Под остатками свода идет слой черной супеси с примесью сажи и золы. В слое так же встречаются обломки кирпичиков серого цвета с налетом сажи. Описанный очаг перерезан очагом № 7, что позволяет определить относительную хронологию их существования.

Очаг № 7. На уровне материка фиксировался в виде овального пятна. В процессе выборки было выяснено, что очаг имел двухкамерное устройство. Очажная яма длиной 2 м и шириной 1,06 м разделена материковыми выступами на две камеры (рис. 4–4а, б, в). Над одной из камер

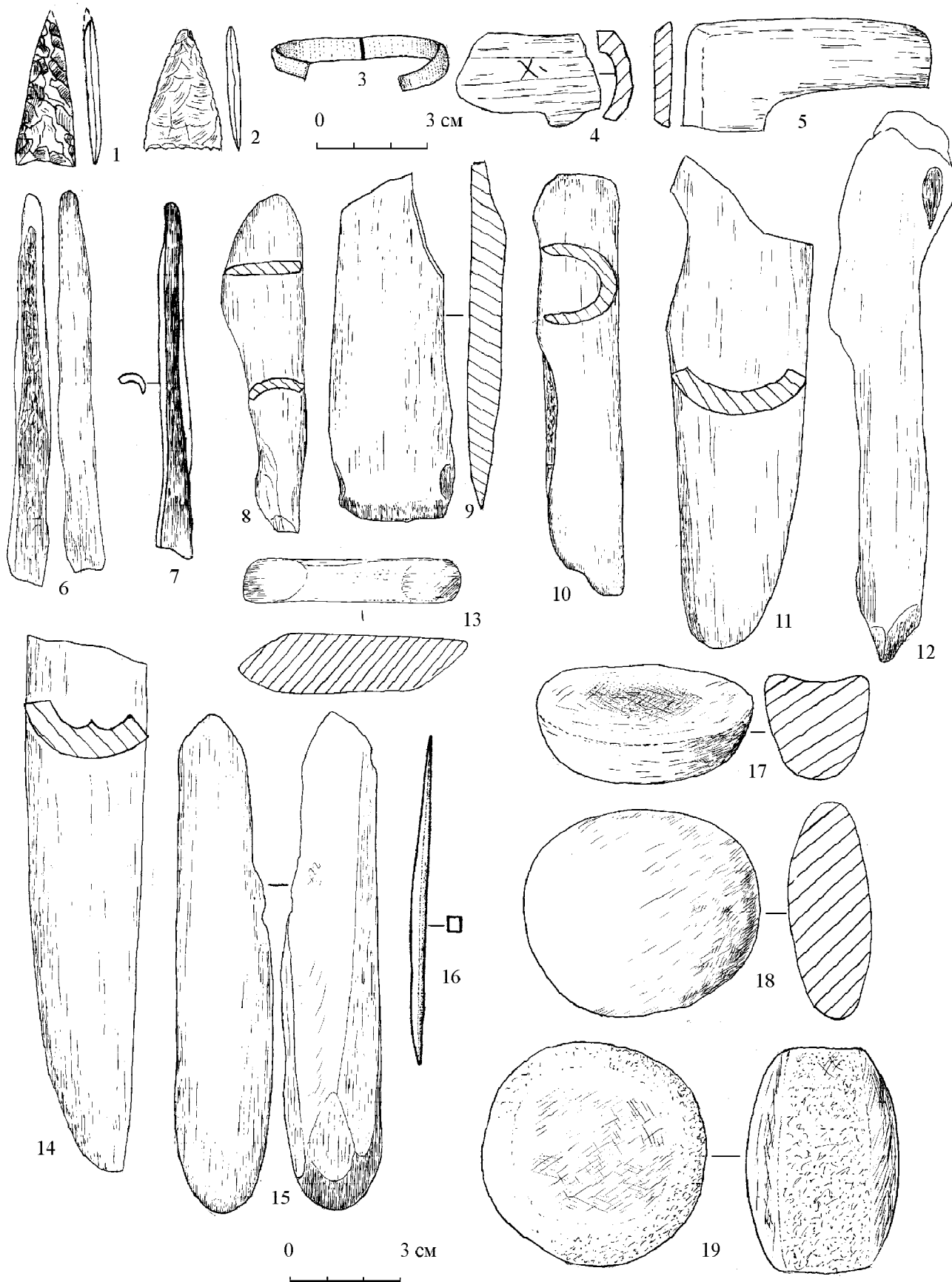

Рис. 7. Милованово-3. Находки из комплекса жилищ № 9 (1-15; 17-19) и жилища № 11 (16).
3, 16 – бронза; 1, 2, 13, 17-19 – камень; остальное – кость

был сооружен глинобитный свод длиной 1 м и шириной 1,1 м. В отличие от сводов, зафиксированных над длинными углубленными очагами, свод имел почти белый цвет, в глине присутствуют мелкие обломки кальцинированных костей. Обломки рухнувшего свода имеют толщину 0,1–0,15 м. Камера под сводом заполнена в верхней части прокаленной мешаной супесью с золой, в нижней — черной супесью с золой и сажей. В заполнении камеры найдены рога лося (?) без следов огня. Вторая камера представляла собой яму с подбоем (напротив устья свода), заполненную золой. На материковых выступах, разделяющих камеры, лежали плоские камни (рис 4–4в,з). Очаг аналогичной конструкции был обнаружен в жил. № 3.

Очаг № 8. Углубленного типа, длина очажной ямы 2 м, ширина 0,6 м, глубина в материке 0,32 м. Вдоль стен зафиксирован прокал, его мощность в верхней части ямы составляет 0,12 м. В заполнении последовательно прослежены следующие слои: мешаная супесь, мелкие обломки глиняной обмазки свода, ниже — черная супесь с золой и сажей. В мешаном слое найдены фрагменты воротничкового сосуда. Очаг перерезан двумя столбовыми ямами.

В центральной части котлована находились несколько хозяйственных ям. В двух случаях их стены и дно покрыты глиняной обмазкой, в обмазку одной из ям был вмурован небольшой хищник.

Жилище № 9б. Размеры котлована 3 x 6 м, стены отвесные, перпендикулярно юго-западной стенке расположен выход шириной 0,7 м и длиной 2 м. По краям выхода находились четыре столбовые ямы диаметром 0,2 м, глубиной 0,48–0,56 м. Котлован в верхней части заполнен черной супесью мощностью до 0,2 м, ниже идет темно-коричневая супесь с золой, пол жилища — серая золистая супесь, местами имеющая большое содержание сажи и приобретающая черный цвет.

В северо-восточном углу жилища были зафиксированы остатки двух сгоревших бревен, лежащих вдоль стен. В этом же углу отмечены следы глиняной обмазки толщиной до 0,02 м на двух уровнях (перепад между ними 0,1 м) и следы вертикальной обмазки по стене котлована и в 0,25 м от нее.

Пол котлована жилища неровный. Во входовом тамбуре он понижается к центру, в месте входа образуется небольшой уступ глубиной 0,1 м. Понижение уровня пола наблюдается от восточной к западной стене котлована. Перепад высот составляет 0,15–0,2 м. О конструкции жилища можно судить по расположению столбовых ям. Четко выделяются два ряда: вдоль длинных стен жилища. Ямы диаметром 0,15–0,25 м и глубиной до 0,5 м. В жилище не обнаружены остатки очагов, но присутствие большого количества золы и обожженных камней позволяет предположить, что очаг мог быть наземного типа — на каменной кладке. Размеры и конструкция жилища № 9 б во многом аналогичны жилищу № 4.

В заполнении трех котлованов жилищного комплекса № 9 найдено значительное количество находок. Керамика представлена целыми сосудами и фрагментами, не менее чем от 160 сосудов. Инвентарь, обнаруженный в жилищах — каменные наконечники, бронзовый браслет, разнообразные костяные и каменные орудия (рис. 7–1–15, 17–19; рис. 8–1–4, 6).

Жилище № 10. Находилось в центральной части поселения, в 10 м от жил. № 7 и 5 м к ЮВ от жил. № 9 (рис. 1). Котлован жилища подпрямоугольной формы вытянут по линии СЗ–ЮВ. Размеры котлована 13 x 20 м (рис. 2–9). Жилище было практически наземным, котлован углублен в материк на 0,05–0,1 м. Пол жилища имеет неровный рельеф: вдоль стен идут канавообразные углубления шириной 3–5 м, глубиной до 0,2 м. Центральная площадка жилища более возвышенная. Местами на уровне пола отмечены остатки глиняной обмазки. Заполнение котлована и углублений — черная супесь, в южном углу — черная сажистая супесь мощностью до 0,15 м. В центральной части жилища выявлено пять очагов.

Очаг № 1. Углубленного типа. Очажная яма вытянутой канавообразной формы имеет следующие размеры: длина 3,54 м, ширина (вместе с прокалом) 0,6 м, глубина в материке 0,36 м. Заполнение верхней части очага — черная супесь, под ней куски глиняной обмазки и обожженные камни, нижняя часть заполнена черной золистой супесью с сажой. Мощность прокала по стенкам ямы до 0,1 м, на дне ямы прокал отсутствует.

Очаг № 2. Перерезан двумя хозяйственными и одной столбовой ямами. По конструкции аналогичен очагу № 1. Длина очажной ямы 2,32 м, ширина (вместе с прокалом) 0,8 м, глубина в материке до 0,32 м. Прокал мощностью до 0,12 м прослеживается вдоль стен ямы, на дне отсутствует. В заполнении встречены плоские обожженные камни и куски глиняной обмазки.

Очаг № 3. Зафиксирован в виде прокала диаметром 1,2 м и мощностью 0,1 м. Сверху сохранились фрагменты глиняной обмазки толщиной 0,08–0,1 м (рис. 4–8). Очаг подобного наземного типа исследован в жилище № 9.

Очаг № 4. Представлял собой каменную выкладку овальной формы размером 0,6 x 0,4 м, высота кладки 0,1 м (рис. 4–7). Камни обожжены, материк под ними слегка прокален.

Очаг № 5. Углубленного типа, частично разрушен. Сохранившаяся часть в виде канавообразного углубления имеет длину 0,75 м, ширину 0,32 м, глубину 0,1 м.

В жилище и рядом с ним выявлено 167 ям. Столбовые ямы имеют диаметр 0,12–0,6 м, углублены в материк на 0,05–0,74 м. Внутри жилища столбовые ямы идут рядами вдоль стен, по краям канавообразных углублений (на расстоянии 3–4 м от стен), так же можно проследить несколько линий от внутренних перегородок. Большинство ям вертикальные, но есть и наклонные. Около восьми ям, судя по их размерам и заполнению, являлись хозяйственными. В заполнении одной из них найдены куски коричневой и серой минеральных красок, камни, запас глиняного сырья, стенки были выложены обломками известняка.

Находки представлены фрагментами керамики не менее, чем от 40 сосудов.

Жилище № 11. Расположено в центральной части поселения, параллельно котловану жилища № 7 (рис. 1). Котлован подпрямоугольной формы размером примерно 12,3 x 20 м вытянут по линии СЗ-ЮВ (рис. 2–11). Стенки котлована пологие, заполнение — черная супесь с примесью золы и сажы. Рельеф пола традиционен: возвышенная центральная площадка, вдоль длинных стен идут углубления шириной до 5 м, заполненные коричневой гумусированной супесью. На уровне пола выявлены ряды столбовых ям, идущие по периметру котлована и центральной площадки. Все ямы вертикальные, диаметром 0,2–0,4 м, углублены в материк на 0,1–0,7 м.

Одна из хозяйственных ям была заполнена темно-серой золистой супесью с большим содержанием костей. Их общее количество составило 1539. На центральной возвышенной площадке находились четыре очага углубленного типа.

Очаг № 1. Размеры очажной ямы 1,8 м x 0,6 м, глубина в материке 0,2 м. Заполнение — сажистая супесь и зола, куски глиняной обмазки. Стенки ямы прокалены на 0,1 м, на дне прокал отсутствует.

Очаг № 2. Углублен в материк на 0,1–0,15 м, длина 2,2 м, ширина достигает 0,4 м. По стенкам имеется незначительный прокал (2–5 см), заполнение ямы — сажистая супесь.

Очаг № 3. Длина очажной ямы 1,96 м, ширина 0,5 м, глубина в материке 0,15 м. В сажистом заполнении встречены обожженные камни. Стенки ямы прокалены на 5 см, дно — на 1–2 см.

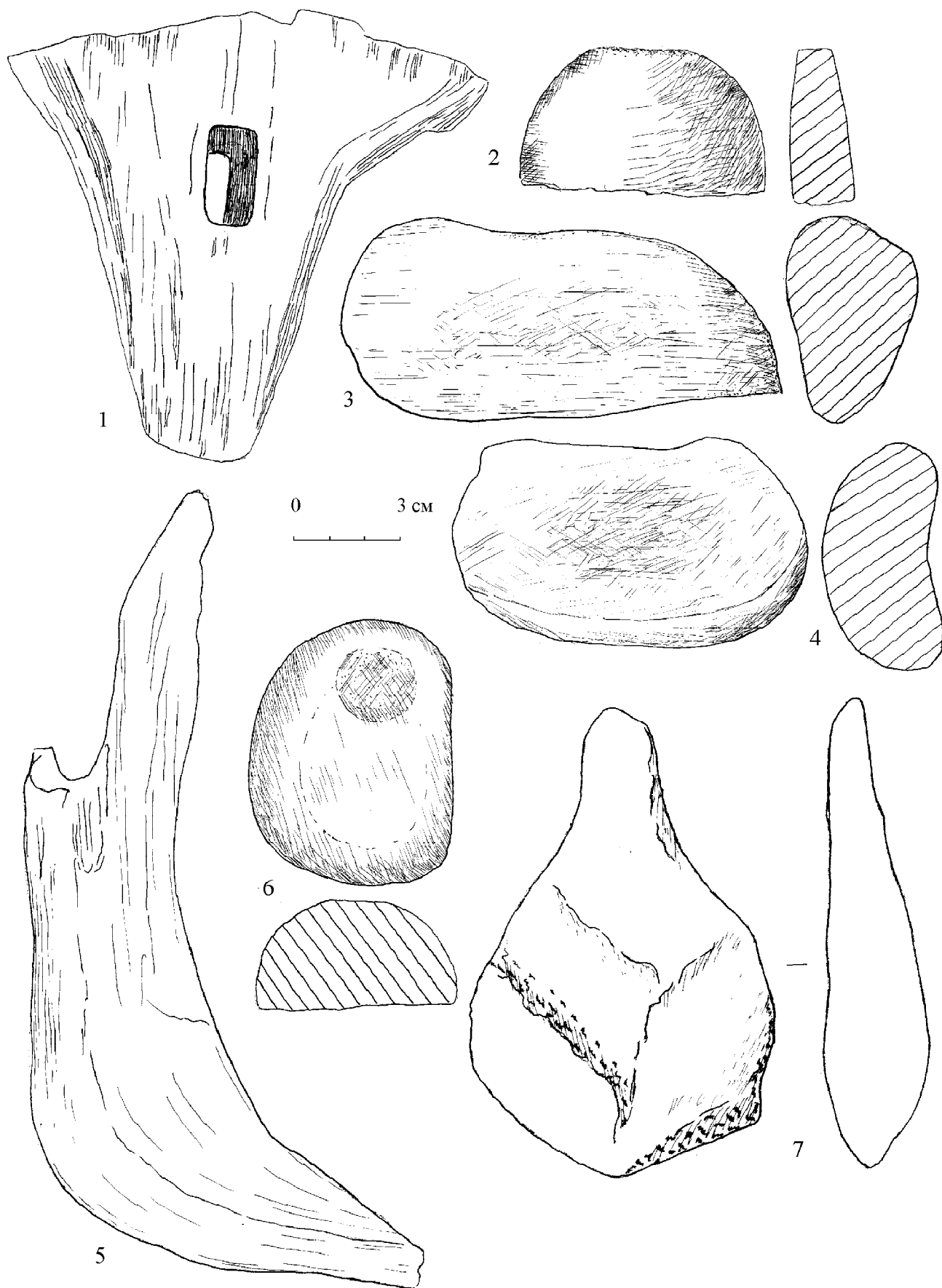

Рис. 8. Милованово-3. Находки из комплекса жилищ № 9 (1-4; 6) и жилища № 11 (5; 7).
 1, 5 – кость; остальное – камень

Очаг № 4. Очажная яма размерами 2 м x 0,4 м, глубина в материке 0,3 м. В верхней части заполнения по всей площади ямы лежали обожженные камни, под которыми шла черная супесь с примесью золы. Стенки ямы незначительно прокалены только в верхней части, следов обмазки не зафиксировано. Скорее всего, данный очаг представлял собой открытую углубленную конструкцию с каменной наброской.

Из находок, обнаруженных в жилище, следует отметить бронзовое шило (рис. 7–16), тупик и каменную мотыгу (рис. 8–5, 7). Керамическая коллекция представлена фрагментами менее, чем от 30 сосудов. При обработке остеологического материала были выявлены фрагменты человеческих костей.

Жилище № 12. Жилище имело рельефные признаки на поверхности в виде западины. Котлован жилища подпрямоугольный в плане, размером 14,5 м x 13 м. В СЗ стене зафиксирован выход в виде коридора шириной 1,2 м и длиной 1,4 м (рис. 2–10).

Заполнение в верхней части котлована — черная супесь, «жирная» на ощупь. У стен этот слой приобретает коричневатый оттенок и становится более золистым. На глубине 0,5 м от поверхности отмечены прослойки сажистой черной супеси, в которых встречаются угли (возможно, это остатки сгоревшей кровли). Нижняя часть котлована заполнена серо-коричневой супесью с примесью золы мощностью до 0,3 м.

Пол жилища неровный, имеются возвышенные и углубленные участки, перепад глубины от 0,2 м до 1 м. Возвышенной является центральная площадка и участки у северо-западной и юго-восточной стен котлована. Вдоль длинных стен имеются углубления: ширина юго-западного 3 м, северо-восточного доходит до 5 м, глубина в материке 0,1 м.

На уровне материка прослежены столбовые и хозяйственные ямы. Столбовые ямы имеют диаметр 0,2–0,4 м, глубину 0,12–0,25 м. В их расположении имеется определенная система в виде параллельных рядов вдоль юго-восточной стены, вдоль северо-западной за пределами котлована. Остатков очагов в жилище не обнаружено.

Кроме жилищ раскопками вскрыты часть зольника и межжилищные пространства, где были найдены немногочисленные, но выразительные изделия из бронзы, камня и кости (рис. 9; 10). Представляют интерес ямы, имевшиеся на межжилищном пространстве. В одной из них (округлое углубление глубиной 0,07 м) найдены коготь медведя в сочленении с фалангой, бронзовый нож (рис. 10–7) и череп лошади. В другой яме размером 1,6 x 0,96 м и глубиной 0,4 м обнаружены кости передних ног и лопатки крупного копытного, лежащие в анатомическом порядке и костяной обожженный наконечник с гравировкой в виде угла (рис. 10–14). Специфический набор находок позволяет интерпретировать данные ямы как жертвенники. Еще одна яма диаметром 1,1 м и глубиной 0,3 м была заполнена серой глиной, ближайший выход которой имеется в 800 м от поселения вниз по течению реки. Две ямы, по-видимому, являлись хранилищами, т.к. стены и дно покрыты глиняной обмазкой. Таким образом, межжилищное пространство активно использовалось для хозяйственной и производственной деятельности.

К сожалению, значительная территория поселения осталась неисследованной. В последующие годы на памятнике, разрушающемся берегом Обского водохранилища, осуществлялись только периодические осмотры и сборы подъемного материала, во время которых были обнаружены фрагменты керамики, бронзовые изделия (нож, кельт) и фрагменты человеческих черепов (Бородовский, 1996, с. 27–29).

Материалы Милованово-3 иллюстрируют многие аспекты жизнедеятельности населения ирменского поселка и, в первую очередь, подтверждают тезис о комплексном характере хозяйства. Значительное место в его структуре, судя по остеологическому материалу, занимало скотоводство.

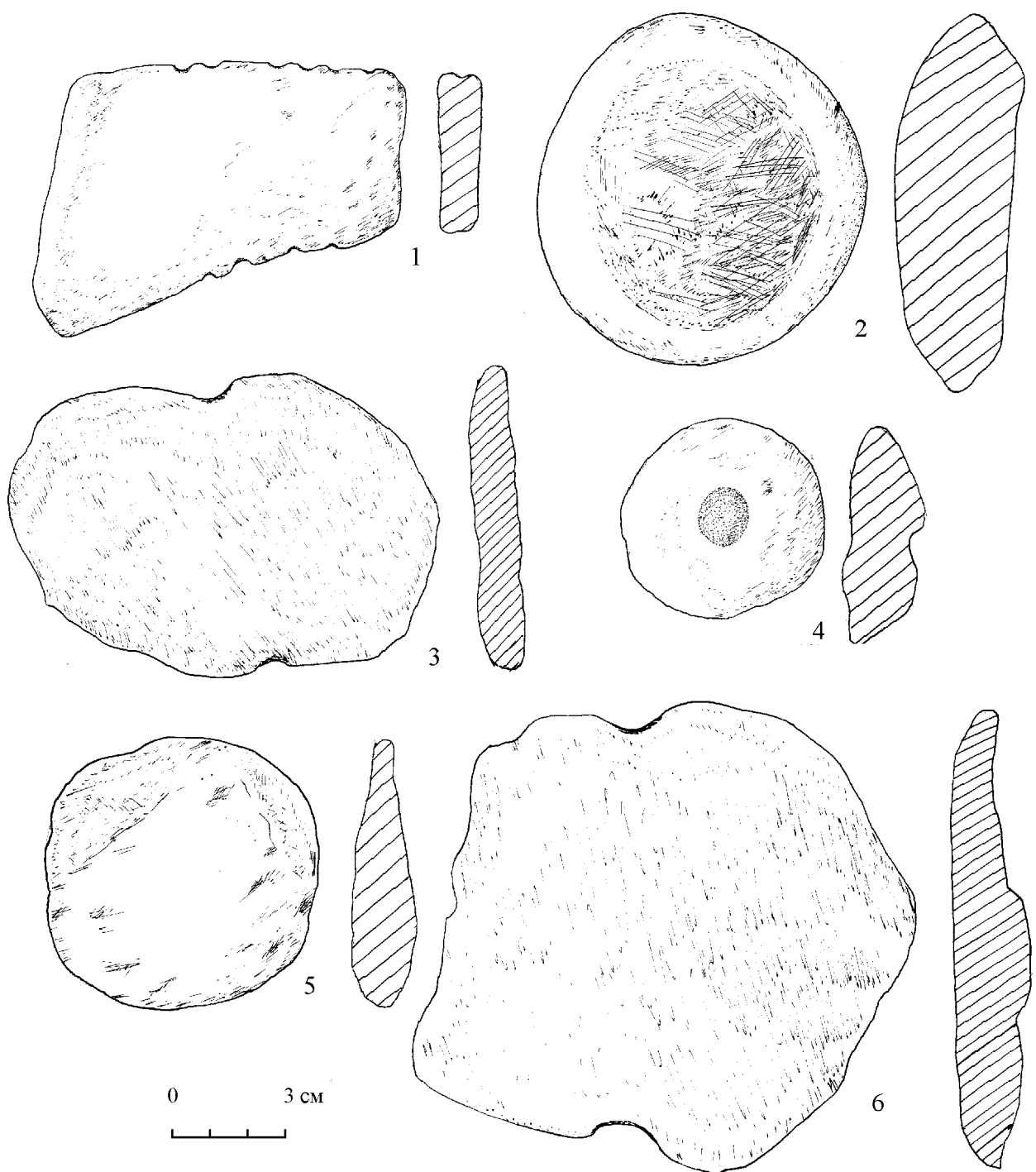

Рис. 9. Милованово-3. Каменные изделия из зольника и с межжилищного пространства

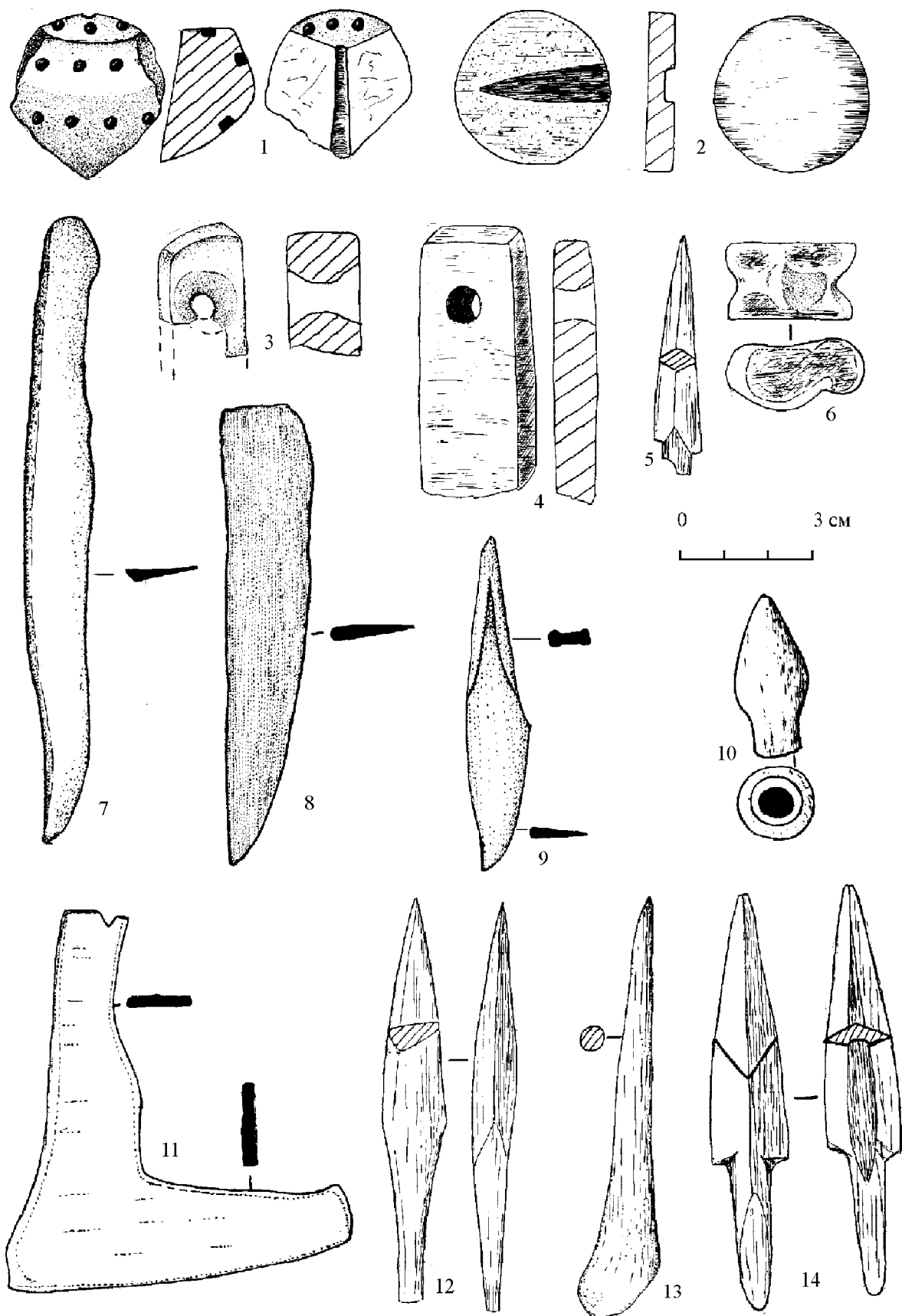

Рис. 10. Милованово-3. Находки из зольника и с межжилищного пространства.
 1 – глина; 7-9, 11 – бронза; 3-4 – камень; остальное – кость

Основу стада составляло поголовье крупного и мелкого рогатого скота, в меньшем количестве содержали лошадей (Сидоров, 1989 а, с. 144–148). Имеются свидетельства о наличии земледелия: специализированные орудия (обломок бронзового секача, каменная мотыга, зернотерки), ямы-хранилища с глиняной обмазкой, отпечатки злаков на керамике (детальный анализ этих находок см: Сидоров, 1986).

Присваивающая деятельность включала охоту (лось, косуля, марал, медведь, лисица) и рыболовство (язь, щука, нельма, окунь, плотва), но их удельный вес был невысок (Сидоров, 1989 б, с. 26; 32–36). Специальных орудий и приспособлений для охоты и рыболовства (костяные и каменные наконечники, грузила), а также фаунистических и ихтиологических остатков обнаружено незначительное количество.

Производство керамики, металлообработка, прядение и ткачество, обработка кости, камня и других материалов (дерево, кожа), существовали в виде домашнего производства. Такой вывод сделан на основании распределения находок на территории поселения. Не выявлено специализированных мастерских или крупных производственных участков, но следы той или иной производственной деятельности зафиксированы практически во всех жилищах. Очаги сложной двухкамерной конструкции с глинобитным сводом вполне могли использоваться как специальные теплотехнические устройства для плавки металла и обжига керамики. Но таких очагов исследовано всего два (в жилищах № 3 и № 9), а литейные формы, всплески бронзы, запасы сырья, различные вспомогательные орудия найдены и в других жилищах.

В целом, комплекс вещей и керамика, обнаруженные на поселении, традиционны для поселений ирменской культуры, большинство каменных и костяных орудий являются широко распространенными хронологически и территориально, поэтому вряд ли имеет смысл приводить многочисленные имеющиеся аналогии. Остановимся только на нескольких изделиях, которые не являются типично ирменскими, и находят более близкие параллели в других археологических культурах. Лапчатая бронзовая подвеска (рис. 5–9), безусловно, имеет карасукский облик. Обломок бронзового секача (рис. 10–11) похож на изделия, обнаруженные в Казахстане, Минусинской котловине. Фрагмент глиняного пряслица (рис. 10–1) аналогичен саргатским (Мильникова, Чемякина, 2002, с. 63–66). Каменная булава конической формы с двусторонне высверленным отверстием (рис. 3–15) практически повторяет экземпляр с раннеземледельческого поселения Дальверзин (Заднепровский, 1962, с. 38, рис. 14; с. 277, табл. XXX–1). Подобные изделия с прямым или коническим отверстием известны также довольно широко (Молодин, 1985, с. 45; Генинг, Зданович, Генинг, 1992, с. 265; 336).

В керамическом комплексе поселения помимо собственно ирменских присутствует весьма внушительная серия валиковых сосудов, близких керамике саргаринско-алексеевской культуры (Сидоров, 1985 а, с. 69; Новикова, 1998 б, с. 476), имеется также керамика переходного от бронзы к железу времени, саргатская. Помимо сходства керамики, саргаринско-алексеевские черты присутствуют в планиграфии поселения — расположение жилищ рядами вдоль берега, в конструкции жилищ — крупные прямоугольные полуземлянки каркасного типа, в элементах их внутреннего устройства — обмазка стен котлована и пола глиной, наличие очагов разных типов (в том числе углубленных, длиной до 3 м).

Таким образом, в материалах поселения Милованово-3 выделяются как общекультурные черты, отмеченные в той или иной степени для большинства ирменских комплексов, так и особенные, характеризующие специфику развития ирменской культуры в южной части Новосибирского Приобья. Эта специфика определялась в значительной мере контактным характером данной территории и интенсивными связями населения как с юго-западными (степными) культурами, так и с северо-восточными (лесными).

С.М. Ситников

*(Барнаульский государственный педагогический университет,
Лаборатория исторического краеведения)*

**Поселение Советский Путь-1 и некоторые вопросы
происхождения и культурно-исторических контактов
саргаринско-алексеевского населения**

Изучение памятников саргаринско-алексеевской культуры Алтая началось сравнительно недавно. В ходе полевых исследований, проводимых различными научными центрами (раскопки В.А. Могильникова, А.П. Уманского, Ю.Ф. Кирюшина, Г.Е. Иванова, В.С. Удодова, М.А. Демина, А.Б. Шамшина, Д.В. Папина, С.М. Ситникова), исследован ряд памятников саргаринско-алексеевской культуры, давших обширный и чрезвычайно важный материал. В настоящее время на исследуемой территории насчитывается 33 поселения и три могильника, материалы которых, в той или иной степени, относятся к саргаринско-алексеевской культуре, общая вскрытая площадь которых составляет более 10000 м. кв. (Ситников, 2002, с. 5).

Поселение Советский Путь-1 расположено в Локтевском районе Алтайского края, на левом берегу р. Алей, в 700 м к северо-востоку от с. Советский Путь. Памятник открыт в 1994 г. П.И. Шульгой и С.М. Ситниковым (Ситников, 1998, с. 71). В ходе раскопок вскрытая площадь составила около 500 кв.м. Получена большая серия керамического материала, а также предметов из кости, камня и бронзы. Необходимо отметить, что культурный слой памятника весьма сильно насыщен находками. В некоторых квадратах, при вскрытии на один штык (10 см) встречалось до 200 находок на площади 4 кв.м. Учитывая среднюю мощность культурного слоя — 0,5–0,7 м., нами было получено около 150000 артефактов.

Керамический комплекс поселения Советский Путь-1 в культурном плане неоднороден. Его основу составляет саргаринско-алексеевская посуда. Здесь же в небольшом количестве фиксируется бегазы-дандыбаевская и станковая керамика. Происхождение некоторых фрагментов (рис. 6–6) возможно следует связывать с черкаскульской культурой. Вся посуда, обнаруженная на поселении, плоскодонная. Стенки серого, коричневого или реже красноватого цвета имеют толщину 0,5–2 см. Средняя толщина стенок – 1–1,5 см. Венчики, как правило, имеют округлую форму, хотя иногда встречаются приостренные и уплощенные. По особенностям профилировки сосудов выделяется несколько групп. Первую группу составляет посуда баночных форм с прямым или слегка отогнутым наружу венчиком (рис. 3–1,2, рис. 8–2,3, рис. 11–8). В целом, необходимо отметить, что данная группа посуды довольно немногочисленна и на различных саргаринско-алексеевских памятниках составляет от 3 до 7% от всех графически реконструируемых форм. Вторая группа представлена сосудами слабопрофилированных форм (рис. 1–2, 5, рис. 4–2, 4, 5, 7, рис. 5–2, 5–7, 9–11, рис. 7–3, рис. 9–4–6, рис. 10–4, рис. 11–7, 10, рис. 12–1, 2, 8, рис. 13–10). Третью группу составляют горшковидные сосуды с прямым или отогнутым наружу венчиком и среднераздутым туловом (рис. 1–4, рис. 3–3, рис. 4–1,3,9, рис. 5–1,3,4, рис. 6, рис. 7–2, рис. 8–1, рис. 9–1–3, 7–9, рис. 10–1–3, 5, рис. 11–2, 6, 9, рис. 12–3, рис. 13–1, 11). В целом, необходимо

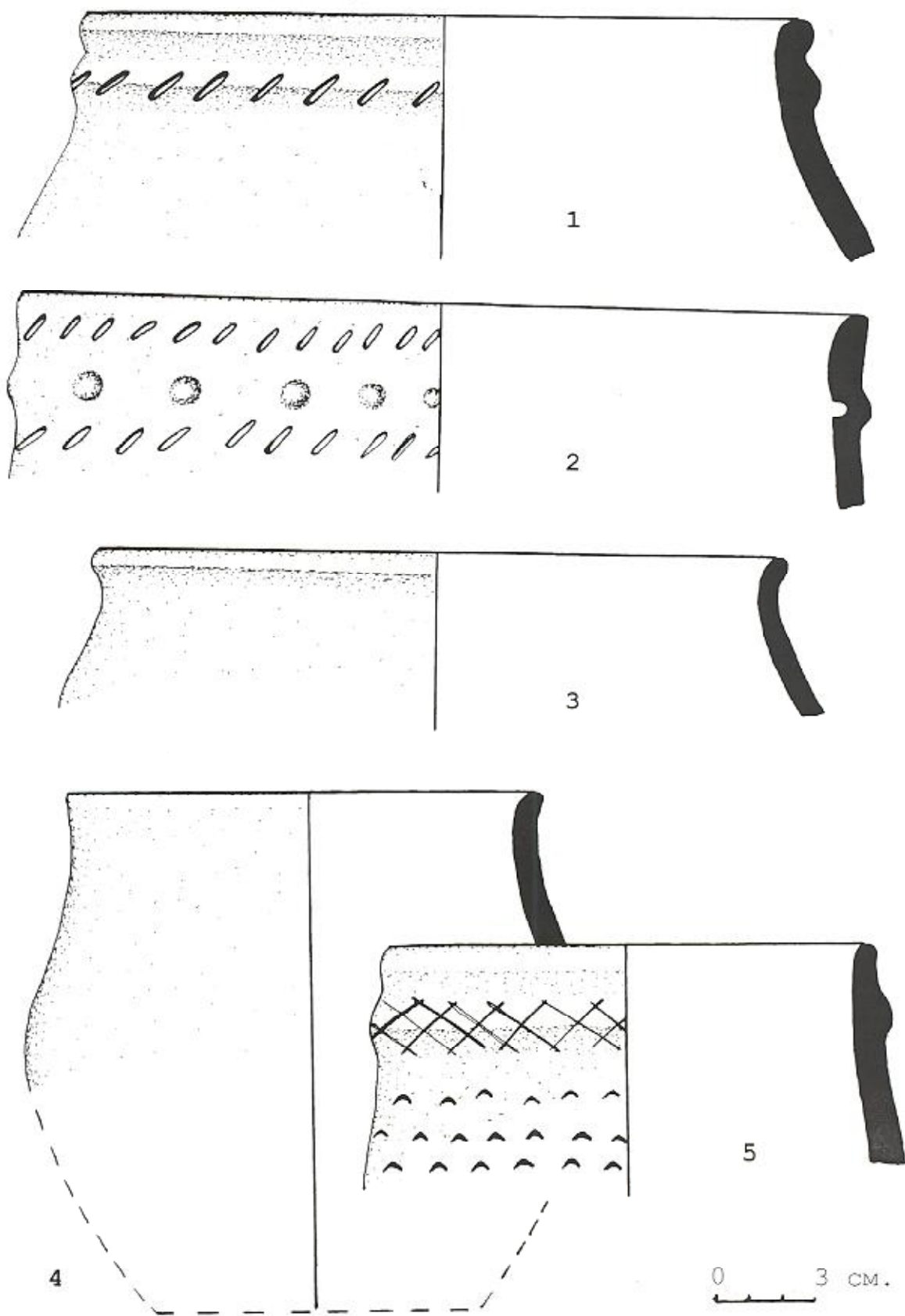

Рис. 1. Керамика

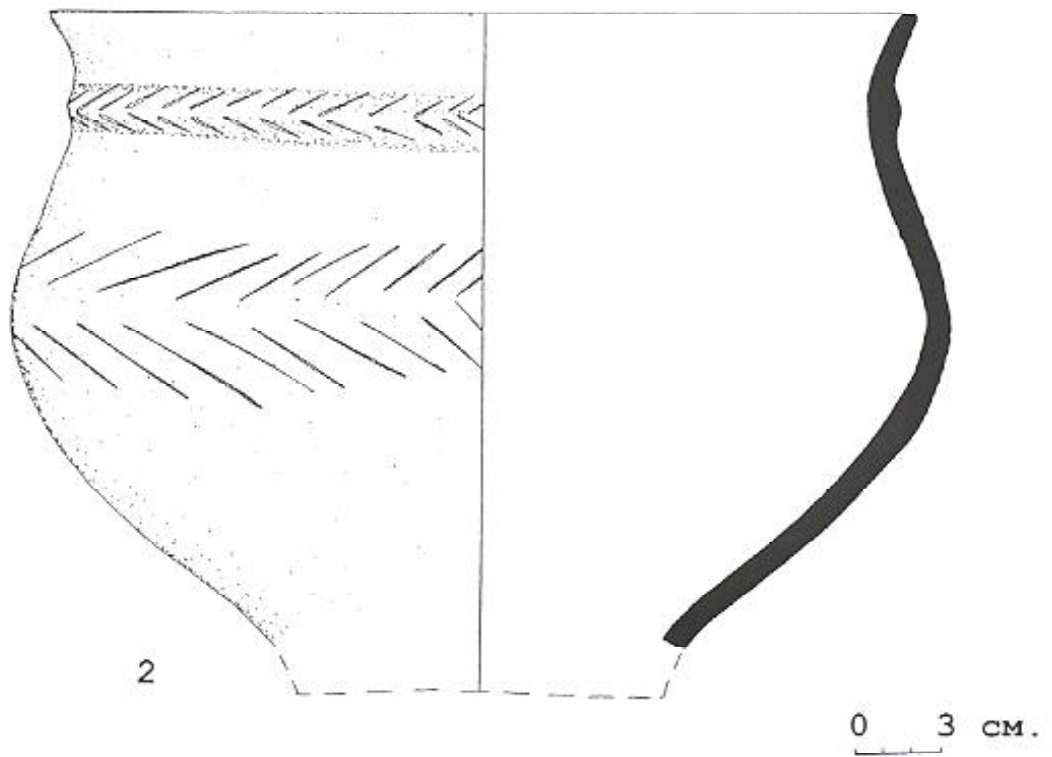
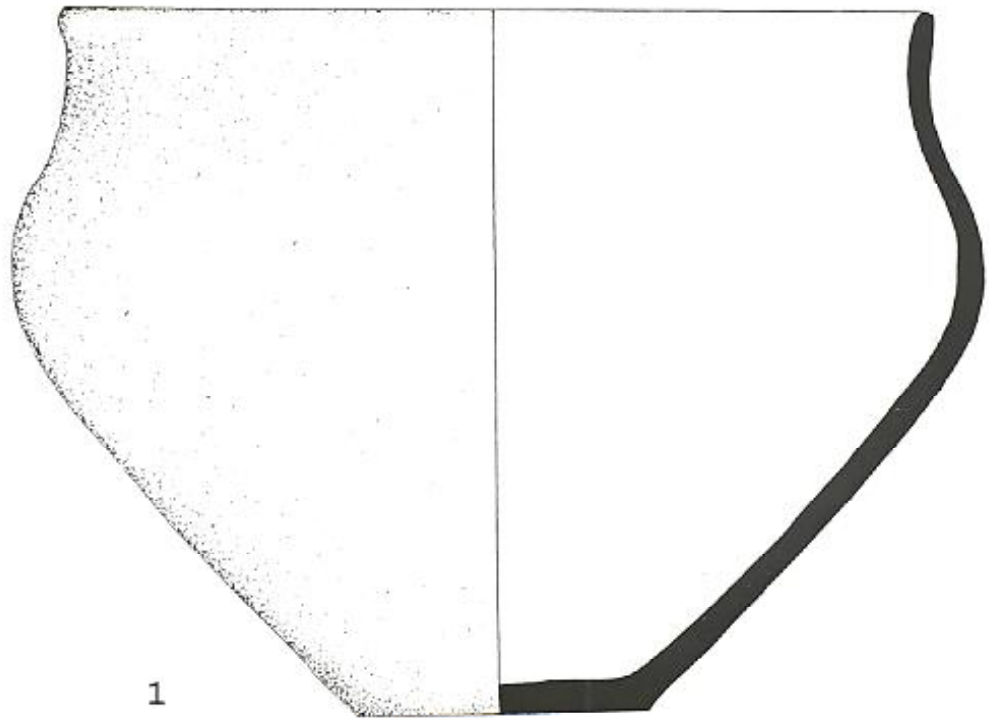

Рис. 2. Керамика

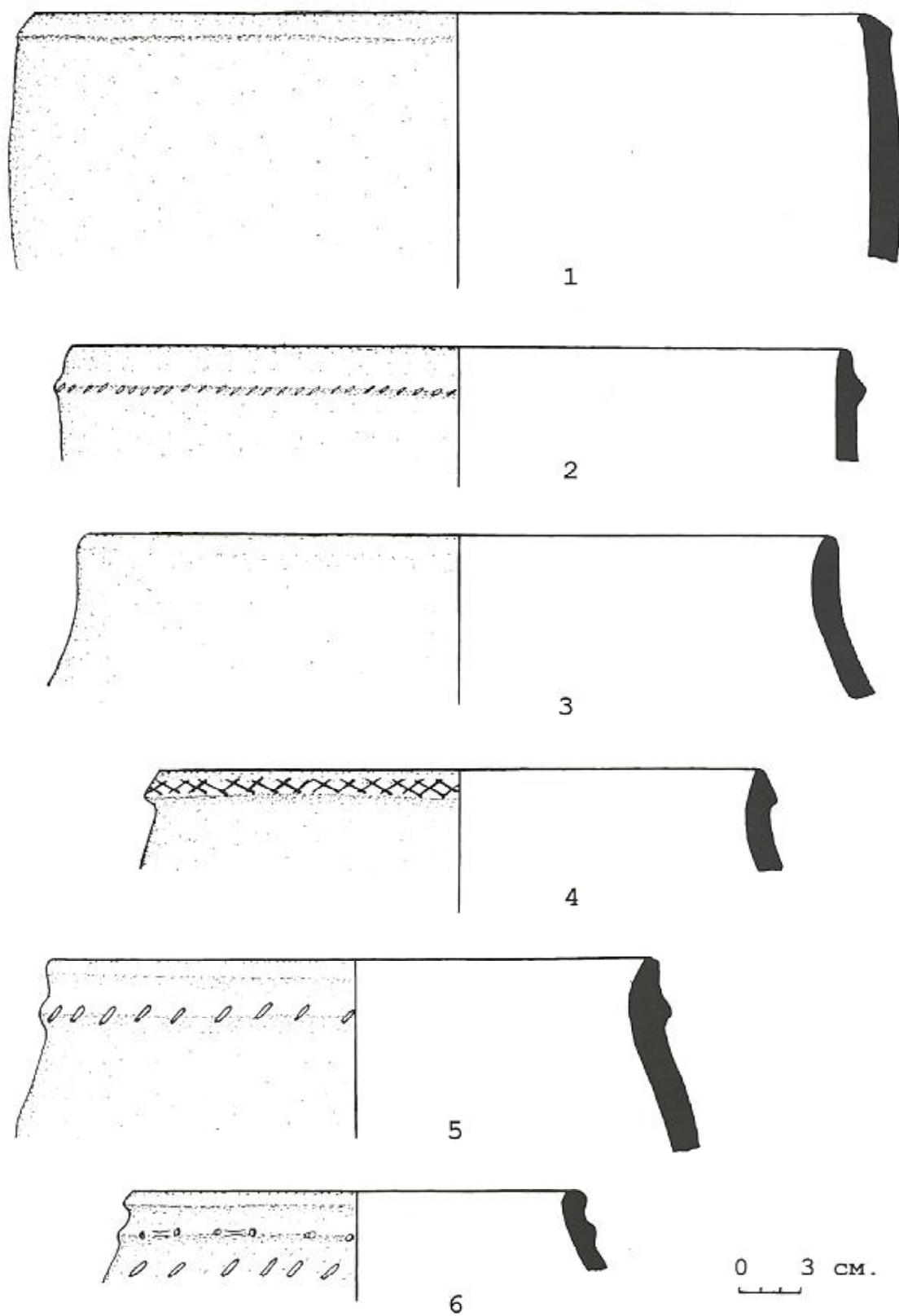

Рис. 3. Керамика

отметить, что посуда второй и третьей группы как правило составляет основу комплекса, доля ее на различных памятниках колеблется от 70 до 90 %. В четвертую группу входят остросребренные сосуды горшечных форм (рис. 7–1, рис. 10–4, 5, рис. 13–10).

В отличие от предшествующего андроновского времени (Ситников, 1990; Ситников, 1993), для саргаринско-алексеевских комплексов не характерно сплошное заполнение узорами всей площади сосуда. Посуда с полностью орнаментированной поверхностью встречается редко. Как правило, украшалась верхняя треть сосудов. Каких-либо закономерностей между формой посуды и элементами орнамента не выявлено.

Для исследуемого комплекса довольно характерной чертой является применение налпных валиков. В подавляющем большинстве случаев они украшены наклонными оттисками гладкого (рис. 1–1, рис. 3–2, 5, рис. 4–11, рис. 5–1, 3, 6, 7, рис. 11–6, рис. 13–1) или гребенчатого (рис. 12–3) штампов, оттисками ногтя (рис. 5–9, 10, рис. 9–8, рис. 11–3, рис. 12–1) или ногтевыми зашипами (рис. 3–6, рис. 4–1, рис. 5–8), косым гладким крестом (рис. 5–5, рис. 8–1, рис. 11–1). Иногда фиксируются не орнаментированные валики (рис. 12–5).

Узоры, выполненные на воротничке, весьма близки к оформлению валиков. Это наклонные оттиски гладкого или гребенчатого штампов, косые крестики и сеточки (рис. 3–4), елочки.

Весьма характерными орнаментами на саргаринско-алексеевской посуде являются различные елочки (рис. 5–2, рис. 6–3, 5, 6, рис. 9–1, 3, 5, рис. 10–, пояски из косо поставленного гладкого (рис. 1–2, рис. 3–6, рис. 7–3, рис. 9–2, 6) или гребенчатого (рис. 5–4, рис. 6–6) штампов, наколов (рис. 1–5, рис. 8–3, рис. 12–4, 6), оттисков ногтя (рис. 4–4, рис. 10–2) или ногтевых зашипов, косых крестиков (рис. 9–6, рис. 11–10). Встречаются хаотичные оттиски ногтя или ногтевых зашипов, желобки (рис. 4–6, рис. 6–6). Зафиксированы треугольники вершинами вниз (рис. 4–11, рис. 5–9, рис. 6–6, рис. 11–4, рис. 12–1, рис. 13–12), ромбы (рис. 9–9).

Жемчужник, как правило, располагался в нижней части шейки (рис. 1–2, рис. 12–2, рис. 13–6). Геометрические узоры фиксируются редко (рис. 13–2).

Рассматривая орнаментацию посуды с поселения Советский Путь-1, мы можем констатировать, что узоры имеют много общего с керамикой сопредельных территорий. Аналогичные орнаменты фиксируются на единокультурных памятниках Казахстана (Кривцова-Гракова, 1951, с. 160, рис. 10, рис. 11, с. 161, рис. 12–2–7; Черников, 1960, с. 225, табл. XXX, с. 226, табл. XXXI, с. 236, табл. XLI, с. 250, табл. LVII, Зданович, 1984; Зданович, 1988, с. 39, рис. 10, с. 40, рис. 11, с. 55, рис. 20; Евдокимов, 1975; Евдокимов, 1987; Ломан, 1987).

В ходе раскопок поселения Советский Путь-1 в небольшом количестве встречена бегазыдандыбаевская и станковая (выполненная на гончарном круге) керамика. Данное соотношение довольно характерно для поселенческих комплексов Алтая и Казахстана. Несмотря на то, что памятники бегазыдандыбаевской и саргаринско-алексеевской культур были выделены очень давно, до настоящего времени многие вопросы этих культур остаются открытыми. Наличие огромных погребальных сооружений и отсутствие до недавнего времени поселенческих комплексов бегазыдандыбаевской культуры породило ряд проблем: являются ли бегазыдандыбаевские памятники самостоятельными в культурном отношении, или же богато украшенная керамика является погребальной, нарядно-ритуальной посудой саргаринско-алексеевской культуры; до конца не определена роль бегазыдандыбаевского феномена в формировании культур раннескифского времени; несмотря на достаточно большой объем накопленного материала, невыясненными остаются подоснова формирования данного феномена, датировка самой культуры и ее этапов; спорной так же остается культурная атрибуция многих погребальных памят-

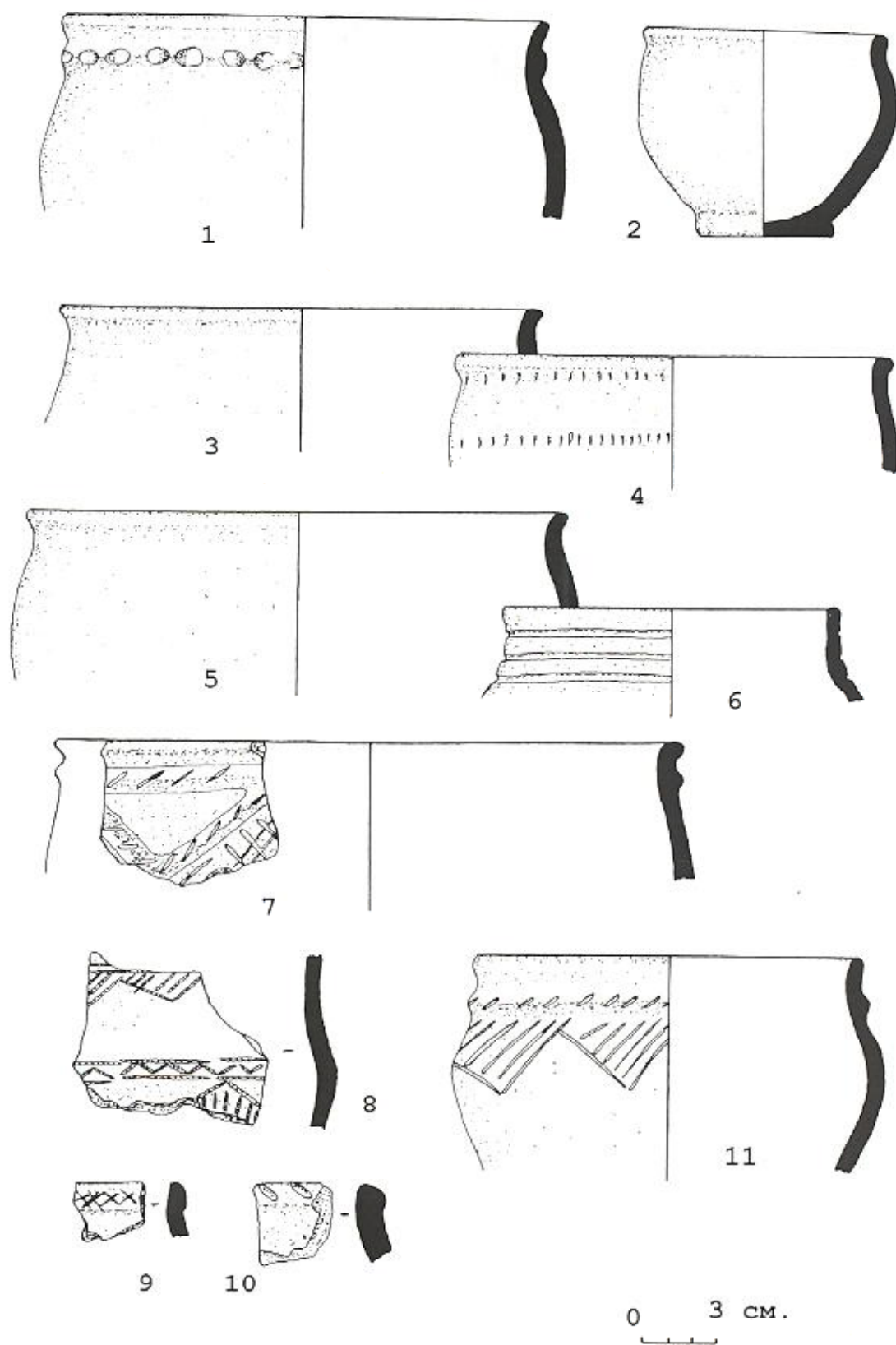

Рис. 4. Керамика

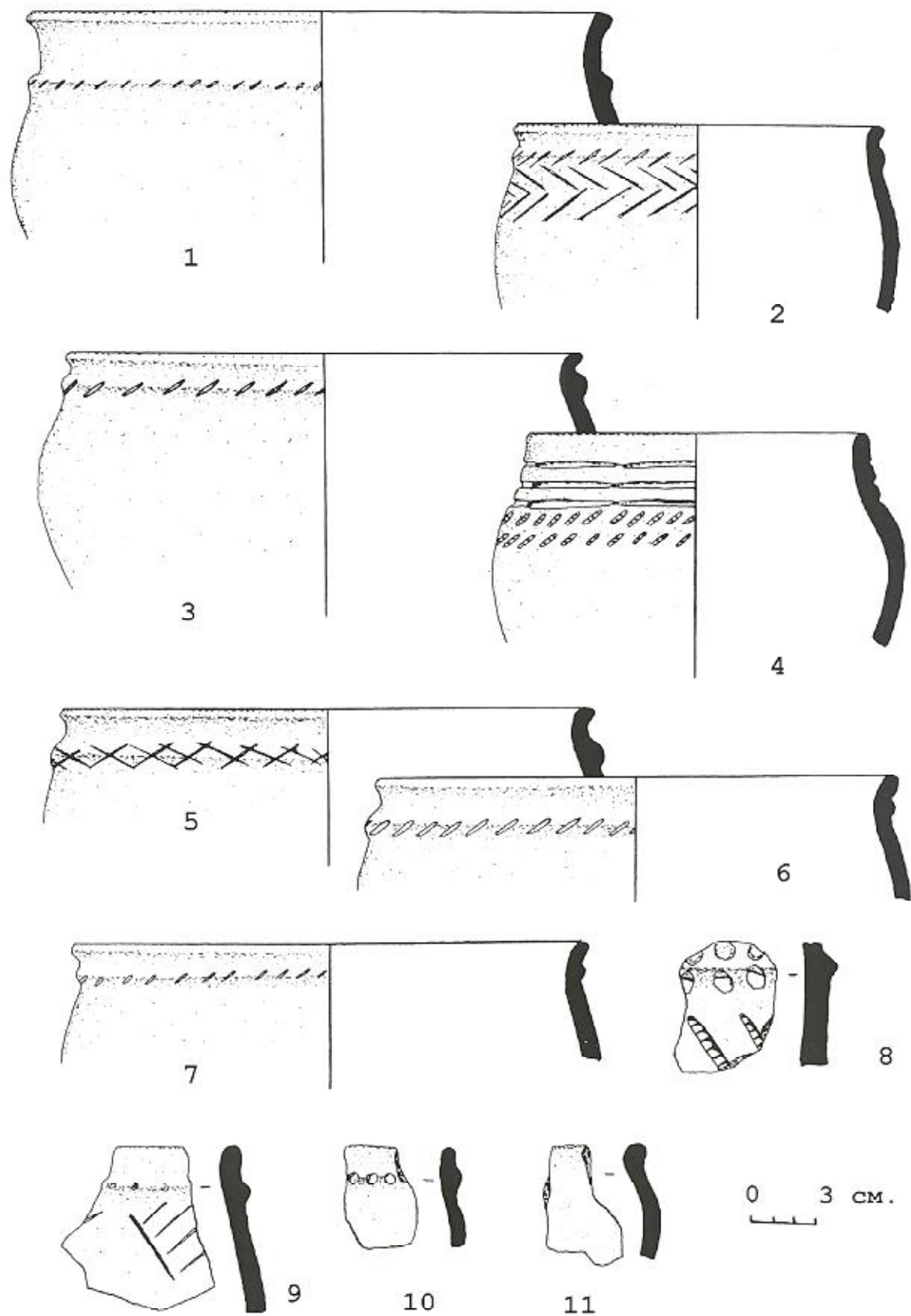

Рис. 5. Керамика

ников, что в немалой степени обусловлено наличием разнокультурных сосудов в одном погребении, а так же степенью ограбления могил. Зачастую одни и те же памятники различными исследователями интерпретируются в различном культурном плане.

Чтобы решить эти и другие проблемы обратимся к конкретному археологическому материалу Южной Сибири и Казахстана. На исследуемой территории бегазы-дандыбаевская керамика встречена на ряде памятников: Новоильинка (Уманский, Ситников, 1995, с. 46; Удодов, 1991, с. 87, рис. 1–2), Курейка-3 (Иванов, 1993, с. 134), Рублево-6 (Шамшин, и др., 1999, с. 36; Шамшин, Папин, Мерц, 2000, с. 7), Жарково-1 (Шамшин, Изоткин, Ситников, 2002, с. 108, рис. 2–1–4). Примечательно, что на всех этих памятниках бегазы-дандыбаевская керамика в небольшом количестве сопровождается посудой, изготовленной на гончарном круге (Шамшин, и др., 1999, с. 32). Среди исследованных памятников Алтая весьма любопытными являются материалы поселения Гусиная Ляга-1, основу комплекса которого составляет позднеирменская керамика, здесь же в небольшом количестве встречена бегазы-дандыбаевская, станковая и саргаринско-алексеевская посуда (Ситников, Гельмель, 2000, с. 161). На территории Северной Кулунды В.С. Удодовым были исследованы поселения «бурлинского типа» — Бурла-3, Кайгородка-3, Гридино, характеризующиеся сосуществованием и взаимодействием бегазы-дандыбаевского и среднеазиатского населения (Удодов, 1994, с. 16). В материалах могильника Старый Сад, расположенного на территории Венгеровского района Новосибирской области, иногда даже в одном погребении, в орнаментации сосудов наблюдается синкретизм бегазинских, ирменских, андроновских, черкаскульских, сузгунских черт (Молодин, Новиков, 1998, с. 88). Отдельные находки, сопоставимые с бегазинскими, зафиксированы еще на ряде памятников данного региона (Молодин, 1981; Кирюшин, Удодов, 1990, с. 54). Часть керамического материала могильника Еловка несет в себе бегазинские черты (Матющенко, 1974, с. 55, рис. 14–5, с. 94, рис. 54–4, с. 95, рис. 55–2–4 и др.). На территории Восточного Казахстана в могильнике Измайловка зафиксированы бегазы-дандыбаевские и саргаринско-алексеевские сосуды (Ермолаева, 1987, с. 67, рис. 28–2–6, с. 74, рис. 34–5–9). На поселении Саргары также зафиксировано совместное залегание бегазинской и саргаринской керамики (Зданович, 1988, с. 165, табл. 7). Аналогичная ситуация прослеживается в погребальных и поселенческих комплексах Центрального Казахстана (Грязнов, 1952, с. 137, рис. 5, с. 140, рис. 8, с. 142, рис. 10, с. 143, рис. 11; Маргулан, 1979, с. 66–101, с. 204, рис. 155–1, 18; Кадырбаев, Курманкулов, 1992, с. 225–226).

Таким образом, совместное нахождение в открытых и закрытых комплексах саргаринско-алексеевской и бегазы-дандыбаевской и станковой керамики не вызывает сомнения в их одновременности. Кроме того, имеющиеся материалы позволяют констатировать, что на определенном этапе данные культуры сосуществовали с ирменскими племенами.

При рассмотрении погребального обряда прежде всего мы оперируем комплексами, материал которых не вызывает сомнения в их культурной принадлежности. Бегазы-дандыбаевские погребения довольно разнообразны по конструкции могильных сооружений и особенностям похоронного обряда. В.А. Кореняко на основе материалов Центрального Казахстана было выделено семь типов погребальных сооружений (Кореняко, 1990, с. 28–31). Не останавливаясь подробно на правомерности выделения отдельных типов, отметим лишь общие черты. Для всех погребальных комплексов довольно характерным является наличие круглой или квадратной ограды, иногда с пристроенным входом с восточной стороны. Небольшие по размерам погребальные сооружения в общих чертах повторяют «идею» мавзолеев отличающихся монументальностью. Наличие огромных сложных конструкций и небольших погребальных сооружений, видимо, демонстрируют

сложную социальную стратификацию внутри бегазы-дандыбаевского общества. Нетрудно также заметить, что в восточных районах распространения бегазы-дандыбаевской культуры присутствуют более простые конструкции (см. например, могильник Измайловка (Ермалаева, 1987).

Положение погребенных, в силу многократного ограбления курганов, как правило, определить довольно сложно. В оградке 2 могильника Балакулболды III в грунтовой яме, ориентированной по линии юг–север, был расчищен скелет человека в скорченном положении, на правом боку, головой на юг. Перед лицом погребенного стоял сосуд (Маргулан, 1979, с. 51, рис. 26, 27). В мавзолее 1 могильника Бегазы были встречены следы труположения и трупосожжения (Маргулан, 1979, с. 74). Близкую картину демонстрируют и некоторые другие памятники. Таким образом, мы можем констатировать, что в погребальном обряде бегазы-дандыбаевских племен встречается как кремация так и ингумация.

Реконструкция погребального обряда племен саргаринско-алексеевской культуры обусловлена рядом трудностей. Прежде всего, малым количеством исследованных погребений данной культуры, преимущественно тезисной публикацией материала, сложностью в определении культурной принадлежности ряда погребений. Преобладающим видом сооружений является каменная округлая или квадратная ограда. Могильные ямы имеют преимущественно овальную форму с неустойчивой ориентировкой. Иногда встречаются каменные ящики или частичная обкладка стен. Умершие захоронены скорченно, на левом или правом боку (Маргулан, 1979, с. 118, рис. 88; Зданович, 1988, с. 151).

Таким образом, мы можем констатировать — погребальный обряд данных культур несет в себе много общего, что, возможно, было обусловлено единой территорией расселения и общими религиозными представлениями. Вместе с тем, в погребальном обряде фиксируется и ряд отличий. Прежде всего, для саргаринце-алексеевцев не характерны большие, монументальные строения, типа некрополей Бегазы, Балакулболды III, Сангру I и др. Саргаринско-алексеевские оградки скорее выглядят как подражание бегазинским, их погребальные камеры не сопровождаются богатым инвентарем. Ярким отличием данных культур является керамический материал. Бегазы-дандыбаевская керамика имеет горшковидную форму с прямым венчиком, шаровидным туловом, плоским или уплощенным дном. Встречаются сосуды, профилировка которых близка к баночной. Орнаментация посуды очень своеобразная. Это геометрические узоры в виде косых ромбов, заштрихованных лент, треугольников, зигзагов, выполненных мелкозубчатым гребенчатым или фигурным штампами. Саргаринско-алексеевская посуда характеризуется наличием разнообразных горшечных и баночных форм. Ярким индикатором ее является налепной валик (как правило, украшенный орнаментом) в верхней части. Узоры менее сложные, выполненные гладким или реже гребенчатым штампами. Встречаются оттиски ногтя, наколы и т.д.

Таким образом, бегазы-дандыбаевские и саргаринско-алексеевские памятники являются самостоятельными культурными образованиями, сосуществующими на одной территории и, вероятно, имеющими близкий тип хозяйства. Самостоятельность данных культурных образований подтверждается и особенностями изготовления посуды. Бегазы-дандыбаевская изготавливалась техникой выколачивания из целого комка глины (Грязнов, 1952; Кузьмина, 1994, с. 130), а саргаринско-алексеевская методом кольцевого налета (Кузьмина, 1994, с. 123). Не выдерживает критики и концепция о погребальном, ритуальном характере бегазы-дандыбаевской керамики. Во-первых, многие сосуды использовались в быту для приготовления пищи. В частности, по наблюдению М.П. Грязнова, некоторые из сосудов могильника Дандыбай, форма и орнамент которых не вызывают сомнения в их принадлежности к бегазы-дандыбаевской куль-

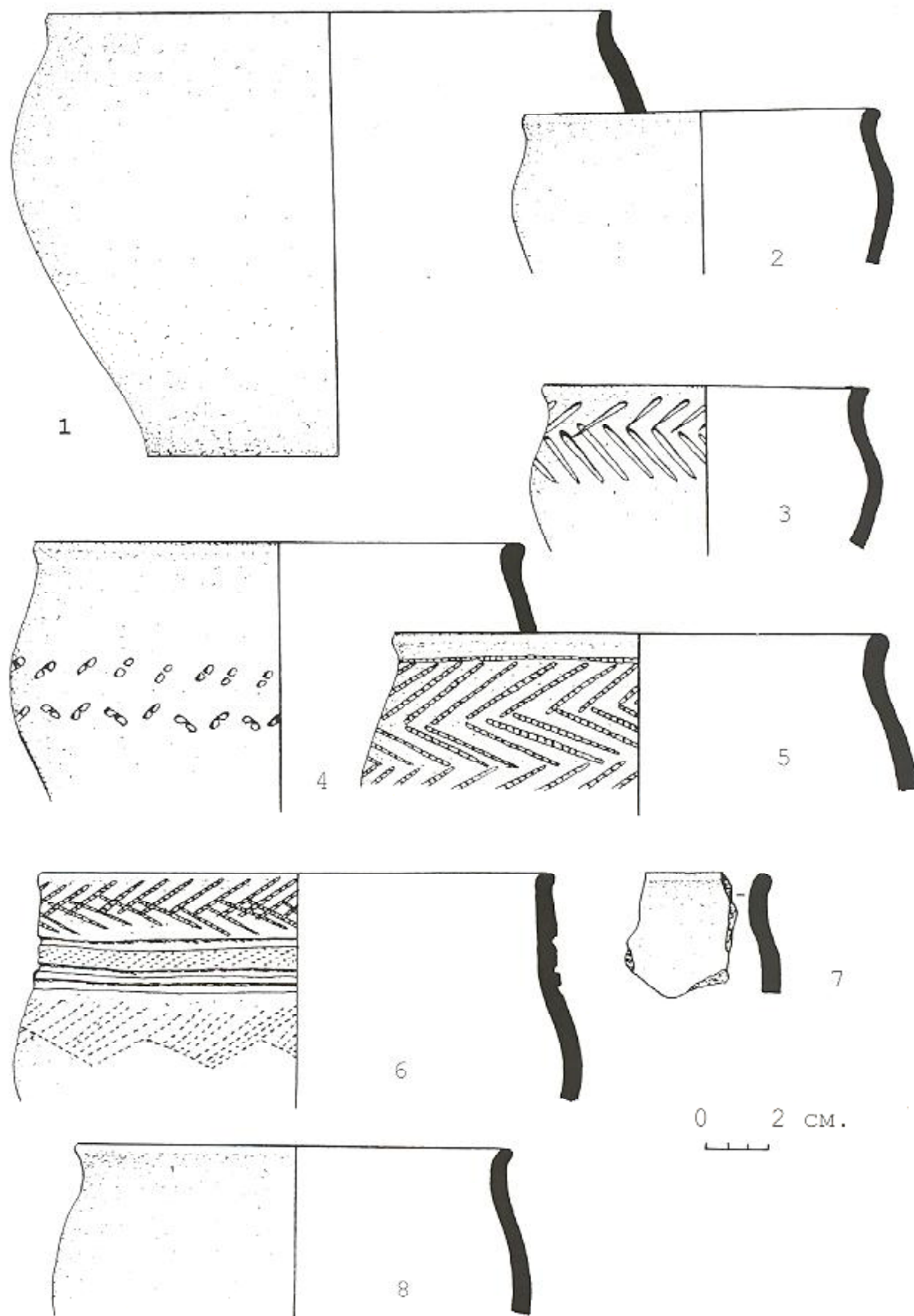

Рис. 6. Керамика

туре, имеют следы нагара и копоти, образовавшихся в результате приготовления пищи (Грязнов, 1952, с. 136, с. 143). Во-вторых, технология изготовления саргаринско-алексеевской посуды весьма близка к приемам алакульского гончарства (Ломан, 1993, с. 30). Технология изготовления бегазы-дандыбаевской посуды (выколачивание из целого комка глины и т.д.) генетически не связана с андроновской культурой (Кузьмина, 1994, с. 130). На наш взгляд, представляется маловероятным существование в рамках одной культуры двух различных технологических традиций. Помимо этого имеются существенные отличия и в схемах декорирования посуды и формах сосудов. Кроме того, валик на саргаринско-алексеевской посуде преимущественно налепной, а на бегазы-дандыбаевской сформованный. В-третьих, если считать что саргаринско-алексеевская (поселенческая) и бегазы-дандыбаевская (погребальная и столовая) керамика относятся к одной культуре, то возникает вопрос: почему соотношение данных групп на различных поселениях Алтая и Казахстана не сохраняет примерно равных пропорций? И уж совсем непонятно, почему на позднесаргаринском поселении Донгал (насчитывается несколько тысяч фрагментов, происходящих от более чем 300 сосудов (Ломан, 1987, с. 115) керамика сопоставимая с бегазинской отсутствует? Кажется маловероятным, что на позднем этапе развития культуры население отказалось от изготовления погребальной и столовой посуды. И уж совсем парадоксальным выглядит весьма небольшое количество саргаринско-алексеевской посуды на памятниках «бурлинского» типа, керамические комплексы которых примерно в равных пропорциях содержат станковую и бегазы-дандыбаевскую посуду (Удодов, 1994, с. 11–13). Данное обстоятельство, на наш взгляд, нельзя объяснять только большей или меньшей степенью изученности памятников.

При рассмотрении имеющегося материала А.Х. Маргулан пришел к выводу о местной, казахстанской подоснове в формировании бегазы-дандыбаевской культуры. Им были выделены памятники переходного периода от средней к поздней бронзе — XIII–XI вв. до н.э. (Маргулан, 1979, с. 25–58). К ним он отнес материалы могильников Айшрак Б, Егизек, Беласар Б, Балокулболды II, III, Байбола II, Бегазы А (ранняя группа). Однако, в свете современных представлений о культурах эпохи бронзы, данные комплексы относятся либо к андроновской (позднефедоровской группе) культуре, либо к эпохе поздней бронзы и переходными к бегазы-дандыбаевской культуре по сути своей не являются. Обратимся к материалам некоторых могильников. Айшрак Б, курган-ограда б: здесь встречено захоронение женщины, в вытянутом положении на спине, головой на восток с подогнутыми в коленях ногами (Маргулан, 1979, с. 26). Из инвентаря в могиле найдены бусы, два пряслица, терка (?), и три сосуда, судя по описаниям которых и приведенного рисунка одного из них, относящихся к позднефедоровскому типу (Маргулан, 1979, с. 26–27, рис. 7–3). Курган-ограда 7 этого же могильника, судя по описанию (встречен сосуд с воротничком) (Маргулан, 1979, с. 28) относится к эпохе поздней бронзы. Курган-ограда 11, судя по керамике, также относится к позднефедоровской группе (Маргулан, 1979, с. 27, рис. 7–1,2, с. 28). К позднефедоровским относятся так же материалы могильника Егизек (Маргулан, 1979, с. 29–33). Таким образом, материалы переходных по А.Х. Маргулану памятников (см. Маргулан, 1979, с. 33–58) ничего общего с переходом от андроновской к бегазы-дандыбаевской культуре не имеют и относятся либо к собственно андроновской культуре, либо к эпохе поздней бронзы. Мы можем констатировать, что А.Х. Маргулану выявить памятники переходного времени не удалось. Не фиксируются переходные материалы и среди других опубликованных казахстанских памятников. Т.М. Потемкина предполагает участие федоровских и черкаскульских племен в качестве одних из слагающих компонентов в формировании бегазы-дандыбаевской культуры (Потемкина, 1985, с. 273). Бегазы-дандыбаевская керамика по форме, технологии изготовления и элементам орнамента существенно отличается от материалов пред-

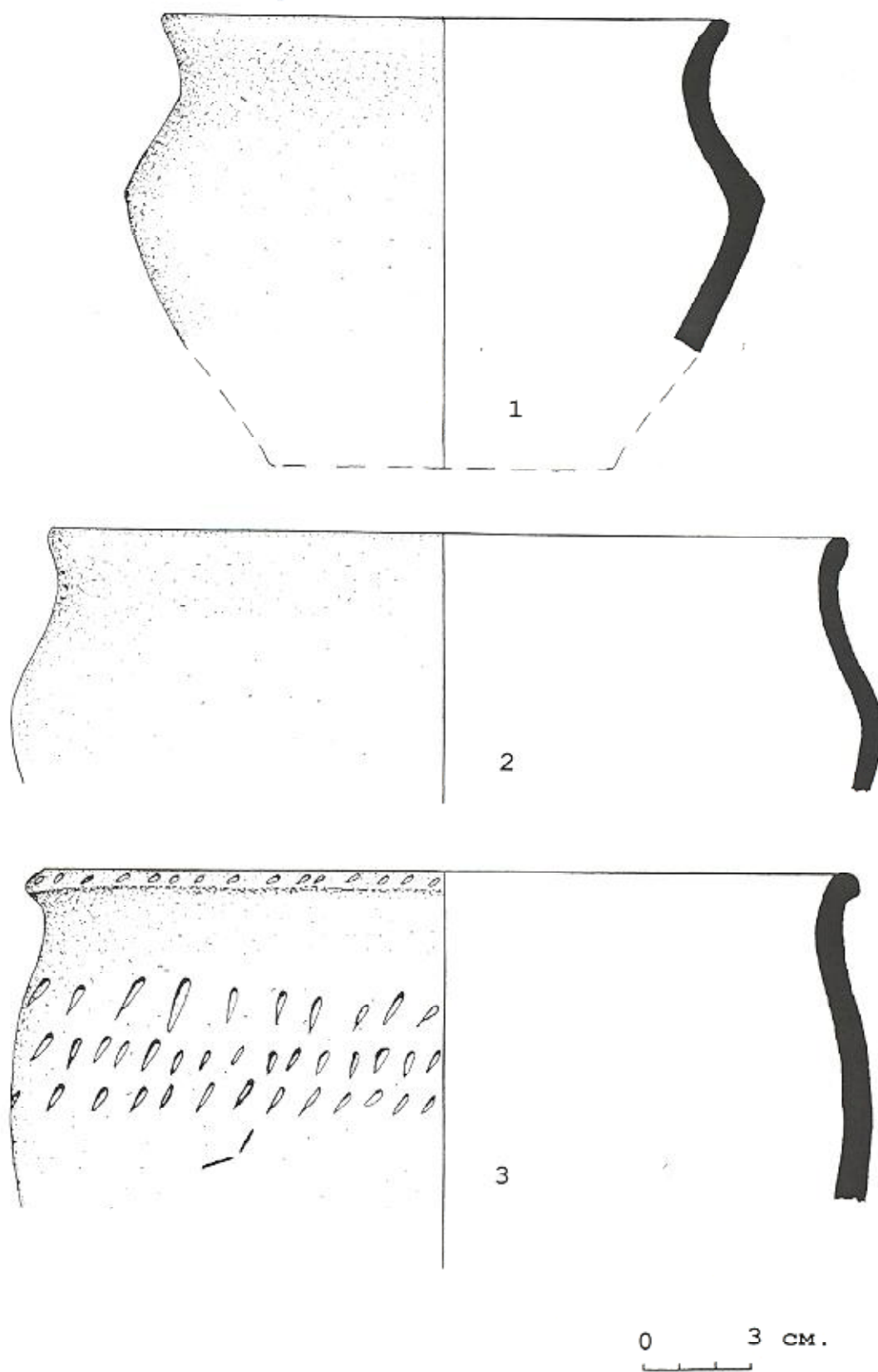

Рис. 7. Керамика

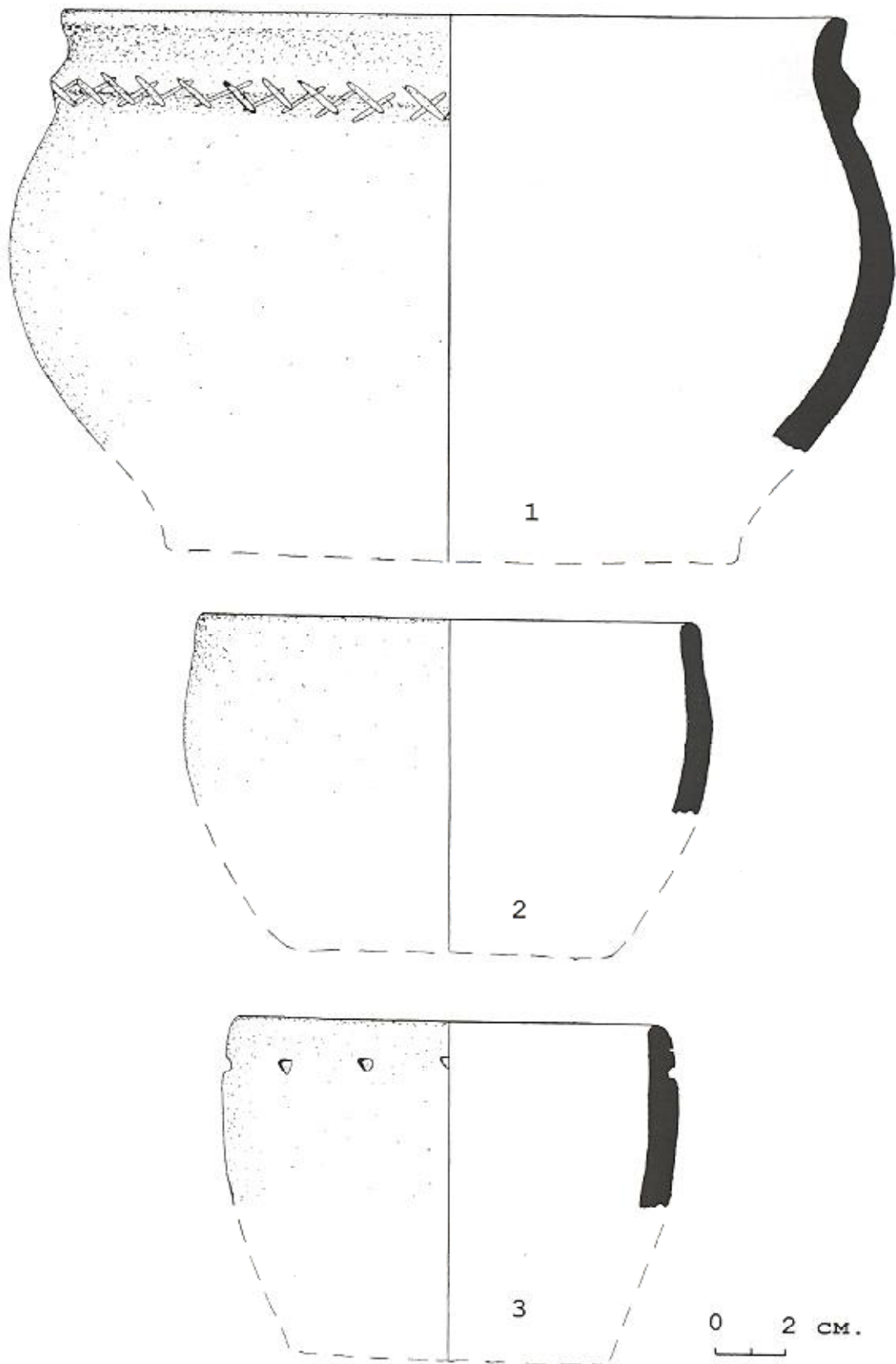

Рис. 8. Керамика

шествующего времени и с андроновской культурой генетически не связана (Кузьмина, 1994, с. 130). Можно предполагать восточное происхождение данной культуры (Кузьмина, 1994, с. 131). Что же касается саргаринско-алексеевской культуры, то так же нет единого мнения о происхождении данных памятников. Некоторые исследователи связывают происхождение саргаринско-алексеевской культуры с федоровскими древностями (Зданович, 1979, с. 15; Зданович, 1983, с. 78; Ткачева, 1997, с. 18; Григорьев, 1999, с. 275). Однако, по мнению ряда исследователей, в керамике саргаринско-алексеевской культуры следов федоровской гончарной традиции не фиксируется (Потемкина, 1995, с. 14; Ломан, 1993, с. 30). По мнению Е.Е. Кузьминой, происхождение саргаринско-алексеевской культуры следует связывать с алакульским населением (Кузьмина, 1994, с. 124).

Существование двух самостоятельных культурных образований на одной территории, возможно, привело к формированию культур раннескифского времени. Косвенно данный вывод подтверждается материалами некоторых кулажургинских могильников Восточного Казахстана. В материалах могильника Курук-1 наряду с кувшинообразными сосудами и сосудами на поддонах (керамика на поддонах встречена в ряде бегазы-дандыбаевских могильников и поселениях (например, Грязнов, 1952, с. 137, рис.5–1,2) обнаружен сосуд, украшенный по шейке несколькими рядами ногтевых вдавлений (Васютин, Ложкин, Петенова, Самашев, 1989, с. 125). Применение ногтевых узоров в орнаментации — весьма характерная черта саргаринско-алексеевской культуры. В ареале расселения племен саргаринско-алексеевской культуры, занимающей территорию Центрального, Северного, Восточного Казахстана и лесостепного и степного Алтая, зафиксированы отдельные ирменские находки. Прежде всего, к таким находкам следует отнести керамику, являющуюся важным культурным индикатором для памятников эпохи бронзы.

На территории лесостепного и степного Алтая ирменская керамика обнаружена на саргаринско-алексеевских поселениях Рублево VI (Шамшин, 1999, с. 46, рис. 1–1), Чекановский Лог-1, Новоильинка, Жарково-1. С верховьев р. Алей происходит также верхняя часть ирменского сосуда, найденная у с. Советский Путь. В ходе раскопок в Центральной Кулунде двух курганов неподалеку от с. Баяево в кургане № 2 были обнаружены остатки гвоздевидной серьги ирменского типа (Могильников, Уманский, Шемякина, 1995, с. 67, рис. 1–1). Авторы раскопок данный комплекс датировали рубежом II — началом I тыс. до н.э. (Могильников, Уманский, Шемякина, 1995, с. 74). В Восточном Казахстане на поселении Мало-Красноярка встречены фрагменты керамики имеющие явное восточное, ирменское происхождение (Черников, 1960, табл. XLI–17, 22, 23). В окрестностях г. Павлодар исследовано погребение содержащее захоронение человека, в скорченном положении на правом боку, головой на юг, с небольшим отклонением к западу. Перед лицом погребенного стоял сосуд (Пересветов, 2000, с. 79). По мнению Г.Ю. Пересветова, данное погребение относится к ирменской культуре и датируется началом I тысячелетия до н.э. (Пересветов, 2000, с. 79).

В свою очередь, отдельные саргаринско-алексеевские находки зафиксированы в материалах ирменской культуры. В лесостепном Приобье на поселении Чингиз 1 встречено несколько сосудов, профилировка и орнаментация которых находят аналогии в материалах саргаринско-алексеевской культуры (Матвеев, 1993, с. 155, рис. 1–2, 4). Особенно хотелось бы остановиться на одном из слабопрофилированных горшков, орнаментированном при переходе от шейки к плечикам рядом жемчужин, а по тулову наклонноидущими оттисками ногтя (Матвеев, 1993, с.155, рис. 1–2) — элементе орнамента довольно характерного для саргаринско-алексеевской керамики. Саргаринско-алексеевская керамика встречена на поселениях Быстровка-4 (Матвеев, 1993, с. 169, рис. 15–12, с. 170, рис. 16–4, 7–10, 12), Заковряшино-1 (Шамшин, Цивцина, 1999, с. 51, рис. 1–1, 11), Милованово-3 (Сидоров, 1985, с. 66, рис. 2–8, 10, 11, 14), Мереть (Членова, 1994, с. 149, рис. 43–4). Помимо этого, обнаруже-

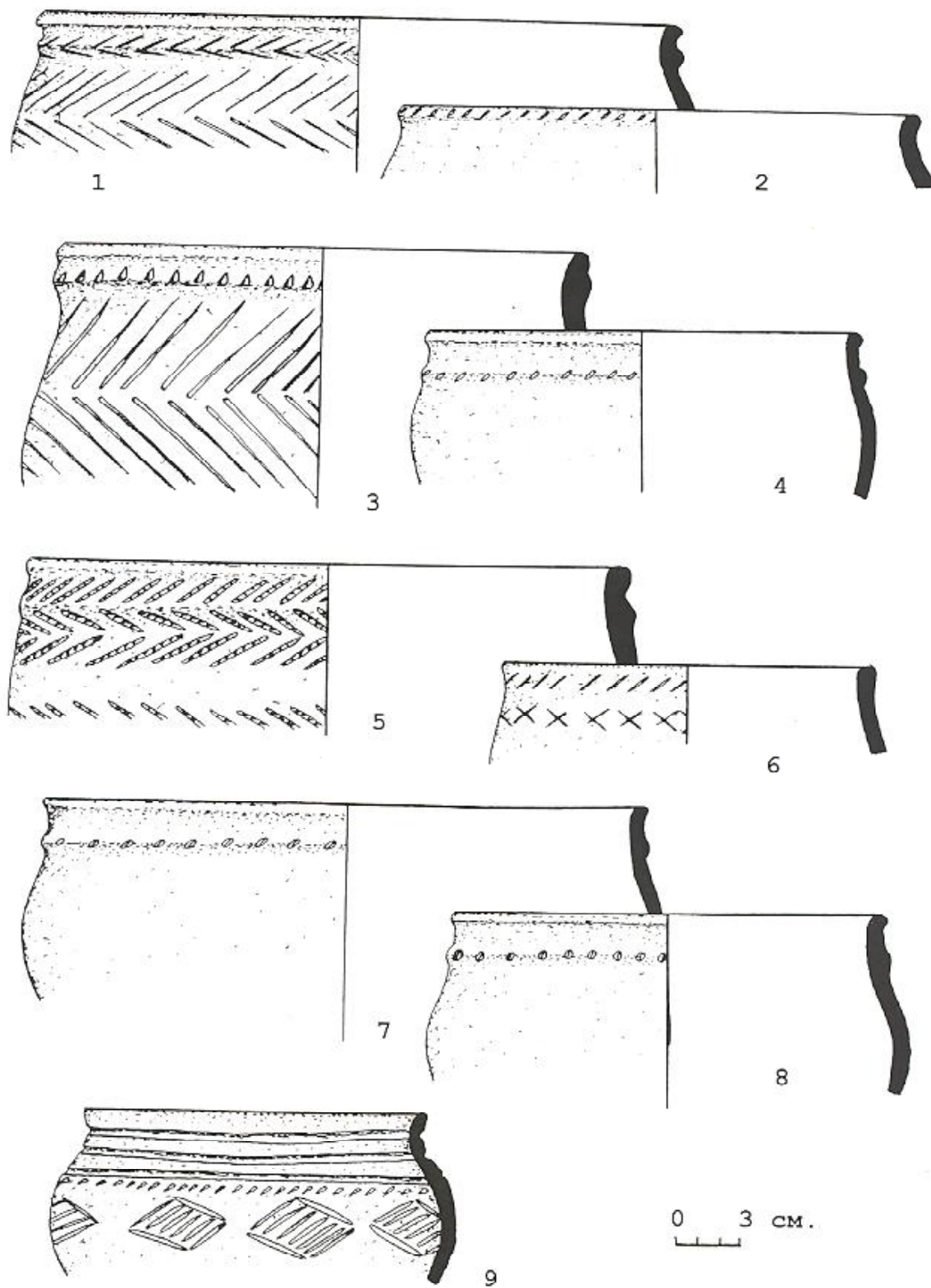

Рис. 9. Керамика

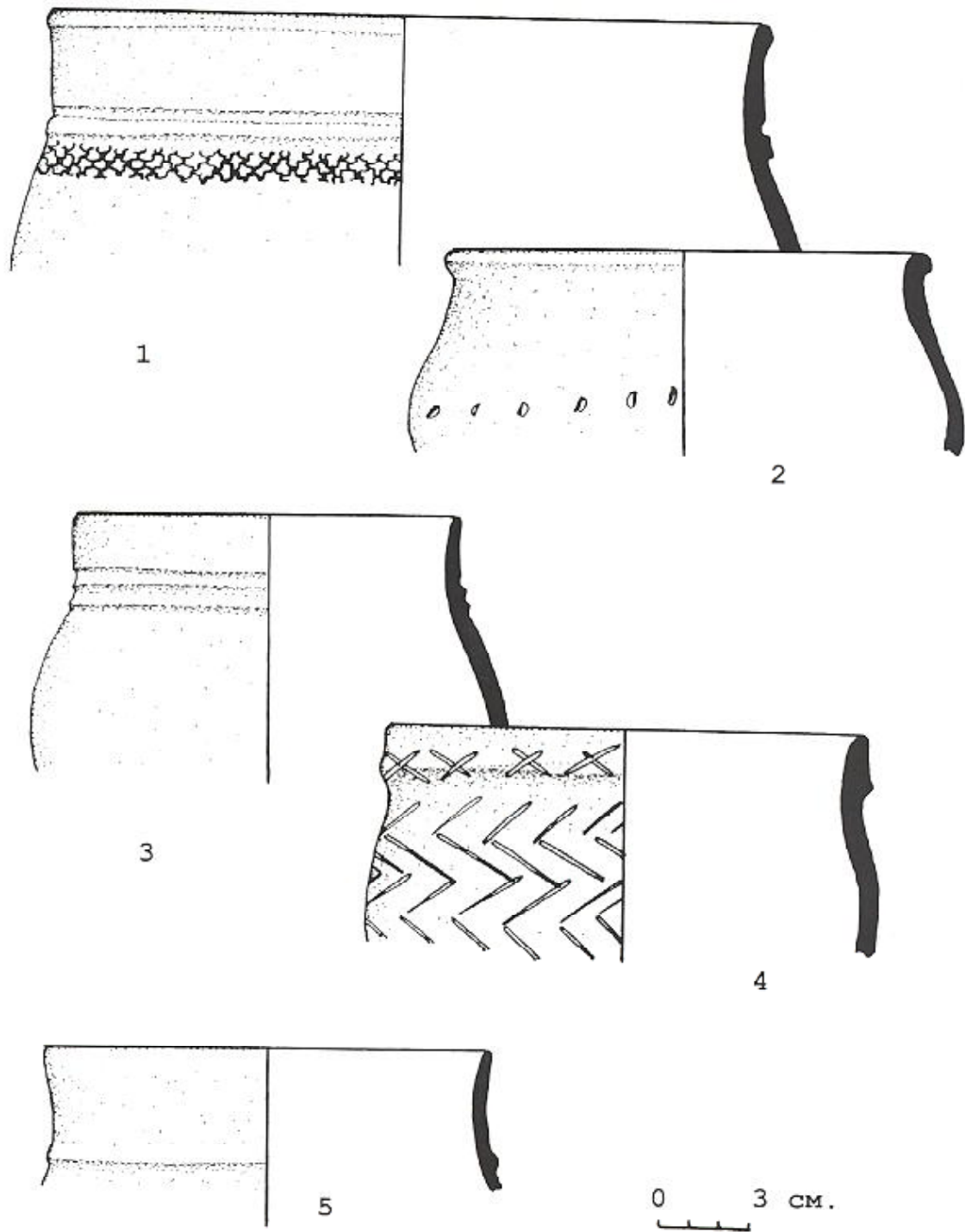

Рис. 10. Керамика

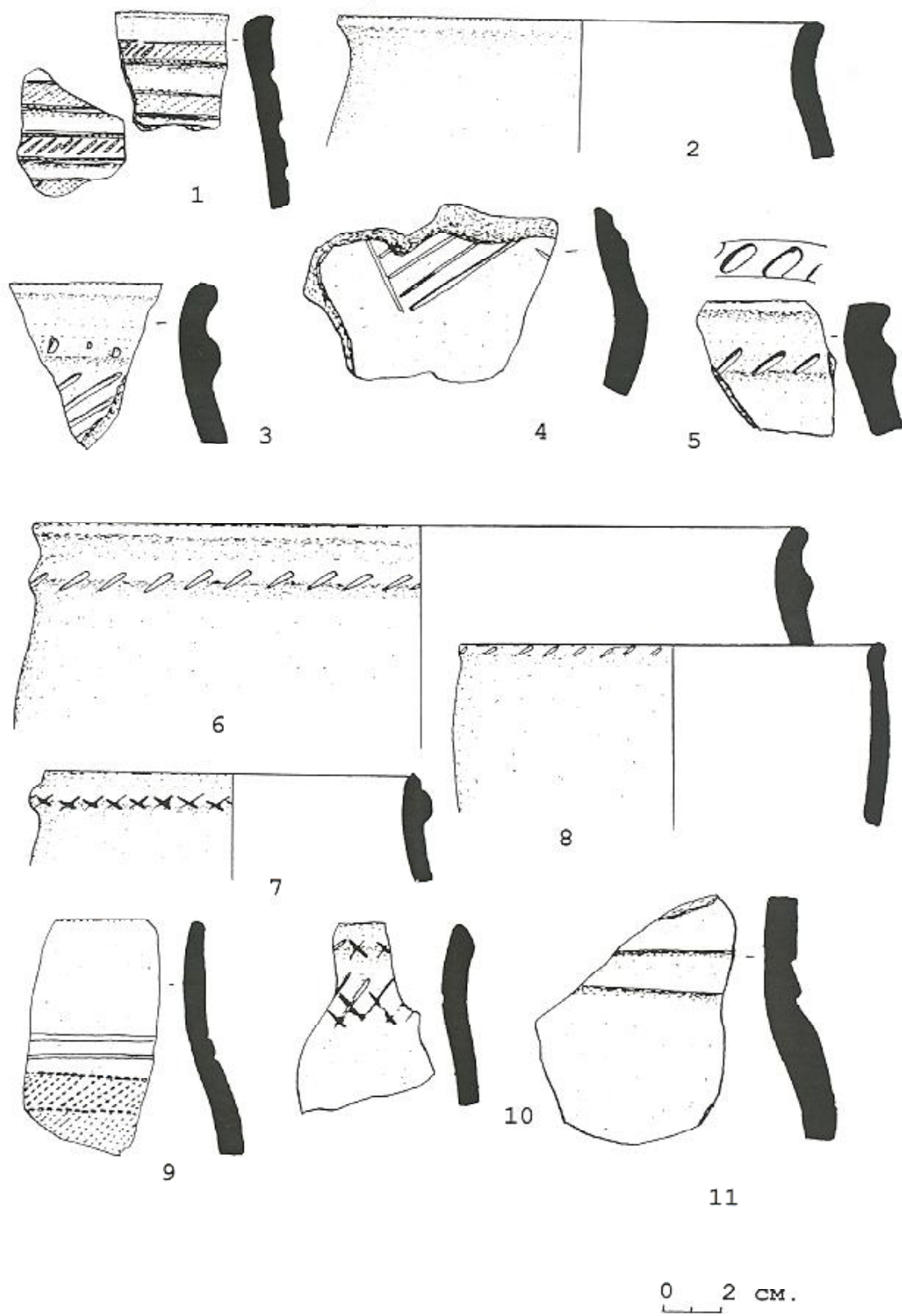

Рис. 11. Керамика

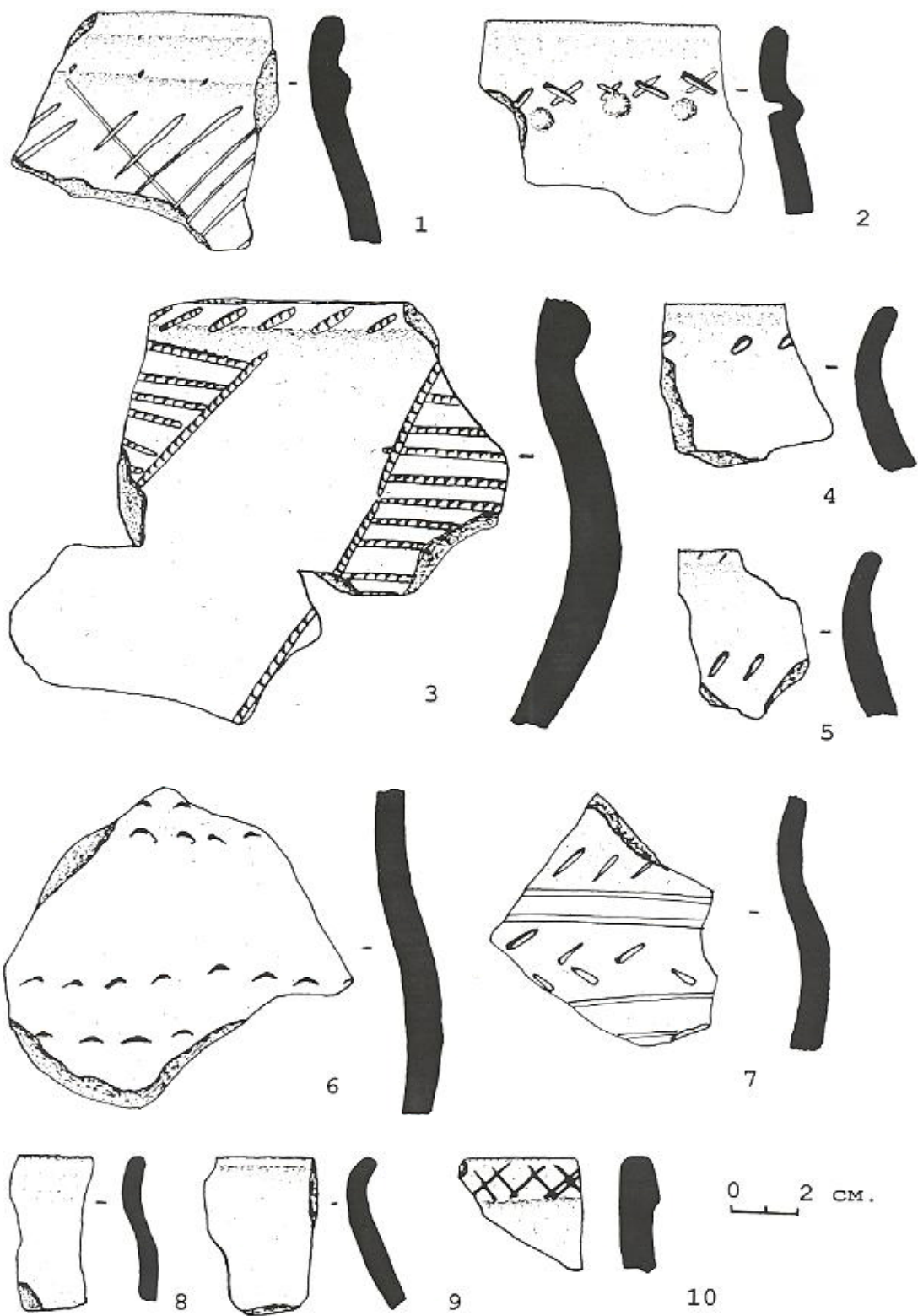

Рис. 12. Керамика

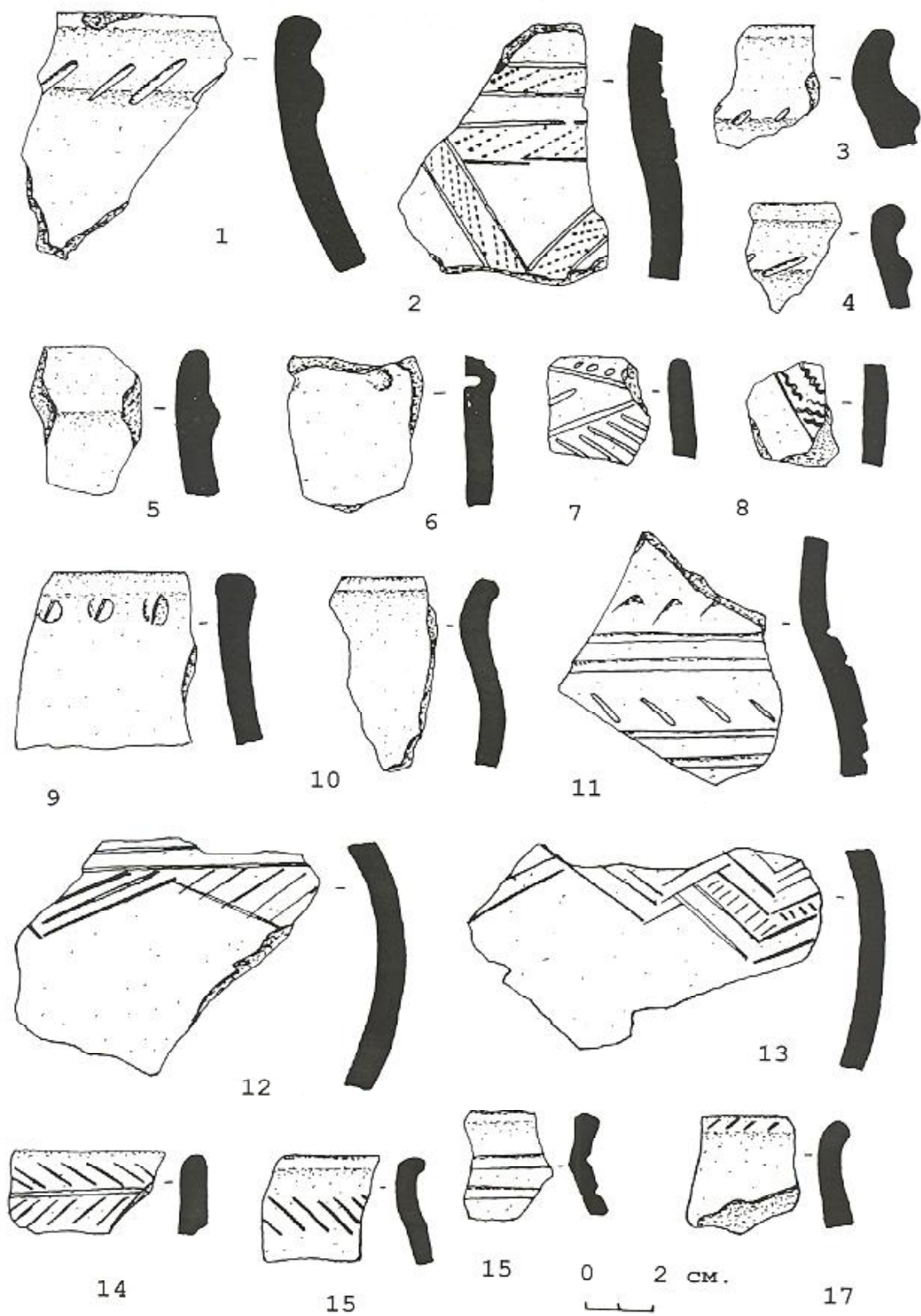

Рис. 13. Керамика

ны отдельные металлические саргаринско-алексеевские предметы на территории расселения племен ирменской культуры (Членова, 1994, с. 17; Фролов, Ситников, 1995).

Таким образом, зафиксированы как находки ирменской керамики на памятниках саргаринско-алексеевской культуры, так и саргаринско-алексеевская на поселениях ирменской культуры. Перечисленные выше примеры далеко не полные, однако они позволяют сделать ряд выводов:

Во-первых, между племенами саргаринско-алексеевской и ирменской культур на протяжении эпохи поздней бронзы существовали постоянные контакты (Могильников, 1989, с. 65). Эти контакты были обусловлены рядом факторов: родственной подосновой двух культур, сосуществующих в один хронологический промежуток на довольно близких территориях.

Во-вторых, данные контакты нашли свое отражение и в одном из наиболее чувствительных культурных индикаторов — керамике. На саргаринско-алексеевской орнаментационной схеме это проявилось в виде появления специфических ирменских элементов — косой сетки, треугольников по плечу и тулову сосудов, обращенных вершинами вниз, и, возможно, появлением жемчужника и воротничков (хотя до конца нельзя исключать и тот факт, что, возможно, воротнички появляются на ирменской керамике в результате влияния западных соседей). В свою очередь, на ирменской керамике появляются элементы орнамента, в большей степени характерные для племен саргаринско-алексеевской культуры — пояски из косых крестиков, наклепные валики, наклонносвисающие оттиски гладкого штампа или наколов.

В-третьих — постоянные контакты привели к сложению памятников смешанного типа, сочетающих в своих материалах саргаринско-алексеевские и ирменские черты. В первую очередь данное смешение нашло свое отражение в керамическом материале.

На территории контактной зоны появляются памятники, в орнаментации керамики которых имеются смешанные ирменско-саргаринские черты. К таким памятникам можно отнести поселения Черноозерье-VIII (Членова, 1994, с. 118, рис. 12–13, с. 119, рис. 13–2, 3), Большой Лог (Членова, 1994, с. 125, рис. 19–4, 5, 8, 9, с. 123, рис. 23) и, возможно, Туруновка-4 (Членова, 1994, с. 138, рис. 32–7, 8). На исследуемой территории к данным комплексам относится поселение Гусиная Ляга-1, расположенное на территории Северной Кулунды (Ситников, Гельмель, 2000).

Таким образом, в результате постоянных контактов на территории Обь-Иртышского междуречья формируются комплексы типа Гусиной Ляги-1, Большого Лога и ряда других памятников. Вряд ли они сложились ранее IX в. до н.э. Позднюю дату формирования данных комплексов подтверждает и керамический материал. Обнаруженная здесь керамика имеет позднеирменский облик. В настоящее время позднеирменские памятники датируются VIII–VI вв. до н.э. (Молодин, 1985, с. 174), саргаринско-алексеевская посуда также характерна для позднего этапа (донгальского) данной культуры, датируемого VIII — началом VII вв. до н.э. (Варфоломеев, 1987, с. 66; Ломан, 1987, с. 128). По мнению В.А. Могильникова, в VIII в. до н.э. происходит отток ирменского населения с Верхнего Приобья в Барабинскую и Кулундинскую степи, обусловленный складывающимися неблагоприятными экологическими условиями (увлажнение климата, заболачивание почвы (Могильников, 1989, с. 65). Возможно, импульс в западном направлении ирменского населения начался несколько раньше. Этот импульс достигает территории Среднего Прииртышья, где насчитывается ряд памятников ирменской культуры (Стефанов, Труфанов, 1988, с. 75). Может быть, в формировании большереченской культуры переходного времени от бронзы к железу приняло участие население финальной бронзы с валиковой керамикой, о чем свидетельствует орнаментация некоторых глиняных сосудов большереченской культуры (Могильников, 1989, с. 66; Могильников, 1995, с. 84).

Т.Н. Троицкая, Т.В. Мжельская
(Новосибирский государственный
педагогический университет)

Керамический комплекс городища Завьялово-5

Городище Завьялово-5 расположено в Искитимском районе Новосибирской области на реке Каракан правобережья Оби. Материалы частично опубликованы. Памятник был определен Т.Н. Троицкой как городище завьяловской культуры переходного времени от бронзового века к железному VII–VI вв. до н. э. или VIII–VII вв. до н. э. (Троицкая, Молодин, Соболев, 1980, С. 40, 146, 147; Троицкая, 1985; Троицкая, Зах, Сидоров, 1989; Сидоров, 1987; Матвеев, 1993, С. 132; Мжельская, Матвеева, 1992; Зах, Елагин и др., 1975). Однако, полученные данные не получили однозначной оценки у исследователей (Бобров, 1995; 1999, С. 42; Шамшин, 1989, С. 116; 1994, С. 87; Матвеев, 1993, С. 130; Труфанов, 1994, С. 85; Косарев, 1981, С. 202; Членова, 1994, С. 84; Могильников, 1989, С. 126). В связи с этим встала необходимость более полной публикации керамического комплекса.

В данной статье использованы коллекции, полученные в результате работ Т.Н. Троицкой, В.С. Елагина, Е.А. Сидорова. Они хранятся в Новосибирском областном краеведческом музее и музее Новосибирского государственного педагогического университета. Статистическая обработка керамики была сделана Т.В. Мжельской (2002). В статье использованы частично доработанные данные. Всего было обработано 1219 экземпляров, либо археологически целых сосудов, либо фрагментов, у которых сохранились как минимум две зоны — венчик и шейка.

К первому типу относятся корчаги (Рис. 1; 2; 3, 1–14, 21; 4, 1–7) — большие горшки с очень широким устьем от 20 до 35 см (более 72%, 883 экз.). Из них примерно четверть имеют выпуклую или слабопрофилированную выпуклую шейку (23%, 204 экз. — Рис. 2), а большинство продолжают генетическую линию подобной посуды ирменского времени. Большинство венчиков украшено косыми линиями (Рис. 1, 2, 4, 6, 7, 11, 12; 3, 1, 2, 4, 10, 13, 14; 4, 1, 4, 7), однако, у сосудов с выпуклой шейкой, эта зона, чаще всего, орнаментировалась зигзагом (42%, 46 экз.), горизонтальными (34%, 37 экз.) или косыми линиями (28%, 31 экз.), нанесенными, в основном, гребенчатым штампом (Рис. 2, 1, 2, 4, 5, 7, 8, 10–13).

Часто встречающимся мотивом на шейке являются жемчужины (Рис. 1, 1–12, 2, 4, 6, 9, 15; 3, 1, 2, 4, 5, 8–11, 13, 14; 4, 1–4, 6, 7). На сосудах с выпуклой и слабопрофилированной шейкой они встречаются много реже (32% и 38%), чем у остальных сосудов (до 80%). То же соотношение наблюдается и по такому признаку как наличие двойного ряда жемчужин. Они могут не иметь разделителя или чередоваться с резными линиями, оттисками угла лопаточки, гребенчатого, крестового штампа и другим орнаментом. На сосудах с прямой шейкой часто встречается елочка — 31%, 127 экз., нанесенная гребенчатым штампом 80%, 102 экз. (Рис. 1, 2, 3, 7, 8, 10; 3, 14; 4, 1, 6) или резным способом — 20%, 25 экз. (Рис. 1, 4; 3, 10; 4, 3, 7). Реже наблюдаются ямки, горизонтальные и косые линии, выполненные, в основном, гребенкой. У сосудов с выпуклой шейкой, эта зона заполнялась крестовым штампом — 50%, 55 экз. (Рис. 2, 1, 2, 7, 10–14), орнаментировалась ямками - 50%, 55 экз., которые часто имеют двойной ряд (Рис. 2, 1, 5, 8, 14).

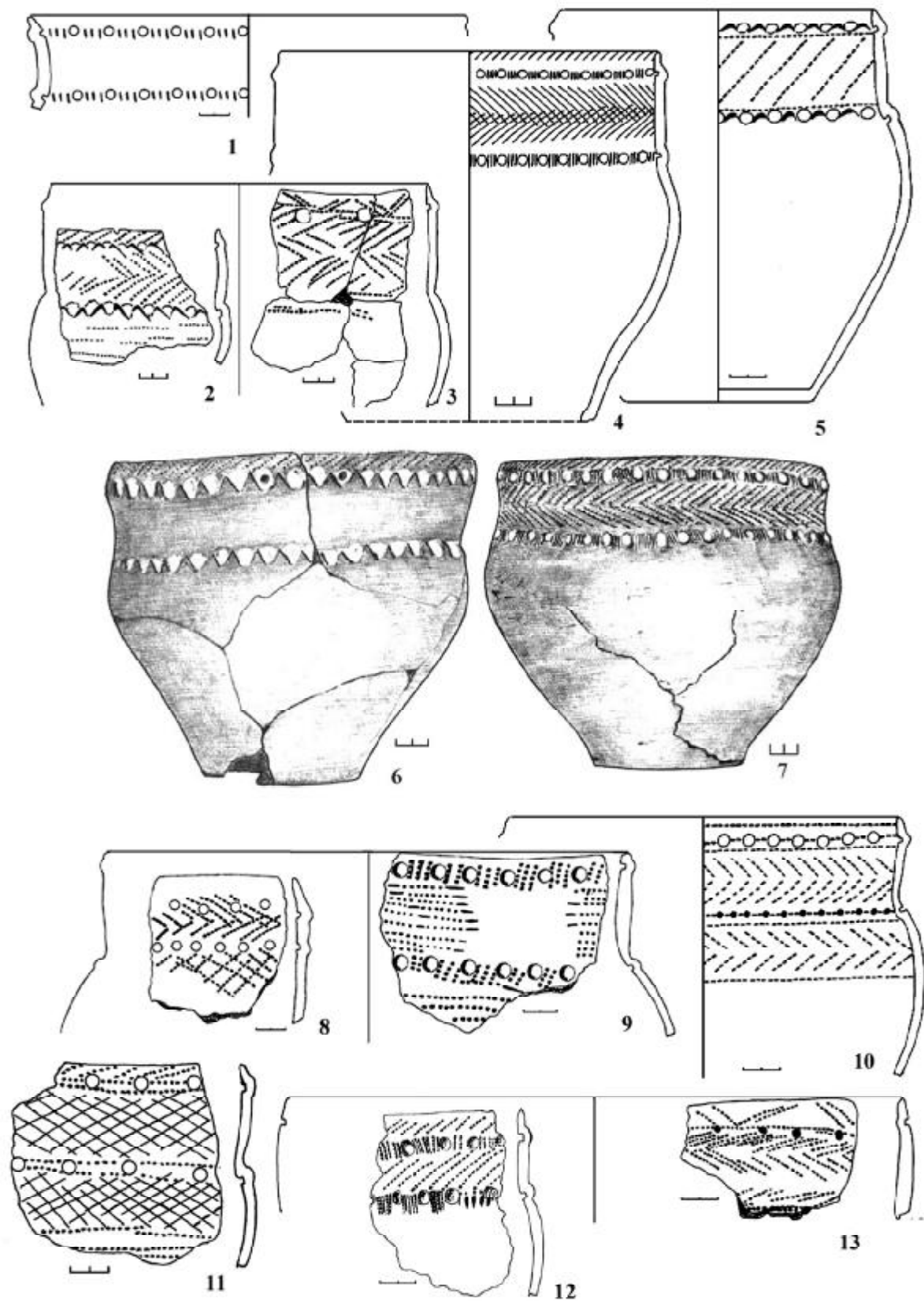

Рис. 1. Городище Завьялово-5. Керамика первого типа

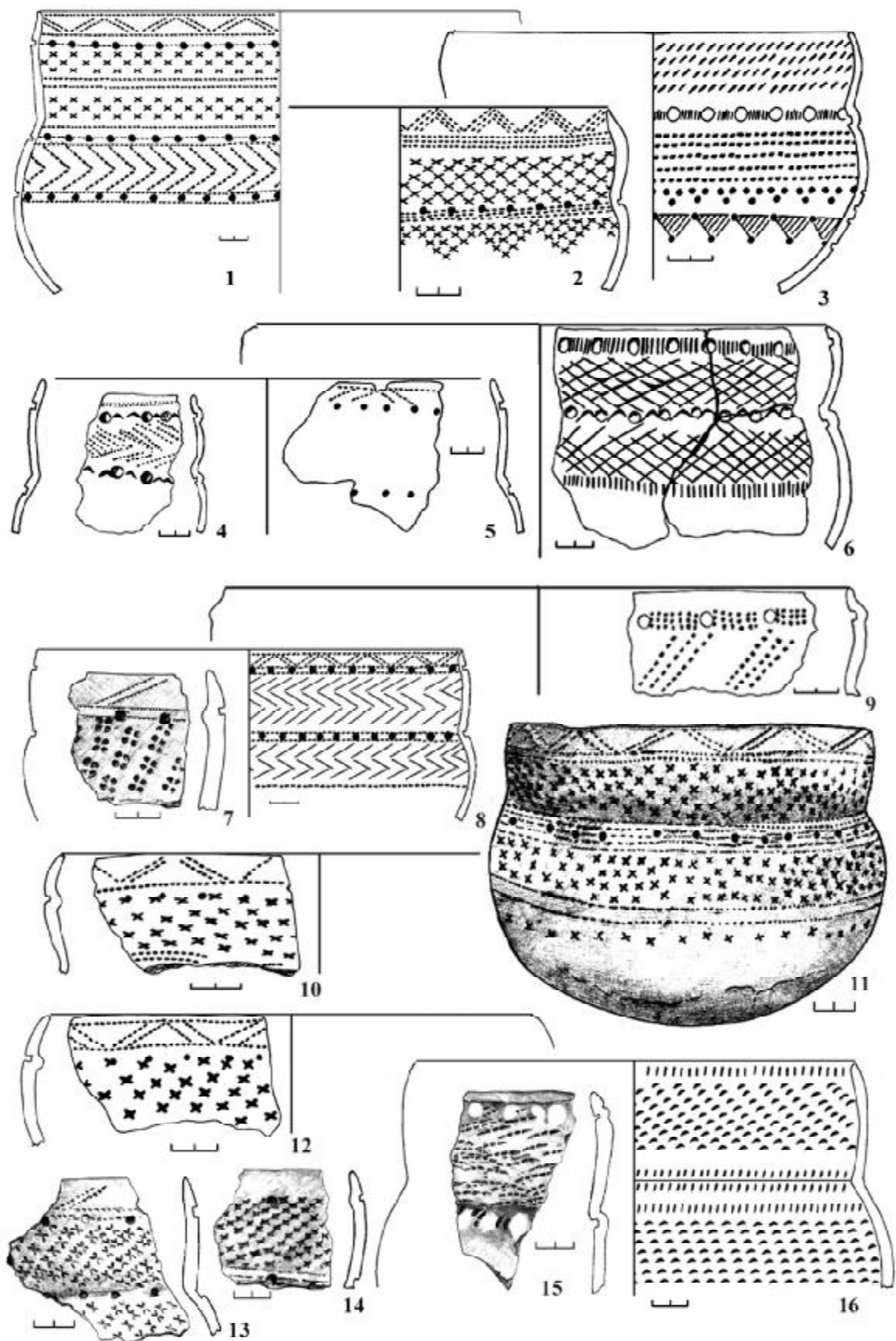

Рис. 2. Городище Завьялово-5. Керамика первого типа

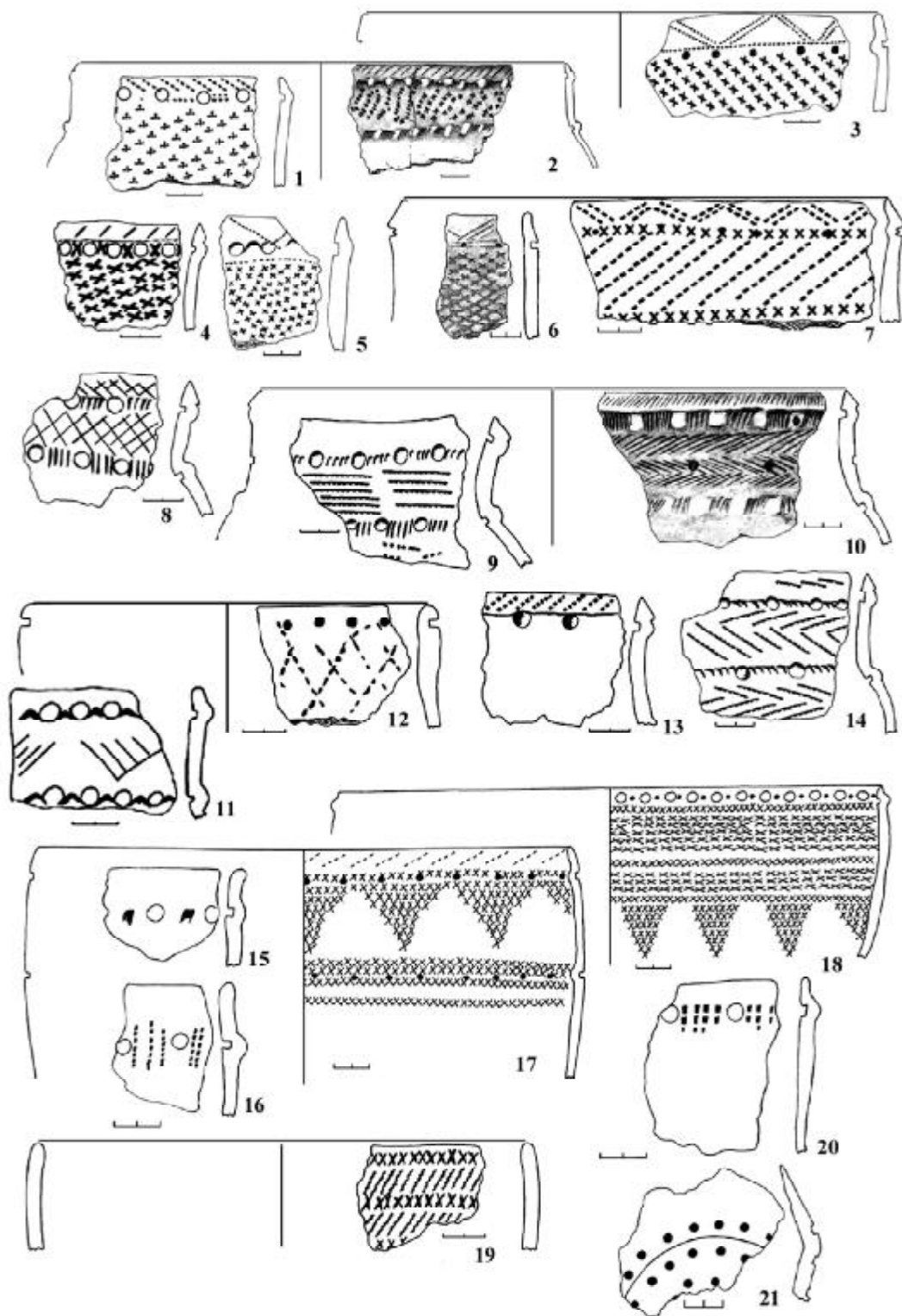

Рис. 3. Городище Завьялово-5. Керамика первого (1–14, 21) и второго (15–20) типов

Тулово на сохранившихся фрагментах украшено чаще всего до половины, но имеются фрагменты с редко проставленными жемчужинами по всей зоне. Среди реконструированных, выделяются два круглодонных сосуда (Рис. 2, 3,11), плоское дно иногда украшалось ямками (Рис. 3,21). Среди способов нанесения орнамента наблюдается преобладание гребенчатого штампа и довольно большой процент крестового штампа.

Второй тип — мисковидные (Рис. 5,1–10) — это круглодонные приземистые сосуды с широким горлом, у которых шейка практически не выделяется (7%, 90 экз.). В основном, диаметр венчика колеблется от 10 до 24 см, но есть миски с диаметром 6–8 см. Не всегда такие сосуды изготавливались из одного комка глины. В посуде, имеющей большие размеры, есть признаки ленточного способа изготовления. Орнаментировалась гребенчатыми горизонтальными линиями (36%, 30 экз.); вертикальными и косыми насечками (30%, 25 экз.), зигзагом (64%, 53 экз.), много реже встречаются заштрихованные треугольники и ямки. Хотя процент гребенчатого штампа также велик, наблюдается значительное количество насечек. Иногда они имеют двойной ряд (34%, 28 экз.). Тулово не украшалось. Небольшое количество мисок было не орнаментировано.

Третий тип — баночные (Рис. 3, 15–20) — высокие, либо средней высоты сосуды, у которых не выделяется шейка (2%, 25 экз.). Диаметр венчика 20–32 см. Орнаментация отличается меньшим разнообразием мотивов и частотой встречаемости по сравнению с корчагами. Лишь незначительное количество богато орнаментировано (Рис. 3, 17–19).

Четвертый тип — кувшинообразные сосуды (Рис. 4,8–16). Для них характерны венчик диаметром 12–26 см, невысокая шейка (1–2 см), крутые плечики, сферическая форма тулова (4%, 48 экз.). Венчик орнаментировался, в основном, косыми и горизонтальными линиями. Шейка украшалась редко, что, видимо, связано с ее небольшими размерами. Орнаментация плечика довольно разнообразна, но чаще всего отмечаются горизонтальные и вертикальные линии, зигзаг, жемчужины.

Пятый тип — небольшие горшочки с выпуклой шейкой (10%, 126 экз., Рис. 5, 11–19). К сосудам с четко оформленной шейкой относится 79%, (100 экз.), у других она слабо профилирована. Плохо выделанная выпуклая шейка свидетельствует, вероятно, о постепенном отказе от производства такой формы. Венчик украшен зигзагом (60%), косыми или горизонтальными линиями, выполненными гребёнкой или, реже, резным способом. Шейка заполнялась либо фигурным штампом (50%), чаще всего крестовым, либо горизонтальными линиями. Довольно часто декор дополнялся ямками, остальные мотивы единичны. Плечики, чаще всего, орнаментировались ямками (около 50%). Следует обратить внимание на такой мотив на плечиках как жемчужины (12%). На шейке их гораздо меньше (3%), двойной ряд очень редок (1%), но отмечается ряд ямок по шейке и ряд жемчужин по плечу (4%) и двойной ряд ямок (13%). Тулово покрывалось фигурным (15%), чаще крестовым (81%) штампом, или множественными гребенчатыми горизонтальными линиями (15%). Реже встречаются заштрихованные треугольники (11%), выполненные гребенчатым или крестовым штампом. Один сосуд не орнаментирован. Горшочки, которые сохранились почти полностью, имеют круглое дно.

Форма остальных сосудов трудноопределима по сохранившимся фрагментам и может быть отнесена либо к корчагам, либо к банкам.

Основой для формирования керамического комплекса городища Завьялово-5 стали ирменские или позднеирменские традиции (Молодин, 1979; 1985, С. 174; Матвеев, 1993, С. 130; Троицкая, 1983; 1985). По форме сосудов генетические связи с ирменской культурой прослеживаются в основном среди корчаг (Троицкая, 1985, рис. 3; Косарев, 1981, Рис. 68, 7,9,10,14;

Матвеев, 1993, Табл. 1, 5–7; 7, 6–8, 10, 11, 15; 11 2, 4, 6, 7, 15, 16; 12, 12–16; Молодин, 1985, С. 119, Рис. 59). Аналогии имеют все сосуды, кроме тех, которые характеризует выпуклая шейка. Такая посуда встречается лишь на северных памятниках ирменской культуры и связана с молчановскими традициями (Матвеев, 1993, С. 120; Бобров, Труфанов, 2000, С. 23–24). Генетическую связь с ирменью имеют также кувшины, занимающие в Завьялово-5 небольшое место. Кувшины, и хорошо, и слабо профилированные, в ирменских комплексах также крайне малочисленны (Матвеев, 1993, С. 114).

Традиции изготовления мисковидных сосудов также имеют корни в ирменской культуре (Троицкая, 1985, Рис. 3; Троицкая, Молодин, Соболев, 1980, табл. IX, 1, 2). В керамическом комплексе поселения Инберень-V около 3% принадлежит к круглодонным чашам (Абрамова, Стефанов, 1985, С. 107, 112, 115). Н.Л. Членова считает наличие полусферических чаш характерной чертой «переходных» ирменско-большереченских памятников, а затем и большереченских (Членова Н.Л., 1994, С. 73).

В.А. Могильников отмечает, что в Верхнем Приобье «узор в виде жемчужин вдоль венчика, представленный на банках и мисках VIII–VI вв. до н.э., в V–III вв. до н.э. сохраняется на баночных сосудах, но отсутствует на мисках». По его мнению, это отражает отличия в их происхождении (Могильников В.А., 1997, С. 34).

Однако на мисковидных сосудах переходного времени Завьялово-5, Мыльниково, Ближние Елбаны I, VII жемчужины нам не известны (Грязнов, 1956, Табл. XIV, 1, 2, 5; XIX, 20, 21, 23, 24, 28–30). Кроме того, близкая по форме посуда известна в памятниках раннего железного века в Барнаульском Приобье. Причем довольно часто она орнаментирована именно жемчужинами (Грязнов, 1956, XXV, 1; Абдулганеев, Владимиров, 1997, Рис. 48, 8; 49, 10; 51, 14; 52, 4; 53, 2, 8 и др.).

Таким образом, мисковидная форма сосудов имеет автохтонную линию развития. Ведет свое начало от круглодонных горшковидных сосудов ирменской культуры (для которых также не характерна орнаментация жемчужинами), становится одним из основных типов в переходное время (хотя и имеет небольшой процент) и сохраняется в раннем железном веке.

Говоря о позднебронзовых традициях, нельзя не остановиться на вопросе генетических линий многих признаков, появившихся в более раннее время. На территории Зауралья и Западной Сибири еще с эпохи неолита, а, возможно, и раньше, существовало несколько культурных традиций: гребенчатая, позднее разделившаяся на собственно гребенчатую и андронидную, гребенчато-ямочная и отступающе-накольчатая или отступающе-прочерченная. Начиная с поздних этапов бронзового века, взаимопроникновения и частичные перераспределения ареалов приводили к возникновению «гибридных» культур, таких как сузгунская, еловская, молчановская и другие (Косарев, 1984, С. 11). Такая историческая обстановка способствовала тому, что в керамических комплексах разных культур присутствуют элементы, объединяющие их, поэтому проследить появление того или иного признака на посуде переходного времени сложно. Это такие мотивы как наклонные (косые) и горизонтальные линии, сетка, зигзаг, ямки.

Ямки, характерные для многих культур, скорее всего, связаны с влиянием гребенчато-ямочных традиций. В завьяловском комплексе они иногда составляют два ряда. Такая особенность, а также наличие двух рядов, состоящих один из ямок, другой из жемчужин в разных сочетаниях представляет собой трансформацию традиции двойного ряда жемчужин, и имеют одно декоративное значение.

Меандровые узоры, характерные для андроновской эпохи, к переходному времени полностью деградировали. К этой традиции можно отнести лишь единично встречающиеся в Завьялово-5 ленты и зигзаг в виде лесенки. Для ирменской посуды характерны разнообразные заш-

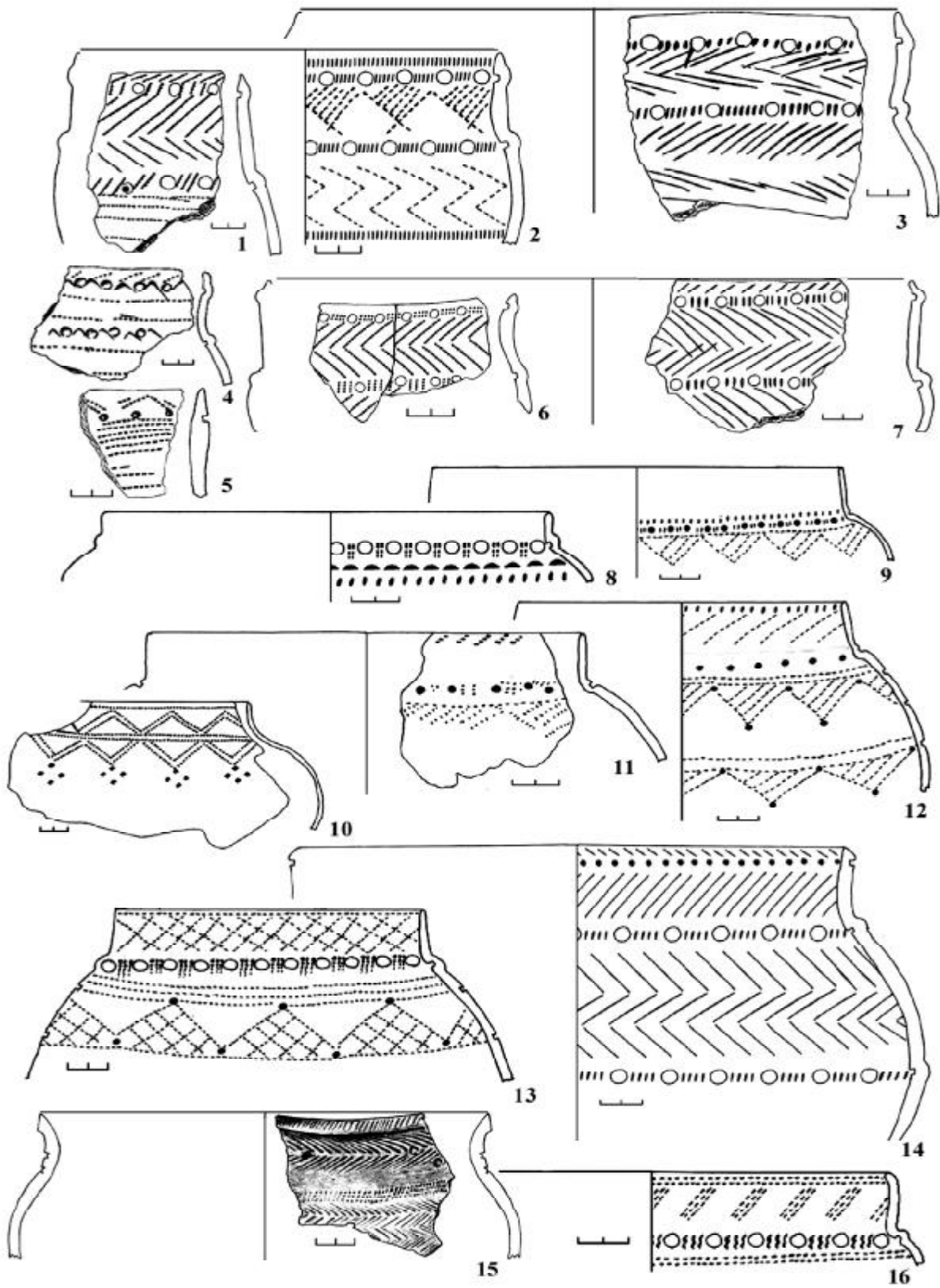

Рис.4. Городище Завьялово-5. Керамика первого (1-7) и четвертого (8-16) типов

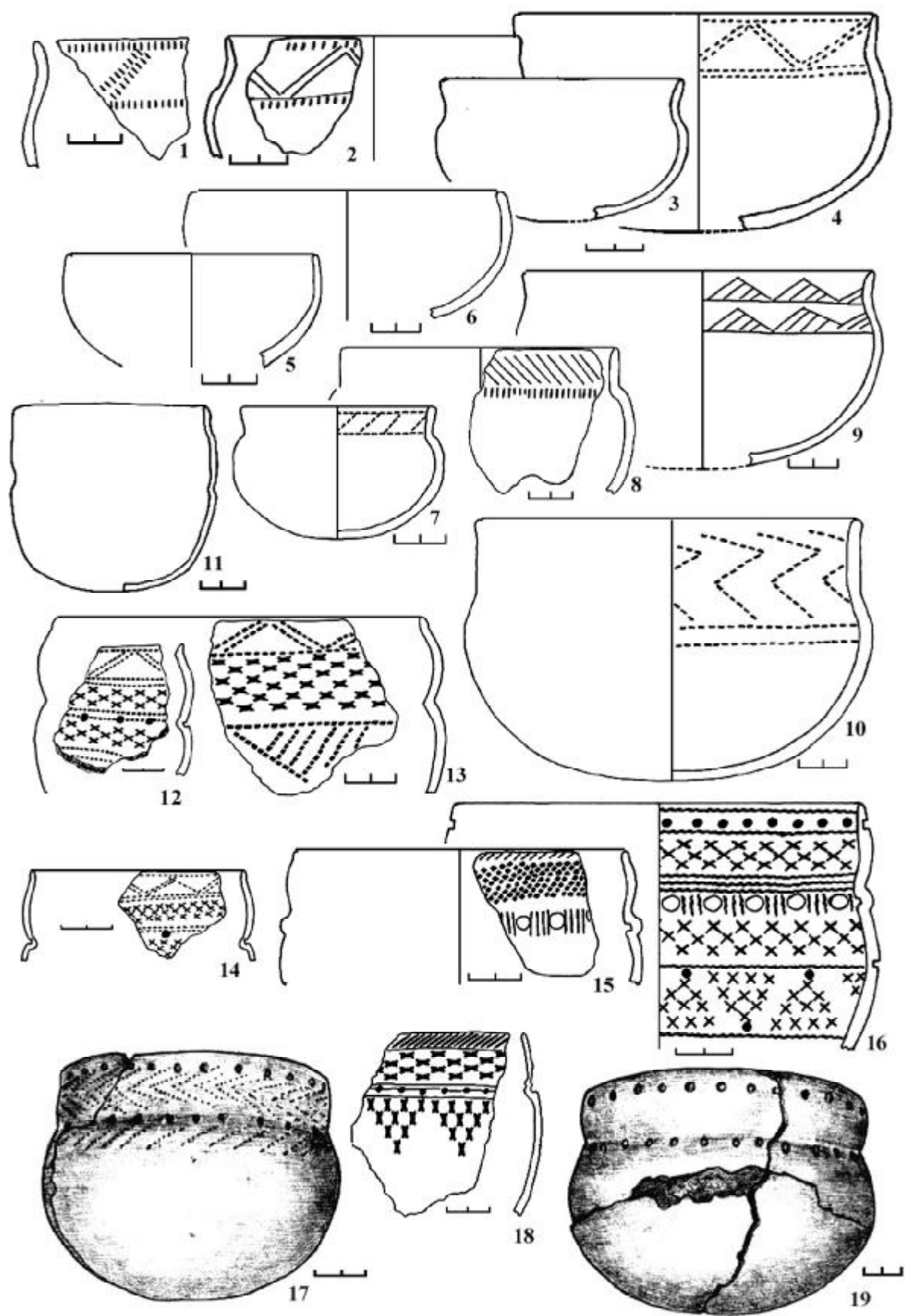

Рис.5. Городище Зав'ялово-5. Керамика второго (1–10) и пятого (11–19) типов

трихованные треугольники (Матвеев, 1993, С. 114), которые в комплексе Завьялово-5 очень незначительны. Таким образом, ирменская традиция орнаментации заштрихованными ромбами и треугольниками практически исчезает, сохранившись лишь как реликт на наиболее традиционных формах сосудов. Интересно наличие заштрихованных треугольников на небольших горшочках с выпуклой шейкой (до 10%), которые часто наносились крестовым штампом. Зигзаг в завьяловском комплексе более характерен для венчиков сосудов с выпуклой шейкой, и, вероятно, имеет северные корни.

Жемчужины, чаще всего чередующиеся с другими видами орнамента, широко распространены на поселенческой керамике ирменской культуры (Косарев, 1981, С. 174; Матвеев, 1993, С. 104, 118). В переходное время два ряда жемчужин становятся отличительной чертой этого периода (Молодин, 1979; 1985, С. 156, 158; Папин, Шамшин, 1997, С. 91; Матвеев, 1993, С. 128).

В Завьялово-5 присутствуют признаки, традиционно определяющие северный тип керамики. Это, прежде всего, выпуклая шейка и крестовый штамп. Выпуклая шейка имеется на сосудах молчановской, красноозерской и атлымской культур. Крестовый орнамент распространен более широко, он встречается на сосудах по всей полосе Зауралья и Западной Сибири в той или иной пропорции и сочетании с другими видами орнамента.

Наличие выпуклой (дугообразной) шейки является характерной чертой керамики первой группы молчановской культуры (Косарев, 1981, Рис. 74). Но ее орнаментация отлична от посуды такого типа в Завьялово-5. В молчановском комплексе сосуды с выпуклой шейкой чаще орнаментированы геометрическим орнаментом с жемчужинами, чем крестовым штампом. Последний более характерен для сосудов баночного типа, культурная принадлежность которых, по мнению В.В. Боброва, иная (Бобров, 1999, С. 40). В орнаментации завьяловскую и молчановскую керамику сближает наличие широких полей, заполненных фигурным штампом или горизонтальными линиями (Рис. 2,3; 4,4,5).

Выпуклую шейку имеют плоскодонные горшки и небольшие горшочки в красноозерской (инбереньской) культуре (Абрамова, Стефанов, 1985, С. 107, 112, 115; Рис. 3, 3; 7, 7; Данченко, 2000, Рис. 6). Общее в орнаментации с завьяловской керамикой наблюдается в заполнении довольно широкого поля крестовым штампом и горизонтальными линиями — короткими, либо опоясывающими сосуд и др. (Абрамова, Стефанов, 1985, Рис. 3;4, 1,2,4;7,1–9, 13).

В атлымской культуре плоскодонные горшковидные сосуды с выпуклой шейкой относятся ко второму типу (по Е.А. Васильеву), который датируется X–VIII вв. до н.э. Кроме формы, с завьяловским комплексом их сближает широкое применение гребенчатого штампа, поле, заполненное фигурным штампом, и треугольники, выполненные косым крестом (Васильев, 1982, С. 8–11, Рис. 2; 3, 3–5).

При наличии аналогий завьяловским признакам в представленных культурах, трудно определить, чьи же конкретно черты участвовали в ее формировании. Пришлые элементы представляются уже интегрированными с местной традицией. Выводы о двухкомпонентности завьяловской культуры, были сделаны также при анализе рецептуры формовочной массы керамики Завьялово-5 (Новиков, 1988).

При миграциях переходного периода от бронзового века к железному двигалось население, у которого в керамических комплексах было много общего еще с более ранних времен — это традиции андроновские и гребенчато-ямочные. Однако, придя в культурно чуждую позднеирменскую среду, мигранты, сохраняя свою самобытность, выделялись наличием на сосудах выпуклой шейки и крестово-штамповой орнаментации. Именно этим объяс-

няется то, что в Новосибирском Приобье лесные черты более резко концентрированы, в результате чего завьяловские сосуды выглядят более архаичными и северными (Троицкая, 1979, С. 77).

Можно говорить о существовании двух крупных культурно-исторических общностей лесостепи Западной Сибири и Зауралья переходного времени от бронзового века к железному. Южной, характеризуемой такими признаками как двойной ряд жемчужин и мисковидные (полусферические) чаши и северной, характеризуемой наличием крестово-штамповой орнаментации керамики. Внутри этих областей выделяются отдельные археологические культуры, имеющие те или иные особенности, отличающие их от родственных культур.

В керамическом комплексе городища Завьялово-5 выявляются две основных составляющих — это продолжение позднебронзовых ирменских традиций и пришлый северный компонент. Причем отмечаются сосуды, сочетающие в себе признаки той и другой. Среди корчаг с выпуклой шейкой около 30% имеет двойной ряд жемчужин, 17% — двойной ряд ямок и 4% ряд ямок по шейке и ряд жемчужин по плечу. При этом около 11% корчаг, ведущих свое происхождение от ирменской посуды, украшено крестовым штампом (Рис. 3, 1–7). Нередко сочетание на одном сосуде крестового штампа и двойного ряда жемчужин. Особо следует отметить сосуды с ямками и жемчужинами, которые были нанесены крестовым штампом. Причем декоративного значения в данном случае он не имеет из-за глубины нанесения. При этом довольно часто на таких фрагментах крестовый штамп не участвует в основной орнаментации сосуда.

Таким образом, анализ керамического комплекса городища Завьялово-5 показывает, что памятник относится к завьяловской культуре, которая характеризуется синкретичным характером керамического комплекса, совмещающего в себе черты местных ирменских и пришлых северных традиций.

А.Б. Шамшин

(Алтайский государственный университет)

Поселение Фирсово XVII и проблемы формирования корчажкинской культуры на Верхней Оби*

Корчажкинская культура была выделена уже почти два десятилетия тому назад (Кирюшин, 1985, с. 51–52; Шамшин, 1986, с. 101; Кирюшин, Шамшин, 1987). За эти годы открыт ряд новых поселений и могильников, содержащих корчажкинские материалы, выявлен комплекс памятников этой культуры в Кузнецко-Салаирской горной области (Бобров, 1992, с. 16–17). Корчажкинская культура сегодня признана многими специалистами, занимающимися изучением бронзового века Западной Сибири (Троицкая, Софеев, 1990, с. 71; Бобров, 1992, с. 16–17; Косарев, 1993, с. 101–103; и др.). Однако до сих пор остается практически неопубликованным основной корпус источников по этой культуре из Алтайского Приобья, по которому она и была выделена в свое время. Это материалы поселений Костенкова Избушка, Корчажка V, Фирсово XVII, Речкуново IV и ряд других (Шамшин, 1988, с. 111).

На сегодняшний день наиболее полной публикацией материалов корчажкинской культуры остается наша совместная с Ю.Ф. Кирюшиным работа, вышедшая еще в 1987 году (Кирюшин, Шамшин, 1987). Кстати в ней представлена и керамика с поселения Фирсово XVII (Кирюшин, Шамшин, 1987, рис. 3–2,5,6; 5–4; 6–2; 8–3). Отдельные статьи с частичным изданием прежде всего керамических комплексов некоторых поселений не решают проблемы, так как это делается либо в контексте подготовки сводов археологических памятников отдельных районов Алтайского края, где приведенная информация крайне ограничена (Абдулганеев и др., 2003, с. 59,72, рис. 16), либо материалы публикуются частично для обоснования каких-либо теоретических положений (Шамшин, 2002, с. 501–502). Давно назрела необходимость издания материалов базовых памятников этой культуры, без которого многие вопросы, связанные с ее изучением, долгое время еще будут оставаться дискуссионными. В этой связи данная статья посвящена публикации материалов одного из важных памятников корчажкинской культуры – поселения Фирсово XVII. На нем представлен своеобразный комплекс керамики этой культуры, отнесенный нами к ее раннему фирсовскому этапу (именно по материалам этого поселения и было дано название этапа).

Поселение Фирсово XVII открыто А.Л. Кунгуровым в 1985 году (Кунгуров, 1987, с. 41–42) и раскапывалось автором в 1986 и 1987 годах (Шамшин, 1986, с. 35–39; Абдулганеев, АLEXIN..., Шамшин и др., 1988, с. 206; Шамшин, 1989, с. 48–52). Памятник аварийный. Он находится на поле и регулярно распахивается, а часть его площади была отведена под посадку картофеля жителям Барнаула. Комплекс поселения включает материалы двух различных эпох: поздней бронзы — корчажкинской культуры и раннего железного века – староалейской культуры. Находки последнего периода локализуются в основном в центральной части раскопа, где было выявлено жилище, либо хозяйственное сооружение этого времени, и в данной работе нами не рассматриваются. В остальной части раскопа находились практически лишь материалы корчажкинской культуры. Остановимся на характеристике самого памятника.

* При поддержке РГНФ, проект 03-01-00475а

Поселение Фирсово XVII находится в 5 км к югу от с. Фирсово Первомайского района Алтайского края, в 0,2 км к западу от трассы Новоалтайск–Бобровка, на западной окраине большого мыса, вдающегося в пойму р. Оби, в 60 м к северо-западу от колка и в 40 м от откоса, спускающегося к Обской пойме, на поле (рис. 1–1,2). Местное название урочища, где расположен памятник, – Березовый Мыс. Прямо напротив поселения на трассе находится километровой столбик 21/14 (14 км от Новоалтайска). В 0,2 км к югу от поселения расположена тройная опора ЛЭП. В этом месте ЛЭП поворачивает на юго-запад (рис. 1–2). В 0,5 км к югу от памятника стоит деревянная триангуляционная вышка. Поселение расположено на полях совхоза (ныне ООО) «Санниковский» и на участке, отведенном под посадку картофеля, и сильно разрушается при распашке. На поверхности поля нами в 1986 и 1987 годах собрана керамика. Раскоп был заложен в самой аварийной западной части поселения. Фиксация находок велась по квадратам 2х2 м. Для контроля за стратиграфической ситуацией через 4 м были оставлены бровки. Для обозначения квадратов и бровок была принята сквозная нумерация. Все замеры глубин велись от современной дневной поверхности. Всего за два года на основном раскопе №1 и небольшом разведочном раскопе №2 (площадью 16 кв.м) вскрыто 376 кв.м. Средняя мощность темного гумусированного культурного слоя поселения (исключая сооружение староалейской культуры и хозяйственные ямы) составила 15–25 см.

На площади раскопа было выявлено несколько пятен и небольших кострищ. *Пятно №1* обнаружено в кв. Л10. Имеет круглую форму диаметром 60 см. Прослежено с глубины 73 см и продолжалось до 138 см. Пятно слабо гумусированное. Внутри ямы прослежен хорошо сохранившийся деревянный столбик, поставленный вертикально и идущий до ее дна. Его диаметр 10 см. Находок в яме не было. Ряд небольших деревянных столбиков (ямок), расположенных по линии запад-восток, прослежен также в кв. Л12. Видимо, это остатки какого-то сооружения.

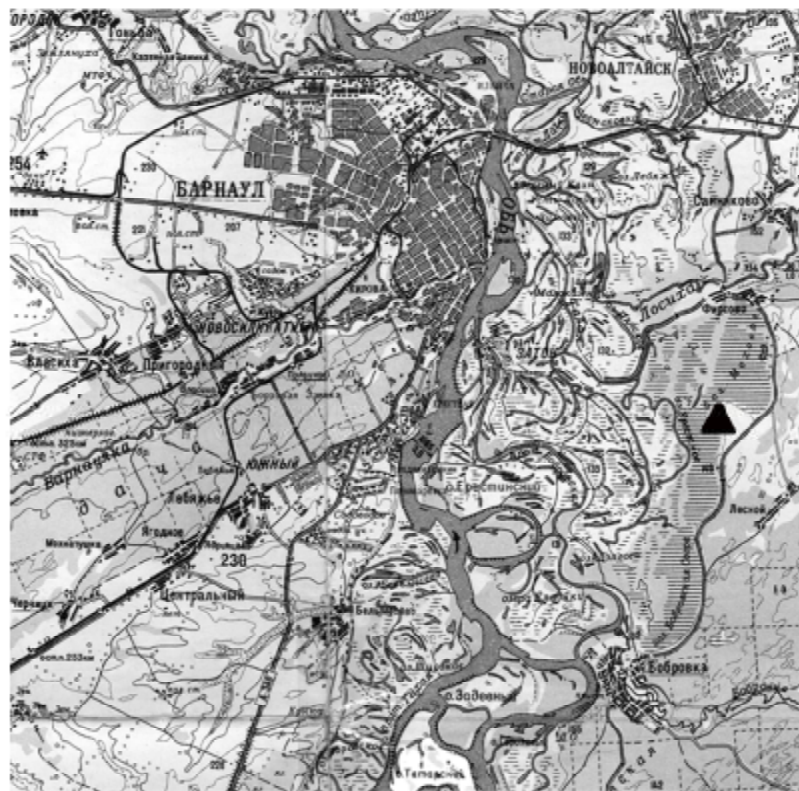
Пятно №2. Зафиксировано у южной стенки раскопа. Его размеры по линии север-юг 160 см, по линии запад-восток — 115 см. Пятно прослежено с глубины 40 см до отметки — 60 см. В нем встречены единичные фрагменты керамики.

Пятно №3. Зафиксировано в кв. К12,13 и Л12,13. Его размеры по линии север-юг — 2 м, по линии запад-восток — 2,55 м. Пятно прослежено с глубины 37 см и шло до -100 см. Заполнение его — темная мешаная земля. В пятне встречена керамика, кости животных, угли. Не исключено, что это — хозяйственная яма.

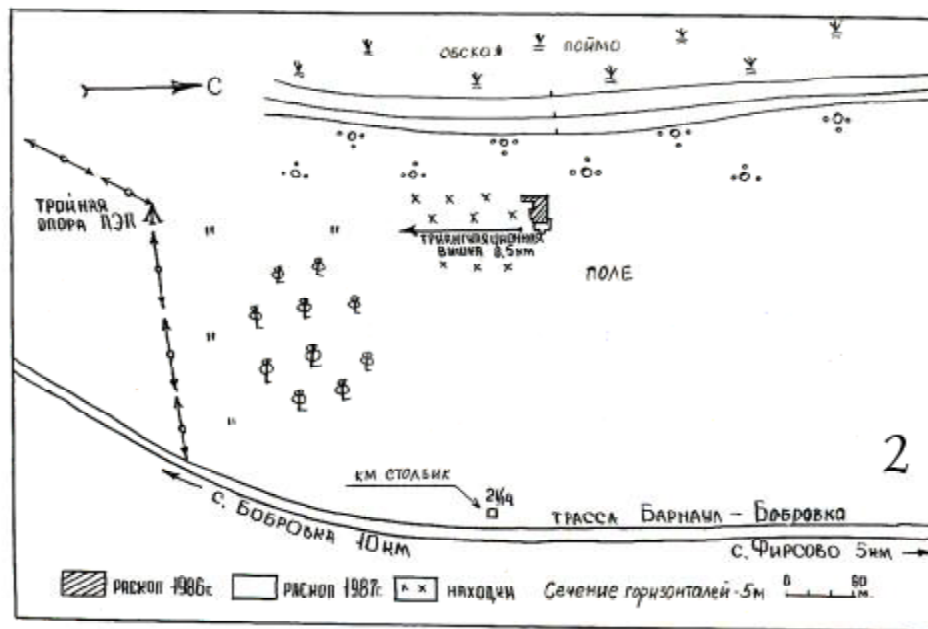
Пятно №4. Зафиксировано в центре раскопа в виде прокала. Имеет овальную форму с размерами 55 см (север-юг) x 90 см (запад-восток). Прослежено с глубины 38 см и до -55 см. Пятно заполнено золой. В нем встречены угли. Скорее всего, это очаг.

Пятно №5. Небольшое пятно диаметром 70–75 см в кв. Л12. Началось оно на глубине 37 см, окончилось на отметке -45 см. Пятно, так же как и пятно №4, видимо, является очагом, так как в нем встречены обожженные кости, угли, прослежен прокал. На площади поселения обнаружен и еще целый ряд небольших кострищ.

При раскопках поселения Фирсово XVII не было выявлено жилищ, либо крупных хозяйственных сооружений, относящихся к корчажкинской культуре. Не обнаружен и зольник. Все это, а также малая мощность культурного слоя и топография самого поселения, расположенного на кромке берега на границе с обской поймой рядом с небольшим логом, возможно, оставшимся от древнего водотока, типа ручья, впадавшего в Обь, скорее всего, свидетельствуют, что перед нами летнее (сезонное) поселение. Об этом же говорит и обнаруженный здесь вещевой набор, а также сильно фрагментированная керамика. Частично мелкие размеры черепков мож-

1

2

▲ - поселение Фирсово XVII

Рис. 1. Карта расположения поселения Фирсово XVII (1) и ситуационный план памятника (2)

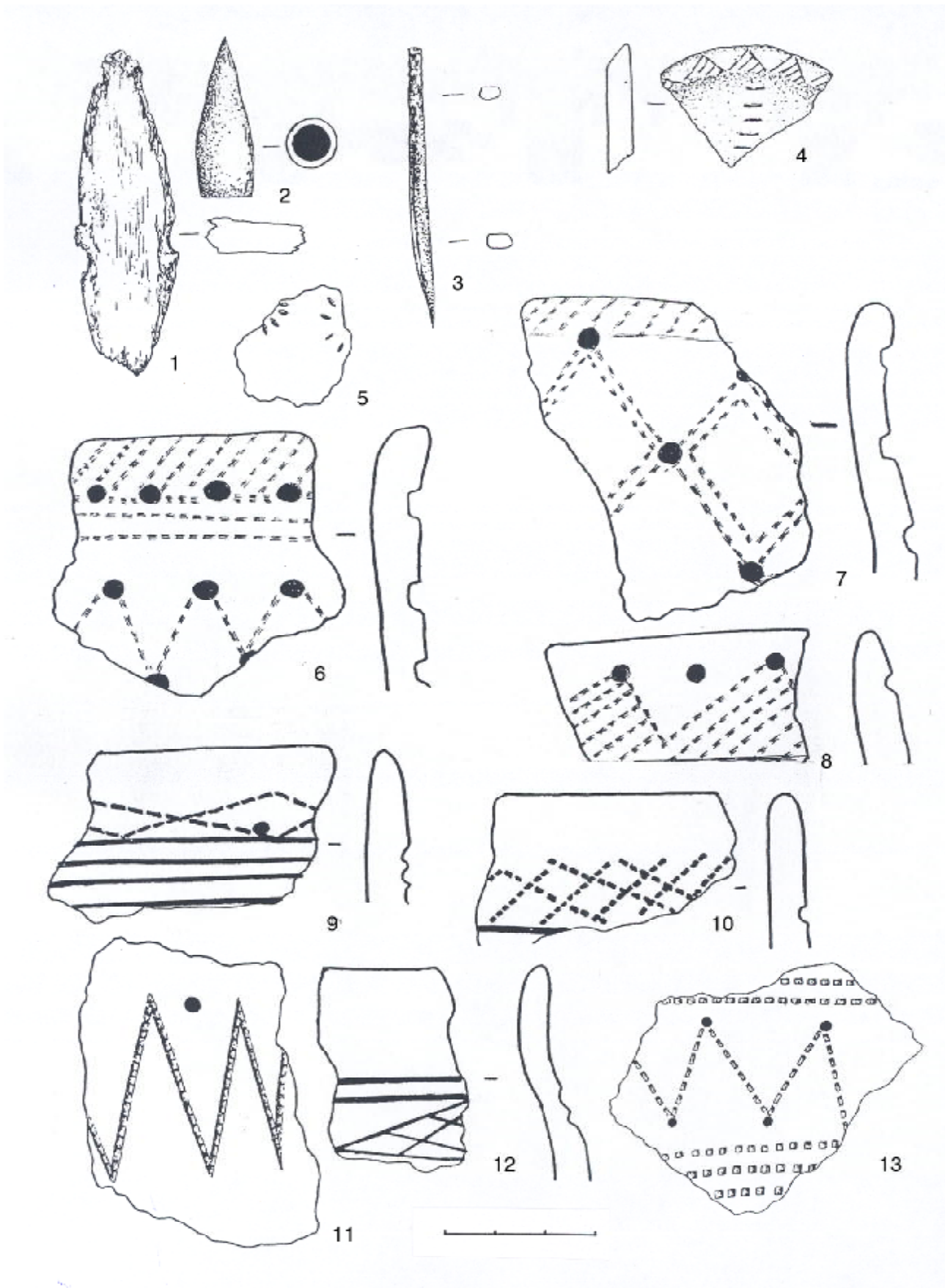

Рис. 2. Инвентарь поселения Фирсово XVII

но объяснить многолетней распашкой. Однако ни в сохранившейся части культурного слоя, ни в выявленных ямах и кострищах нет не только целых сосудов, но даже и крупных развалов. Лишь несколько сосудов восстановлены графически. Это также подтверждает высказанную выше мысль, что мы имеем дело с летником.

В ходе исследования поселения Фирсово XVII обнаружено несколько вещей и довольно значительная керамическая коллекция. Остановимся на характеристике найденного материала. Как уже было отмечено выше, в данной работе мы приводим лишь те вещи, которые можно достоверно связывать с комплексом корчажкинской культуры.

Из бронзы найдено единственное изделие. Это четырехгранное в сечении шило, один конец которого приострен (рис. 2–3). Из камня обнаружен обломок оселка.

Из кости сделаны несколько предметов. Прежде всего это втульчатый пулевидный накопчик стрелы хорошей сохранности. Кость, из которой он выполнен, выглядит заполированной (рис. 2–2). Также это концевая накладка лука плохой сохранности. Края изделия разрушаются (рис. 2–1). Из кости сделана проколка или острие.

Из глины обнаружена фишка, вырезанная из стенки сосуда. Кроме того найдены два обломка интересного изделия в виде небольшого «блюдца». Верхняя поверхность его плоская. По боковым граням нанесен ряд треугольников, по доньшку – насечки (рис. 2–4).

С поселения Фирсово XVII получена большая коллекция керамики. К сожалению, из-за сильной фрагментированности комплекса, полностью форма восстанавливается лишь у небольшой части сосудов. В коллекции преобладают открытые банки (рис. 3–2,5,8; 4–1), реже встречаются слабопрофилированные горшечно-баночные сосуды (рис. 3–1,6), еще реже – горшки (рис. 3–7; 4–2,8). В технике нанесения орнамента господствует гребенчатый штамп. Им украшено 77 сосудов (74,04%). При этом на венчиках гребенка встречается на 76,7% сосудов, а на тулове – на 74,04%. Присутствуют также гладкий штамп и резная техника. Характерно сплошное заполнение стенки орнаментом без разделения на зоны и пояса, при этом сосуд обычно орнаментировался либо полностью от верха до дна, либо на две трети (рис. 3). Однако на Фирсово XVII, как и на поселении Костенкова Избушка на озере Иткуль, где также представлена значительная коллекция керамики фирсовского типа, характерного для одноименного раннего этапа корчажкинской культуры, встречается группа сосудов, где определенные мотивы повторяются по всей или значительной поверхности сосуда и при этом разделяются также последовательно чередующимися поясами из ямок, каннелюров или горизонтальных линий и др. (рис. 3–4,8; 4–5; 7–1; 8). Эта группа является как бы переходной к иткульскому типу, где такая композиция становится ведущей (рис. 3–5) (Кирюшин, Шамшин, 1987, с. 141, 142).

В орнаментальной композиции сосудов с поселения Фирсово XVII преобладают следующие мотивы. По венчику это ряды каннелюров и прочерченных линий – 30% (рис. 2–9,12; 5–2,5,8-12), зигзаг – 13,33% (рис. 2–7; 3–6,8; 4–5; 5–7,10) ряды наклонно поставленного штампа (рис. 2–6,7; 3–2,3), иногда образующие елочку (рис. 6–1,4) и сетку (рис. 2–10; 5–2). По тулову сосудов встречаются в основном те же мотивы (рис. 2–6,11,13; 4–8; 5–5; 3–1,3,4,8; 3–2,7; 5–11). Известны также треугольники (рис. 4–2,8; 5–3-6,9,12), фестоны (рис. 5–1), ромбы (рис. 2–7; 4–3), качалка (рис. 4–7) и др.

Особую роль в орнаментальной композиции играют горизонтальные ряды ямок, выполняющие роль разделителя (рис. 2–6,8; 3–1-5,8; 7–1). Так, они встречаются на 56,67% сосудов с Фирсово XVII. Часто ряды таких ямок наносились и на тулово сосудов (рис. 3–4,5,8; 7–1). Нередко ямки подчеркивают углы зигзагов (рис. 2–6,13), ромбов (рис. 2–7) и треугольников (рис. 5–5,12) (Кирюшин, Шамшин, 1987, с. 141, 143).

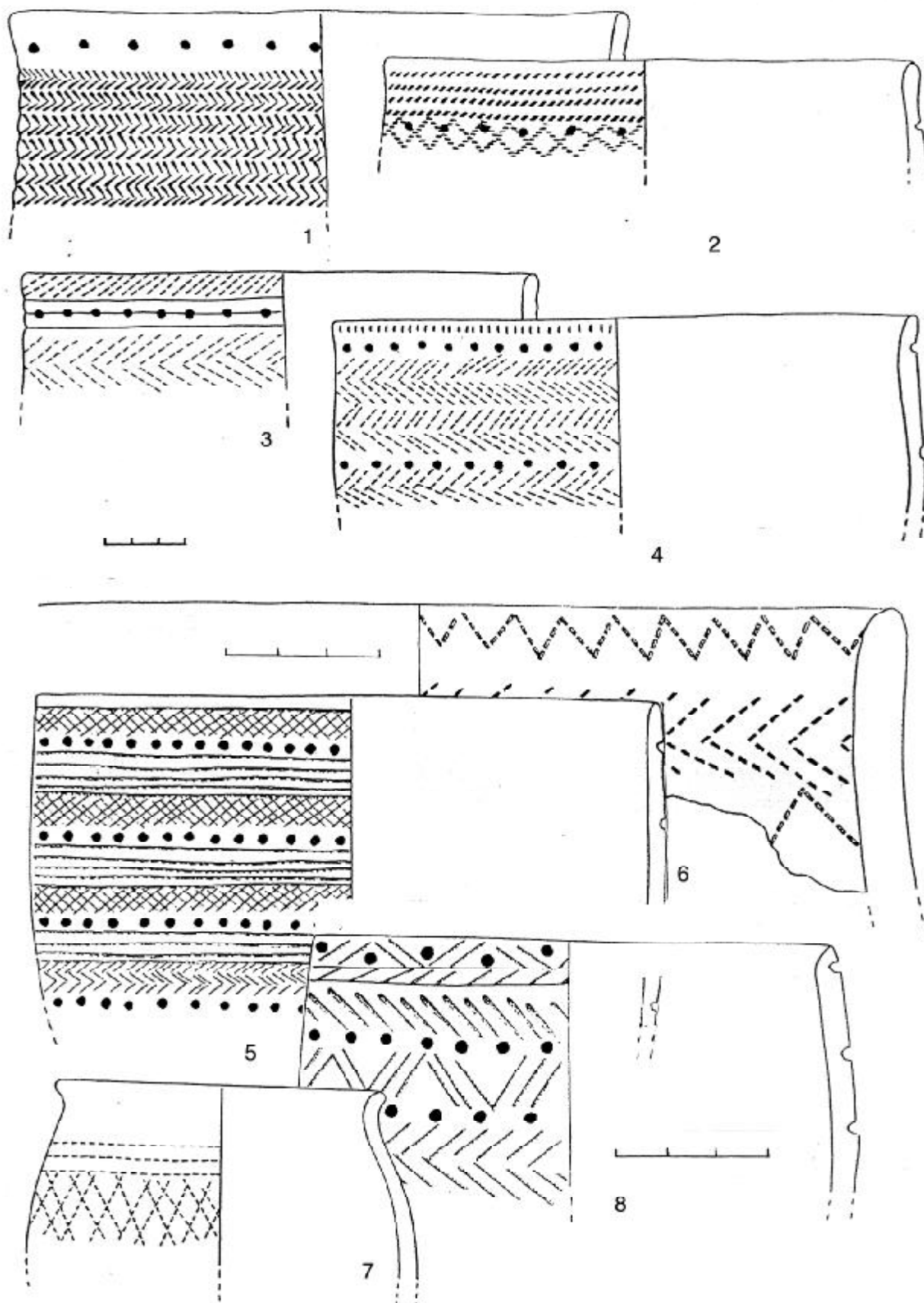

Рис. 3. Реконструкция сосудов поселения Фирсово XVII

Придонная часть сосудов также иногда украшалась рядами наклонных линий (рис. 7–6), либо качалкой (рис. 7–5,7). Изредка орнаментировалось донышко (рис. 7–6). Единично встречаются «солярные» узоры (рис. 2–5). Целый ряд сосудов имеет своеобразную композицию. Так, например, интересен небольшой сосуд с чистым, неорнаментированным венчиком, ниже которого идет зигзаг, заключенный между двумя каннелюрами, а еще ниже — свисающие треугольники, по одному из которых вниз пущена «стрела» (рис. 4–8). Оригинален также фрагмент стенки сосуда горшковидной формы, по которому от шейки, подчеркнутой каннелюром, спускаются ряды выполненных гребенчатым штампом ромбов (рис. 4–3).

В целом подобная керамика характерна для раннего фирсовского этапа корчажкинской культуры. Очень близкий комплекс посуды встречен на поселении Костенкова Избушка (Кирюшин, Шамшин, 1987, рис. 1; 2; 3–1,3,4; 4) (рис. 8), а также, частично, на поселении Речкуново IV (Шамшин, 2002, рис. 2) (рис. 9). Достаточно сравнить фирсовские комплексы поселений Костенкова Избушка и Фирсово XVII по всем показателям: форма сосудов, техника нанесения орнамента и орнаментальная композиция. Однако на Костенковой Избушке хорошо известен и поздний иткульский тип, для которого характерны хорошо профилированные баночные и горшковидные сосуды, в технике орнаментации преобладают гладкий штамп и резные линии, а в орнаментальной композиции становится господствующей классическая схема корчажкинской культуры в виде чередующихся рядов мотивов, занимающих примерно до середины сосуда, с такими же чередующимися рядами разделителей (Кирюшин, Шамшин, 1987, с. 143, 145).

Именно такая керамика и была сначала отнесена к корчажкинской культуре и лишь позднее, с появлением материалов раннего фирсовского типа, была сделана попытка проследить определенную динамику в развитии этой культуры (Шамшин, 1988, с. 111; Кирюшин, Шамшин, 1987, с. 149, 151). На поселении Фирсово XVII встречены единичные фрагменты сосудов иткульского типа. По двум крупным стенкам проведена графическая реконструкция этих двух сосудов (рис. 3–5; 4–1). При этом, отметим, что иткульская керамика на Фирсово XVII залегала в верхних, дальних от края берега обской поймы квадратах, в то время как абсолютно преобладавшая здесь посуда фирсовского типа располагалась равномерно по всей площади раскопа. Подобная ситуация прослежена и на поселении Костенкова Избушка, где керамика фирсовского типа залегала ближе к берегу оз. Иткуль и протоке, соединяющей озера Большой и Малый Иткуль, располагаясь особенно большим скоплением в юго-западной части раскопа, практически рядом с протокой. Керамика иткульского типа была рассредоточена по раскопу значительно шире, не концентрируясь где-либо особо, при этом, в целом, она располагалась выше по склону, то есть дальше от воды больше в северной и центральной частях раскопа. На наш взгляд, это является одним из свидетельств того, что фирсовский тип является более ранним, нежели иткульский. Обоснование этого факта, связанное, в частности, с изменениями климата в эпоху развитой и поздней бронзы на территории юга Западной Сибири и Казахстана уже приводилось нами в печати (Кирюшин, Шамшин, 1987, с. 147, 149).

Не ставя в данной работе задачу уточнения датировок корчажкинских памятников, все же еще раз отметим, что материалы раннего фирсовского этапа могут быть соотнесены (при ряде безусловных отличий) с раннееловскими комплексами юга Томского Приобья и с ордынскими материалами Новосибирского. Все это позволяет определять их место в культурно-хронологической шкале эпохи бронзы на юге Западной Сибири между андроновскими древностями, с одной стороны, и культурами конца бронзового века: ирменской и завершающих этапов саргаринско-алексеевской и корчажкинской (иткульской), с другой. Наиболее приемлемой в этой

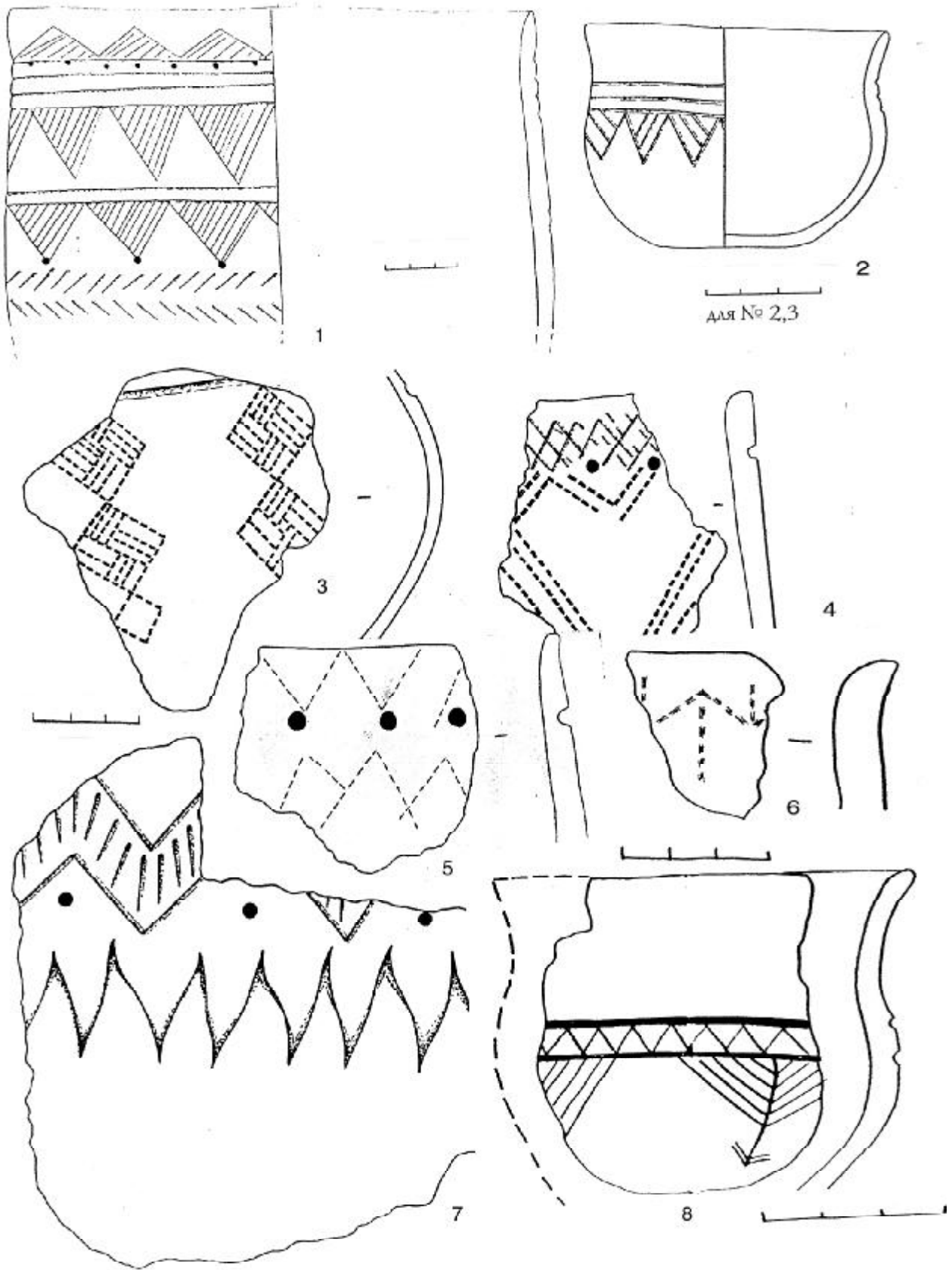

Рис. 4. Поселение Фирсово XVII. Керамика

связи представляется дата фирсовского этапа XIII (XII) – XI (X) вв. до н.э. В данных пределах мы можем предварительно датировать и поселение Фирсово XVII. При этом единичные фрагменты найденной здесь иткульской керамики, скорее всего, свидетельствуют что жизнь на поселении прервалась на рубеже тысячелетий и место это лишь эпизодически посещалось в конце эпохи поздней бронзы. Возобновилась здесь жизнь лишь в период раннего железного века.

Еще одним основанием для ранней датировки поселения Фирсово XVII в рамках корчажкинской культуры является находка на нем костяного пулевидного наконечника стрелы. Ближайшей аналогией ему является подобный наконечник с поселения Милованово III, к сожалению, найденный не в культурном слое, а на поверхности памятника. Значительная часть культурного комплекса Милованово III относится к корчажкинской культуре (Кирюшин, Шамшин, 1995, с. 65). Вероятно, с этим же комплексом можно связать и пулевидный наконечник, так как в ирменских материалах подобные изделия неизвестны, да и вообще наконечники стрел на ирменских поселениях встречаются единично. Анализируя находки из зольника поселения Милованово III, нижние слои которого содержат значительное количество корчажкинских материалов, Е.А. Сидоров датировал этот ранний комплекс поселения рубежом II–I тыс. до н.э. (Сидоров, 1983, с. 19).

Другой более отдаленной аналогией является роговой наконечник стрелы из могильника елунинской культуры Цыганкова Сопка. Он несколько отличается от фирсовского своей формой и размерами (более крупный). По мнению Ю.Ф. Кирюшина, этот и близкий ему наконечник из могильника Телеутский Взвоз, объединенные им в восьмой тип, являются наконечниками томар, которые предназначались для охоты на пушного зверя (Кирюшин, 2002, с. 61, рис. 121–13). Верхняя дата елунинской культуры определяется Ю.Ф. Кирюшиным первой половиной – серединой XVI в. до н.э. (Там же, с. 82). При этом могильник Цыганкова Сопка рассматривается им как поздний. Можно предположить, что наконечник из Фирсово XVII является уменьшенной копией наконечников эпохи ранней бронзы, что позволяет рассматривать его, видимо, в рамках фирсовского этапа корчажкинской культуры, так как андроновских материалов на поселении Фирсово XVII нет. Функциональное назначение таких наконечников, как уже было отмечено выше, пушная охота, что еще раз подтверждает летний характер поселения Фирсово XVII.

Наконец, остановимся кратко еще на одном вопросе — проблеме происхождения корчажкинской культуры. Нам уже не раз приходилось высказывать свою точку зрения на особенности ее формирования (Шамшин, 1988, с. 111; Кирюшин, Шамшин, 1987, с. 155; Шамшин, 2002, с. 497–498; и др.). Сегодня важно отметить, что на раннем фирсовском этапе корчажкинской культуры ее керамический комплекс представляется более близким к гребенчато-ямочной традиции, хотя в нем безусловно присутствуют и характерные для андроновской орнаментальной схемы элементы: Г-образные фигуры, геометризм, солярное оформление днища сосудов и т.д. (Шамшин, 2002, с. 498). На позднем иткульском этапе больше проявляются традиции геометризма и культура становится еще более андроновидной. Эта хорошо фиксируемая уже на керамике раннего фирсовского комплекса андроновидность отражает один из вариантов трансформации андроновской культурной традиции на Верхней Оби. Иным следствием этих процессов в лесостепном и степном Алтае стали черкаскульский комплекс с поселения Калиновка II и материалы ранней группы общности КВК (Шамшин, 2002, с. 499–500).

До сих пор остается не ясной территория формирования гребенчато-ямочного субстрата (или компонента?) корчажкинской культуры. Важно то, что он не был широко представлен на юге Верхнего Приобья в предшествующее время ранней бронзы. Нет таких материалов и в известных памятниках андроновской эпохи, хотя, например, степень изученности андронов-

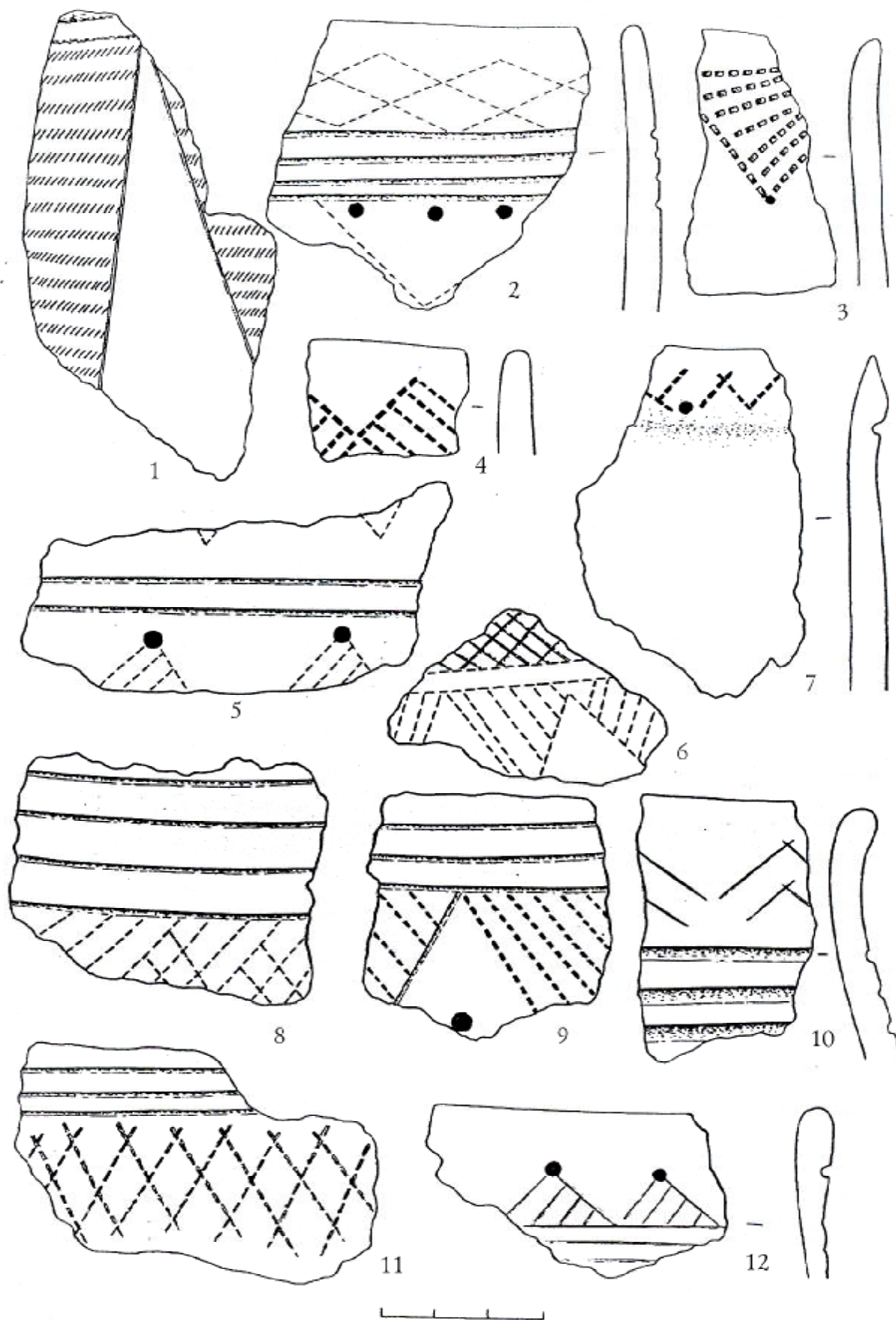

Рис. 5. Поселение Фирсово XVII. Керамика

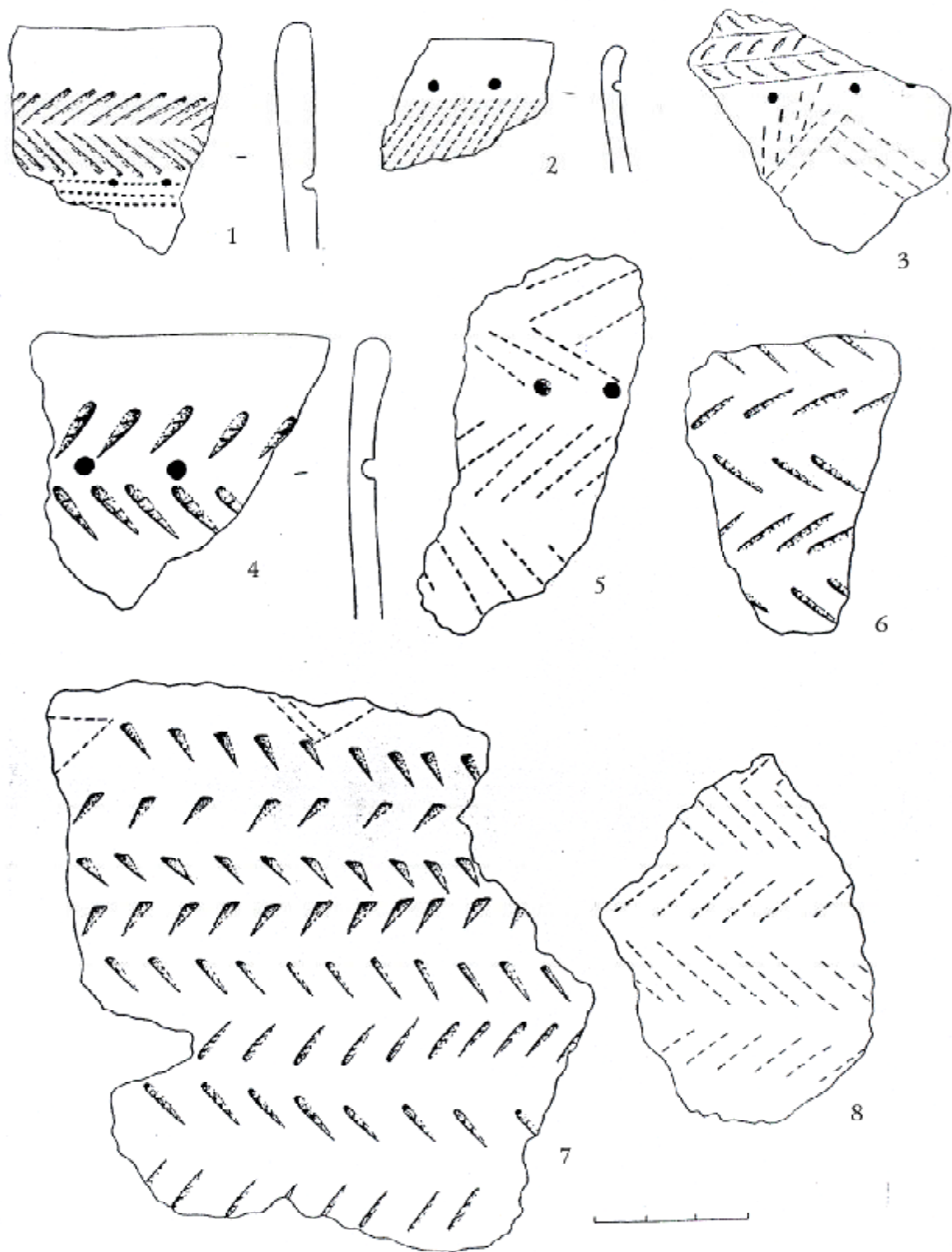

Рис. 6. Поселение Фирсово XVII. Керамика

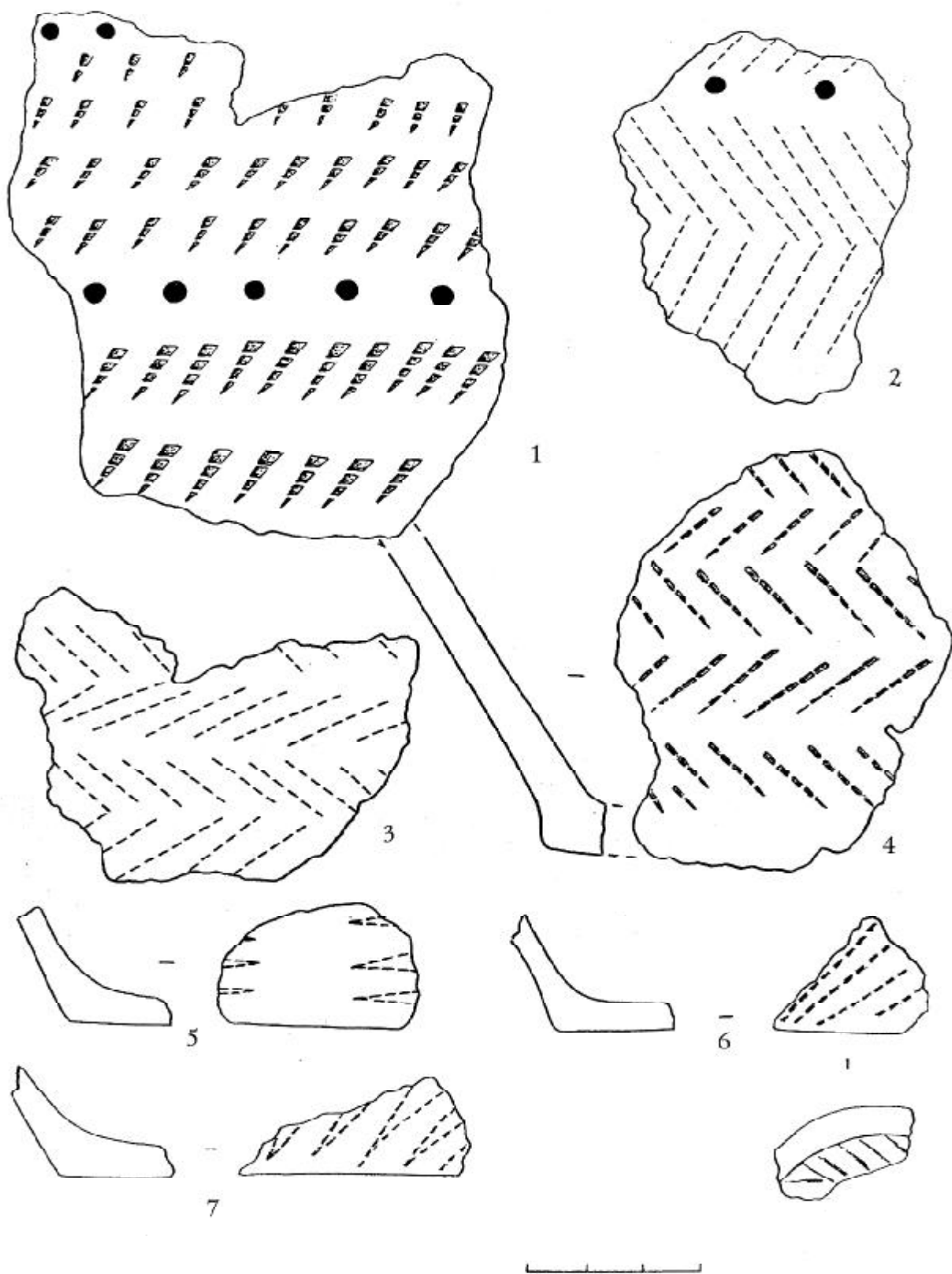

Рис. 7. Поселение Фирсово XVII. Керамика

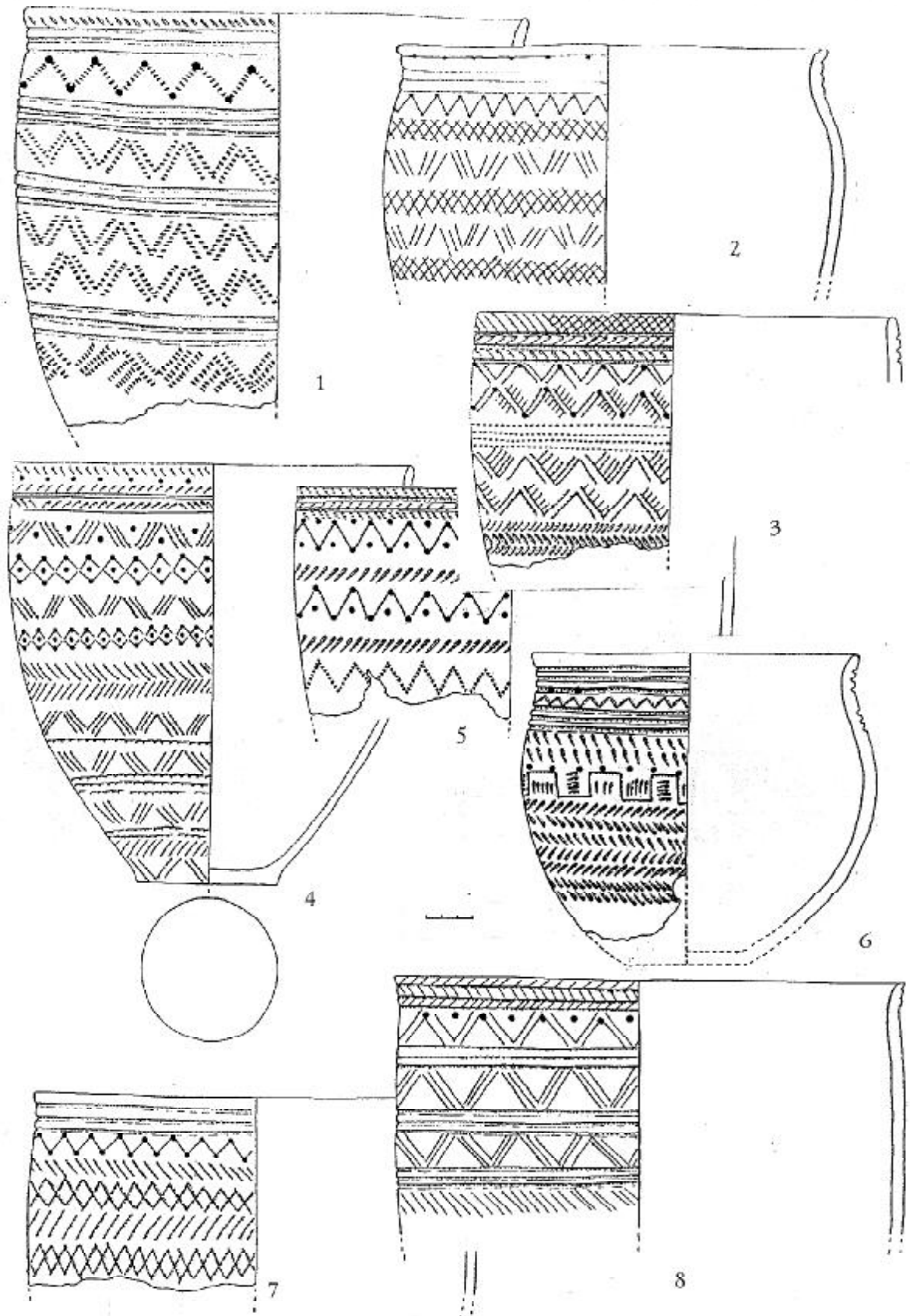

Рис. 8. Керамика Фирсовского типа с поселения Костенкова Избушка
(по Кирюшину, Шамшину, 1987)

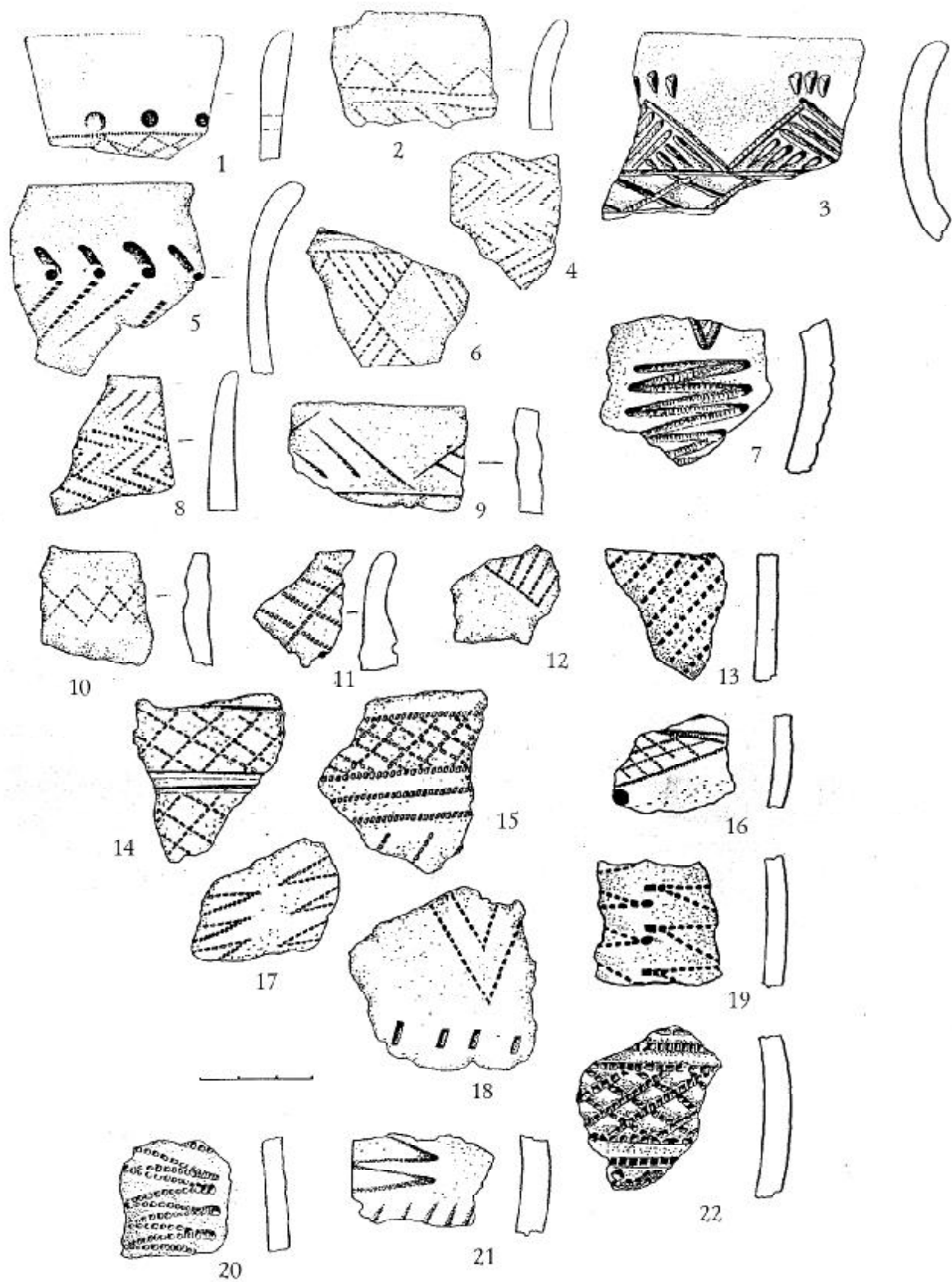

Рис. 9. Керамика поселения Речкуново IV

ких поселений на этой территории оставляет желать лучшего. Остается предположить приход носителей этого культурного комплекса в южную часть Верхнего Приобья в конце андроновской эпохи, либо в самом начале эпохи поздней бронзы. При этом миграция должна была быть довольно значительной, так как смешение носителей гребенчато-ямочного и андроновского комплексов привело к образованию синкретичной корчажкинской культуры с преобладанием на раннем фирсовском ее этапе гребенчато-ямочной традиции.

Для сравнения, приход на эту же территорию в VIII–VII вв. до н.э. населения, принесшего крестовую орнаментацию в керамике, не изменил по сути культурогенез образований переходного времени в этой части Приобья. Столь крупные изменения, произошедшие здесь в начале эпохи поздней бронзы, могут свидетельствовать, на наш взгляд, о значительных природных (в частности, климатических) изменениях на сопредельных с югом Верхнего Приобья территориях, что привело к затруднениям в традиционной хозяйственной деятельности населения и к последующей затем миграции в Верхнее Приобье. Эти идеи давно и плодотворно развиваются М.Ф. Косаревым (1981; 1984; 1991; и др.). Обычно исходной территорией такой миграции рассматриваются таежные районы Западной Сибири.

Еще одно объяснение (наряду с вышеизложенным) хода миграции в Верхнее Приобье может быть предложено пока лишь в качестве рабочей гипотезы. Возможно, что в ходе своего продвижения на эту территорию андроновцы могли вовлечь в орбиту своего движения какой-то довольно значительный массив «гребенчато-ямочного» населения, то есть миграция последнего не была напрямую связана с природными факторами. При этом смешение носителей этих двух культурных традиций началось еще до прихода в южную часть Приобья и продолжалось в ходе продвижения сюда самих андроновцев. То есть андронидное население не складывается здесь на этой территории, а приходит сюда в готовом виде. Возможными районами, где могло идти подобное взаимодействие и откуда шли миграционные потоки на юг Приобья, на наш взгляд, могли быть сопредельные районы Казахстана, в частности, слабо изученное Павлодарское Прииртышье, а также Кулундинская степь. В таком случае появление памятников типа Фирсово XVII или раннего корчажкинского комплекса Костенковой Избушки отражает приход на территорию Верхнего Приобья уже смешанного населения, тем самым маркируя конец андроновской эпохи. Сам же механизм подобных культурных контактов, его движущие силы, остаются на сегодня во многом неясными. Представляется, что культурно-исторические процессы на юге Верхнего Приобья в начале эпохи поздней бронзы не просто отличались большой сложностью и мозаичностью, а шли по-разному на сопредельных, а порой и на соседних территориях, население разных культурных групп жило черезполосно, хозяйственно-культурные типы жителей региона отличались своим многообразием. В свою очередь, проходившие в эту эпоху миграционные процессы, например, носителей воротничковой и валиковой керамики, нивелировали небольшие многочисленные культурные группы и способствовали в конечном итоге созданию крупных потестарных образований конца бронзового века.

В любом случае, без дальнейшего изучения начального этапа эпохи поздней бронзы и переходного времени, в частности, самобытной и яркой корчажкинской культуры, во многом еще остающейся «вещью в себе», не удастся выяснить многие проблемы культурогенеза на юге Западной Сибири в эпоху бронзы и раннего железного века. Для успешного решения поставленной задачи необходим поиск и изучение новых «чистых» поселенческих комплексов этой культуры, а также погребально-поминальной обрядности корчажкинского населения.

Ю.В. Ширин

*Кузбасская педагогическая академия,
музей «Кузнецкая крепость»*

Типы поселений эпохи поздней бронзы и «переходного периода» на юге Кузнецкой котловины

Кузнецкая котловина — всхолмленная возвышенная равнина, окруженная с востока, запада и юга холмисто-увалистым и среднегорным рельефом. На севере она сливается с Западно-Сибирской низменностью. Обрамляющие котловину горы покрыты пихтово-осиновой высококотравной черневой тайгой. Центральную часть Кузнецкой котловины составляют ковыльные разнотравные степи, переходящие на окраинах в луговые степи с березовыми колками. С юга на север, вдоль восточного края котловины протекает р. Томь. На юге котловины в Томь впадают две крупные реки Горной Шории — Мрассу и Кондома, вытекающие с Абаканского хребта. Вдоль нижнего течения р. Кондомы, на водоразделе с бассейном р. Чумыш есть лесостепной коридор, связывающий лесостепь Кузнецкой котловины с Бийско-Чумышскими лесостепными предгорьями Северного Алтая.

В связи с особенностями геологического строения, рельефа и климата, ландшафтные зоны Кузнецкой котловины образуют незональные участки — языки и пятна. Это обуславливает комплексный характер хозяйства обитателей данного региона, что находит отражение и в разнообразном характере поселенческих памятников. При их изучении нередко удается проследить сезонную специализацию. Особенно сильно эта особенность начинает проявляться с эпохи поздней бронзы.

Долгое время на юге Кузнецкой котловины памятников эпохи поздней бронзы известно не было. Правда, к ним ошибочно относилось городище Маяк, где среди керамических комплексов выделяется своеобразная группа сосудов с преобладанием геометрических мотивов в орнаменте, близких к керамике ирменской культуры, но более позднего переходного периода. Поселения эпохи поздней бронзы были выявлены лишь за последние годы планомерных разведочных работ. Дадим их подробный перечень с севера на юг, от более степных районов к подтаежным.

Артышта-6. Памятник расположен на правом берегу р. Артышта, в устье лога пересыхающего правого притока, у подножия его левого борта, в 300 м к С–СВ от д. Бороденково Беловского района Кемеровской области. Высота поселенческой площадки над руслом реки — 4–6 м. Через поселение прорезана глубокая борозда. В ее выбросе собрана керамика. Рядом с местом находки был заложен шурф 2х4 м. Он выявил зольник с большим количеством обломков костей и керамики. Керамика однотипная — это плоскодонные горшки, орнаментированные резными геометрическими фигурами: заштрихованными треугольниками с наколами в вершинах, зигзагами, фестонами. Кроме керамики в зольнике найдена белая цилиндрическая бусина и альчики со сточенными плоскостями.

Бурлаки-1. Расположено на правом берегу р. Кривой Ускат (один из истоков р. Ускат — левый приток р. Томи) в 1,5 км к ЮВ от д. Бурлаки Прокопьевского района. Ландшафт данной местности характеризуется сочетанием сухих степей с березовыми колками. Высота занятой поселением террасы над поймой реки — 9–10 м. На площади поселения, в ее цент-

ральной части, визуально фиксируется ряд из пяти овальных западин, примыкающих друг к другу длинными сторонами. Глубина западин около 30–40 см. Самая крупная западина имеет размер 12x7 м, а меньшая – 6x5 м. В заложенном на краю террасы шурфе-1 1x1 м выявлен культурный слой мощностью до 0,4 м. Он содержал кусочки прокаленного грунта, кварцитовые отщепы, колотые кости животных и обломки керамики. Фрагменты керамики принадлежат лепным горшкам с короткой прямой шейкой и выпуклыми плечиками. Шейки сосудов орнаментированы резными геометрическими узорами. Контрольный шурф-2 1x1 м, заложенный в 70 м к В от крайней восточной западины также показал наличие культурного слоя, но менее насыщенного чем в шурфе-1. Протяженность культурного слоя вдоль края террасы – 140 м, вглубь террасы – не менее 50 м. Поселение Бурлаки-1 одно из самых крупных из известных к настоящему времени долговременных поселений ирменской культуры на юге Кузнецкой котловины.

Пашкино-1. Расположено на левом берегу р. Ускат в 750 м к СЗ от д. Пашкино (Недорезова) Новокузнецкого района. Культурный слой поселения был выявлен при осмотре выемки от снятого верхнего слоя плодородной почвы на участке 45x13 м. Памятник многослойный. Кроме материалов более ранних периодов эпохи бронзы здесь найдено три фрагмента керамики ирменской культуры.

Верх-Чумыш-4. Поселение расположено на южной окраине с. Верхний Чумыш Прокопьевского района, на левом берегу р. Кара-Чумыш, на приустьевом мысу лога с ключевым ручьем. По краю террасы проходит грунтовая дорога. На северном склоне мыса растут пихты. На северо-западной бровке террасы был заложен шурф 1x1 м, в котором на уровне — 35 см от современной поверхности были найдены венчики от горшков, украшенные косой резной сеткой. При переходе к плечу — жемчужник с разделителем в виде оттиска уголка лопатки.

Аба-1. Расположено на левом берегу р. Аба в 4 км выше по течению от ее левого притока р. Второй Шарап. Поселение расположено на террасе высотой 3 м от уреза воды, прижатой к южному склону увала, ограничивающего пойму. Памятник разрушен прокладкой железной и грунтовой дорог, а также распаивается под огороды.

На пашне заложили раскоп площадью около 60 кв. м. В результате был вскрыт очаг наземного жилища, а также собран значительный керамический материал (Рис. 1; 2, 1-4, 9, 10). На поселении Аба-1 найдено 28 каменных предметов, в том числе: два галечных куранта (Рис. 2, 5), обломки терочников из мелкозернистого песчаника и четыре кремневых скребка (Рис. 2, 6).

Возле очага найдены обломки двух однотипных толстостенных ошлакованных тиглей (Рис. 2, 10), которые использовались для переплавки бронзы. Капли бронзы были найдены и в заполнении очага. Видимо, в качестве тиглей использовались и обломки керамики. Найдены ошлакованные стенки трех сосудов небольшого размера, тонкостенных, орнаментированных резным геометрическим узором (Рис. 2, 9). Здесь же найдены обломки нескольких двустворчатых глиняных форм для отливки бронзовых предметов: одна створка от формы для отливки шила (Рис. 2, 7), другая для отливки двух пластинчатых браслетов с шишечками на концах (Рис. 2, 8), еще одна форма реконструируется с трудом. Возможно, она предназначалась для отливки небольшого бронзового кельта. Костей животных найдено очень мало, из определенных — зубы, принадлежавшие двум молодым коровам, одной лошади и одному бобру.

Всего на раскопанной части поселения найдены фрагменты более 50 сосудов. Практически все найденные сосуды — горшки. Они имеют плоское дно, раздутые бока, крутые плечики, прямую шейку. Встречаются крупные горшки, диаметр устья которых от 20 до 24 см, диаметр дна — от 15 до 19 см, высота — от 30 до 40 см. Много и маленьких горшков. Они тонкостенные, высотой — от 8 до 15 см. Диаметр их дна — от 4 до 8 см, а диаметр устья — от 9 до 15 см.

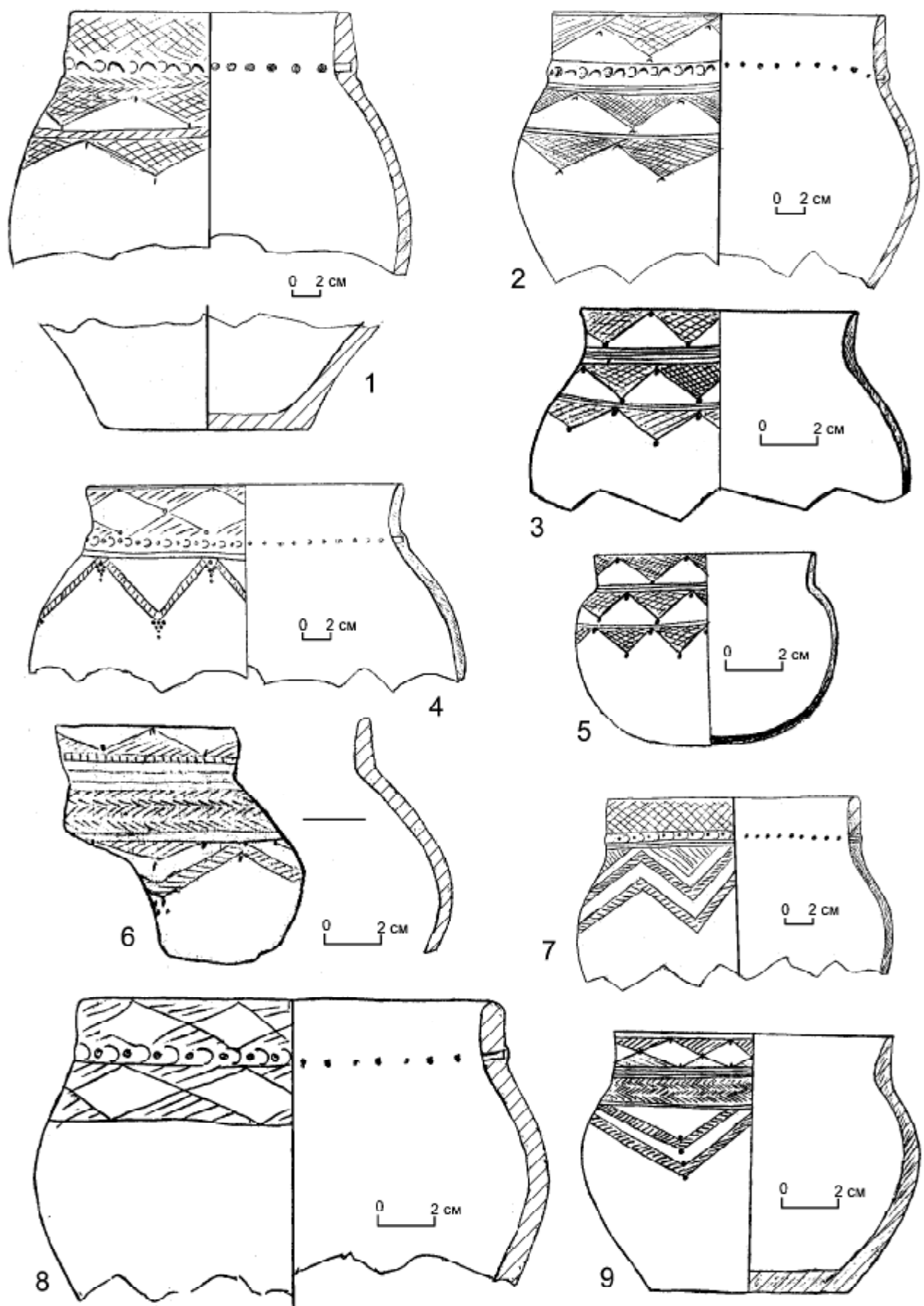

Рис. 1. Поселение Аба-1. Керамика

Вся керамика орнаментированная. Орнамент занимает верхнюю часть сосудов, иногда опускается до наиболее широкой части тулова. Придонная часть сосудов не орнаментирована. Техника нанесения орнамента резная, но встречаются сосуды и с оттисками гребенки.

Среди элементов орнамента нами выделены: заштрихованный треугольник, заштрихованные полосы, «жемчужник», наколы, насечки, оттиски уголка лопатки, горизонтальные желобки и резные линии. Мотив орнамента чаще всего составляют два элемента, занимающих определенную зону на сосуде.

На шейках горшков наиболее часто встречается заштрихованный треугольник — 65,6%. Он образует три мотива: полоса треугольников вершиной вниз — 31,3%, треугольники, соединенные вершинами так, что образуются гладкие ромбы — 18,7%, полоса треугольников вершиной вверх — 15,6%. Почти во всех случаях мотив из резных заштрихованных треугольников отделен от обреза венчика и нижней орнаментальной зоны резными линиями, которые не несут самостоятельную орнаментальную нагрузку. Резная сетка встречается в зоне шейки в 9,4% случаев. Насечки в зоне шейки образуют четыре мотива: горизонтальный ряд вертикальных насечек — 9,4%; группы, расположенные в шахматном порядке 9,4%; группы насечек — 3,1%; зигзаг — 3,1%.

В зоне перехода шейки сосуда к плечу ведущий орнаментальный мотив — два-три горизонтальных желобка — 52,9%. Здесь же встречен ряд из жемчужин, разделенных наколами разных форм — 29,3%. В качестве разделителя также использованы оттиски уголка лопатки — 8,8%, круглой палочки — 17,6%, насечки — 2,9%. В этой же орнаментальной зоне иногда встречается резная елочка — 3%, полосы гладких овальных оттисков — 5,9%. Иногда данная зона не орнаментирована — 8,8%.

Плечико сосудов, чаще всего орнаментировано мотивами, состоящими из резных заштрихованных треугольников 39,4%. Елочка составляет 15,8%, заштрихованные полосы — 26,3%, группы вертикальных оттисков гребенки — 2,6%. Отсутствует орнамент на плечике в 5,5% случаев.

Перечисленные орнаментальные мотивы на керамике составляют довольно устойчивые композиционные сочетания, что позволяет выделить по орнаментальному стилю две группы. Наиболее многочисленную группу керамики составляют сосуды с геометрическим узором. Чаще всего встречаются такие композиции: зона шейки орнаментирована заштрихованными геометрическими фигурами, или сеткой, переход к плечу покрыт желобками или жемчужником с разделителем, на плечиках нанесены мотивы построенные из резных треугольников. Иногда на плечиках орнамент усложнен елочками и заштрихованными наклонными полосами. В вершинах треугольников часто наносились наколы, иногда — группы наколов (Рис. 1).

Второй, более малочисленной группой керамики были сосуды, орнамент которых отличался лаконизмом. У них, за редким исключением, была орнаментирована только зона шейки. В орнаментации использовалась не только резная техника, но и гребенчатая. Зона шейки часто украшена широкими гладкими желобками. В желобках, в шахматном порядке расположены группы насечек. Вертикальными насечками обрамлены и края венчиков (Рис. 2, 1, 2). Несколько сосудов из этой группы по орнаментальному стилю немного сходны с первой группой. В их орнаментации использованы резные заштрихованные треугольники. Но эти треугольники отличаются тем, что заштрихованы не наклонными, а горизонтальными полосами (Рис. 2, 3, 4).

Первая группа керамики поселения Аба-1 без труда соотносится с комплексами ирменской культуры. Найденные на поселении Аба-1 бронзолитейные формы соответствуют бронзовым предметам из многочисленных ирменских погребений Кузнецкой котловины (Бобров и др., 1993, рис. 34, 18.). Вторая группа керамики, выделенная нами на поселении Аба-1, находит

если не прямые, то стилистические аналогии в лугавской культуре, распространенной к востоку от Кузнецкой котловины. Наличие на ирменском поселении «лугавской» керамики, а также смешение лугавских и ирменских орнаментальных традиций на одном сосуде согласуется с существующей оценкой результата возможных обменных и брачных контактов населения восточных и западных предгорий Кузнецкого Алатау (Бобров и др., 1993, с. 145).

Малиновое-1. Расположено на юго-восточной границе г. Новокузнецка у старичного оз. Малинового, в 3,8 км к ЮВ от устья р. Кондомы, в ее правобережной пойме. Площадь поселения составляет около 700 кв. м. Большая часть памятника разрушена распашкой. На северном краю поселения был заложен раскоп площадью около 100 кв. м. Памятник многослойный, содержит материалы нескольких периодов эпохи бронзы и средневековья. Основная масса керамики относится к периоду развитой бронзы. Кроме этого найдено два фрагмента керамики ирменской культуры.

Прорва-2. Расположено на левобережном приустьевом участке р. Прорва (левый приток р. Томи). Поселение занимает край террасы высотой 5–6 м над руслом реки. В 100 м к ЮВ от поселения через р. Прорва перекинут мост автомобильной трассы Новокузнецк-Междуреченск. Памятник практически полностью разрушен садоводами, которые берут здесь плодородную землю. При зачистке разрушений, на уровне — 30 см вскрыт участок с линзой прокаленной почвы, видимо, от очага. Рядом с ним найдены крупные кварцитовые сколы, кварцитовое скребло и фрагменты керамики ирменского типа. Сосуды орнаментированы резными заштрихованными треугольниками и косой сеткой, желобками, жемчужником. Кроме этого выделены фрагменты сосуда по орнаментации близкого к «лугавской» керамике поселения Аба-1 — вдоль кромки венчика сделаны вертикальные насечки, шейка украшена широкими желобками, при переходе к плечу нанесены ямки, а на плечике — резные вертикальные многорядные зигзаги.

Кузедеево-4. Расположено в 1,2 км севернее с. Кузедеево, на ровной площадке первой террасы левого берега р. Кондомы в устье ручья. Терраса высотой до 5 м от уреза воды прижата к подножию холма. Памятник многослойный. Впервые выявлен в 1979 г. (Маркина, Маркин, 1985, с. 60). В настоящее время поселение сильно разрушено дачной застройкой. При дополнительном обследовании северного участка памятника найден развал плоскодонного горшка с прямой короткой шейкой и выпуклым плечиком. Шейка украшена резной косой сеткой, а плечико наклонными резными заштрихованными полосами. Здесь же найдены многочисленные кремневые отщепы.

Таков весьма ограниченный перечень памятников эпохи поздней бронзы, известных к настоящему времени на юге Кузнецкой котловины. В целом, перечисленные поселения можно охарактеризовать следующим образом. По топографическому расположению они тяготеют к наиболее остепненным ландшафтам. Предпочтение отдается широким долинам притоков второго и третьего порядка, где поселенческие площадки располагались на прислоненных террасах с южной экспозицией вблизи крупных родников. Для таких поселений характерны долговременные постройки, с очагами и немного заглубленные в землю, а также мощные зольники. Кроме этого выявлены временные стоянки с единичными находками, которые располагались на открытых площадках, как на притоках, так и в поймах крупных рек.

Значительно больше, чем памятников ирменской культуры, на юге Кузнецкой котловины известно памятников переходного времени от эпохи бронзы к раннему железу. Этим комплексам уже неоднократно давалась обобщенная характеристика (Бобров, Окунева, 1989). Представим основные типы поселений, характерные для данного периода. Прежде всего, остановимся на тех памятниках, где были проведены раскопки достаточно больших площадей.

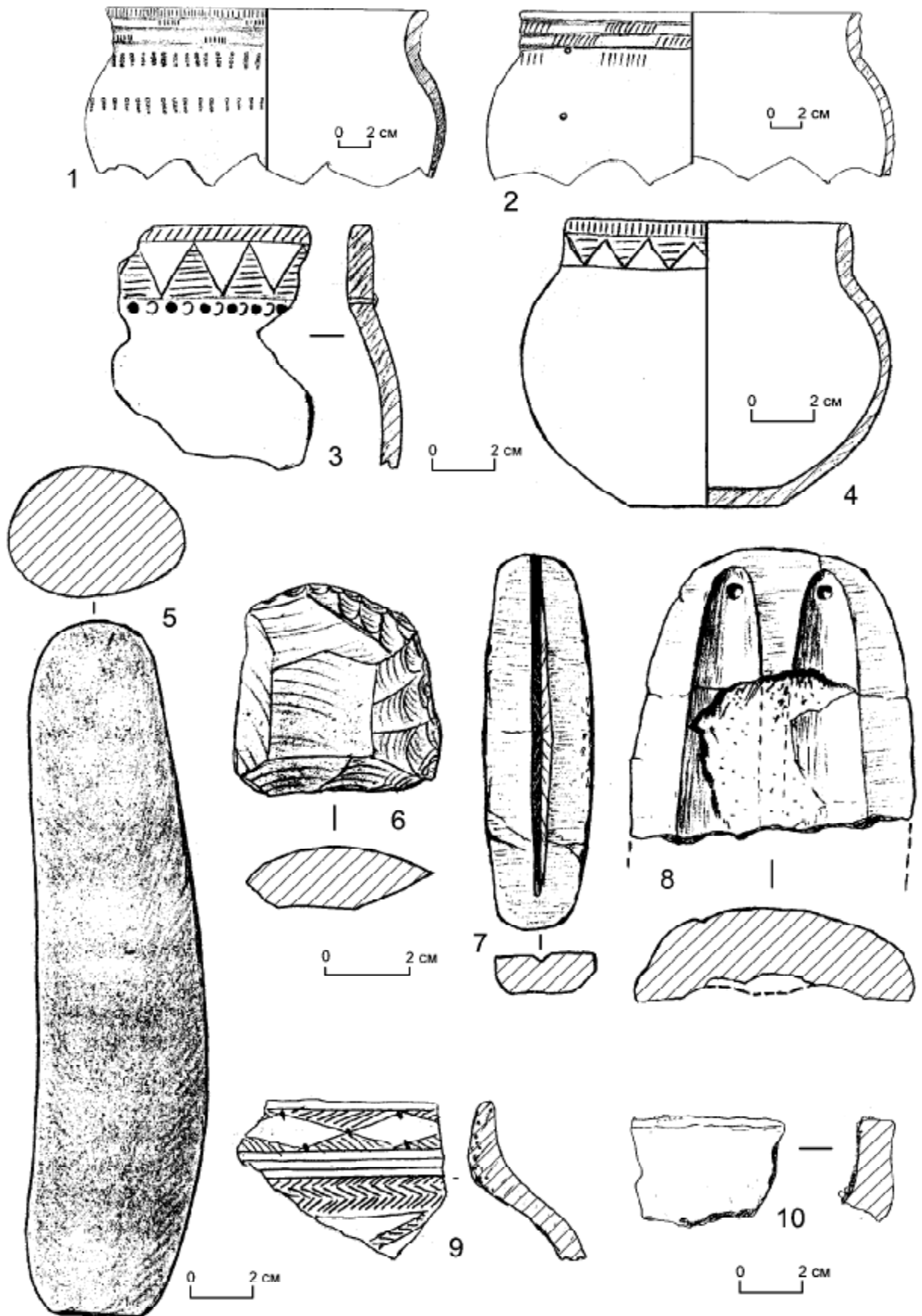

Рис. 2. Поселение Аба-1. 1-4 — керамика; 5, 6 — каменный инвентарь; 7, 8 — глиняные бронзолитейные формы; 9, 10 — ошлакованная керамика и тигель

Гордище Маяк. Это наиболее известный поселенческий памятник юга Кузнецкой котловины с комплексами переходного периода. Кроме этого на городище Маяк выявлены материалы эпохи неолита, раннего железа и средневековья. Памятник расположен в г. Новокузнецке на коренной террасе правого берега р. Томи высотой более 25 м, на мысу, образованном скалистым каньоном, по дну которого протекает ручей Водопадный. Впервые памятник обследовал в 1925 г. А.К. Иванов (Ширин, 2003, с. 100). В 1950–1955 гг. городище Маяк исследовал У.Э. Эрдниев. Им была раскопана внутренняя часть городища до вала и сделан разрез вала. Остался неисследованным поселенческий слой, который простирался, по меньшей мере, на 10–20 м за пределы вала. В настоящее время памятник сильно поврежден разработкой глиняного карьера. От неисследованного участка культурного слоя к С от вала городища Маяк сохранилось несколько останцев площадью до 70 кв. м каждый. Сохранность их, конечно, относительная, так как на них стояли опоры временной ЛЭП. Эти останцы культурного слоя были нами исследованы для получения дополнительной информации по стратиграфии памятника. Так, в ходе раскопок на одном из останцев городища Маяк сделаны находки минимум трёх периодов: переходного от эпохи бронзы, раннего железа и развитого средневековья. Особое внимание уделялось тем материалам, для которых по условиям их залегания удалось установить четкое стратиграфическое соотношение.

Одним из наиболее насыщенных уровней обитания на исследованном участке был горизонт на глубине — 60–63 см. Он был насыщен каменными предметами: крупными терочниками, скоплениями галечных грузил, отбойниками, курантами. Выявленный горизонт можно датировать по преобладающим комплексам керамики и нескольким развалам сосудов ранним железом. Два керамических развала эпохи раннего железа были найдены глубже выделенного для них горизонта обитания. Но и в этом случае сосуды раннего железа перекрывали развалы переходного периода. Второй, ярко выраженный горизонт обитания был выявлен на уровне — 95–100 см. Здесь кроме многочисленных фрагментов керамики переходного периода найдены кремневые отщепы и орудия, каменные песты, подвеска из просверленной гальки, а также обломки глиняных бронзолитейных форм. На этом и более глубоких уровнях расчищены развалы нескольких горшков с характерными для переходного времени утолщёнными шейками.

На уровне -95 см найден развал крупного горшка с диаметром устья — 20 см. Шейка и плечико орнаментированы горизонтальными оттисками гребёнки, на переходе к плечу наколоты жемчужины с оттисками уголка лопатки между ними (Рис. 3, 1). На этом же уровне расчищен развал горшка с диаметром устья — 14 см. Шейка орнаментирована горизонтальной резной ёлочкой из трех рядов косых насечек, при переходе к плечу нанесено несколько горизонтальных резных линий, под ними — резные треугольные фестоны, заштрихованные косыми насечками (Рис. 3, 2).

На уровне -97 см найден развал горшка с приотрётным книзу туловом и маленьким доннышком. Высота сосуда — 18 см., диаметр устья — 15,5 см. В шейке просверлено несколько отверстий. Орнаментация гребенчатая (Рис. 3, 5).

На уровне — 100 см найден развал круглодонного горшка. Его высота — 12 см, диаметр устья — 11 см. Шейка украшена горизонтальной резной ёлочкой из трех рядов косых насечек. Плечико покрыто 13–14 резными горизонтальными линиями, по наибольшему диаметру шаровидного тулова нанесены две полосы резных заштрихованных треугольников (Рис. 3, 4).

На уровне — 102 см найден развал остродонного горшка. Высота сосуда — 13 см, диаметр устья — 14 см. Шейка украшена горизонтальной ёлочкой из трех рядов косых насечек, на переходе к плечу — жемчужины с наколотыми между ними ямками, на плечике — горизонтальная ёлочка из двух рядов косых насечек (Рис. 3, 6).

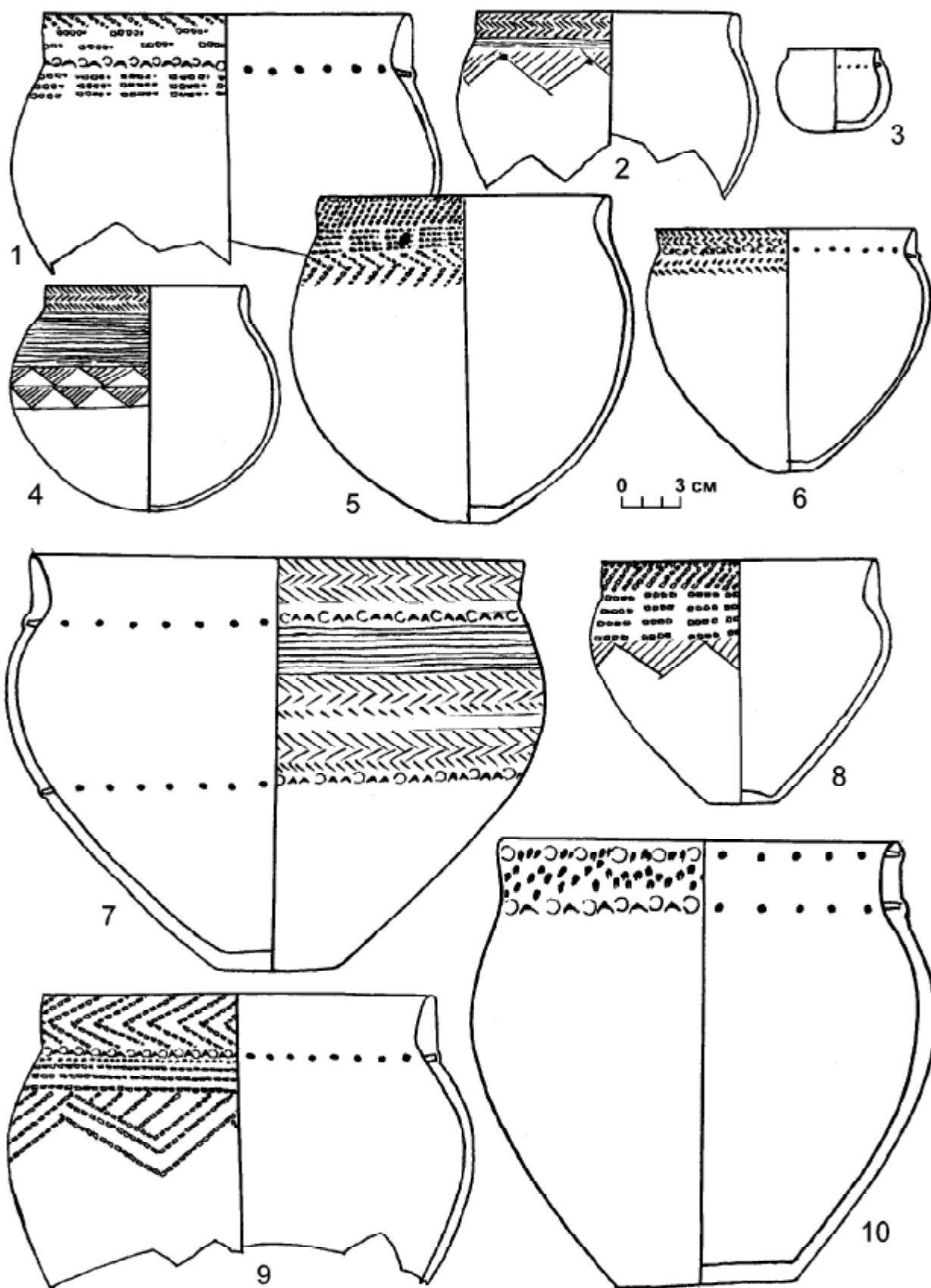

Рис. 3. Городище Маяк. Керамика

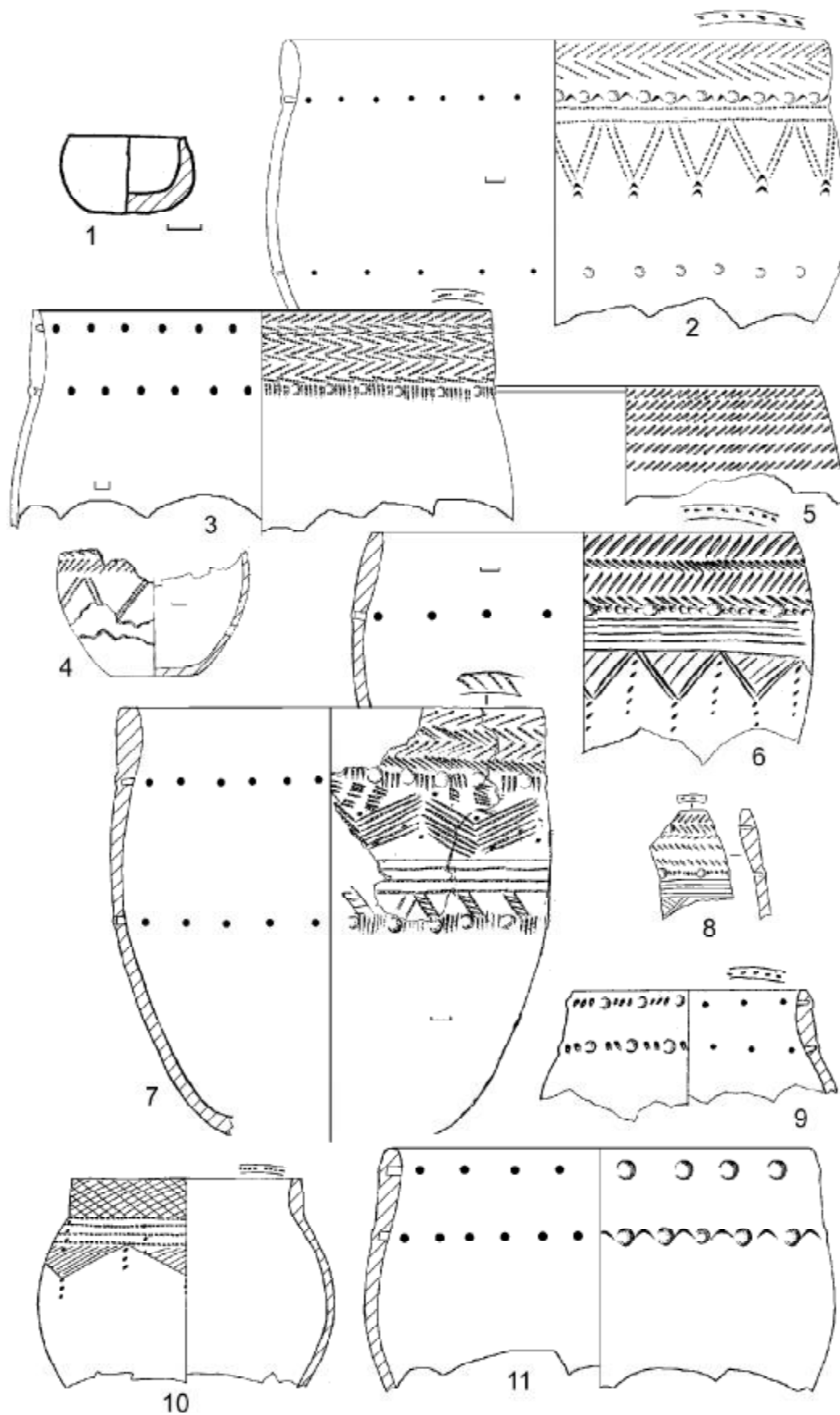

Рис. 4. Поселение Усть-Абинское. Керамика

На уровне — 105 см найден неорнаментированный плоскодонный горшочек, выдавленный из куска глины. Его высота — 4,5 см. диаметр устья — 4,8 см. В зоне шейки изнутри наколоты ямки, но жемчужины с внешней стороны заглажены (Рис. 3, 3).

На уровне — 120 см найдены развалы двух горшков с сужающимся к маленькому плоскому доньшку туловом. Высота одного из них — 13 см, диаметр устья — 15 см. Его шейка орнаментирована плотным рядом косых оттисков гребёнки. На плечике — четыре горизонтальные линии из редких оттисков гребёнки, под которыми нанесены резные треугольные заштрихованные фестоны (Рис. 3, 8). Высота другого сосуда — 22 см, диаметр устья — 27 см. Его шейка орнаментирована горизонтальной ёлочкой из трех полос косых насечек, при переходе к плечу наколот ряд жемчужин с парными оттисками уголка лопатки между ними, над жемчужинами прошлифован широкий желобок. На плечике нарезаны восемь горизонтальных линий. Под ними — горизонтальная ёлочка из трех рядов косых насечек разной длины, широкий желобок и опять горизонтальная ёлочка из трех рядов косых насечек разной длины. Снизу композиция ограничена рядом жемчужин с парными оттисками уголка лопатки между ними (Рис. 3, 7). На этом же уровне (-120 см) найден развал еще одного горшка. Диаметр его устья — 27,5 см. Шейка орнаментирована горизонтальной ёлочкой из двух рядов косых оттисков крупнозубой гребёнки. При переходе к плечу наколот ряд жемчужин с оттисками уголка лопатки между ними. На плечике — горизонтальная полоса лунок и три ряда горизонтальных оттисков гребёнки. Снизу композиция ограничена треугольными фестонами, выполненными оттисками гребёнки (Рис. 3, 9).

На уровне — 135 см собран развал плоскодонного горшка с относительно высокой шейкой. Высота сосуда — 24 см, диаметр устья — 21,5 см. Орнаментирована только шейка. Вдоль обреза венчика ряд жемчужин с двумя–тремя лунками между ними, второй ряд жемчужин — при переходе к плечу. Между жемчужинами нанесены оттиски уголка лопатки. На шейке, между верхним и нижним рядами жемчужин, нанесены без системы группы лунок (Рис. 3, 10).

Некоторые из перечисленных развалов перекрывали друг друга. Причем установлено, что верхние развалы попадали в почву уже после того, как над нижними накапливалась прослойка грунта. Данные стратиграфические наблюдения позволяют утверждать, что широкое распространение геометрических мотивов в орнаментации керамики переходного периода на юге Кузнецкой котловины явление весьма устойчивое. Это подтверждается сохранением некоторых геометрических мотивов в орнаменте керамики Кондомо-Томского предгорного района и в эпоху раннего железа. В орнаментации керамики переходного периода, найденной на городище Маяк за все годы его исследования, отмечены единичные случаи использования крестового штампа. Редко встречаются и выгнутые венчики, подобные завьяловским и молчановским.

Усть-Абинское. Расположено в г. Новокузнецке на коренной террасе правого берега р. Томи высотой 54 м, напротив устья ее левого притока р. Абы. Первоначальный рельеф террасы сильно искажён недавними земляными работами, отдельные участки поселения полностью уничтожены. Вплотную к памятнику примыкает индивидуальная жилая застройка. Поселение выявлено в ходе исследования грунтового могильника фоминской культуры. Общая площадь поселения Усть-Абинского превышает 1000 кв. м. В результате раскопок была вскрыта площадь около 600 кв. м.

Слой поселения залегал на уровне — 35–45 см от современной поверхности. Находки встречались по всей площади раскопа, но наибольшее их количество было сделано в северо-западной части. Здесь были прослежены остатки сгоревших наземных деревянных, видимо, каркасных конструкций (от них сохранились отдельные шесты и плахи). С этими конструкциями

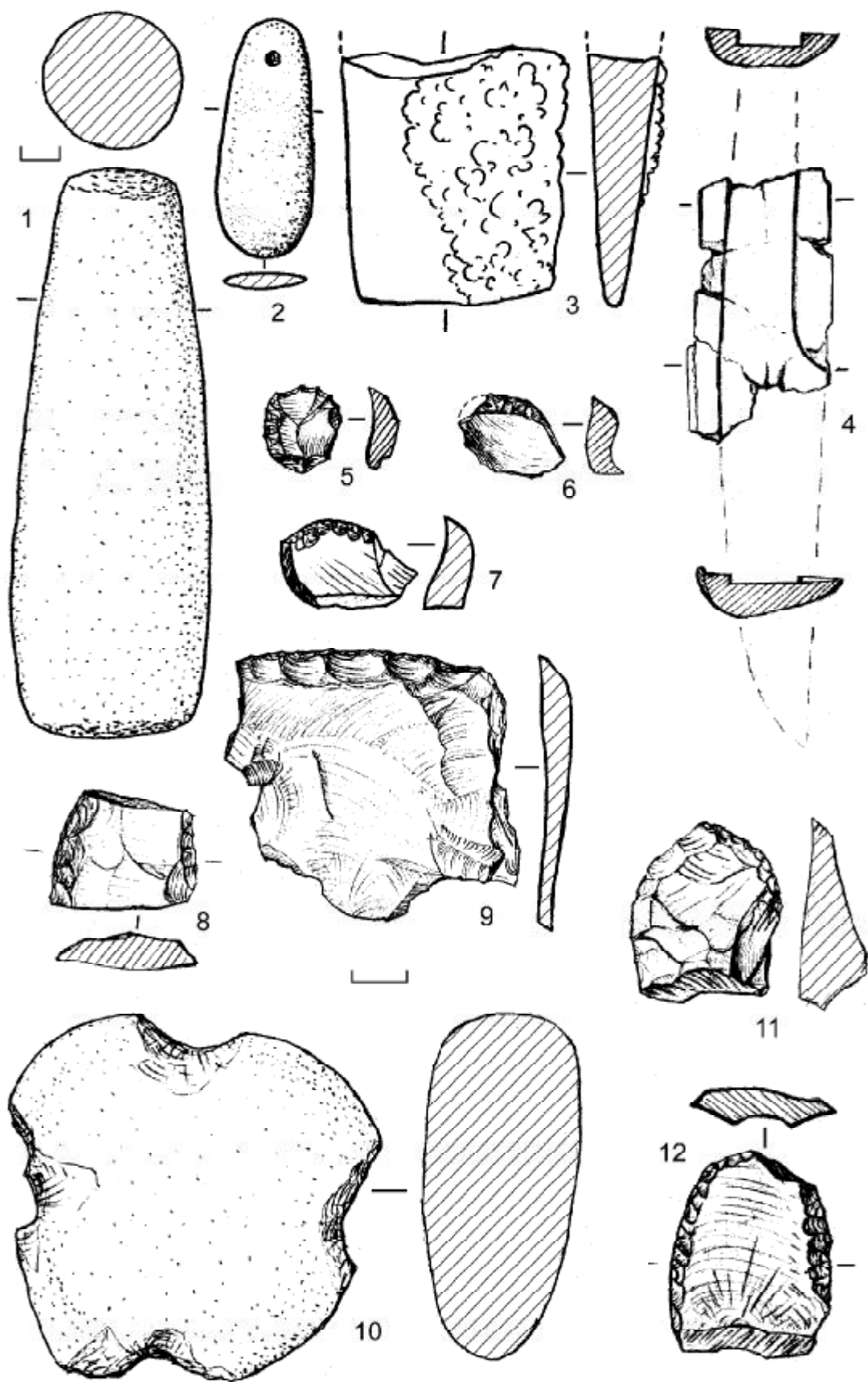

Рис. 5. Поселение Усть-Абинское. 1, 2, 5-12 — инвентарь из камня;
3, 4 — части глиняных бронзолитейных форм

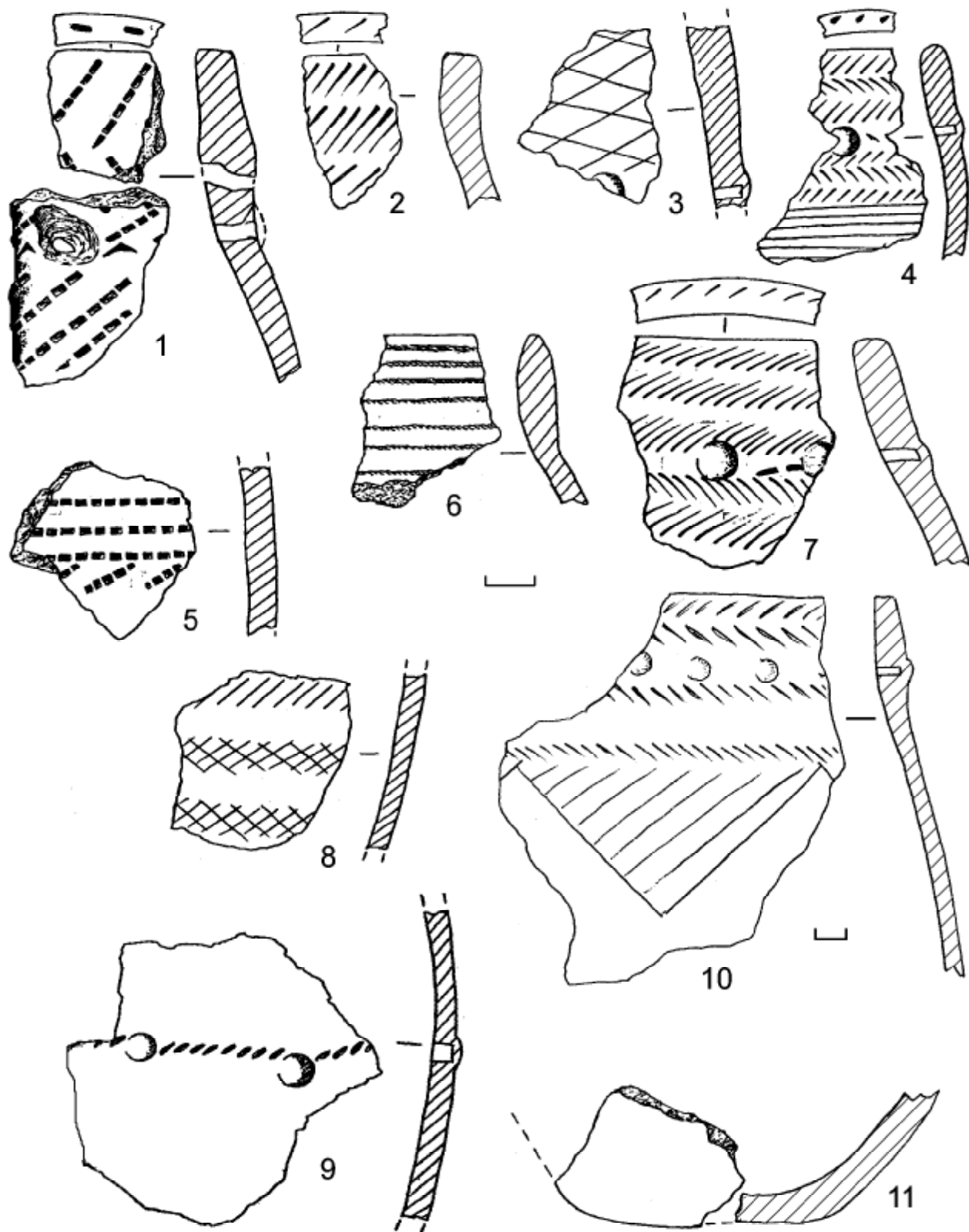

Рис. 6. Поселение Куртуково-1. Керамика

были связаны три простых наземных очага округлой формы диаметром 0,6–1 м. В двух очагах отмечены следы плавки бронзы, а рядом найдены куски слабообожженных глиняных бронзолитейных форм. В том числе — обломок створки для отливки ножа (Рис. 5, 4) и ошлакованная шишка для отливки кельта (Рис. 5, 3). Здесь же встречались куранты (Рис. 5, 1), просверленные гальки (Рис. 5, 2) и кремневые скребла (Рис. 5, 5–9, 11, 12). В контурах сгоревших конструкций и вне их найдено несколько развалов сосудов, а также небольшое количество отдельных фрагментов керамики. Большая часть глиняных сосудов отличалась очень слабым обжигом, расслаивалась и крошилась. В орнаментации отмечено использование резной и гребенчатой техники, которые нередко смешивались. Форма сосудов и их орнамент типичны для памятников Притомья переходного периода. Кроме горшков, которые преобладают, появляются сосуды со слабо-выраженной зоной шейки, близкие к банкам. Венчики утолщенные, нередко имеют насечки или наколы на обресе (Рис. 4).

В центральной части раскопа, где были вскрыты погребения Усть-Абинского могильника, также встречались фрагменты керамики и объекты, которые можно с уверенностью связать с поселенческим слоем переходного периода. Здесь на уровне — 35 см расчищены угли сгоревших плах, а также выявлен конструктивный элемент какого-то сооружения представленный тремя углистыми пятнами от сгоревших столбовых опор и стенок. Угли были связаны с прямоугольным прокалом, являвшимся, по-видимому, остатками очага наземной постройки, с жесткой рамой. Размеры очага 124x68 см, мощность прокала до 20 см.

Костей животных в поселенческом слое практически не было. Найден обломок рубленого лосиного рога. На южной периферии Усть-Абинского поселения отмечена прослойка унавоженного грунта. Она может быть соотнесена с наличием на данной территории скотного загона. В унавоженном слое был расчищен развал горшка. Это был сосуд с утолщенной прямой шейкой, с наколами по обрису венчика. Весь орнамент состоял из двух рядов жемчужин с двумя–тремя наколами между ними. Один ряд нанесён вдоль обреса венчика, другой при переходе шейки в плечико (Рис. 4, 9). Здесь же найдены крупные прокаленные гальки, отдельные фрагменты керамики, галечное грузило (единичная находка) (Рис. 5, 10), кремневые отщепы.

Куртуково-1. Расположено на левом берегу р. Кондомы, в 600 м выше по течению от д. Куртуково. Поселение занимает мыс высотой 15 м, между протокой и впадающим в нее ручьем. Значительная часть мыса была разрушена при прокладке дороги вдоль основания террасы, а также глиняным карьером. Впервые поселение обследовано в 1962 г. А.И. Мартыновым и Ю.М. Бородкиным, которые собрали подъемный материал: фрагменты керамики, пряслице из глины, обломок бронзового украшения, бронзовый нож (Кулемзин, Бородкин, 1989, с. 83). В 1988 г. на поселении Куртуково-1, на краю разрушенного мыса нами был заложен раскоп площадью около 40 кв. м. В раскопе была исследована хозяйственная постройка, назначение которой реконструируется лишь предположительно, как коптильня. Это было сооружение 3x2,2 м, стены которого, судя по цепочке глубоких вертикальных парных ямок (около 30) по периметру объекта, были в виде плетня. В центре расчищена яма 1,45x0,8 м, глубиной около 1 м. В ней выявлены остатки сгоревшей деревянной конструкции. Вдоль длинных стен ямы сохранились основания вертикальных стоек из бревнышек диаметром 7–10 см, по четыре — по углам и через равные промежутки. Стойки не были углублены. Судя по углям, в конструкции использовались и тесаные доски. Дно ямы прокалено. Весь найденный в раскопе материал был однотипен. Найдено несколько фрагментов керамики орнаментиро-

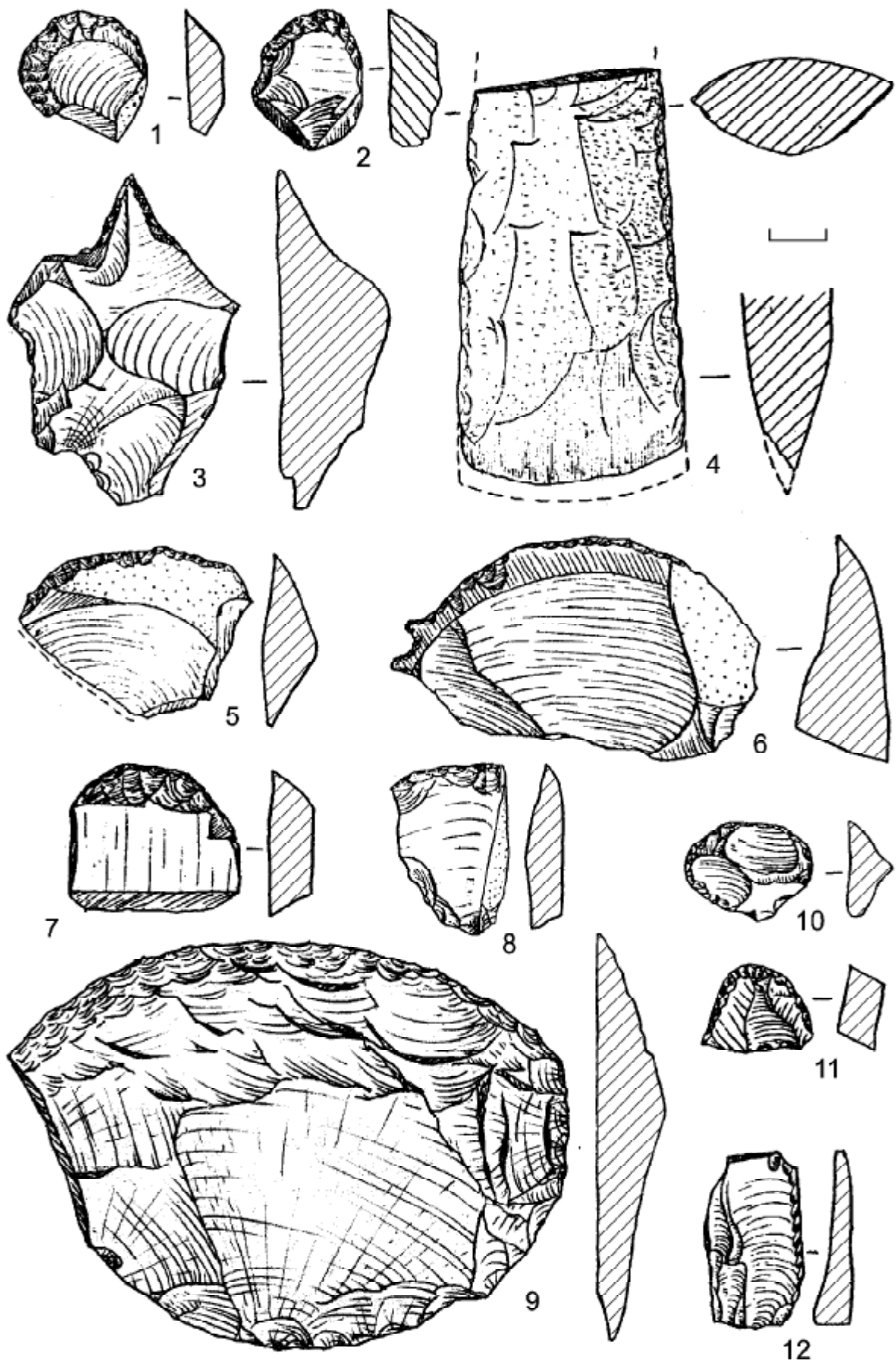

Рис. 7. Поселение Куртуково-1. Каменный инвентарь

ванной резными и гребенчатыми узорами. По плоскому обрезу утолщенных венчиков есть наколы, в зоне шейки — жемчужины с оттисками уголка лопатки между ними (Рис. 6). Гораздо больше здесь было собрано каменных орудий: обломки терочника, пест, обломок каменного топора (Рис. 7, 4), массивные ножи с дугообразным лезвием (7, 9), разнообразные скребла, в том числе с выступами и шипами (Рис. 7, 6), а также с несколькими рабочими лезвиями, микроскреблышки, проколки (Рис. 7, 3). Находки — керамика и каменные орудия, стратиграфически и планиграфически были связаны с исследованным хозяйственным объектом. Вдоль периметра объекта найдены галечные грузила для сети. Вне контуров постройки находок практически не было.

Ивановка-2. Расположено в 750 м к С–З от д. Ивановка на правом берегу р. Второй Шарап (левый приток р. Абы). На небольшом повышении рельефа на склоне в вершине лога, в устье которого в 380 м к В от места находки устроена запруда, на пашне обнаружен фрагмент керамики позднеирменского типа. Культурный слой не выявлен.

Мы поддерживаем выделение для юга Кузнецкой котловины, также как и для Среднего Притомья, так называемых позднеирменских памятников, характеризующих переходный период от эпохи бронзы к эпохе железа (Бобров, 1992, с. 24–25). В то же время, помня о выявляемой разно- и многокомпонентности в культурных характеристиках памятников переходного времени, а также о ландшафтном разнообразии предгорий Северного Алтая, можно предполагать определенное своеобразие протекания культурогенеза на юге Кузнецкой котловины в сравнении с сопредельными регионами. Влияние крестового компонента в этом регионе еще меньше, чем в памятниках Верхнего Приобья. Несомненное своеобразие данным комплексам придает влияние лугавской культуры. Как мы уже отмечали, на городище Маяк найдена керамика, демонстрирующая связь Кузнецкой котловины с носителями и ближнеелбанской керамической традиции (Ширин, Окунева, 1999, с. 12).

По топографическому расположению позднеирменские поселения существенно отличаются от ирменских. Долговременные поселения переходного периода располагаются на краю высоких коренных террас в устьях ручьев, над широкими заливными поймами крупных рек. На большинстве этих поселений встречен разнообразный каменный инвентарь: грузила рыболовных сетей, орудия на отщепках, песты, зернотерки, образива. Изделия из металла на исследованных поселениях встречались редко, но отмечено кустарное бронзолитейное производство. Выделяется ряд поселений с сезонной промысловой ориентацией. Прежде всего, судя по преобладанию в их культурном слое рыболовных грузил, можно говорить о сетевом рыболовстве с заготовкой впрок. Кроме этого отмечена сезонная специализация на разнопрофильном охотничьем промысле — на косуль, сурков и т. п. На таких памятниках преобладает разнообразный каменный инвентарь — наконечники стрел, скребла, проколки, ножи, а также отмечены скопления костей промысловых животных. На склонах водораздельных грив притоков выделены кратковременные, видимо, пастушеские стоянки с единичными находками фрагментов керамики.

Исследованные за последние годы на юге Кузнецкой котловины позднеирменские памятники позволяют проследить постепенное оседание степного населения в предгорной зоне. Одновременно отмечается переход от специализированного скотоводства степного типа к комплексному сезонно и ландшафтно обусловленному типу хозяйства с увеличением доли присваивающей экономики. Видимо, одним из существенных факторов повлиявших на данный процесс стал лугавский компонент, выявляемый в составе ирменских комплексов.

Библиографический список

1. Novikova O.I., Typologie, Entwicklung und relative Chronologie der Keramik aus der spdtbronzezeitlichen Siedlung Milovanovo 3 // *Eurasia Antiqua: Zeitschrift für Archdologie Eurasiens* / Deutsches Archdologisches Institut, Eurasien-Abteilung. Band 8, 2002. S. 61–102.
2. Абдулганеев М.Т., Алехин Ю.П., Иванов Г.Е., Кунгуров А.Л., Кунгурова Н.Ю., Мамадаков Ю.Т., Степанова Н.Ф., Талантаев С.Н., Тарасенко В.А., Шамшин А.Б., Шульга П.И. Работы Алтайского университета // *Археологические открытия 1986 года*. М., 1988. С. 202–206.
3. Абдулганеев М.Т., Владимиров В.Н. Типология поселений Алтая 6–2 вв. до н.э. — Барнаул: Изд-во АГУ, 1997. — 148 с.
4. Абдулганеев М.Т., Кадиков Б.Х., Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю. История исследования археологических памятников Зонального района // *Зональный район: история, люди и судьбы*. Барнаул, 2003. С. 50–78.
5. Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Лузин С.Ю., Шамшин А.Б. Могильники развитой и поздней бронзы на Ближних Елбанах // *Погребальный обряд древних племён Алтая*. Барнаул: Изд-во АГУ, 1996. С. 11–20.
6. Абрамова М.Б., Стефанов В.И. Красноозерская культура на Иртыше // *Археологические исследования в районах новостроек Сибири* — Новосибирск: Наука, 1985. — С. 103–130.
7. Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР. Ташкент: Изд-во ФАН, 1991. 200 с.
8. Агапов С.А., Васильев И.Б., Кузьмина О.В., Семенова А.П. Срубная культура лесостепного Поволжья (итоги работ Средневожской археологической экспедиции) // *Культуры бронзового века Восточной Европы*. Межвуз. сб. науч. тр. — Куйбышев, 1983. — С. 6–58.
9. Арсланова Ф.Х. Памятники андроновской культуры из Восточно-Казахстанской области // *СА № 4*. 1973. С. 160–168.
10. Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987. 472 с.
11. Атлас. Алтайский край. М.; Барнаул, 1978. Т. 1. 224 с.
12. Бобров В.В. Эпоха поздней бронзы Обь-Чулымского междуречья // *Археология Южной Сибири*. — Кемерово: КемГУ, 1985. — С. 28–36.
13. Бобров В.В. Особенности погребального обряда ирменской культуры в Кузнецкой котловине // *Древние погребения Обь-Иртышья*. Омск: ОмГУ, 1991, с. 60–72.
14. Бобров В.В. Кузнецко-Салаирская горная область в эпоху бронзы. Диссер. д.и.н. в форме научного доклада. Новосибирск, 1992, 41 с.
15. Бобров В.В. Переходное время от бронзы к железу в лесостепном Приобье // III годовая итоговая сессия института археологии и этнографии СО РАН, ноябрь 1995. Тез. докл. — Новосибирск: Изд-во ИАиЭт СО РАН, 1995. — С. 24–26.
16. Бобров В.В. Бронзолитейное производство в системе экономики обществ поздней бронзы Кузнецкой котловины // *Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири*. — Барнаул: Изд-во АГУ, 1997. — С. 72–75.
17. Бобров В.В. Комплексы керамики с фигурно-штамповой орнаментацией на юго-востоке Западной Сибири // *Археология, этнография и музейное дело*. — Кемерово: КемГУ, 1999. — С. 32–43.
18. Бобров В.В. Лапчатые подвески ирменской культуры // *Евразия сквозь века*. СПб., 2001. С. 204–207.
19. Бобров В.В. Новый тип погребальных сооружений эпохи бронзы в Верхнеобском регионе (предварительное сообщение) // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Си-*

бири и сопредельных территорий. Матер. Годовой сессии ИАЭТ СО РАН. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002 г. — Т. VIII. — С. 224–228.

20. Бобров В.В., Горяев В.С. Танай 12 — новый памятник эпохи бронзы в Кузнецкой котловине // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Матер. годовой юбилейной сессии ИАЭТ СО РАН. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000 г. — Т. VI. — С. 226–230.

21. Бобров В.В., Горяев В.С. Андроновские погребения могильника Танай 12 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Матер. Годовой сессии ИАЭТ СО РАН, декабрь 2001 г. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. — Т. VII. — С. 240–243.

22. Бобров В.В., Горяев В.С., Умеренкова О.В. Планиграфические особенности памятника Танай 12 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Матер. Годовой сессии ИАЭТ СО РАН, 2002 г. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002 — Т. VIII. — С. 229–233.

23. Бобров В.В., Жаронкин В.Н. Новые материалы из раскопок поселения Танай-4а // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Матер. VI Годовой итоговой сессии ИАЭТ СО РАН. Декабрь 1998 г. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. — Т. IV. — С. 187–190.

24. Бобров В.В., Жаронкин В.Н. Новые материалы раннего комплекса поселения Танай 4а // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Матер. VII Годовой итоговой сессии ИАЭТ СО РАН. Декабрь 1999 г. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. — Т. V. — С. 253–257.

25. Бобров В.В., Жаронкин В.Н. Завершение полевых исследований поселения Танай 4а / Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Матер. Годовой сессии ИАЭТ СО РАН, 2002 г. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. — Т. VIII. — С. 234–236.

26. Бобров В.В., Кузьминых С.В., Тенейшвили Т.О. Древняя металлургия Среднего Енисея (лугавская культура). — Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. — 99 с.

27. Бобров В.В., Мыльников В.П. Андроновские погребальные сооружения из дерева в горных экосистемах Южной Сибири // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Матер. Годовой сессии ИАЭТ СО РАН, декабрь 2001 г. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. — Т. VII. — С. 220–223.

28. Бобров В.В., Мыльникова Л.Н., Горяев В.С. Новые исследования на могильнике Танай 7 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий Матер. V Годовой сессии ИАЭТ СО РАН, декабрь 1997 г. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. — Т. III. — С. 144–149.

29. Бобров В.В., Мыльникова Л.Н., Мыльников В.П. Изучение курганного могильника Танай-7 в полевой сезон 2001 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Матер. Годовой сессии ИАЭТ СО РАН, декабрь 2001 г. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. — Т. VII. — С. 224–230.

30. Бобров В.В., Мыльникова Л.Н., Мыльников В.П. Новые результаты исследования могильника Танай-7 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Матер. Годовой сессии ИАЭТ СО РАН, 2002 г. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. — Т. VIII. — С. 237–242.

31. Бобров В.В., Окунева И.В. Среднее Притомье в переходное время от бронзы к раннему железному веку. Деп. в ИНИОН 14.09.89 г. №38592. 28 с.

32. Бобров В.В., Труфанов А.Я. Материалы молчановской культуры Томского Приобья // Исторический ежегодник. Специальный выпуск. — Омск: ОмГУ, 2000. — С. 22–37.

33. Бобров В.В., Умеренкова О.В. Исследование поселения Танай-4 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Матер. VI Годовой итоговой сессии ИАЭТ СО РАН. Декабрь 1998 г. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. — Т. IV. — С. 197–200
34. Бобров В.В., Чикишева Т.А., Михайлов Ю.И. Могильник эпохи поздней бронзы Журавлево-4. Новосибирск: ВО “Наука”, 1993. 157 с.
35. Бородовский А.П. Современные возможности обследования археологических памятников Новосибирского водохранилища // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири. Материалы IV Годовой итоговой сессии ИАЭТ СО РАН. Декабрь 1996 г. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. С. 26–29.
36. Вадецкая Э.Б., Леонтьев Н.В., Максименков Г.А. Памятники окуневской культуры. Л.: Наука, 1980. 148 с.
37. Варфоломеев В.В. Относительная хронология керамических комплексов поселения Кент // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. Караганда, 1987. С. 56–68.
38. Васильев Е.А. Северотаежное Приобье в эпоху поздней бронзы (хронология и культурная принадлежность памятников) // Археология и этнография Приобья. — Томск: Изд-во ТГУ, 1982. — С. 3–14.
39. Васютин А.С., Ложкин К.В., Петенова Г.Г., Самашев З.С. Новые данные о памятниках калажургинского типа Восточного Казахстана (По материалам могильника Курук-1) // Маргулановские чтения. Алма-Ата, 1989. С.123-126.
40. Винокурова Е.И., Лысенко Ю.А. Охранные раскопки погребального комплекса около города Усть-Каменогорска // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Вып. XI. Барнаул: Изд-во АГУ, 2000. С. 134-138.
41. Вистингаузен В.К. Природно-исторические пещерные памятники Алтайского района // В предгорьях Алтая. Очерки истории и культуры. Барнаул–Алтайское, 1998. С. 35–62.
42. Вистингаузен В.К. Спелеоархеология Алтая // Археология и этнография Алтая. Барнаул, 1982. С. 137–156.
43. Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н.э.: По материалам Уйгарака. АН СССР ИЭ. — М.: Наука, 1973. 160 с.
44. Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта: археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Ч. 1. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1992. 408 с.
45. Генинг В.Ф., Стефанова Н.К. Черноозерье-I — могильник эпохи бронзы Среднего Прииртышья. Екатеринбург, 1994. 67 с.
46. Горюнова О.И., Смотрова В.И. Погребальные комплексы могильника Шумилиха: (анализ материалов и датировка памятника) // Бронзовый век Приангарья: Могильник Шумилиха. Иркутск, 1981. С. 17–28.
47. Григорьев С.А. Древние индоевропейцы. Опыт исторической реконструкции. Челябинск, 1999. 444 с.
48. Гришин Ю.С. Металлические изделия Сибири эпохи неолита и бронзы // САИ. — М.: Изд-во Наука, 1971. — Вып. 3–12. — 90 с.
49. Грушин С.П. Особенности формирования погребального памятника Телеутский Взвоз-I // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии. Том I. Материалы РАЭСК. Новосибирск, 2000. С. 122–123.
50. Грушин С.П. Основные элементы погребального обряда населения Верхнего Приобья в эпоху ранней бронзы // Проблемы изучения древней и средневековой истории. Барнаул: Изд-во АГУ, 2001а. С. 50–55.
51. Грушин С.П. К вопросу о культурной принадлежности некоторых памятников эпохи ранней бронзы предгорно-равнинной зоны Алтая // Гуманитарные исследования на пороге

нового тысячелетия. Барнаул, 2001б. С. 84–89.

52. Грушин С.П. Культура населения эпохи ранней бронзы лесостепного Алтая: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2002. 24 с.

53. Грушин С.П. Отчет об археологической разведке в урочище “Кораблик” у с. Среднекрасилово в Заринском районе Алтайского края в 2002 году // Архив Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ. Барнаул, 2003. 32 с.

54. Грязнов М.П. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане // СА, 1952. Вып. XVI. С. 129–162.

55. Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. МИА — М.-Л., 1956 — № 48. — 256 с.

56. Грязнов М.П. Пастушеские племена Средней Азии в эпоху развитой и поздней бронзы // КСИА. Вып 122. М., 1970. С. 35-38.

57. Грязнов М.П. Аржан: царский курган раннескифского времени. Л.: Наука, 1980. 63 с.

58. Грязнов М.П. О кенотафах // Проблемы археологии и этнографии Сибири. Иркутск, 1982. С. 98-99.

59. Данченко Е.М. Поселение Кип-III // Исторический ежегодник. Специальный выпуск. — Омск: ОмГУ, 2000. — С. 60–75.

60. Демин М.А., Ситников С.М. Поселение Чекановский Лог-1 — новый памятник эпохи поздней бронзы Юго-Западного Алтая // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1998. №3. С. 43–54.

61. Демин М.А., Ситников С.М. Новые материалы андроновской культуры с верховьев р. Алей // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Вып. XI. Барнаул: Изд-во АГУ, 2000. С. 121-125.

62. Демин М.А., Ситников С.М. Поселение Чекановский Лог-I в системе относительной хронологии саргаринско-алексеевских древностей // Северная Евразия в эпоху бронзы: Пространство. Время. Культура. Барнаул, 2002. С. 29–36.

63. Дэвлет М.А. Петроглифы Мугур-Саргола. М.: Наука, 1980. 272 с.

64. Дэвлет М.А. Петроглифы на дне Саянского моря (гора Алды-Мозага). М., 1998. 287 с.

65. Евдокимов В.В. Новые поселения эпохи поздней бронзы Верхнего Притоболья // Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1975. Вып. 13. С. 109–114.

66. Евдокимов В.В. Заключительный этап эпохи бронзы Кустанайского Притоболья // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. Караганда, 1987. С. 68–79.

67. Ермолаева А.С. Памятники переходного периода от эпохи бронзы к раннему железу // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата: Наука, 1987. С. 64–94.

68. Заднепровский Ю.А. Древнеземледельческая культура Ферганы. М.-Л: Изд-во АН СССР, 1962. 328 с.

69. Зах В.А. Эпоха бронзы Присалаирья (по материалам Изылинского археологического микрорайона). — Новосибирск: «Наука» Сибирское предприятие РАН, 1997. — 133 с.

70. Зах В.А., Елагин В.С., Романцова В.Д. и др. Работы на берегах Обского моря // АО 1974. — М., 1975. — С. 207–208.

71. Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. 180 с.

72. Зданович С.Я. Происхождение саргаринской культуры (к постановке вопроса) // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983. С. 69–80.

73. Зданович С.Я. Керамика саргаринской культуры // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1984. С. 79–96.

74. Зданович С.Я. Саргаринская культура — заключительный этап бронзового века в Се-

верном Казахстане. Автореф. ... дис. канд. ист. наук. М., 1979. 20 с.

75. Зими́на В.М., Адаменко О.М. Новый памятник культуры эпохи бронзы у с. Ново-Александровка // Известия Сибирского отделения академии наук СССР. Серия общественных наук. № 9. Вып. 3. М., 1963. С. 53-59.

76. Иванов Г.Е. К вопросу об абсолютной и относительной хронологии памятников с ва­ликовой керамикой степного Алтая // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул, 1988. С. 101–104.

77. Иванов Г.Е. Археологические находки из Мамонтовского района в собрании АККМ (к атрибуции и датировке) // Алтайский сборник. Барнаул, 1993а. Вып. XVII. С. 59–69.

78. Иванов Г.Е. Два поселения эпохи поздней бронзы в степном Алтае // Культура народов евразийских степей в древности. Барнаул, 1993б. С. 132–146.

79. Иванов Г.Е. Свод памятников истории и культуры Мамонтовского района. Мамонтово–Барнаул, 2000. 160 с.

80. Иванов С.В. Скульптура народов Севера Сибири XIX — первой половины XX в. Л., 1970. 296 с.

81. Итина М.А., Яблонский Л.Т. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М.: РОССПЭН, 1997. 188 с.

82. Кадырбаев М.К. Памятники тасмолинской культуры // Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1966.

83. Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки. Алма-Ата: Гылым, 1992. 248 с.

84. Казаков А.А. Аварийные работы в Павловском районе // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1995. Вып. V. Ч. 1. С. 182–188.

85. Казаков А.А. Отчет об аварийных археологических исследованиях курганного могильника Телеутский Взвоз-I в Алтайском крае летом 1996 г. Барнаул, 1997.

86. Казаков А.А., Тишкин А.А. Результаты раскопок в Барнаульском Приобье // Археологические открытия. 1996 год. М., 1997. С. 327–329.

87. Казаков А.А., Шамшин А.Б., Ведянин С.Д. Курганный могильник Телеутский Взвоз-I / Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул, 1995. Вып. VI. С. 78–83.

88. Кирюшин Ю.Ф. Итоги и перспективы изучения памятников энеолита и бронзы Алтая // Проблемы древних культур Сибири. Новосибирск, 1985. С. 46–53.

89. Кирюшин Ю.Ф. Новые могильники ранней бронзы на Верхней Оби // Археологические исследования на Алтае. Барнаул, 1987. С. 100–125.

90. Кирюшин Ю.Ф. Особенности погребального обряда и погребальной посуды андроновской культуры // «Моя избранница наука, наука, без которой мне не жить...». Барнаул: Изд-во АГУ, 1995. С. 58-75.

91. Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза на юге Западной Сибири. Барнаул: Изд-во АГУ, 2002. 294 с.

92. Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е., Удодов В.С. Новые материалы эпохи поздней бронзы степного Алтая // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. Барнаул, 1990. С. 104–128.

93. Кирюшин Ю.Ф., Казаков А.А., Тишкин А.А. Новые памятники эпохи ранней бронзы на территории Алтайского края и перспективы их исследования // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. Т. II. С. 116–119.

94. Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I. Культура населения в раннескифское время. Барнаул: Изд-во АГУ, 1997. 232 с.

95. Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П. Погребально-поминальный комплекс эпохи ранней бронзы на памятнике Телеутский Взвоз-I // Проблемы археологии, этнографии, антро-

пологии Сибири и сопредельных территорий: Матер. VI Годовой итоговой сессии ИАЭТ СО РАН. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. Т. IV. С. 250–252.

96. Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П. Краткие итоги археологического изучения памятников эпохи ранней бронзы Березовая Лука и Телеутский Взвоз–I // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Матер. Годовой итоговой сессии ИАЭТ СО РАН. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. Т. V. С. 391–396.

97. Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П. Андроновская могила на памятнике Телеутский Взвоз–I // Актуальные вопросы истории Сибири. Вторые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина 6–7 октября 1999 г. Барнаул: Изд-во АГУ, 2000а. С. 40–47.

98. Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П. Памятники эпохи энеолита, ранней и развитой бронзы на территории Павловского района // Павловский район: Очерки истории и культуры. Барнаул-Павловск, 2000б. С. 23–35.

99. Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П. Сведения о раскопках грунтового могильника эпохи ранней бронзы Телеутский Взвоз–I // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Матер. Годовой сессии ИАЭТ СО РАН. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000в. Т. VI. С. 297–302.

100. Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П. Археологические исследования на памятниках эпохи ранней бронзы Березовая Лука и Телеутский Взвоз–I // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Матер. Годовой итоговой сессии ИАЭТ СО РАН. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. Т. VII. С. 298–302.

101. Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А. Погребальный обряд населения эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья (по материалам грунтового могильника Телеутский Взвоз–I). Барнаул: Изд-во АГУ, 2003. 333 с.

102. Кирюшин Ю.Ф., Удодов В.С. Экологические факторы и формирование культур поздней бронзы в Западной Сибири // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1990. С. 53–56.

103. Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б. Корчажнинская культура лесостепного Алтайского Приобья // Археологические исследования на Алтае. Барнаул: АГУ, 1987. С. 137–158.

104. Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б. Исследования памятников энеолита и бронзы лесостепного Алтая // III Годовая итоговая сессия Института археологии и этнографии СО РАН, ноябрь 1995. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1995. С. 64–66.

105. Ковалев А.А. Могильник Верхний Аскиз–I, курган 2 // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб., 1997. С. 80–112.

106. Ковтун И.В., Горяев В.С. Могильник Танай 12 и культурно-хронологические особенности андроновской статуарной и изобразительной традиций // Историко-культурное наследие Северной Азии. — Барнаул: Изд-во АГУ, 2001. — С. 53–63.

107. Кокшенев В.В. Отчет об археологической разведке в Сорокинском районе Алтайского края осенью 1979 года // Архив Музея археологии и этнографии Алтая при АГУ. №12. Барнаул, 1980. 7 с.

108. Коренько В.А. О социологической интерпретации памятников бронзового века (погребения дандыбай-бегазинского типа) // СА, 1990. № 2. С. 28–40.

109. Корочкова О.Н. Алакульско-федоровские комплексы Зауралья // Проблемы археологии Евразии: к 80-летию Н.Я. Мерперта. М., 2002. С. 189–197.

110. Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М.: Изд-во «Наука», 1981. 279 с.

111. Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. М.: Изд-во «Наука», 1984. 246 с.

112. Косарев М.Ф. Древняя история Западной Сибири: человек и природная среда. М.: Изд-во «Наука», 1991. 302 с.

113. Косарев М.Ф. Из древней истории Западной Сибири. Общая историко-культурная кон-

цепция. Российский этнограф. М., 1993. Вып. 4. 283 с.

114. Кривцова-Гракова О.А. Алексеевское поселение и могильник // ТГИМ. Вып. XVII. М., 1948. С. 57–172.

115. Кривцова-Гракова О.А. Садчиковское поселение (раскопки 1948 г.) // МИА. М.–Л., 1951. № 21. С. 153–181.

116. Кубарев В.Д. Древние росписи Каракола. Новосибирск: Наука, 1988. 173 с.

117. Кубарев В.Д. Образ быка в петроглифах Алтая // Первобытная археология. Человек и искусство. Новосибирск, 2002. С. 48–53.

118. Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? М., 1994. 464 с.

119. Кузьмина Е.Е. Металлические изделия и вопросы относительной хронологии абашевской культуры // Древние общества юга Восточной Европы в эпоху палеометалла (ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации). СПб., 2000. С. 65–134.

120. Кулемзин А.М., Бородкин Ю.М. Археологические памятники Кемеровской области: Матер. к Своду памятников истории и культуры СССР. Вып. I. Кемерово: Кемеровское книжное изд-во, 1989. 160 с.

121. Кунгуров А.Л. Работы Бийского отряда // Исследования памятников древних культур Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1987. С. 40–43.

122. Кунгуров А.Л., Папин Д.В. Материалы финальной бронзы археологического комплекса Малый Гоньбинский Кордон-1 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2001а. Вып. 3. С. 79–85.

123. Кунгуров А.Л., Папин Д.В. Могильник-5 археологического комплекса Малый Гоньбинский Кордон-I // Проблемы изучения древней и средневековой истории. Барнаул: Изд-во АГУ, 2001б. С. 56–68.

124. Кунгурова Н.Ю., Ситников С.М. Материальная культура древних жителей поселения Советский Путь-1 // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1999. Вып. 4. С. 46–53.

125. Кунгурова Н.Ю., Удодов В.С. Орудия металлообработки эпохи бронзы // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул: Изд-во АГУ, 1997. С. 76–79.

126. Лазаретов И.П. Окуневские могильники в долине реки Уйбат // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб., 1997. С. 19–64.

127. Левашова В.П. Раскопки могильника окуневской культуры в Абакане в 1945 г. // Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1975. С. 99–104.

128. Ломан В.Г. Донгальский тип керамики // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. Караганда, 1987. С. 115–129.

129. Ломан В.Г. Гончарная технология населения Центрального Казахстана второй половины II-го тысячелетия до н.э. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1993. 31 с.

130. Максименков Г.А. О культурах эпохи бронзы южной части Сибири // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1970. С. 75–85.

131. Максименков Г.А. Андроновская культура на Енисее. Л.: Наука, 1978. 192 с.

132. Максимова А.Г. Наскальные изображения ущелья Тамгалы // Вестник Академии наук Каз. ССР № 9, 1958. С. 108–116.

133. Максимова А.Г., Ермалаева А.С., Марьяшев А.Н. Наскальные изображения урочища Тамгалы. Алма-Ата: Онер, 1985. 21 с.

134. Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1979. 363 с.

135. Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1966. 435 с.

136. Маркина Н.Т., Маркин С.В. Новые археологические памятники Горной Шории (по результатам полевого сезона 1979 г.) // Археология Южной Сибири. Кемерово: КемГУ, 1985. С. 59–64.
137. Мартынов А.И. Новый район карасукской культуры // СА. — 1964. — № 2. — С. 122–133.
138. Мартынов А.И. Карасукская эпоха в Обь-Чулымском междуречье // Сибирский археологический сборник. — Новосибирск: Наука, 1966. — С. 164–182.
139. Матвеев А.В. Ирменская культура в лесостепном Приобье. — Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1993. — 181 с.
140. Матвеев А.В., Сидоров Е.А. Ирменские поселения Новосибирского Приобья // Западная Сибирь в древности и средневековье. Тюмень, 1985. С. 29–54.
141. Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Еловско-ирменская культура // Из истории Сибири. Томск, 1974. Вып. 12. 196 с.
142. Матющенко В.И., Синицына Г.В. Могильник у д. Ростовка вблизи Омска. Томск: Изд-во ТГУ, 1988. 136 с.
143. Мжельская Т.В. Керамические комплексы городища Завьялово-5 и поселения Мыльниково как отражение культурно-исторических процессов на территории Верхнего Приобья в переходное время от бронзового века к железному: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2002. 25 с.
144. Мжельская Т.В., Матвеева Г.В. Новые исследования завьяловского городища // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. — Томск: ТГУ, 1992. — С. 44–45.
145. Михайлов Н.Н., Папин Д.В., Шамшин А.Б. Исследования на юге Кулундинской степи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Матер. Годовой сессии ИАЭТ СО РАН, декабрь 2001 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. Т. VII. С. 414–418.
146. Могильников В.А. Некоторые проблемы генезиса и этнической принадлежности культур раннего железного века лесостепи Западной Сибири // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. Тюмень, 1989а. С. 62–77.
147. Могильников В.А. Взаимоотношения лесного и лесостепного населения в эпоху перехода от бронзового века к железному // Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения). — Кемерово: КГУ, 1989б. — Ч. I. — С. 125–129.
148. Могильников В.А. Поселение Гилево-1 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1995. Вып. V. Ч. 2. С. 78–84.
149. Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине — второй половине I тысячелетия до н.э. — М., 1997. — 196 с.
150. Могильников В.А. Курганы Корболиха 1 — памятник андроновской культуры в предгорьях Алтая // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1998. № 3. С. 29–43.
151. Могильников В.А. Уманский А.П., Шемякина А.С. Баевские курганы // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. V. Ч. 2. Барнаул, 1995. С. 66–74.
152. Молодин В.И. Некоторые проблемы переходного от бронзы к железу времени в Новосибирском Приобье и лесостепной Барабе // Тез. докл. Всесоюзн. археолог. конф. Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства. — Кемерово: КГУ, 1979. — С. 110–112.
153. Молодин В.И. О связях ирменской культуры с бегазы-дандыбаевской культурой Казахстана // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. Новосибирск, 1981. Вып. III. С. 15–17.
154. Молодин В.И. Особенности погребального обряда детских захоронений андроновцев Барабинской лесостепи (по материалам могильника Преображенка-III) // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1984. С. 37–44.
155. Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. — Новосибирск: Наука, 1985. — 200 с.
156. Молодин В.И., Новиков А.В. Археологические памятники Венгеровского района Но-

воси́бирской области. Новосибирск, 1998. 140 с.

157. Мошинская В.И. Древняя скульптура Урала и Западной Сибири. М.: Наука, 1976. 132 с.

158. Мыльникова Л.Н., Бобров В.В. Раскопки могильника Танай-7 // III итоговая сессия ИАЭТ СО РАН, ноябрь 1995 г. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1995. — С. 90–91.

159. Мыльникова Л.Н., Дураков И.А. Технологические особенности изготовления бронзовых предметов могильника Танай-7 // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Матер. Год. сессии ИАЭТ. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. — Т. VII. — С. 419 - 425.

160. Мыльникова Л.Н., Мыльников В.П. О некоторых особенностях организации курганного пространства и могильных сооружений памятника Танай-7 // История и культура Востока Азии: Матер. междунар. науч. конф. — Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2002. — Т. 2. — С. 121–126.

161. Мыльникова Л.Н., Чемякина М.А. Традиции и новации в гончарстве древних племен Барабы (по материалам поселенческого комплекса Омь-1). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. 200 с.

162. Николаев В.А. Ландшафты азиатских степей. М.: Изд-во МГУ, 1999. 288 с.

163. Новгородова Э.Б. Центральная Азия и карасукская проблема. — М: Наука, 1970. — 192 с.

164. Новиков А.В. К характеристике керамического комплекса городища Завьялово-5 // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири: Тез. докл. Барнаул: АГУ, 1988. — С. 149–151.

165. Новикова О.И. Эволюция декоративно-морфологических типов керамики ирменской культуры (по материалам поселения Милованово-3): Автореф. дис. канд. ист. наук. Новосибирск, 1998а. 22 с.

166. Новикова О.И. Валиковая керамика поселения Милованово-3 (к вопросу о контактах носителей ирменской культуры и культур валиковой керамики в эпоху поздней бронзы) // Сибирь в панораме тысячелетий. Матер. междунар. симпоз. Т. 1. Новосибирск, 1998б. С. 470–477.

167. Новоженев В.А. Петроглифы Сары-Арки. Алматы, 2002. 126 с.

168. Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Ч. III. МИА №43. 1955.

169. Окладников А.П. Петроглифы Ангары. М.-Л., 1966. 321 с.

170. Окладников А.П. Петроглифы Нижнего Амура. Л.: Наука, 1971. 336 с.

171. Окладников А.П., Запорожская В.Д. Ленские писаницы: Наскальные рисунки у деревни Шишкино. М.-Л., 1959. 199 с.

172. Папин Д.В. Материалы финальной бронзы и раннескифского времени Кулунды // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 2000. Т.1. С. 147-148.

173. Папин Д.В. Исследования в Алтайском Приобье и Кулунде // Археологические открытия 1999 года. М.: Наука, 2001б. С. 274–275.

174. Папин Д.В. Исследования на юге Кулунды // Археологические открытия 2000 года. М.: Наука, 2001. С. 246–247.

175. Папин Д.В., Тишкин А.А. Ирменский комплекс памятника Телеутский Взвоз-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Матер. VI Годовой сессии ИАЭТ СО РАН. Декабрь, 1998 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. Т. IV. С. 330–332.

176. Папин Д.В., Тишкин А.А., Грушин С.П. Продолжение исследований ирменского комплекса на памятнике Телеутский Взвоз-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Матер. Годовой сессии ИАЭТ СО РАН. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. Т. VI. С. 385–388.

177. Папин Д.В., Ченских О.А., Шамшин А.Б. Материалы эпохи поздней бронзы из Южной Кулунды // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во АГУ, 2000. Вып. XI.

С. 152–155.

178. Папин Д.В., Шамшин А.Б. Поселения переходного времени от эпохи бронзы к железному веку в лесостепном Алтайском Приобье // Древние поселения Алтая. — Барнаул: Изд-во АГУ, 1998. — С. 85–109.

179. Папин Д.В., Шамшин А.Б. Исследование памятников эпохи поздней бронзы и переходного времени в Павловском районе // Павловский район: Очерки истории и культуры. Барнаул-Павловск, 2000. С. 36–41.

180. Папин Д.В., Шамшин А.Б. Поселение Рублево-VI и некоторые вопросы генезиса позднебронзовых культур степной зоны юга Западной Сибири // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. Томск: Изд-во ТГУ, 2001. С. 65–67.

181. Папин Д.В., Шамшин А.Б., Хроностратиграфия археологических комплексов озера Рублево (Южная Кулунда) // Хронология и стратиграфия археологических памятников эпохи голоцена Западной Сибири и сопредельных территорий. Матер. научн. семинара 18-19 ноября 2001 г., г. Тюмень. Институт проблем освоения Севера СО РАН. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2002. С. 72-77.

182. Паульс Е.Д. Два окуневских памятника на юге Хакасии // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб., 1997. С. 123–127.

183. Пересветов Г.Ю. Ирменское погребение из Павлодара // Вопросы истории, археологии и этнографии Павлодарского Прииртышья. Павлодар, 2000. С. 79–80.

184. Подольский М.Л. Два окуневских памятника на ручье Узунчул // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб., 1997. С. 113–122.

185. Позднякова О.А. Проблема интерпретации погребений женщин с головными уборами (по материалам андроновского комплекса могильника Фирсово-XIV) // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии. Т. III. Новосибирск: НГУ, 2000. С. 47-53.

186. Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притобольшья. М.: Наука, 1985. 376 с.

187. Потемкина Т.М. Проблемы связей и смены культур населения Зауралья в эпоху бронзы (поздний и финальный этапы) // РА, 1995. № 2. С. 11–19.

188. Пугачев Д.А. Археологические памятники Алтайского района // В предгорьях Алтая. Очерки истории и культуры. Барнаул–Алтайское, 1998. С. 75–76.

189. Пяткин Б.Н. Происхождение окуневской культуры и истоки звериного стиля ранних кочевников // Исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Тез. докл. областной научн. конф. Омск, 1987. Ч. II. С. 79–83.

190. Раднер Д.С. Пещеры Северного Алтая // Культура Сибири и сопредельных территорий в прошлом и настоящем. Томск, 2003. С. 127–128.

191. Савинов Д.Г. Осинкинский могильник эпохи бронзы на Северном Алтае // Первобытная археология Сибири. Л.: Наука, 1975. С. 94–100.

192. Савинов Д.Г. Древние поселения Хакасии: Торгажак. СПб., 1996. 112 с.

193. Савинов Д.Г. Проблемы изучения окуневской культуры (в историографическом аспекте) // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб., 1997. С. 7–18.

194. Савинов Д.Г., Бобров В.В. Титовский могильник (к вопросу о памятниках эпохи поздней бронзы на юге Западной Сибири) // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. — Новосибирск: Наука, 1978. — С. 47–62.

195. Савинов Д.Г., Бобров В.В. Титовский могильник эпохи поздней бронзы на реке Ине // Проблемы западно-сибирской археологии. Эпоха камня и бронзы.— Новосибирск: Наука, 1981. С. 122–135.

196. Сидоров Е.А. Раскопки у с. Милованово // АО 1978 г. М.: Наука, 1979. С. 271.

197. Сидоров Е.А. Исследование Миловановского поселения // АО 1979 г. М.: Наука,

1980. С. 231.

198. Сидоров Е.А. Работы у с. Милованово // АО 1980 г. М.: Наука, 1981. С. 209.

199. Сидоров Е.А. Стратиграфия поселения Милованово-3 // Археологические памятники лесостепной полосы Западной Сибири. Новосибирск, 1983. С. 10–20.

200. Сидоров Е.А. Об андроновском компоненте в сложении ирменской культуры (по материалам раскопок поселения Милованово-3) // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. Новосибирск: Наука, 1985а. С. 63–70.

201. Сидоров Е.А. Источники по истории металлургии лесостепного Приобья в I тыс. до н.э. // Источники и историография: археология и история. Омск: ОмГУ, 1985б. С. 19–27.

202. Сидоров Е.А. О земледелии ирменской культуры (по материалам лесостепного Приобья) // Палеоэкономика Сибири. Новосибирск: Наука, 1986. С. 54–66.

203. Сидоров Е.А. Раскопки городища Завьялово V // Исследования памятников древних культур Сибири и Дальнего Востока. — Новосибирск, 1987. — С. 8–10.

204. Сидоров Е.А. Скотоводство лесостепного Приобья в I тыс. до н.э. // СА №3, 1989а. С. 141–153.

205. Сидоров Е.А. Присваивающие виды хозяйственной деятельности населения лесостепного Приобья в I тыс. до н.э. // Экономика и общественный строй древних и средневековых племен Западной Сибири. Новосибирск, 1989 б. С. 16–41.

206. Сидоров Е.А. Обработка и использование кожи (по материалам лесостепного Приобья IX–I в.в. до н.э. // Экономика и общественный строй древних и средневековых племен Западной Сибири. Новосибирск, 1989 в. С. 41–45.

207. Сидоров Е.А., Бородовский А.П. Обработка кости в лесостепном Приобье (в I тыс. до н.э.) // Проблемы технологии древних производств. Новосибирск, 1990. С. 159–172.

208. Сидоров Е.А., Новикова О.И. Очаги ирменского поселения Милованово-III // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Тез. докл. к всесоюзн. научн. конф. Барнаул, 1991. С. 83–84.

209. Ситников С.М. Керамические комплексы андроновских поселений Алтая // Материалы по археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока. Тез. докл. к конф. Абакан, 1993. С. 22–23.

210. Ситников С.М. Некоторые результаты исследования поселения Советский Путь-1 // Древние поселения Алтая. Барнаул: Изд-во АГУ, 1998. С. 71–84.

211. Ситников С.М. Саргаринско-алексеевская культура лесостепного и степного Алтая. Автореф. ... дис. канд. ист. наук. Барнаул, 2002. 22 с.

212. Ситников С.М., Гельмель Ю.И. Материалы поселения Новоильинка-1 и некоторые проблемы относительной хронологии андроновских памятников Алтая // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул: Изд-во АГУ, 2000. С. 60–65.

213. Ситников С.М., Фролов Я.В. Кинжал эпохи поздней бронзы из с. Клепиково // Вопросы археологии Сибири и Дальнего Востока. Тез. докл. к конф. Кемерово, 1995. С. 76–77.

214. Сорокин В.С. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак-I в Западном Казахстане // МИА. 1962. № 120. 1962. 207 с.

215. Стефанов В.И., Труфанов А.Я. К вопросу о своеобразии ирменской культуры в Среднем Прииртышье (по материалам поселения Сибирская Саргатка-I) // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1988. С. 75–88.

216. Студзицкая С.В. Изображение человека в искусстве Прибайкалья в эпоху неолита и ранней бронзы (мелкая пластика) // СА, №1, 1970. С. 19–33.

217. Студзицкая С.В. Скульптура эпохи ранней бронзы на Верхней Ангаре (по материалам могильника Шумилиха) // Бронзовый век Приангарья. Могильник Шумилиха. Иркутск, 1981. С. 38–45.

218. Студзицкая С.В. Искусство Восточной Сибири в эпоху бронзы // Археология СССР.

Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.: Наука, 1987. С. 344–350.

219. Студзицкая С.В. Семантика культовых предметов из погребения шамана в могильнике Шумилиха // Первобытная археология. Человек и искусство. Новосибирск, 2002. С. 141–146.

220. Студзицкая С.В., Кузьминых С.В. Галичский “клад”: К проблеме становления шаманизма в бронзовом веке Северной Евразии // Мировоззрение древнего населения Евразии. М., 2001. С. 123–165.

221. Тишкин А.А. Находки некоторых элементов конского снаряжения скифской эпохи в предгорной зоне Алтая // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул: Изд-во АГУ, 1998. С. 78–90

222. Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А. Завершение раскопок курганов монгольского времени на памятнике Телеутский Взвоз–I // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Матер. VI Годовой итоговой сессии ИАЭТ СО РАН. Декабрь 1988 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. Т. IV. С. 365–368.

223. Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А. Курганный могильник Телеутский Взвоз–I и культура населения лесостепного Алтая в монгольское время. Барнаул. Изд-во АГУ. 2002. 275 с.

224. Тишкин А.А., Грушин С.П. Комплекс разнокультурных археологических объектов на памятнике Телеутский Взвоз–I в Алтайском Приобье // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии. Т. III. Новосибирск: НГУ, 2000. С. 53–60.

225. Тишкин А.А., Казаков А.А., Горбунов В.В. Исследование курганов монгольского времени на могильнике Телеутский Взвоз–I // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Матер. V Годовой сессии ИАЭТ СО РАН. Декабрь 1997 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. Т. III. С. 301–305.

226. Ткачёв А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. В двух частях. Тюмень, 2002. Ч. I. – 289 с. Ч. II. – 243 с.

227. Ткачев А.А., Винокурова Е.И. Могильник эпохи бронзы Маринка // Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока. Тез. докл. конф. Барнаул: Изд-во АГУ, 1994. С. 53–55.

228. Ткачева Н.А. Памятники эпохи бронзы Верхнего Прииртышья. Автореф. ... дис. канд. ист. наук. Барнаул, 1997. 19 с.

229. Троицкая Т.Н. Один из аспектов связей центральных и пограничных ареалов по археологическим материалам Новосибирского Приобья // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. — Томск: Изд-во ТГУ, 1979. — С. 76–78.

230. Троицкая Т.Н. Лесостепное Приобье в раннем железном веке: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. — Новосибирск, 1981. — 38 с.

231. Троицкая Т.Н. К вопросу о роли северных племен в сложении самодийцев // Проблемы этногенеза и этнической истории самодийских народов: Тез. докл. — Омск: ОмГУ, 1983. — С. 28–32.

232. Троицкая Т.Н. Завьяловская культура и ее место среди лесостепных культур Западной Сибири // Западная Сибирь в древности и средневековье. — Тюмень: ТюмГУ, 1985. — С. 54–69.

233. Троицкая Т.Н., Софеев О.В. Памятник Крохалевка-13 как исторический источник эпохи развитой и поздней бронзы // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. Барнаул, 1990. С. 63–72.

234. Троицкая Т.Н., Зах В.А., Сидоров Е.А., Новое о завьяловской культуре // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. — Тюмень, 1989. — С. 103–116.

235. Троицкая Т.Н., Молодин В.И., Соболев В.И. Археологическая карта Новосибирской области. — Новосибирск: Наука, 1980. — 184 с.

236. Труфанов А.Я. О специфике миграционных процессов в пределах гамаюно-молчановской общности // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древ-

ности и средневековье. — Барнаул: Изд-во АГУ, 1994. — С. 84–87.

237. Удодов В.С. О роли бегазы-дандыбаевского компонента в этнокультурных процессах эпохи поздней бронзы Западной Сибири // Проблемы хронологии в археологии и истории. Барнаул, 1991. С. 84–92.

238. Удодов В.С. Эпоха развитой и поздней бронзы Кулунды: Автореф. дис... канд. ист. наук. Барнаул, 1994. 21 с.

239. Уманский А.П. Аварийные раскопки курганов в пункте Новотроицкое-1 в 1987 году / Охрана и исследования археологических памятников. Тез. докл. и сообщ. конф. Барнаул, 1991. С. 104–107.

240. Уманский А.П. Археологические памятники Павловского района (материалы к археологической карте // Города и села Алтайского края: историческое наследие (Павловский район). Павловск, 1993. С. 5–12.

241. Уманский А.П. Некоторые материалы из андроновского могильника на Алтае // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1995. Вып. I. С. 20-28.

242. Уманский А.П. О памятниках древности // В предгорьях Алтая. Очерки истории и культуры. Барнаул–Алтайское, 1998а. С. 70–74.

243. Уманский А.П. Раскопки в Нижней Суетке в 1964 г. // Краеведческие записки. Барнаул, 1998б. Вып. 3. С. 83-99.

244. Уманский А.П., Демин М.А. Бронзовый инвентарь могильника эпохи поздней бронзы у станции Плотинная // Вопросы истории СССР. Барнаул, 1974. С. 3-14.

245. Уманский А.П., Демин Н.А. Наконечники копий сейминско-турбинского типа на Алтае // Древние горняки и металлурги Сибири. Барнаул, 1983. С. 143–150.

246. Уманский А.П., Ситников С.М. Керамические комплексы поселения Новоильинка // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1995. Вып. 1. С. 46–53.

247. Усманова Э.Р., Логвин В.Н. Женские наконечники украшений Казахстана (эпоха бронзы). Лисаковск, 1998. 64 с.

248. Федорук А.С. Керамический комплекс с поселения Рублево-VI // Культурология и история древних и современных обществ Сибири и Дальнего Востока. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2002. С. 283–286.

249. Хаврин С.В. Могильник Верхний Аскиз-I, курган 1 // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб., 1997. С. 65–79.

250. Хлобыстина М.Д. К вопросу о “биритуальных” обрядах в андроновских могильниках // Южная Сибирь в скифо-сарматскую эпоху. Кемерово, 1976. С. 8-15.

251. Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА. М.-Л., 1960. №88. 272 с.

252. Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья // МИА, 1970. №172. 180 с.

253. Членова Н.Л. О культурах бронзовой эпохи лесостепной полосы Западной Сибири // СА, 1955. Т. XXIII. С. 38–57.

254. Членова Н.Л. Хронология памятников карасукской культуры. М.: Наука, 1972. 248 с.

255. Членова Н.Л. Ирменская культура и её локальные варианты // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1973. С. 207–209.

256. Членова Н.Л. Ирменское погребение с богатым инвентарем // КСИА. М., 1981. Вып. 167. С. 100–108.

257. Членова Н.Л. Памятники конца эпохи бронзы в Западной Сибири. - М., 1994. - 170 с.

258. Шамшин А.Б. Поселение Мыльниково – памятник финальной бронзы и переходного времени от эпохи бронзы к эпохе железа // Скифская эпоха Алтая: Тез. докл. к конф. Барнаул, 1986. С. 100–102.

259. Шамшин А.Б. Отчет об археологических исследованиях Кулундинского и Приобского отрядов Алтайской археологической экспедиции летом 1986 г. в Алтайском крае. Барнаул,

1986. Архив ИА РАН. Р. I. №11420. С. 35–39.

266. Шамшин А.Б. Эпоха поздней бронзы и переходное время от бронзы к железу в Барнаульском Приобье // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири: Конф.: Тез. докл. Барнаул, 1988. С. 111–115.

267. Шамшин А.Б. Отчет об археологических исследованиях Приобской и Предгорной археологических экспедиций летом 1987 г. в Алтайском крае. Барнаул, 1989. Архив ИА РАН. Р. I. №13200. С. 48–52.

268. Шамшин А.Б. Переходное время от эпохи бронзы к эпохе железа в Барнаульском Приобье (VIII–VI вв. до н.э.) // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. — Тюмень: ТюмГУ, 1989. — С. 116–129.

269. Шамшин А.Б. Погребальный обряд населения Алтайского Приобья в эпоху поздней бронзы и переходное время // Вторые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск, 1992. Ч. II. С. 103–105.

270. Шамшин А.Б. Новые археологические находки из Павловского района // Города и сёла Алтайского края: историческое наследие (Павловский район). Павловск, 1993а. С. 19–21.

271. Шамшин А.Б. К истории археологического изучения Павловского района // Города и сёла Алтайского края: историческое наследие (Павловский район): Тез. докл. к науч. конф. Павловск, 1993б. С. 12–17.

272. Шамшин А.Б. Историко-культурная ситуация в лесостепном Алтайском Приобье в переходное время от бронзы к железу // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. — Барнаул: Изд-во АГУ, 1994. — С. 87–89.

273. Шамшин А.Б. Новые исследования поселения Рублево-VI на юге Кулунды // История, археология и этнография Павлодарского Прииртышья. Павлодар, 1999. С. 45–49.

274. Шамшин А.Б. Андронидные культуры на юге Верхнего Приобья: проблемы генезиса и культурно-исторических связей (на примере корчажкинской культуры) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Матер. Годовой сессии ИАЭТ СО РАН 2002 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. Т. VIII. С. 497–503.

275. Шамшин А.Б., Дуда Я.В., Изоткин С.Л., Ситников С.М., Цивцина О.А., Ченских О.А. Поселение Рублево-б — новый памятник эпохи поздней бронзы на юге Кулунды // Михайловский район: очерки истории и культуры. Барнаул, 1999. С. 29–41.

276. Шамшин А.Б., Изоткин С.Л., Ситников С.М. Поселение Жарково-1 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень. Изд-во ИПОС СО РАН, 2002. Вып. 4. С. 106–113.

277. Шамшин А.Б., Папин Д.В., Мерц В.К. Исследования поселений эпохи поздней бронзы в Южной Кулунде // Востоковедные исследования на Алтае. Барнаул, 2000. Вып. II. С. 5–20.

278. Шамшин А.Б., Цивцина О.А. Валиковая керамика с поселений ирменской культуры лесостепного Алтая // История, археология и этнография Павлодарского Прииртышья. Павлодар, 1999. С. 50–52.

279. Ширин Ю.В. К истории археологических исследований в Кондомо-Томских предгорьях // Труды Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского Томского государственного университета. Томск: Изд-во ТГУ, 2002. Т. 1. С. 97–105.

280. Ширин Ю.В., Окунева И.В. Поселения эпохи раннего железа в Томь-Кондомском предгорном районе // Кузнецкая старина. Новокузнецк: Изд-во Кузнецкая крепость, 1999. Вып. 4. С. 3–24.

281. Шульга П.И. Алтайский район в древности // В предгорьях Алтая. Очерки истории и культуры. Барнаул–Алтайское, 1998. С. 67–68.

Научное издание

**Аридная зона
юга Западной Сибири
в эпоху бронзы**

Сборник научных статей

Публикуется в авторской редакции
Компьютерная верстка – Н.Н. Демченко